
ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 17 № 3 (2022)

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Н а у ч н ы й п е р и о д и ч е с к и й ж у р н а л

Москва 2022

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

 HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Vol. 17 No 3 (2022)

E D U C A T I O N • S C I E N C E • N E W E C O N O M Y

Q u a r t e r l y J o u r n a l

Moscow 2022

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)

ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода — 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г.

С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки; с 28 декабря 2018 г.)

Миссия журнала — распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rg.ru>

Подписной индекс: 20054

Розничная продажа

В университетском книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Телефон: +7 495 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Россия)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

Ответственный секретарь О.И. Колмар
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Университет Шеффилда, Великобритания)

Св. Бископ (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Россия)

Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)

Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Ш. Го (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Россия)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Кортюнов (Российский совет по международным делам, Россия)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Россия)

И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Россия)

П. Хайнал (Университет Торонто, Канада)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Россия)

Л.И. Яковсон (НИУ ВШЭ, Россия)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Россия)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

Россия, 119017, Москва,

ул. Малая Ордынка, д. 17

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Телефон: +7 495 772-95-90 *23147 и *23150

E-mail: ioj@hse.ru

Web: <http://ioj.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 — 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Тираж 170 экз.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2022

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rf.ru>

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia

Tel: +7 495 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, HSE University, Russia

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE University; Head CIIR, RANEPa, Russia

Olga Kolmar, *Executive Secretary*, HSE University, RANEPa, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (University of Sheffield, United Kingdom)

Alexander Sokolov (HSE University, Russia)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russia)

Andrei Yakovlev (HSE University, Russia)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (HSE University, Russia)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (HSE University, Russia)

Lev Yakobson (HSE University, Russia)

Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russia)

Vladimir Shadrinov (HSE University, Russia)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics

17 Malaya Ordynka Ulitsa, 119017, Russia

Tel: +7 495 772-95-90 *23147 and *23150

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

170 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

Содержание

Ц. Чжу, Ю. Вэй

Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера7

И.В. Андропова, А.Г. Сахаров

Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты23

Э.П. Джагитян, М.И. Орехов

Глобальные системно значимые банки:
все еще угроза для финансовой стабильности?48

Д.А. Кочергин

Криптоактивы: экономическая природа, классификация
и регулирование оборота75

С.Д. Бурмина, К.В. Нестерова, А.В. Полбин

Оценка влияния налогообложения выбросов CO₂
на российскую отрасль нефтедобычи131

М.Ю. Гутенев, А.А. Сергунин

Арктическая научная дипломатия России: теория и практика.....155

Л.В. Захарова

Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации
Повестки 2030 и возможности для международного сотрудничества175

О.Г. Леонова

Влияние нового стратегического партнерства АУКУС
на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе.....194

Аналитические обзоры

А.В. Шелепов

Подходы стран БРИКС к регулированию данных212

Content

J. Zhu, Y. Wei

China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership7

I. Andronova, A. Sakharov

BRICS Sustainable Development Index: Methodological Aspects23

E. Dzhagityan, M. Orekhov

Global Systemically Important Banks: Do They Still Pose Risks
for Financial Stability?48

D. Kochergin

Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover75

S. Burmina, K. Nesterova, A. Polbin

Estimating the Effect of Taxing CO2 Emissions on Russian Oil Industry 131

M. Gutenev, A. Sergunin

Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice 155

L. Zakharova

A Bumpy Road to Bright Goals: North Korea's Approach
to Implementing the 2030 Agenda and Prospects for International Cooperation..... 175

O. Leonova

The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation
in the Indo-Pacific Region 194

Analytical Reviews

A. Shelepov

The BRICS Countries' Approaches to Data Regulation..... 212

Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера^{1, 2}

Ц. Чжу, Ю. Вэй

Чжу Цзецин — профессор Школы международных отношений и государственной политики Университета Фудань; China, 200433, Shanghai, Handan Road 220; zhujiejin@fudan.edu.cn

Вэй Юхань — магистр Школы международных отношений и государственной политики Университета Фудань; China, 200433, Shanghai, Handan Road 220; 20210170046@fudan.edu.cn

Аннотация

В статье рассматриваются особенности взаимодействия Китая и Всемирной торговой организации (ВТО). Авторы считают, что история взаимоотношений Китая и ВТО включает три этапа: период вступления страны в ВТО, связанный с многочисленными трудностями, затем адаптация и, наконец, выход на позицию лидера по ряду вопросов повестки дня.

На всем протяжении истории взаимодействия Китая и ВТО ключевым вопросом оставалась совместимость статусов КНР как рыночной экономики и развивающегося государства. Эта дилемма остается определяющим фактором политики Китая в отношении ВТО. В период подготовки к вступлению в ГАТТ/ВТО Китай как развивающаяся экономика преследовал цель расширения доступа к зарубежному финансированию, рынку страховых и телекоммуникационных услуг, одновременно используя инструменты рыночного регулирования, включая эпизоды введения протекционистских ограничений и антидемпинговых мер. На этапе адаптации Китай, защищая статус рыночной экономики, пользовался инструментами ВТО для противостояния США, обвинявших Китай в торможении процесса экономических реформ и требовавших отказа от демпинга. В то же время дифференцированный подход к развивающимся экономикам в рамках ВТО обуславливает стремление Китая сохранить за собой статус развивающегося государства. Переход к позиции лидера связан с самопрезентацией Китая как развивающейся экономики, продвигающей интересы развивающихся стран в контексте переговоров в рамках ВТО по новым темам международной повестки дня, в частности содействия инвестициям и регулирования электронной торговли.

Ключевые слова: ГАТТ, ВТО, Китай, рыночная экономика, развивающаяся экономика

Для цитирования: Чжу Ц., Вэй Ю. Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 7–22 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-01

¹ Статья поступила в редакцию 24.04.2022.

² Перевод статьи J. Zhu, Y. Wei “China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership” выполнен с согласия авторов А.А. Игнатовым, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Введение

Прошло более 20 лет с момента вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО). Исследование процесса эволюции отношений Китая и ВТО представляется востребованным в контексте более масштабного вопроса о том, как система глобального управления реагирует на рост авторитета Китая и какую роль Китай играет в ее реформе [Yang, 2018].

Прежде всего следует отметить, что именно ВТО оказала наиболее существенное влияние на процесс реформирования и «открытия» китайской экономики. После вступления в ВТО Китай очень быстро занял позицию второй по величине экономики мира и крупнейшего производителя товаров. ВТО сыграла в этом огромную роль. Кроме того, прием Китая в ВТО доказывает эффективность системы международной торговли. Китай активно участвует в переговорах на платформе ВТО, стремится поддерживать эффективность апелляционного органа Организации и всячески содействует интеграции развивающихся государств в систему международной торговли [Chinese Ministry of Commerce, n.d.].

Почему вступление Китая в ВТО обернулось таким количеством проблем? Каким образом происходила трансформация китайского подхода от адаптации к лидерству? На эти вопросы призвана ответить настоящая статья. Большинство имеющихся исследований посвящено анализу положительных и отрицательных последствий вступления Китая в ВТО, модели ведения переговоров, которую использовал Китай в процессе вступления, роли ВТО при проведении экономических реформ в Китае, результатам Дохийского раунда переговоров в ВТО и стратегическому выбору Китая. Существенно меньше внимания уделяется трансформации позиции Китая во взаимодействии с ВТО [Zhang, 1999; Song, 2018; Lardy, 1999].

Авторы рассматривают взаимодействие Китая и ВТО с исторической и теоретической точек зрения и выделяют в этом процессе три этапа: сопряженный с многочисленными трудностями период принятия Китая в состав членов ВТО, затем период адаптации к внутренним правилам Организации и, наконец, переход на модель лидерства. Фактором смены модели взаимодействия Китая и ВТО является дилемма совместимости статуса Китая как рыночной экономики и развивающегося государства.

Основным критерием, определяющим статус рыночной экономики, США считают основополагающий принцип, согласно которому в конкретной стране происходит распределение ресурсов: в рамках государственного плана или под действием рыночных механизмов. Китай настаивает на том, что все государства мира используют как элементы государственного планирования, так и рыночные механизмы для распределения ограниченных ресурсов³. Ключевое отличие состоит в том, кто является ключевым актором в данном процессе — государство или рынок [Yaqing, 2010].

При определении статуса развивающегося государства США используют несколько объективных критериев, например, является ли государство членом «Группы двадцати» или Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), соответствует ли определению государства с высоким уровнем дохода согласно методологии Всемирного банка, занимает ли долю в мировой товарной торговле более 0,5% и т.д. Китай придерживается позиции, что развитие представляет собой многомерный процесс и, следовательно, соответствие нескольким выбранным критериям не может служить определяющим условием развитости [Wang, 2021].

³ Хорошо известно высказывание Дэн Сяопина о том, что и социалистические, и капиталистические экономики развиваются согласно планам. См. [Xiaoping, 1993].

Вступление Китая в ВТО: трудности переговоров

Вступление Китая в ГАТТ/ВТО продолжалось 15 лет — с 1986 по 2001 г. — и было связано с многочисленными трудностями. Можно выделить три последовательных этапа: подготовка; установление контактов; период интенсивных переговоров. На первых двух этапах Китай стремился получить одновременно статус рыночной и развивающейся экономики. Позиция США, которые изначально не признавали Китай в качестве рыночной экономики, а затем и как развивающееся государство, дважды приводила к застою в переговорном процессе. Наконец, на третьем этапе Китай и США сумели выработать гибкий и прагматичный подход к разрешению проблемы сочетания двух идентичностей.

Стадия подготовки: 1986–1989 гг.

После начала реформ и перехода к политике открытости в 1978 г. Китай заявил о готовности вновь присоединиться к числу стран — участниц Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). В ноябре 1982 г. Китай получил статус наблюдателя при ГАТТ, а представители Китая — право присутствовать на заседаниях ГАТТ. 10 июля 1986 г. представитель Китая при ООН Цянь Цзядун передал Артуру Дунелю, генеральному директору ГАТТ, заявление о восстановлении статуса КНР как участника соглашения [ГАТТ, 1986]. Вместе с заявкой были представлены хорошо известные «Три принципа повторного вступления в ГАТТ», что означало официальное начало процесса переговоров о повторном приеме Китая в ГАТТ.

Во-первых, следует отметить, что заявка Китая касалась скорее получения статуса подписанта Соглашения, нежели полноценного членства. В мае 1948 г. Китай вошел в число стран — учредителей ГАТТ, однако в дальнейшем китайское руководство приостановило участие в Соглашении по ряду причин. Таким образом, в случае Китая речь идет не о первичном приеме, а о приобретении ранее утраченного статуса. Во-вторых, Китай относится к числу развивающихся стран и, следовательно, как и другие развивающиеся экономики, мог рассчитывать на получение соответствующих льгот. Для Китая вопрос о статусе развивающейся страны имеет как политическое, так и экономическое значение: с одной стороны, Китай по-прежнему находится на начальной стадии экономического развития, а с другой — вместе с другими развивающимися странами продвигает установление нового международного политического и экономического порядка. В-третьих, Китай заявил о готовности нести в первую очередь обязательства в отношении снижения тарифов, нежели требования в отношении импорта. ГАТТ подразумевало установление различных требований к странам-участницам в зависимости от типа их экономических систем. Страны с рыночной экономикой несли прежде всего обязательства в отношении снижения тарифных ограничений, а нерыночные экономики принимали сравнительно больше обязательств в отношении регулирования импорта. Например, Польша как нерыночная экономика при вступлении в ГАТТ принимала обязательство наращивать объем импорта из стран — участниц Соглашения на 7% в год. С момента начала реформ китайская экономика существенно изменилась, и руководство страны рассчитывало на то, что принятые обязательства будут касаться преимущественно тарифных ограничений.

Три принципа, представленные китайским послом, были поддержаны Пакистаном, Сенегалом, Венгрией и Мексикой, тогда как США, развитые страны Европы и Япония отнеслись к этой инициативе скептически. Комментируя китайскую иници-

ативу, Майкл Сэмюэлс, посол США при ГАТТ, весьма дипломатично приветствовал решение Китая вновь присоединиться к Соглашению, но не преминул добавить, что это только первый шаг на пути урегулирования отношений между Китаем и его торговыми партнерами в вопросах доступности рынков. Европейский посол ван Тин выступил в более позитивном ключе, охарактеризовав решение китайского руководства как событие большой значимости. Представитель Японии в своем заявлении продемонстрировал отсутствие полной определенности Японии в отношении данного вопроса и поддержал позицию стран Запада, согласно которой политические и правовые разногласия могут быть преодолены при условии, если стороны серьезно отнесутся к обсуждению экономических вопросов [Yi, 2007].

В соответствии с установленными процедурами Китай представил ГАТТ ревизию Меморандума о политике Китая в сфере внешней торговли в феврале 1987 г. В марте 1987 г. Совет ГАТТ создал Рабочую группу по вопросу о статусе Китая как страны — участницы Соглашения. Рабочая группа провела четыре встречи в феврале, апреле, июне и сентябре 1988 г., на которых поднимался вопрос о торговой политике КНР. В итоге США и другие западные страны сформулировали пять требований к Китаю в сфере международной торговли:

- 1) режим внешней торговли должен действовать единообразно на всей территории КНР;
- 2) КНР должна сделать национальную систему регулирования внешней торговли более прозрачной;
- 3) руководству КНР следует отказаться от нетарифных ограничений, не соответствующих принципам ГАТТ;
- 4) КНР необходимо провести реформу ценообразования для ее перестройки в соответствии с рыночными принципами;
- 5) КНР надо согласиться с имеющимися дополнительными исключаящими поправками.

Заместитель министра внешней торговли и экономического сотрудничества Шен Чжурен дал официальный ответ на выдвинутый перечень требований. Относительно единообразного применения правил торговли было заявлено, что китайское руководство обязуется незамедлительно скорректировать несоответствие в случае, если такое будет выявлено. В отношении повышения прозрачности системы торговли Китай заявил о готовности предоставить открытый доступ ко всем законам, действующим регламентам и статистике, в отношении которых не действует режим секретности, а также о намерении разработать требования к публикации корпоративной отчетности для внешнего пользования за исключением предприятий, деятельность которых охраняется законами о коммерческой тайне или связана с распоряжением конфиденциальной информацией, имеющей общественную значимость. Китай также заявил о готовности привести действующий торговый режим в соответствие с решениями Токийского раунда ГАТТ; с целью избавления от несоответствующих требованиям ГАТТ нетарифных ограничений Китай обязался принимать меры для улучшения качества управления режимом внешней торговли и координации процесса принятия решений о применении тарифных и нетарифных ограничений. Китайское руководство обязалось действовать в интересах установления рыночного режима ценообразования, не связывая себя временными обязательствами. Наконец, в отношении исключаящих поправок позиция Китая была однозначной — исключения противоречат курсу Китая на открытость и дальнейшие экономические реформы и, следовательно, рассматриваются как неприемлемые [Guangsheng, 2011].

Именно пункт об исключаяющих поправках стал наиболее проблемным и на переговорах между Китаем и США⁴. Данный кейс напрямую связан с восприятием Китая Соединенными Штатами как рыночной или нерыночной экономики. Китайское руководство придерживалось следующей позиции: несмотря на то что китайская экономика сохраняет отдельные черты плановой, траектория ее развития устремлена к рынку. США не разделяли позицию КНР, утверждая, что при всех достижениях Китай нельзя считать полноценной рыночной экономикой.

На фоне продолжающихся переговоров о принятии исключаяющих поправок и о статусе Китая как рыночной экономики весной и летом 1989 г. в Пекине произошли события огромной политической значимости, реакцией на которые со стороны США стало наложение экономических санкций, из-за которых любые переговоры по вопросу о повторном присоединении КНР к ГАТТ были заморожены.

Установление контактов: 1992–1994 гг.

18 января 1992 г. Дэн Сяопин посетил Ухань, Шэньчжэнь, Чжухай и Шанхай и по результатам поездки сформулировал ряд тезисов. Ключевым из них стало утверждение о том, что рыночные механизмы могут встречаться в экономике как капиталистического, так и социалистического типа. 9 июня 1992 г. Цзян Цзэминь выступил в Партийной школе Коммунистической партии Китая (КПК) и поддержал позицию Дэн Сяопина. Он заявил о необходимости проведения в Китае экономической реформы, целью которой должно стать создание социалистической экономики с рыночными элементами. 12 октября 1992 г. в Пекине состоялся 14-й съезд КПК, по его итогам заявленная цель была закреплена в качестве приоритета государственной политики.

Ускорение внутренних реформ дало толчок переговорам о повторном присоединении Китая к ГАТТ. 21 октября 1992 г. Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества направило делегацию на 11-е заседание Рабочей группы по вопросу о статусе Китая как страны – участницы ГАТТ. В ходе заседания было заявлено, что целью экономических реформ в Китае является построение социалистической рыночной экономики; ожидалось, что это поможет вывести переговоры на новый уровень [Guangsheng, 2011, p. 96–97]. В мае 1993 г. китайская делегация направила в Секретариат ГАТТ обновленную версию Меморандума о политике Китая в сфере внешней торговли, содержащую уточнение относительно цели построения в Китае социалистической рыночной экономики. Представители стран Запада отказались признать экономику Китая рыночной и настаивали на том, что Китай должен принять оговорку относительно исключаяющих поправок. Дороти Двоскин, глава делегации США, последовательно выступала против признания за китайской экономикой рыночного статуса [Yi, 2007, p. 38].

Важным обстоятельством в рассматриваемой ситуации является и то, что Уругвайский раунд ГАТТ, в ходе которого обсуждался вопрос о трансформации Соглашения во Всемирную торговую организацию, совпал по времени с переговорами о повторном присоединении Китая к ГАТТ. Принимая это во внимание, США взвинчивали «цену»

⁴ Правовой основой исключаяющих поправок является ст. 19 ГАТТ, которая позволяет участвующим сторонам выборочно применять срочные меры в отношении экспортной продукции другой стороны, не распространяя их действия на экспорт других стран. Основное противоречие состояло в том, обеспечил ли Китай достаточные условия для установления режима рыночного регулирования цен. Если бы Китай принял позицию США, то он смог бы присоединиться к ГАТТ как рыночная экономика и в случае, если бы Китай был уличен в применении демпинга в экспортной торговле с одной из стран ГАТТ, все участники ГАТТ могли бы ввести срочные меры против китайских товаров.

в ходе переговоров — фактически предметом обсуждения уже было не присоединение к ГАТТ, а вступление Китая в Организацию. США выступили с инициативой дополнить упомянутый ранее список из пяти требований другими обязательными индикаторами, например, долей торговли в сфере услуг, показателями в других актуальных областях — защите прав интеллектуальной собственности, инвестициях, сельском хозяйстве, текстильном производстве, телекоммуникациях, страховании и на рынке ценных бумаг. В этой ситуации для Китая особенно важным оставался вопрос о том, будет ли он выполнять обязательства о приеме как развитая или как развивающаяся экономика. Иными словами, нерешенный в ходе переговоров о повторном присоединении к ГАТТ вопрос о статусе Китая как рыночной или нерыночной экономики дополнился новой проблемой, связанной с установлением статуса страны с точки зрения развитости.

К концу 1994 г. вопрос о восстановлении Китая в ГАТТ встал особенно остро. Китай намеревался войти в состав стран — учредителей ВТО и с этой целью предпринял значительные усилия для возобновления переговоров по линии ГАТТ. Был проведен ряд внутренних реформ: в начале 1994 г. китайское руководство отказалось от двойного обменного курса и практик изъятия иностранной валюты, отменило импортные лицензии и квоты на 283 наименования продукции и приступило к реализации Временных мер по регулированию количества импорта основных товаров и установлению квот на экспорт продукции. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) также принял Закон о внешней торговле. В июне 1994 г. были отменены нетарифные ограничения для еще 208 наименований импортируемой продукции. Предпринятые шаги были призваны продемонстрировать готовность руководства страны завершить переговоры к концу 1994 г.⁵ США решили сыграть на амбициях руководства КНР относительно более раннего завершения переговоров и вынудили Китай пойти на уступки в вопросах о доступе на местный рынок [Yi, 2007, p. 148].

Несмотря на то что требования США выходили за рамки реальных экономических возможностей Китая, руководство страны продолжало участвовать в обсуждении, одновременно пытаясь выйти на компромисс со Штатами. В ноябре 1994 г. руководство КНР пошло на уступки США по тарифам, снизив их со среднего показателя 43,7 до 17%; тариф на сельскохозяйственную продукцию был снижен с 46,1 до 21,9%, а для несельскохозяйственных товаров с 42,8 до 16,3%. Китай также представил проект дорожной карты постепенного отказа от нетарифных ограничений [Guangsheng, 2011, p. 180–184]. На встречах, прошедших с 7 по 11 декабря 1994 г., китайская делегация приняла обязательство провести частичную либерализацию торговли продукции государственных предприятий и увеличить долю производимых ими товаров, реализацией которых должны заниматься негосударственные компании. Тем не менее представители США не пошли на компромисс, что привело к фактическому сворачиванию переговорного процесса. То, что КНР не удалось добиться успеха в попытке повторно присоединиться к ГАТТ, — прямое следствие действий США, выдвигавших завышенные требования в процессе переговоров, не готовых признать Китай одновременно рыночной и развивающейся экономикой.

Период интенсивных переговоров: 1995–2001 гг.

ВТО была создана 1 января 1995 г., следовательно, переговоры о повторном присоединении Китая к ГАТТ официально трансформировались в переговоры о приеме в

⁵ Необходимость завершить переговоры к концу 1994 г. была обусловлена стремлением войти в состав учредителей ВТО 1 января 1995 г.

Организацию. 25 октября 1995 г. председатель КНР Цзян Цзэминь и президент США Билл Клинтон провели встречу в Нью-Йорке и впервые обменялись мнениями относительно вступления КНР в ВТО. Президент Клинтон заявил, что США положительно относятся к вступлению Китая в Организацию и предложил план вывода переговоров из тупика. 8 ноября 1995 г. торговый представитель США Шарлин Баршефски посетила Китай и передала неофициальный документ, конкретизировавший позицию США относительно вступления Китая в ВТО. Требования США включали 28 пунктов. Ву И, занимавший в то время должность министра внешней торговли и экономического сотрудничества, заявил, что предъявленные Китаю требования, несмотря на то что позиция США стала более гибкой, в совокупности являются чрезмерными [Guangsheng, 2011, p. 193–196]. Дальнейшее обсуждение представленной США дорожной карты показало, что между сторонами сохраняется множество неразрешенных вопросов. Прогресс в переговорах оставался незначительным.

6 ноября 1998 г. президент Клинтон письменно обратился к Цзян Цзэминю и выразил обеспокоенность растущим дефицитом торгового баланса между двумя странами, а также рядом трудностей, с которыми сталкиваются американские компании, работающие на китайском рынке. Клинтон заявил, что наилучшим решением сложившейся проблемы является разумная либерализация рынка Китая и выработка окончательной схемы вступления Китая в ВТО [Ibid., p. 232–233]. Это существенно ускорило переговорный процесс.

15 ноября 1999 г. начался 25-й раунд двусторонних переговоров между Китаем и США. В ходе переговоров обсуждались наиболее важные вопросы: об исключаяющих поправках, антидемпинговых мерах, введении постоянного режима наибольшего благоприятствования, сельскохозяйственных субсидиях, государственном контроле торгового оборота, тарифных уступках, нетарифных мерах, рынке ценных бумаг и страховых услуг, а также сегменте телекоммуникаций. Стороны пришли к компромиссу, устранившему наиболее существенные политические препятствия на пути вступления Китая в ВТО. 10 ноября 2001 г. на Четвертой министерской конференции ВТО в Дохе состоялось обсуждение и последующее подписание Протокола о принятии Китайской народной республики в ВТО, а также Рабочего доклада по вопросу о присоединении Китая. 11 декабря 2001 г. Китай был официально принят в ВТО и стал 143-м ее членом. Переговоры, продолжавшиеся 15 лет, завершились.

В течение переговорного периода наиболее сложными были вопросы о статусе Китая как рыночной экономики и развивающегося государства. Китайское руководство последовательно оппонировало США, которые отказывались считать китайскую экономику рыночной, что было важно при обсуждении вопросов о принятии исключаяющих поправок, антидемпинговых мер и гарантировании постоянного режима наибольшего благоприятствования. Кроме того, Китай требовал от США отказаться от применения дискриминирующих практик против китайской продукции. США, в свою очередь, указывали на необходимость переходного периода, необходимого для построения в Китае полноценной рыночной экономики. США пошли на компромисс в вопросах об исключаяющих поправках и антидемпинговых мерах, которые должны быть устранены к 2012 и 2016 гг. соответственно. Китай стремился закрепить за собой статус развивающегося государства при обсуждении вопросов, связанных с сельскохозяйственными субсидиями, напрямую контролируемым государством объемом торговли, тарифными льготами, нетарифными ограничениями, ценными бумагами, рынком страхования и телекоммуникациями. Китайское руководство заявляло о готовности выполнять обязательства в указанных областях в соответствии с уровнем экономического развития и постепенно принимать меры по открытию местного рынка в течение

переходного периода. США требовали от руководства КНР обеспечить максимальную либерализацию торговой политики в предельно сжатые сроки. В конце концов Китай принял на себя сравнительно больше обязательств, чем другие развивающиеся страны.

Китай в составе членов ВТО: процесс всесторонней адаптации

После вступления в ВТО позиция Китая начала меняться от неуступчивого переговорщика к активному участнику. Тем не менее прежние проблемы, связанные со статусом КНР как рыночной экономики и развивающегося государства, сохранились, хотя и приобрели иную форму. Противостояние Китая и США продолжилось уже внутри ВТО.

В структуре ВТО имеются три ключевых механизма: механизм разрешения споров, механизм обзора торговой политики и механизм многосторонних переговоров по торговым вопросам. После вступления в ВТО Китай начал процесс активной адаптации к работе всех трех механизмов. Полученный китайским руководством опыт был в дальнейшем применен для отстаивания национальных интересов внутри Организации. В рамках механизма разрешения споров и обзора торговой политики Китай посвятил больше всего времени проблемам антидемпинговых мер и так называемой проблеме «стагнации экономических реформ в Китае», всеми силами отстаивая статус рыночной экономики. Вопрос об особых условиях для развивающихся стран и сохранения за собой статуса развивающегося государства имел для Китая принципиальное значение в рамках взаимодействия на площадке для многосторонних переговоров по вопросам торговли.

Механизм разрешения споров

Механизм разрешения споров ВТО был официально запущен 1 января 1995 г. Процесс рассмотрения жалоб можно условно разделить на шесть стадий: консультации, посредничество, арбитраж, экспертная оценка, представление апелляций и реализация принятого решения. Ключевыми исполнительными органами выступают группа экспертов и апелляционный орган. Механизм разрешения споров позволяет эффективно разрешать возникающие конфликты в торговых вопросах благодаря наличию общепринятых правил, имеющих юридическую силу [Shixiong, Shuaihua, 2001, p. 44].

После вступления Китая в ВТО дефицит торгового баланса с США продолжил увеличиваться. Одновременно росло общее количество обращений в механизм разрешения споров с обеих сторон. В мае 2004 г. и апреле 2005 г. Китай принял два закона: «О развитии автомобильной промышленности» и «О мерах в отношении импорта автомобильных деталей», что вызвало беспокойство США. В марте 2006 г. американцы направили обращение в ВТО с требованием провести антидемпинговое расследование в отношении Китая, одновременно прекратив двусторонние консультации с китайскими партнерами. США и другие члены ВТО заявили о намерении вести антидемпинговое расследование до 2016 г. Фактически в течение переходного периода США и другие страны — члены ВТО могли принимать решения относительно применения Китаем демпинговых мер, притом мерой соответствия выступали положения их национально-го законодательства. В декабре 2008 г. ВТО приняла решение о том, что действия Китая нарушают принцип национального режима.

Китайское руководство активно использовало возможности механизма разрешения торговых споров для противодействия выдвигаемым обвинениям. В декабре 2008 г. Китай направил в ВТО заявление о применении США антидемпинговых мер в отношении производимых в Китае стандартных стальных труб, прямоугольных стальных труб, композитных тканевых сумок и шин для внедорожников. Иницилируя официальное разбирательство, Китай преследовал две цели: во-первых, добиться отмены США антидемпинговых мер на четыре указанные категории товаров и, во-вторых, решить часть проблем, с которыми сталкивались все китайские компании на американском рынке. С этой целью в ходе расследования Китай не акцентировал внимание на отдельных кейсах, а сосредоточился на применяемых правовых нормах и соответствующих методах расследования, используемых американской стороной, и пытался систематически влиять на проводимое США антидемпинговое расследование в отношении китайской торговой политики. В октябре 2010 г. группа экспертов ВТО вынесла заключение о том, что действия США нарушали правила ВТО. Китай сумел отстоять статус рыночной экономики в рамках ВТО [Zhao, 2011, p. 133–134].

Механизм обзора торговой политики

В отличие от механизма разрешения споров, который выносит юридически обязательные решения, механизм многосторонних переговоров представляет собой своего рода площадку для взаимной критики и, несмотря на сложные внутренние процедуры, его заключения не имеют юридической силы [Zheng, 2021, p. 203]. Рассмотрение начинается с обзорного отчета, который составляет секретариат ВТО. Далее анализируемое государство-член готовит ответное заявление. Наконец, другие государства-члены направляют свои комментарии и вопросы на основе обзорного отчета и представленного ответного заявления и требуют от обсуждаемого члена ВТО предоставить дополнительную информацию в соответствии с поступившими запросами.

Кейс Китая является предметом обсуждения в рамках механизма многосторонних переговоров ВТО начиная с 2006 г. В самом начале действия Китая получали позитивные отзывы других государств. Можно сказать, что среди членов ВТО сложился консенсус относительно прогресса экономических реформ в Китае. После обзора 2006 г. Китай представил доклад о предпринимаемых в рамках программы экономических реформ действиях и о прогрессе в выполнении поставленных ВТО целей, который был хорошо принят. Питер Альгейер, представитель США в ВТО, заявил о том, что Китай достиг значительных успехов в выполнении своих обязательств в рамках Организации и обеспечении соответствия требованиям к членам ВТО [Zheng, 2021, p. 207–208]. Тем не менее после 2010 г. Китай все чаще сталкивался с критикой. Например, в 2012 г. США заявили о стагнации экономических реформ в Китае, акцентируя внимание на ситуации в финансовом секторе, телекоммуникациях и на рынке страховых услуг.

Китай последовательно отрицал выдвигаемые США обвинения. Юй Цзяньхуа, в то время глава постоянного представительства Китая при ВТО, указывал, что Китай не останавливал процесс внутренних экономических реформ. Следует отметить, что Китай действительно предпринял ряд шагов, призванных упрочить его статус как рыночной экономики, — например, были приняты изменения в *Каталоге отраслей для направления прямых иностранных инвестиций*, реструктуризирована система государственных капиталовложений и управления компаниями, а также значительно снижены барьеры для иностранных инвестиций.

Механизм многосторонних переговоров по торговым вопросам

Третьей основной структурой ВТО является механизм многосторонних переговоров по торговым вопросам. В 2001 г. начался так называемый Дохийский раунд ВТО. Организация выдвинула в качестве ключевых задач снижение торговых барьеров и содействие развитию развивающихся стран, в связи с чем Дохийский раунд также упоминается как Раунд развития. В рамках переговоров развитые страны требовали от развивающихся государств принять меры по снижению торговых барьеров и настаивали на еще большем ограничении нетарифных мер. Развивающиеся страны, в свою очередь, требовали от развитых государств снизить объем субсидирования сельскохозяйственного производства и выполнять обязательства в соответствии с принципом особого и дифференцированного подхода для развивающихся стран в рамках ВТО [Hongmei, Zhonghe, 2010, p. 59].

В ходе Дохийского раунда Китай последовательно поддерживал развивающиеся страны и настаивал на соблюдении всех обязательств в соответствии с принципом особого и дифференцированного подхода [Sujin, 2011, p. 46]. Соглашение о TRIPS и общественном здравоохранении ВТО уполномочило Комитет по торговле и развитию производить пересмотр положений основного и дифференцированного подхода в интересах укрепления режима и повышения его эффективности. Новый мандат привел к усилению конфронтации между развитыми и развивающимися странами, а также между Китаем и США по поводу идентичности Китая как развивающейся экономики. США заявили о том, что Китай больше не может считаться развивающимся государством и именно это обстоятельство является причиной стагнации Дохийского раунда [Qi, Fan, 2019, p. 95]. Китай утверждал, что с точки зрения экономической и политической развитости он должен, как и прежде, считаться развивающимся государством, так как по экономическим показателям, таким как ВВП на душу населения, и общей оценке структуры экономики он уступает развитым государствам. В рамках многосторонних торговых переговоров Китай последовательно поддерживал развивающиеся государства [Chinese Ministry of Commerce, n.d.].

В целом Китай достаточно быстро адаптировался к работе в рамках трех основных механизмов ВТО. Он активно использовал возможности механизма разрешения споров для противодействия США, защищая обретенный статус рыночной экономики при помощи правовых инструментов. Китайские представители в ВТО последовательно опровергали заявления о стагнации экономических реформ — на этом фоне в Китае действительно шли процессы перестройки национальной экономики в соответствии с рыночными принципами. Наконец, в рамках многосторонних переговоров Дохийского раунда Китай решительно поддерживал развивающиеся страны и особый и дифференцированный режим, на который сам имел право как развивающаяся страна.

Китай и новая повестка ВТО: переход к лидерству

Полностью адаптировавшись к правилам ВТО, Китай начал принимать участие в создании норм в новых областях, в частности в сфере электронной торговли и содействия инвестициям. Китай предлагает новый путь развития через открытость для реализации интересов развивающихся стран, что резко контрастирует с традиционным подходом к содействию развитию с применением ограничительных мер.

Электронная торговля

В январе 2019 г. в Давосе 76 членов ВТО подписали Совместное заявление, что ознаменовало официальное начало переговоров по вопросам электронной торговли. Некоторые из развивающихся стран, в частности Индия, отказались от участия в переговорах, мотивируя это тем, что в условиях цифрового разрыва развивающиеся государства не могут извлечь все выгоды из развития электронной торговли. Сторонники более традиционного протекционистского подхода также считают, что участие в многосторонних переговорах в рамках ВТО сужает пространство для политического маневра развивающихся стран.

В отличие от других развивающихся государств, Китай активно участвует в переговорах по регулированию электронной торговли. Согласно статистике ЮНКТАД за 2017 г., объем китайского рынка электронной торговли достиг 1,93 трлн долл. США (3-й по объему в мире). Объем розничной B2B-торговли в Китае достиг 1,06 трлн долл. США (1-й в мире). Зарубежная аудитория приложений Alipay и WeChat достигла 300 и 70 млн соответственно, а приложение TikTok было загружено более 1 млрд раз [UNCTAD, 2017].

Наряду с двумя ведущими западными развитыми экономиками — США и Европейским союзом — Китай вошел в тройку ведущих участников переговоров по регулированию электронной торговли на площадке ВТО [Li, 2011, p. 176–187]. Цель политики США состоит в дальнейшей либерализации торговли с особым вниманием к свободному трансграничному потоку данных. Европейский союз, хотя и не уделяет столько внимания трансграничным потокам данных, в первую очередь пытается защитить частную жизнь человека, поэтому выступает за установление дифференцированных режимов защиты персональных и неперсональных данных в процессе переговоров. Поддерживая собственную идентичность и статус развивающегося государства, Китай играет определяющую роль в переговорах ВТО по электронной торговле, уповая на рыночные преимущества в сфере электронной торговли. Китай предлагает, чтобы переговоры ВТО по электронной торговле были ориентированы на развитие, учитывали реальные трудности и потребности развивающихся стран и концентрировались на содействии трансграничной торговле товарами⁶.

⁶ Электронная коммерция — это лишь один из аспектов конфликта между Китаем и западными странами во главе с США в рамках программы реформ ВТО, который усиливается по мере экономического развития КНР. Разница между Китаем и США заключается в их взглядах на направление реформы ВТО. Будучи бенефициаром существующей многосторонней торговой системы, Китай считает, что авторитет ВТО следует укреплять и дальше, постоянно продвигая открытость с учетом интересов развивающихся стран и принятие решений на основе консенсуса. С этой целью Китай активно продвигал переговоры по электронной торговле, упрощению процедур инвестирования, субсидированию рыболовства и другим вопросам для защиты авторитета ВТО. С другой стороны, США считают, что развитие Китая в рамках ВТО наносит ущерб их экономическим интересам и надеются обойти ВТО и построить исключительную экономическую систему посредством двустороннего или мелкомасштабного многостороннего сотрудничества с другими странами с опорой на собственный экономический вес; Индо-Тихоокеанская экономическая структура (IPEF) должна была стать инструментом достижения целей США. США постоянно препятствуют нормальной работе механизма разрешения споров в ВТО, а в 2019 г. даже предлагали отменить принцип режима наибольшего благоприятствования, принцип недискриминации, отказаться от многостороннего подхода при разработке нормативных рамок и отменить особый и дифференцированный режим, которым пользуются развивающиеся страны в ВТО.

Содействие инвестициям

В обсуждении вопроса содействия инвестициям на платформе ВТО КНР стремится играть ведущую роль. Традиционно, когда речь идет о международных инвестициях, развитые страны выступают в качестве инвесторов, а развивающиеся — в роли получателей иностранных инвестиций. Именно поэтому развивающиеся страны относятся к либерализации инвестиций с осторожностью.

В отличие от других развивающихся стран, Китай одновременно является и крупным реципиентом прямых иностранных инвестиций, и одним из ключевых международных инвесторов. Китай инициировал и со временем возглавил переговоры ВТО по упрощению процедур инвестирования, предложив развивающимся странам не только участвовать в переговорах, но и активно продвигать свои собственные решения [Zhou, 2021, p. 158–175].

В октябре 2016 г. Китай взял на себя инициативу по определению программы содействия инвестициям в ВТО. В апреле 2017 г. Китай предложил создать в Женеве механизм «Друзей содействия упрощению инвестиций для целей развития». Это неформальная диалоговая площадка, созданная для обсуждения проблематики инвестиций, торговли и развития, задачей которой, тем не менее, является не либерализация инвестиционной политики, а повышение прозрачности и предсказуемости инвестиционного процесса, чтобы помочь развивающимся странам в достижении их собственных целей экономического и социального развития.

18 мая 2017 г. китайская организация «Друзья содействия упрощению инвестиций для целей развития» приняла совместное с Индией и другими развивающимися странами заявление. Стороны заявили о начале переговорного процесса по вопросу содействия упрощению инвестиций с учетом имеющихся различий в подходах. Таким образом, термин «упрощение инвестиций» впервые появился в повестке дня Генерального совета ВТО. В декабре 2017 г. в кулуарах 11-й Министерской конференции ВТО министр торговли Китая Чжун Шань созвал встречу министров торговли по вопросу упрощения процедур инвестиций, которая завершилась принятием совместного межминистерского заявления [WTO, 2017].

18 июля 2019 г. в Женеве состоялось Совещание ВТО по упрощению процедур инвестирования. Под руководством Китая участники согласились с тем, что встреча перейдет к этапу предметного обсуждения после консультаций на основе обмена мнениями в письменном виде. На совещании всесторонне обсуждались дальнейшие шаги, необходимые для упрощения инвестиционной политики, и были предложены конкретные меры, которые могут быть охвачены рамками будущих многосторонних правил; был также подготовлен 140-страничный итоговый документ [WTO, 2019]. 5 ноября 2019 г. в Шанхае в рамках второй Китайской международной выставки импортных товаров состоялась межминистерская встреча ВТО. На встрече присутствовало более 200 делегатов, в том числе 33 министра из ЕС, России, Индии и других стран-членов, которые опубликовали совместное заявление министров, которое придало новый импульс 12-й Министерской конференции ВТО по упрощению процедур инвестиций.

Подводя итог, можно сказать, что Китай активно стремится выйти на позицию лидера в нормотворческом процессе ВТО в новых областях, таких как электронная торговля и содействие инвестициям. В отличие от других развивающихся стран, Китай предлагает развивающимся странам продвигать повестку содействия развития на основе открытости, а не ограничительных мер.

Заключение

В статье рассмотрены различные периоды взаимодействия Китая и ВТО: сначала сложное вступление страны в Организацию, затем полноценная адаптация и, наконец, лидерство в ряде ключевых областей сотрудничества. Конфликты с другими странами-членами и поиск решения дилеммы совместимости статусов рыночной и развивающейся экономики являются движущей силой эволюции идентичности Китая в ВТО.

Статус Китая как рыночной экономики был заявлен на этапе вступления в ГАТТ в тексте оговорок, направленных китайским руководством. Статус развивающейся страны был закреплён в обязательствах по доступу к рынку в области финансов, страхования и телекоммуникаций. В процессе адаптации Китай начал использовать правила ВТО для реагирования на антидемпинговые иски, поданные США, и обвинения в застое процесса внутренних реформ, защищая статус рыночной экономики и присущие развивающейся экономике специальные права. На этапе лидерства Китай сделал стратегический выбор в пользу нового способа реализации интересов развивающихся стран, стремясь к развитию через открытость, и начал играть ведущую роль в новых проблемных областях ВТО, таких как электронная коммерция и содействие инвестициям.

Эволюция отношений между Китаем и ВТО также повлияла на участие Китая в реформе системы глобального управления. Во-первых, следует отметить, что лидерство Китая в системе глобального управления основывается на результатах внутренних экономических реформ. Во времена, когда экономическая система Китая значительно отличалась от других членов мирового сообщества, он постоянно сталкивался с внешним давлением, выраженным в исключаяющих поправках. Когда в качестве основной цели экономических реформ было заявлено построение рыночной экономики, давление на Китай в международных переговорах значительно снизилось. Во-вторых, Китай вынужден поддерживать статус крупнейшей развивающейся экономики мира. С одной стороны, Китаю необходимо активно сотрудничать с другими развивающимися странами, которые становятся его естественными союзниками в системе глобального управления. С другой стороны, национальные интересы Китая меняются и в некоторых случаях вступают в противоречие с интересами других развивающихся стран, поэтому Китаю необходимо применять гибкий подход, чтобы и в дальнейшем сохранять мосты между развитыми и развивающимися странами.

Список источников

Chinese Ministry of Commerce (n.d.) Special and differential treatment rights of WTO developing members must be Guaranteed. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-04/04/c_1124329852.htm (дата обращения: 18.08.2022).

Chinese State Council Information Office (2018) China and the World Trade Organization. Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1632379/1632379.htm> (дата обращения: 18.08.2022).

Ding L. (2021) Developing Countries and E-commerce Negotiation // Difficult Times: WTO and China (2018–2019) / China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.). Shanghai People's Publishing House.

General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) (1986) China's Status as a Contracting Party: Communication From the People's Republic of China. L/6017, 14 July. Режим доступа: https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/91210228.pdf (дата обращения: 18.08.2022).

- Guangsheng S. (ed.) (2011) *The Process of China's Accession to the WTO*. People's Publishing House.
- Hongmei W., Zhonghe M. (2010) *The Dilemma and Way Out of the Doha Round Negotiation to Solve the Development Problem* // *International Trade*. No. 5.
- Lardy N. (1999) *China's WTO Membership*. Brookings Policy Brief No. 47, Brookings. Режим доступа: <http://www.brookings.edu/research/chinas-wto-membership/> (дата обращения: 18.08.2022).
- Li C. (ed.) (2011) *Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement*. The Commercial Press.
- Ministry of Commerce of the People's Republic of China (2019) *Special and Differential Treatment Rights of WTO Developing Members Must Be Guaranteed*. Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2019-04/04/content_5379793.htm (дата обращения: 18.08.2022).
- Qi T., Fan R. (2019) *Treatment of Developing Countries in the Context of WTO Reform* // *International Law Review of Wuhan University*. No. 1.
- Shixiong N., Shuaihua C. (2001) *GATT/WTO Dispute Settlement Mechanism and Developing Countries* // *International Forum*. No. 1.
- Song H. (2018) *Forty Years of Opening-Up* // *International Trade*. No. 10.
- Sujin J. (2011) *The Evolution of China's Status and Role in the Doha Round Negotiations* // *Ten Years on the Road: Essays Commemorating the Tenth Anniversary of China's Accession to WTO* / Y. Xiaozhun (ed.). Shanghai People's Publishing House.
- United Nations Committee on Trade and Development (UNCTAD) (2017) *UNCTAD B2C E-Commerce Index 2017. UNCTAD Technical Notes on ICT for Development*. No. 9. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d09_en.pdf (дата обращения: 18.08.2022).
- Wang J. (2021) *Development Debate: Does China Still Need Special and Differential Treatment* // *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* / China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.). Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House.
- World Trade Organization (WTO) (2017) *Investment Facilitation for Development*. Joint Ministerial Statement, 13 December. WT/MIN(17)59. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=240870 (дата обращения: 18.08.2022).
- World Trade Organization (WTO) (2019) *WTO Structured Discussion on Investment Facilitation for Development*. 18 July. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/L/1072r1.pdf&Open=True> (дата обращения: 18.08.2022).
- Xiaoping D. (1993) *Selected Works of Deng Xiaoping*. People's Publishing House.
- Yang J. (2018) *Deepening Diplomatic Work in the New Era Under the Guidance of Xi Jinping Thought on Diplomacy* // *Seeking Truth*. No. 8.
- Yaqing Q. (2010) *International Society as a Process of Relations: Institutional Identity and China's Peaceful Rise* // *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 3. No. 2. P. 129–53. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/48615742> (дата обращения: 18.08.2022).
- Yi W. (2007) *Negotiations of the Century: In the Days of the Re-Entry Negotiations*. Central Party School Press.
- Zhang H. (1999) *China's Accession to World Trade Organization* // *International Economic Cooperation*. No. 4.
- Zhao S. (2011) *Review of anti-dumping and Countervailing Measures against the United States*. *Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement* / Li Chenggang (ed.). The Commercial Press. P. 133–134.
- Zheng R. (2021) *Thirty Years Old: Trade Policy Review Mechanism in My Eyes* // *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* / China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.). Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House.
- Zhou Z. (2021) *The First Experience of the First Sheep: China's Extraordinary Journey to Lead the Issue of Investment Facilitation* // *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* / China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.). Shanghai: Shanghai People's Publishing House. Shanghai People's Publishing House.

China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership¹

J. Zhu, Y. Wei

Jiejin Zhu — Professor, School of International Relations and Public Affairs, Fudan University; 220 Handan Road, Shanghai, 200433, China; zhujiejin@fudan.edu.cn

Yuhang Wei — Master Student, School of International Relations and Public Affairs, Fudan University; 220 Handan Road, Shanghai, 200433, China; 20210170046@fudan.edu.cn

Abstract

This paper has explored the interactions between China and the WTO, arguing that it can be divided into three different stages, ranging from difficult access to comprehensive adaptation and to partial leadership. Through the three stages, the conflict and resolution of the dilemmas of market economy status and developing country status is the driving force. In the difficult access period, the market economy dilemma embodies the optional safeguard measures and antidumping measures and the developing country dilemma embodies the access to the market of finance, insurance, and telecommunication in the negotiation of China's entry to the GATT/WTO. In the comprehensive adaption period, China, out of defending its own market economy status, has been using the WTO rules to counter America's demands on China such as anti-dumping proceedings and the criticism of "stagnation of China's reform". Meanwhile, China still has been sticking to its special and differential treatment of developing country status. In the period of partial leadership, while insisting that it is a developing country, China has strategically advocated that developing countries should realize its national interest by adopting the new policy of "open for development", embodying its leadership in the emerging issues of WTO negotiations such as the e-commerce and investment facilitation.

Keywords: GATT, WTO, China, Market Economy Status, Developing Country Status

For citation: Zhu J., Wei Y. (2022) China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 7–22 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-01

References

Chinese Ministry of Commerce (n.d.) Special and differential treatment rights of WTO developing members must be Guaranteed. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-04/04/c_1124329852.htm (accessed 18 August 2022).

Chinese State Council Information Office (2018) China and the World Trade Organization. Available at: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1632379/1632379.htm> (accessed 18 August 2022).

Ding L. (2021) Developing Countries and E-commerce Negotiations. *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* (China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.)). Shanghai People's Publishing House.

General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) (1986) China's Status as a Contracting Party: Communication From the People's Republic of China. L/6017, 14 July. Available at: https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/91210228.pdf (accessed 18 August 2022).

Guangsheng S. (ed.) (2011) *The Process of China's Accession to the WTO*. People's Publishing House.

Hongmei W., Zhonghe M. (2010) The Dilemma and Way Out of the Doha Round Negotiation to Solve the Development Problem. *International Trade*, no 5.

¹ This article was submitted 24.04.2022.

- Lardy N. (1999) China's WTO Membership. Brookings Policy Brief no 47, Brookings. Available at: <https://www.brookings.edu/research/chinas-wto-membership/> (accessed 18 August 2022).
- Li C. (ed.) (2011) *Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement*. The Commercial Press.
- Ministry of Commerce of the People's Republic of China (2019) Special and Differential Treatment Rights of WTO Developing Members Must Be Guaranteed. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2019-04/04/content_5379793.htm (accessed 18 August 2022).
- Qi T., Fan R. (2019) Treatment of Developing Countries in the Context of WTO Reform. *International Law Review of Wuhan University*, no 1.
- Shixiong N., Shuaihua C. (2001) GATT/WTO Dispute Settlement Mechanism and Developing Countries. *International Forum*, no 1.
- Song H. (2018) Forty Years of Opening-Up. *International Trade*, no 10.
- Sujin J. (2011) The Evolution of China's Status and Role in the Doha Round Negotiations. *Ten Years on the Road: Essays Commemorating the Tenth Anniversary of China's Accession to WTO* (Y. Xiaozhun (ed.)). Shanghai People's Publishing House.
- United Nations Committee on Trade and Development (UNCTAD) (2017) UNCTAD B2C E-Commerce Index 2017. UNCTAD Technical Notes on ICT for Development no 9. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d09_en.pdf (accessed 18 August 2022).
- Wang J. (2021) Development Debate: Does China Still Need Special and Differential Treatment. *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* (China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.)). Shanghai People's Publishing House.
- World Trade Organization (WTO) (2017) Investment Facilitation for Development. Joint Ministerial Statement, 13 December. WT/MIN(17)59. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=240870 (accessed 18 August 2022).
- World Trade Organization (WTO) (2019) WTO Structured Discussion on Investment Facilitation for Development. 18 July. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/L/1072r1.pdf&Open=True>
- Xiaoping D. (1993) *Selected Works of Deng Xiaoping*. People's Publishing House.
- Yang J. (2018) Deepening Diplomatic Work in the New Era Under the Guidance of Xi Jinping Thought on Diplomacy. *Seeking Truth*, no 8.
- Yaqing Q. (2010) International Society as a Process of Relations: Institutional Identity and China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 3, no 2, pp. 129–53. Available at: <https://www.jstor.org/stable/48615742>.
- Yi W. (2007) *Negotiations of the Century: In the Days of the Re-Entry Negotiations*. Central Party School Press.
- Zhang H. (1999) China's Accession to World Trade Organization. *International Economic Cooperation*, no 4.
- Zhao S. Review of anti-dumping and Countervailing Measures against the United States. *Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement* (Li Chenggang (ed.)). The Commercial Press, 2011, pp. 133–34.
- Zheng R. (2021) Thirty Years Old: Trade Policy Review Mechanism in My Eyes. *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* (China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.)). Shanghai People's Publishing House.
- Zhou Z. (2021) The First Experience of the First Sheep: China's Extraordinary Journey to Lead the Issue of Investment Facilitation. *Difficult Times: WTO and China (2018–2019)* (China's Permanent Mission to the World Trade Organization (ed.)). Shanghai People's Publishing House.

Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты¹

И.В. Андропова, А.Г. Сахаров

Андропова Инна Витальевна — д.э.н., профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; aiv1207@mail.ru

Сахаров Андрей Геннадиевич — н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; sakharov-ag@ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические аспекты сопоставительных исследований по проблематике устойчивого развития в целях формирования Индекса устойчивого развития стран БРИКС. Разрабатываемый Индекс может рассматриваться в качестве механизма оценки прогресса «пятерки» по достижению ЦУР в период 2015–2020 гг.

Авторы систематизируют накопленный опыт международных исследований, индексов и рейтингов, затрагивающих социальные, экономические и экологические аспекты устойчивости, выделяют ключевые исследовательские проблемы, характерные для этих работ и для методологической рамки ЦУР в целом. Далее, с учетом выводов о применимости имеющегося опыта для целей проводимого исследования, формируется и детально описывается методология построения Индекса устойчивого развития стран БРИКС. В заключительной части приводятся промежуточные результаты построения Индекса.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года, БРИКС, устойчивое развитие

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Андропова И.В., Сахаров А.Г. Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 23–47 (на русском и английском языках). doi:10.17323/19967845-2022-03-02

Введение

По прошествии шести лет с момента принятия Повестки дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 г. (Повестка 2030) кризисные явления в мировой экономике ставят под вопрос перспективы перехода к новой модели роста и реализа-

¹ Статья поступила в редакцию 20.06.2022.

ции Целей устойчивого развития (ЦУР). По многим направлениям, таким как борьба с нищетой, неравенством и климатическими изменениями, прогресс существенно замедляется, в первую очередь для наиболее уязвимых регионов, стран и групп населения. Так, по мнению экспертов ООН, «годы или даже десятилетия прогресса» были нивелированы в результате пандемии COVID-19 [UN, 2021]. В этой связи возрастает важность оценки достижений и перспектив мирового сообщества и отдельных государств в сфере устойчивого развития, а также выявления конкретных проблемных направлений.

Для России в новых условиях, характеризующихся наличием существенных экономических ограничений, сохраняется необходимость обеспечения баланса между решением краткосрочных задач и реализацией долгосрочных социальных и экологических приоритетов, обозначенных как в рамках ЦУР, так и в национальных документах стратегического планирования. Также возрастает и важность взаимодействия с партнерами по БРИКС в интересах обеспечения внешних условий для устойчивого социально-экономического развития страны.

Крупные развивающиеся экономики БРИКС относятся к категории стран, для которых сохраняют актуальность задачи ЦУР по всему спектру направлений — от энергоперехода и борьбы с изменением климата до обеспечения доступности услуг санитарии и продовольственной безопасности. Опыт этих стран в преодолении укоренившихся проблем развития, освоении отдаленных регионов, создании качественной инфраструктуры и внедрении новых решений в сфере госуправления соответствует направленности Повестки 2030 и, с поправкой на страновую специфику, может быть учтен при реализации национальных целей развития России.

Настоящая статья направлена на осмысление методологических аспектов сопоставительных исследований по проблематике устойчивого развития. Цель исследования — формирование Индекса устойчивого развития стран БРИКС в качестве механизма оценки прогресса «пятерки» по достижению ЦУР в 2015–2020 гг. Необходимость формирования Индекса определяется потребностью объективной оценки прогресса и вклада объединения в достижение ЦУР и отсутствием аналогичных исследований, фокусирующихся на странах БРИКС с учетом их национальных и коллективных приоритетов. Несмотря на то что в существующих международных базах данных и индексах представлены данные по странам БРИКС, эти исследования не учитывают их страновую специфику, а также не содержат динамического компонента, отражающего коллективный и индивидуальный прогресс «пятерки» в направлении устойчивого развития. В статье представлены результаты работы по формированию методологии оценки и сравнительного анализа хода реализации ЦУР в странах БРИКС посредством выработки и апробации Индекса устойчивого развития.

В первую очередь проводится систематизация накопленного опыта и обзор подходов к решению схожих исследовательских задач, применявшихся в аналогичных исследовательских работах. В частности, анализируются существующие международные сопоставительные исследования и базы данных по тематике устойчивого развития. Также суммируются основные исследовательские проблемы, характерные для этих работ и для методологической рамки ЦУР в целом. Далее, с учетом выводов о применимости имеющегося опыта для целей проводимого исследования, формируется и детально описывается методология построения Индекса устойчивого развития стран БРИКС. В заключительной части статьи приводятся промежуточные результаты построения Индекса.

Обзор методологических подходов к сопоставительным исследованиям в сфере устойчивого развития

Принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестка 2030) и Целей устойчивого развития (ЦУР) вызвало необходимость более глубокого анализа деятельности государственных и негосударственных субъектов по различным направлениям устойчивого развития. Исследования, посвященные этой теме, проводились и до 2015 г. Новое поколение исследований, во многом обусловленное принятием Повестки 2030, фокусируется на анализе прогресса реализации задач ЦУР и, руководствуясь универсальным характером Повестки, охватывает комплекс проблем на стыке экономических, экологических и социальных аспектов. Тем не менее существуют и работы, направленные на оценку и ранжирование показателей стран по отдельным направлениям устойчивого развития, таким как энергетический переход, экономика замкнутого цикла или гендерное равенство.

Система показателей ЦУР, одобренная Межучрежденческой и экспертной группой по показателям ЦУР в марте 2017 г., задала аналитическую рамку и, по сути, определила структуру для большинства комплексных исследований в этой области [UN, 2016]. Несмотря на важность подобной структуризации с точки зрения обеспечения сопоставимости исследований, она повлекла за собой дополнительные методологические и содержательные проблемы, присущие как избранному набору индикаторов, так и самим задачам ЦУР. Среди сущностных проблем — отсутствие в Повестке 2030 новых вызовов и тематических областей, проявившихся в течение последних шести лет, например, быстрой цифровизации общества и промышленности, а также уязвимости к пандемическим явлениям (например, COVID-19). Действительно, в рамках ЦУР практически отсутствуют задачи по цифровизации как средства продвижения устойчивого развития, усиления готовности к пандемии как для развитых, так и для развивающихся экономик. Аналогичным образом эти проблемы не учитываются и в утвержденной системе показателей.

Соответственно, при проведении комплексных исследований, формировании рейтингов и индексов устойчивого развития возникает дилемма — оценить деятельность субъектов в области устойчивого развития как можно ближе к общепринятой оценочной рамке, сохраняя сопоставимость и последовательность, при этом оставив за рамками исследования оценку актуальных проблемных областей, или сфокусироваться на специфических новых вызовах и дистанцироваться от принятого ООН набора обязательств. Для достижения результата, отражающего реальный прогресс государств в сфере устойчивого развития в текущих условиях, требуется применять сбалансированный подход, дополняя общепринятую аналитическую рамку показателями из новых направлений.

Еще одной «врожденной» уязвимостью системы задач ЦУР и, как следствие, утвержденного списка показателей, является универсальный характер Повестки 2030 как для развитых, так и для развивающихся стран. С одной стороны, данный подход подчеркивает общность человечества перед лицом глобальных вызовов, а с другой — создает ситуацию, при которой приоритет принятых Целей и задач варьируется в зависимости от уровня благосостояния государств. Таким образом, перед исследователями может возникать задача создания методологии оценки, которая учитывала бы различия в национальных приоритетах и обстоятельствах и при этом сохраняла возможность межстранового сопоставления. Существующие исследования идут по пути обеспече-

ния максимально возможной сопоставимости, как с точки зрения выбора фокуса анализа, так и в контексте отбора анализируемых данных.

В рамках исследования проведен обзор более 40 существующих на сегодняшний день международных рейтингов и методологических публикаций в сфере устойчивого развития. Для детального анализа были отобраны 22 международных рейтинга и исследования по вопросам устойчивого развития. Отобранные рейтинги были проанализированы с точки зрения: тематического охвата (масштаба), подходов к отбору данных и источников, аналитической структуры (в том числе близость к системе показателей ООН), методики работы с данными и системы выставления оценки (ранжирования). Полученные результаты положены в основу разрабатываемой авторами методологии для Индекса устойчивого развития стран БРИКС.

Что касается тематического охвата, 22 международных рейтинга и исследования по вопросам устойчивого развития можно разделить на четыре группы:

а) семь универсальных рейтингов, в рамках которых осуществляется анализ всех (или нескольких) аспектов устойчивого развития:

i. Sustainable Development Report (SDSN) [Sachs et al., 2021]. Отчет об устойчивом развитии за авторством коллектива Sustainable Development Solutions Network (SDSN) представляет собой исследование, оценивающее прогресс государств в отношении достижения Целей устойчивого развития. В нем используются общедоступные данные, опубликованные международными институтами (Всемирный банк, ВОЗ, МОТ и т.д.) и другими акторами, включая исследовательские центры и неправительственные организации. В качестве аналитической основы используется система показателей ЦУР, при этом широкий круг источников позволяет заместить часть ее индикаторов аналогичными или схожими в случае отсутствия данных.

ii. Human Development Report [UNDP, n.d.a]. Доклад о развитии человеческого потенциала, готовящийся ежегодно (с 1990 г.) ПРООН, основывается на оценке трех компонентов: уровня и длительности жизни, а также уровня образования. Всего используется четыре показателя: ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая длительность школьного обучения, средняя длительность школьного обучения, ВВП на душу населения. Результирующий индекс позволяет оценить вклад этих компонентов в формирование условий для развития индивидов в различных государствах.

iii. GAPFRAME [n.d.]. Данное исследование фокусируется на концепции «безопасного пространства», представленного в виде четырех измерений устойчивости: «планета», «общество», «экономика» и «управление», в совокупности включающих 24 сферы, и 68 индикаторов. Авторы исследования из Швейцарского центра устойчивого развития (SSH) опираются на общедоступные источники данных и позиционируют свою работу как инструмент визуализации данных о прогрессе в направлении устойчивого развития «в интересах бизнеса, госуправления и образования».

iv. The Commitment to Development Index [Center for Global Development, 2020]. Индекс приверженности развитию выпускается Центром глобального развития, базирующимся в Вашингтоне (США). В рамках данного исследования проводится анализ показателей 40 ведущих экономик мира по восьми направлениям: финансирование развития, инвестиции, миграция, торговля, окружающая среда, здравоохранение, безопасность, технологии. Каждое из направлений включает от двух до шести базовых индикаторов, не привязанных к системе показателей ЦУР ООН.

v. Global Sustainability Competitiveness Index [SOLABILITY, n.d.] Глобальный индекс конкурентоспособности в сфере устойчивого развития измеряет конкурентоспособность стран на основе анализа данных по 131 показателю. Показатели сгруппированы в пять субиндексов: природный капитал, эффективность и интенсивность использования ресурсов, интеллектуальный капитал, эффективность управления и социальная сплоченность. Основным источником данных выступает Всемирный банк. Также используются показатели из баз данных МВФ и профильных институтов системы ООН.

vi. Measuring Distance to the SDG Targets [OECD, 2022]. Данное исследование, проводимое ОЭСР, фокусируется на сохраняющихся пробелах в достижении ЦУР странами — членами ОЭСР. С помощью показателей из системы ЦУР ООН в докладе сравниваются результаты, достигнутые странами ОЭСР, с «эталонным» или целевым результатом, подбираемым индивидуально для каждого показателя. В некоторых случаях целевые значения отражены в Повестке 2030. Также в этих целях использовались положения международных соглашений, экспертные оценки и лучшие результаты, достигнутые странами ОЭСР.

vii. World Bank World Development Indicators [node]. Индикаторы мирового развития Всемирного банка представляют собой сборник сопоставимых на международном уровне статистических данных о глобальном развитии и борьбе с бедностью. Фактически это база данных, содержащая информацию по 1400 показателям для 217 экономик за более чем 50-летний период. Показатели делятся на шесть групп: бедность и неравенство, население, окружающая среда, экономика, государства и рынки, глобальные связи.

б) восемь экологических рейтингов, то есть фокусирующихся на вопросах изменения климата и экологической устойчивости:

i. Environmental Performance Index [EPI, 2022]. Индекс экологической эффективности представляет собой рейтинг 180 государств по 11 категориям (40 показателей), затрагивающим аспекты борьбы с изменением климата, экологического здоровья и жизнеспособности экосистем. Показатели государств сравниваются с установленными целями экологической политики, определяемыми для каждого индикатора. EPI предлагает оценочную таблицу, в которой выделяются лидеры и отстающие в сфере экологической политики, а также предлагает практические рекомендации.

ii. Green Growth Index [GGGI, n.d.]. Индекс зеленого роста измеряет эффективность политики стран по переходу к устойчивой модели роста, в том числе посредством исполнения Целей устойчивого развития, Парижского соглашения по климату и Айтинских целей по биоразнообразию. В частности, анализ проводится по четырем параметрам зеленого роста: эффективное и устойчивое использование ресурсов, защита природного капитала, зеленые экономические возможности и социальная интеграция. В 2020 г. была проведена оценка 119 стран: из них 25 стран в Африке, 20 в Америке, 35 в Азии, 36 в Европе и три страны в Океании.

iii. The Global Green Economy Index [Tamanini, 2014]. В рамках Глобального индекса зеленой экономики (GGEI), выполненного под эгидой Green Policy Platform, представлена оценка 60 стран и 70 городов по четырем ключевым параметрам: лидерство и изменение климата, эффективность секторов экономики, рынки и инвестиции, окружающая среда и природный капитал. GGEI также содержит элемент экспертной оценки восприятия проблематики зеленого роста по тем же четырем направлениям.

iv. The Green Future Index [MIT Technology Review, 2021]. Индекс зеленого будущего Массачусетского технологического института представляет собой ранжирование 76 стран и территорий по степени «прогресса и приверженности целям построения низкоуглеродного будущего». Исследование измеряет показатели стран по пяти направлениям: выбросы углерода, энергетический переход, зеленое общество, чистые инновации и климатическая политика.

v. Green Growth Indicators [OECD, n.d.a]. Индикаторы зеленого роста ОЭСР фактически являются частью масштабной базы данных организации, содержащей показатели, относящиеся к сфере экологической устойчивости. ОЭСР позиционирует базу данных как инструмент поддержки разработки мер климатической политики и информирования общественности. База данных синтезирует данные и показатели из широкого спектра областей, включая ряд баз данных ОЭСР, а также внешние источники данных, и охватывает страны — члены ОЭСР и ключевых партнеров (Бразилию, Китай, Индию, Индонезию и ЮАР), а также отдельные страны, не входящие в ОЭСР, в том числе Россию.

vi. Sustainable Development Index [Nickel, 2020]. Индекс устойчивого развития Хикеля и Джексона разрабатывался в целях дополнения Индекса развития человеческого капитала (HDI) за счет включения экологической составляющей. Таким образом, к четырем показателям HDI (ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая длительность школьного обучения, средняя длительность школьного обучения, ВВП на душу населения) добавлено еще два: выбросы CO₂ на душу населения и совокупные ресурсозатраты на душу населения. Всего оценено 165 экономик.

vii. KAPSARC's Circular Carbon Economy Index project [Luomi et al., 2021]. Индекс углеродной экономики замкнутого цикла, разрабатываемый с 2021 г. саудовским Центром нефтегазовых исследований им. короля Абдаллы, измеряет показатели и потенциал стран по группе параметров, важных с точки зрения построения экономики замкнутого цикла. Индекс включает три ключевых элемента: группу показателей в сфере зеленой экономики (энергоэффективность, возобновляемые источники энергии, электрификация, атомная энергетика, улавливание и хранение CO₂ и т.д.), группу показателей-«фасилитаторов» (технологии, меры экологической политики, финансы и инвестирование, социально-экономические условия), а также дополнительный фильтр для государств — производителей нефти (углеродоемкость энергетического баланса, взвешенная углеродоемкость нефтедобычи, выбросы метана в ходе добычи углеводородов и т.д.). В рамках первого отчета были представлены результаты для 30 государств, включая всех членов «Группы двадцати» и ряда крупнейших производителей энергоресурсов.

viii. World Risk Index [Bündnis Entwicklung Hilft-IFHV, 2021]. Мировой индекс рисков призван продемонстрировать риск бедствий в результате экстремальных природных явлений для 181 страны мира. Он рассчитывается для каждой страны с учетом двух групп показателей, отражающих подверженность рискам и уязвимость к ним. В общей сложности используется 27 показателей из общедоступных баз данных. С 2018 г. индекс рассчитывается Институтом международного права мира и вооруженных конфликтов (IFHV) Рурского университета в г. Бохум. Категория «подверженность рискам» охватывает угрозы для населения, связанные с землетрясениями, штормами, наводнениями, засухами и повышением уровня моря. Категория «уязвимость» в большой степени касается социальной сферы и состоит из трех компонентов: вероятность ущерба, средства устранения негативных последствий и возможности долгосрочной адаптации.

в) три энергетических рейтинга, то есть направленных на изучение последствий энергетической политики с точки зрения экологической устойчивости:

i. Sustainable Recovery Tracker [IEA, 2022]. Трекер устойчивого восстановления Международного энергетического агентства (МЭА) проводит мониторинг и оценку планов и мер по восстановлению экономики отдельных стран мира на предмет соответствия целям перехода к устойчивой энергетике. Ключевыми пунктами исследования являются: анализ государственных и частных расходов на меры по развитию чистой энергетики в период пандемии COVID-19, а также моделирование воздействия государственных расходов на привлечение частных инвестиций в сектор чистой энергетики. Отчеты, выпускающиеся в рамках этой работы, содержат информацию о совокупных финансовых потоках, направленных на восстановление экономики и продвижение целей устойчивости в разбивке по конкретным отраслям.

ii. Energy Policy Tracker [n.d.]. Данное исследование, проводимое широкой международной группой исследователей во главе с Иветтой Герасимчук (Международный институт устойчивого развития) представляет собой еженедельно обновляемый мониторинг мер государственной политики членов «Группы двадцати» по восстановлению от последствий пандемии COVID-19 с точки зрения климата и энергетики. В рамках работы представлен обзор государственного финансирования в разбивке по странам, видам энергии, механизмам финансирования. Работа позволяет отследить долю финансирования крупнейших экономик мира, направляемую на нужды развития устойчивой энергетики в период экономического восстановления.

iii. Fossil Fuel Subsidy Tracker [OECD-IISD, n.d.]. В рамках этого исследования, проводимого ОЭСР совместно с Международным институтом устойчивого развития, производится мониторинг мер государственной политики и оценка результирующих объемов субсидий на производство и потребление ископаемого топлива. Субсидии на ископаемое топливо и другие меры поддержки включают прямые бюджетные трансферты и налоговые расходы, которые предоставляют льготы или преференции для производства или потребления ископаемого топлива, а также иные, в том числе косвенные, меры поддержки потребителей. В базе данных содержится информация по 192 экономикам за 2010–2020 гг.

г) четыре социально-экономических рейтинга, то есть рассматривающих различные общественные аспекты устойчивости:

i. Sustainable Society Index [2018]. Индекс устойчивого общества Кёльнского университета прикладных наук использует 21 показатель, отражающий степень социально-экономической устойчивости, в том числе в следующих сферах: продовольственная безопасность, доступность питьевой воды и санитарии, образование, гендерное равенство, равенство доходов, потребление, энергетика и т.д. Выбранные показатели в целом отражают направленность ЦУР ООН, однако со значительным акцентом на социальном аспекте Повестки 2030.

ii. OECD Framework for Measuring Well-Being and Progress [OECD, n.d.]. Данная работа ОЭСР направлена на создание исследовательской рамки в целях оценки воздействия мер государственной политики на благосостояние людей по трем параметрам: текущее благосостояние, неравенство и развитие потенциала будущего благосостояния. Фактически эта рамка применяется как в исследовательской (в том числе в рамках Measuring Distance to the SDG Targets), так и в практической деятельности ОЭСР (выработка рекомендаций, стандартов и инициатив). Приме-

няемые в исследованиях показатели и данные должны отражать три выбранных Организацией направления.

iii. The Gender Inequality Index [UNDP, n.d.b]. Индекс гендерного неравенства, разрабатываемый ПРООН, измеряет гендерное неравенство в 162 странах по трем аспектам человеческого развития: репродуктивному здоровью, измеряемому коэффициентом материнской смертности и уровнем рождаемости среди подростков; расширению прав и возможностей, измеряемому долей мест в парламенте, занимаемых женщинами, и долей взрослых женщин и мужчин в возрасте 25 лет и старше, имеющих хотя бы среднее образование; и экономическому статусу, выраженному в участии на рынке труда и измеряемому коэффициентом участия в рабочей силе среди женщин и мужчин в возрасте 15 лет и старше. Субиндексы вычисляются для женщин и мужчин, их разница формирует результирующий индекс.

iv. Social Progress Index [Social Progress Imperative, n.d.]. Индекс социального прогресса оценивает 168 государств по степени прогресса в следующих сферах: здравоохранение, безопасность, образование, технологическое развитие, гражданские права и свободы, качество окружающей среды, инклюзивность и т.д. Всего используется 53 показателя из общедоступных баз данных международных организаций.

Исследования, проводимые в течение нескольких лет, могут эволюционировать с точки зрения тематического охвата. Так, Индекс приверженности развитию (Commitment to Development Index), составляемый Центром глобального развития с 2003 г. и фокусирующийся на побочных эффектах национальной политики по продвижению глобального развития, в 2021 г. добавил тематику здравоохранения, чтобы отразить новые потребности в обеспечении готовности к пандемии [Center for Global Development, 2020].

Исследования различаются по географическому охвату. Например, работы ОЭСР в основном сосредоточены на странах-членах, а также странах-партнерах, отдавая приоритет доступности данных и сопоставимости, что повышает качество исследований, а не расширению географического охвата. Индекс приверженности развитию (The Commitment to Development Index), например, оценивает только 40 стран, в то время как Индекс зеленого будущего (MIT Green Future Index) оценивает 76 стран, что намного меньше 193 суверенных членов Организации Объединенных Наций. В наибольшей степени к универсальному охвату приблизился доклад SDSN по устойчивому развитию (Sustainable Development Report), в 2021 г. проранжировав 165 стран. Тем не менее данный результат был достигнут с некоторыми оговорками. Так, для членов ОЭСР использовалось 109 показателей, в то время как для других стран лишь 86, что аргументировалось разницей в доступности информации.

Проблема подбора данных для анализа — одна из центральных в контексте проведения сопоставительных исследований. Как и во многих других областях знаний, доступность надежных, сопоставимых и актуальных данных может быть ограничена, в особенности, если речь идет о наименее развитых странах или закрытых политических системах. Также национальным статистическим ведомствам требуется некоторое время для адаптации собственных систем сбора данных к требованиям системы показателей ЦУР. Например, по состоянию на май 2022 г., Росстат публикует данные по 90 из 248 показателей ЦУР [Federal State Statistics Service, n.d.]. Ситуация с сопоставимостью данных усугубляется по мере роста числа показателей и количества государств, отобранных для анализа.

Недостающие данные могут быть заменены значениями, доступными за предыдущие годы. Например, авторам Индекса зеленого роста (Green Growth Index) (Dr. Lilibeth A. Acosta et al.) пришлось заменить отсутствующие значения за 2020 г. данными за 2017–2019 гг. По их оценкам, без учета недостающих данных индекс мог бы быть составлен для 243 стран, тогда как в действительности он включает только 117 государств. Кроме того, недостаток данных особенно заметен для таких регионов, как Океания, где отсутствует информация в среднем по 82% показателей.

Исследование ОЭСР «Измерение расстояния до целей ЦУР» (Measuring Distance to the SDG Targets) попыталось «как можно точнее» следовать утвержденной ООН структуре показателей ЦУР и использовало базу данных ЦУР ООН в качестве основного источника данных. Однако для 57 из 132 показателей, использованных в исследовании, была использована база данных ОЭСР, поскольку она в существенной степени соответствовала показателям ООН, но отвечала «более строгим международным статистическим стандартам». Такой подход, по мнению авторов, позволил, с одной стороны, приблизиться к статистическим стандартам, утвержденным странами – членами ООН (и ОЭСР), а с другой – предоставить надежные и сопоставимые данные по оцениваемым странам. Однако и в этом случае только 59 показателей из отобранных 132 были доступны для всех 36 членов ОЭСР; 47 показателей были доступны для 30–35 членов, и еще 26 показателей для менее 30 стран.

Таким образом, именно проблема доступности данных может стать ключевым фактором, определяющим географический и тематический охват исследования, равно как и его аналитическую рамку.

В период после 2015 г. ключевым фактором формирования исследовательской рамки и подбора источников для исследования в сфере устойчивого развития является степень следования официальной структуре задач и соответствующих показателей ЦУР ООН. Универсальные рейтинги устойчивости в большей степени пытаются приблизиться к установленной системе показателей, однако с некоторыми оговорками и ограничениями. Большинство работ, как отмечалось выше, сталкивается со значительными трудностями из-за отсутствия сопоставимых и надежных данных по многим из показателей. В этих случаях, как правило, исследователи идут по пути ограничения числа показателей и рассматриваемых акторов. Так, Human Development Index (HDI), который, несмотря на то, что он был опубликован впервые еще в 1990 г., может рассматриваться как универсальное исследование в сфере устойчивого развития, использует лишь четыре обобщенных показателя: ожидаемую продолжительность жизни, ожидаемые годы обучения, средние годы обучения и валовой национальный доход на душу населения. Для обеспечения сопоставимости страновых данных ПРООН, формирующая индекс, опирается на данные международных институтов, в первую очередь Отдела народонаселения ООН (данные по ожидаемой продолжительности жизни), Института статистики Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (средние годы обучения и ожидаемые годы обучения) и Всемирного банка (ВНД на душу населения).

Также исследователи прибегают к замене проблематичных показателей, по которым, например, невозможно обеспечить сопоставимость данных, на аналогичные. Так, для оценки КНР доклад SDSN по устойчивому развитию по ЦУР 4 «Качественное образование», для которой отмечается недостаток данных, использует показатели охвата начальным образованием, уровня грамотности и доли населения, окончившего среднюю школу – аналогичные, но не идентичные используемым в системе индикаторов

ООН. Необходимо отметить, что даже по избранным показателям данные даются в том числе за 2011 г., что в очередной раз свидетельствует о недостатке актуальной и сопоставимой страновой информации по многим из Целей.

Иным подходом является полное переосмысление и трансформация системы показателей ЦУР для решения исследовательской задачи. Так, индекс GAPFRAME группы авторов из Швейцарского центра устойчивого развития представляет собой попытку перевести ЦУР в набор из 24 вопросов (составные показатели) по четырем областям: планета, общество, экономика и управление, с 2–4 показателями по каждому вопросу (всего 68 показателей). Эти показатели значительно отличаются от утвержденных в структуре индикаторов ЦУР. Например, авторы признают, что они были ограничены отсутствием достаточных данных в таких областях, как «равные возможности», «качество жизни» и «устойчивое производство», в основном соответствующих ЦУР 1. Авторам GAPFRAME пришлось использовать различные общедоступные источники, начиная от баз данных ООН, ОЭСР и Всемирного банка до информации KPMG, Deloitte и даже Википедии.

Таким образом, сталкиваясь с различными проблемами, связанными с ненадежностью, устареванием и несовместимостью имеющихся источников данных, исследователи вынуждены идти на компромисс между качеством и охватом своих рейтингов. Например, в Отчете об устойчивом развитии SDSN были введены следующие критерии отбора данных: а) для включения в рейтинг данные по показателям должны быть доступны для 80% из 149 членов ООН с населением более миллиона человек; б) для включения в рейтинг страна должна иметь доступные данные по 80% выбранных показателей.

Важным компонентом сопоставительного исследования является подход к трансформации исходных данных в итоговую оценку (индекс/рейтинг). Этот процесс включает нормализацию и агрегирование данных, а также представление окончательных результатов (оценок) исследования.

Методы нормализации включают, среди прочих: простое ранжирование акторов по величине исходных показателей; категоризацию величин показателей по субъективным оценочным группам; распределение величин показателей по шкале от минимального до максимального; сравнение величины показателя с «идеальной» или «оптимальной» величиной (используется, в частности, в исследовании ОЭСР Measuring Distance to the SDG Targets); стандартизацию (z-оценка), при которой величины показателей трансформируются в шкалу со средним значением, привязанным к 0. Важнейшим вызовом в рамках процесса нормализации является сохранение математического смысла и значимости итоговых оценок в контексте исходных значений показателей.

Важную роль играет и процедура взвешивания показателей в итоговой оценке. В связи с субъективным характером процесса определения важности отдельных Целей и задач устойчивого развития большинство составных показателей в данной области основываются на принципе равного веса индикаторов, то есть всем переменным присваивается одинаковый вес в итоговой оценке. По сути, это означает, что все переменные вносят одинаковый вклад в сводный показатель. Несмотря на прямоту этого метода, необходимо учитывать, что он служит лишь снижению степени субъективности исследования, фактически маскируя отсутствие консенсусных и надежных методов оценки глобальных/страновых приоритетов. Кроме того, выделение отдельных Целей как относительно более или менее важных может идти вразрез с политическим посылом и всеохватным характером Повестки 2030.

Одной из наиболее комплексных работ по методологии формирования композитных индикаторов для сопоставительных исследований, в том числе применительно

к тематике данной НИР, является Руководство ОЭСР по составлению композитных индикаторов (*Handbook on Constructing Composite Indicators*). В этой публикации освещается весь комплекс вопросов, связанных с отбором данных и работой с ними, методами нормализации, взвешивания, агрегации данных и представления результатов. Кроме того, авторы дают рекомендации по применению отдельных методологических подходов для решения конкретных исследовательских задач. Эти рекомендации также были использованы в ходе разработки методологии для формирования пилотного Индекса устойчивого развития БРИКС.

Исследования, направленные на разработку и локализацию показателей устойчивого развития, ведутся и в России. Так, уже более десяти лет российский офис ПРООН регулярно готовит доклады о развитии человеческого потенциала в российских регионах [Center for Humanitarian Technologies, 2010]. Российское представительство Всемирного фонда дикой природы в 2012 г. представило Эколого-экономический индекс регионов Российской Федерации, учитывающий «экологическую устойчивость развития в широком контексте, включая экологический, экономический и социальный факторы» [Bobylev et al., 2012]. Цель этой работы — разработка более объективных инструментов оценки экономического развития и антропогенного воздействия на окружающую среду в стране.

Методология Индекса устойчивого развития БРИКС

С учетом анализа международного опыта и его применимости в отношении БРИКС была сформирована методология пилотного Индекса устойчивого развития стран БРИКС. Индекс описывает относительный прогресс стран «пятерки» в достижении ЦУР за первые пять лет после принятия Повестки 2030 (2015–2020 гг.). Индекс демонстрирует:

1. Относительные (в сравнении друг с другом) позиции стран БРИКС по каждому из отобранных показателей ЦУР на начало и конец периода мониторинга. Для каждого из двух наборов исходных данных (начало и конец периода мониторинга, условно обозначаемые как 2015 и 2020) формируется статический индекс (рис. 1). Ноль по вертикальной шкале обозначает средний результат по БРИКС. Таким образом, положительные значения отражают результаты выше среднего по БРИКС, а отрицательные — ниже среднего, но не обязательно означают отрицательное абсолютное значение показателя, описываемого индексом.

2. Относительный (в сравнении друг с другом) прогресс каждой из стран БРИКС, достигнутый за период мониторинга, по каждому из отобранных показателей ЦУР. На основании разницы значений показателей за поздний и ранний периоды мониторинга для каждой из стран БРИКС формируется динамический индекс прогресса. Ноль по вертикальной шкале обозначает средний результат по БРИКС. Положительные значения индекса отражают динамику выше средней по БРИКС, отрицательные — динамику ниже средней, но не обязательно отрицательную динамику. Случаи отрицательной динамики (регресс в абсолютных значениях показателя) дополнительно отмечены светло-серым цветом на рис. 2.

3. Средний относительный (в сравнении друг с другом) прогресс каждой из стран БРИКС, достигнутый за период мониторинга, по каждой из Целей и по всем ЦУР. На основе индексов прогресса по показателям ЦУР вычисляется среднее значение индексов для отдельных Целей и для всех ЦУР.

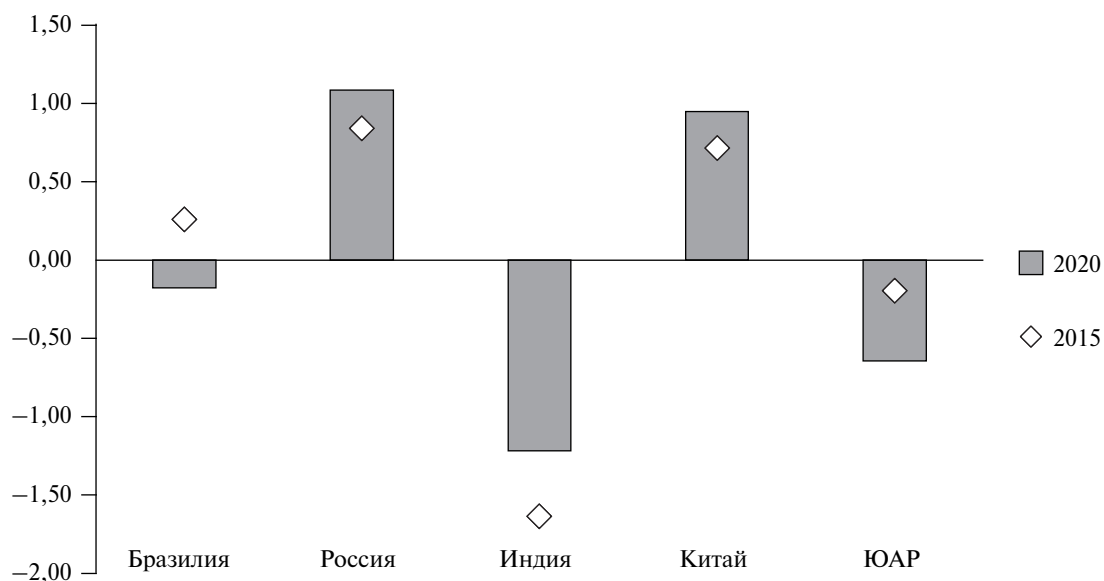

Рис. 1. Пример иллюстрации Индекса устойчивого развития БРИКС на начало и конец периода мониторинга. Показатель «1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания»

Источник: Составлено авторами.

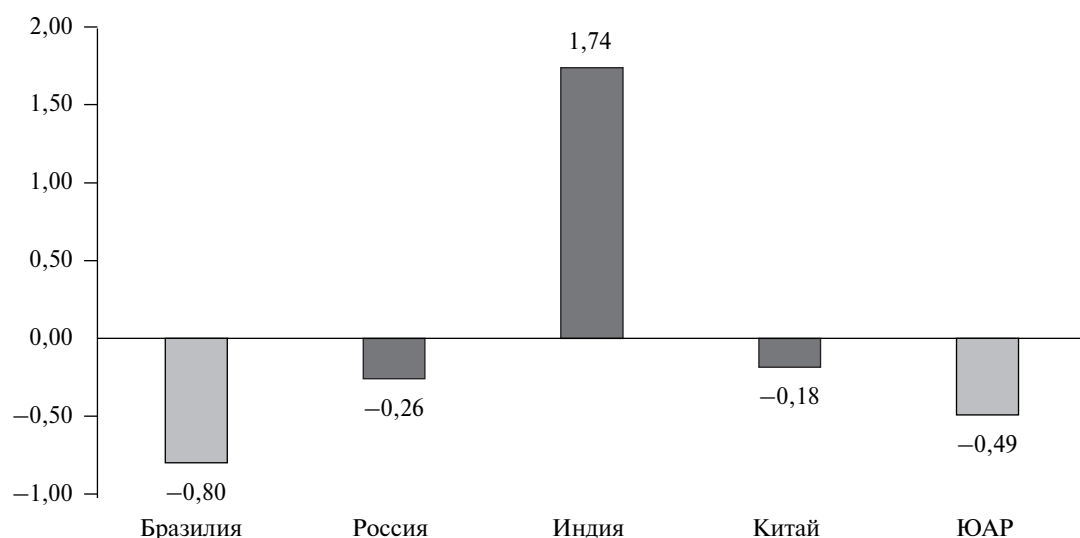

Рис. 2. Пример иллюстрации Индекса устойчивого развития БРИКС (относительный прогресс). Показатель «1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания»

Источник: Составлено авторами.

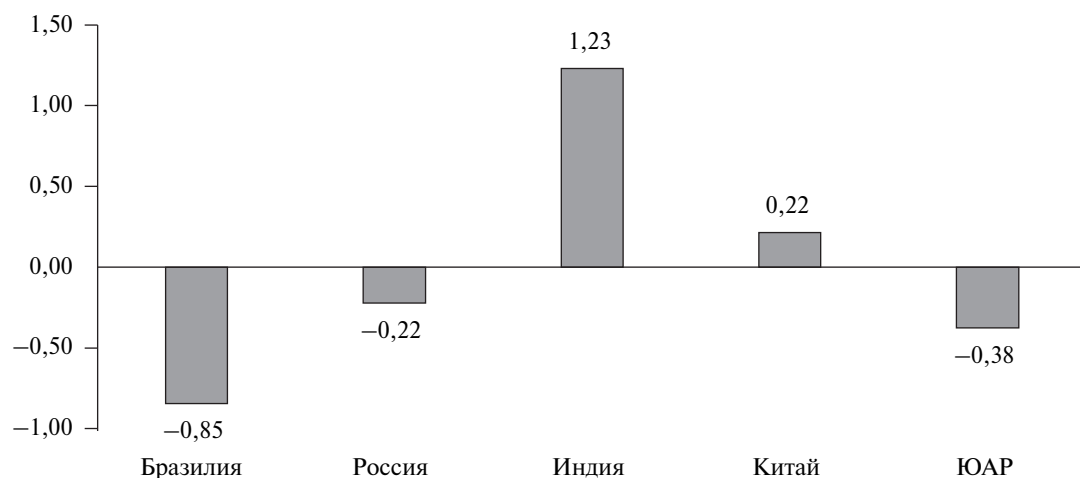

Рис. 3. Пример иллюстрации Индекса устойчивого развития БРИКС (средний относительный прогресс по ЦУР). ЦУР 1 «Ликвидация нищеты»

Источник: Составлено авторами.

В интересах обеспечения тесной связи с принятыми ООН Целями и задачами в сфере устойчивого развития за методологическую основу пилотного Индекса была взята Система показателей ЦУР, одобренная Межучрежденческой и экспертной группой по показателям ЦУР в марте 2017 г., включающая 248 показателей. Дальнейший отбор показателей для включения в анализ осуществлялся с учетом доступности сопоставимых и актуальных страновых данных. Для обеспечения сопоставимости использовались международные базы данных по индикаторам ЦУР и аналогичным (смежным) показателям. В частности:

1. База данных ЦУР ООН [UN, n.d.].
2. База данных ОЭСР [OECD, n.d.c].
3. Статистические сборники БРИКС [Росстат, 2021].
4. Базы данных профильных международных институтов (например МЭА [n.d.], ФАО [n.d.], ЮНЕСКО [n.d.]).

Были сформулированы следующие критерии отбора показателей для анализа:

1. Наличие данных для всех пяти стран БРИКС для 2015–2016 гг. для «раннего» года.
2. Наличие данных для всех пяти стран БРИКС для 2017–2021 гг. для «последнего доступного» года.
3. Показатель не должен быть оценочным или подразумевать бинарный результат (да/нет) (Примеры: ЦУР «8.b.1. Наличие разработанной и осуществляемой национальной стратегии молодежной занятости в качестве отдельной стратегии или в рамках национальной стратегии в области занятости», ЦУР «16.a.1. Наличие независимых национальных правозащитных институтов, действующих в соответствии с Парижскими принципами»).

На этапе пилотного исследования ставилась цель обеспечения максимального соответствия набора отбираемых показателей Системе показателей ЦУР и сведения к минимуму случаев замещения показателей. В связи с этим распределение показателей по ЦУР также проводилось в соответствии с параметрами утвержденной ООН Системы. Так, показатель «Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосред-

ственно в результате бедствий на 100 тыс. человек» используется в рамках трех ЦУР: 1.5.1, 11.5.1 и 13.1.1 (см. перечень ниже). На втором этапе исследования будет рассмотрен вопрос о целесообразности сохранения этого показателя для оценки результатов стран БРИКС по всем трем Целям, а также о необходимости включения большего количества дополнительных показателей для углубления анализа и заполнения пробелов данных.

В результате было отобрано 48 индикаторов непосредственно из Системы показателей ЦУР по всем целям, кроме ЦУР 4 «Качественное образование» и ЦУР 16 «Мир и правосудие». В целях ликвидации пробела данных по ЦУР 4 в анализ также были включены три показателя, отражающих процент завершения начального и полного среднего образования, а также долю расходов на образование от ВВП. В итоге пилотный Индекс составлен на основе 51 показателя, из которых:

По ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» — четыре показателя:

1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 долл. США в день), в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское);

1.3.1. Доля населения, охватываемого минимальным уровнем/системами социальной защиты, в разбивке по полу, с выделением детей, безработных, пожилых, инвалидов, беременных, новорожденных, лиц, получивших трудовое увечье, и бедных и уязвимых;

1.4.1. Доля населения, живущего в домохозяйствах с доступом к базовым услугам;

1.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий, на 100 тыс. человек.

По ЦУР 2 «Ликвидация голода» — два показателя:

2.1.1. Распространенность недоедания;

2.2.3. Распространенность анемии среди женщин в возрасте 15–49 лет в разбивке по статусу беременности (в процентах).

По ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие» — 11 показателей:

3.1.1. Коэффициент материнской смертности;

3.2.1. Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет;

3.2.2. Коэффициент неонатальной смертности;

3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек;

3.3.5. Число людей, нуждающихся в лечении от «забытых» тропических болезней;

3.4.1. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний;

3.4.2. Смертность от самоубийств;

3.5.2. Употребление алкоголя на душу населения (в возрасте 15 лет и старше) в литрах чистого спирта в календарный год;

3.6.1. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий;

3.7.2. Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 девушек-подростков в той же возрастной группе;

3.8.1. Охват основными медико-санитарными услугами;

3.9.3. Смертность от неумышленного отравления.

По ЦУР 4 «Качественное образование» — три показателя:

Коэффициент завершения начального образования;

Коэффициент завершения полного среднего образования;

Доля государственных расходов на образование от ВВП.

По ЦУР 5 «Гендерное равенство» — один показатель:

5.5.1. Доля мест, занимаемых женщинами в а) национальных парламентах и б) местных органах власти.

По ЦУР 6 «Чистая вода и санитария» — пять показателей:

6.1.1. Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности;

6.2.1. Доля населения, использующего а) организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии и б) устройства для мытья рук с мылом и водой;

6.4.1. Динамика изменения эффективности водопользования;

6.4.2. Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды;

6.6.1. Динамика изменения площади связанных с водой экосистем.

По ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» — три показателя:

7.1.1. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии;

7.2.1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления;

7.3.1. Энергоемкость, рассчитываемая как отношение расхода первичной энергии к ВВП.

По ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» — два показателя:

8.1.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на душу населения;

8.2.1. Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого.

По ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура» — четыре показателя:

9.4.1. Выбросы CO₂ на единицу добавленной стоимости;

9.5.1. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП;

9.b.1. Доля добавленной стоимости продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных отраслей в общем объеме добавленной стоимости;

9.c.1 Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям.

По ЦУР 10 «Уменьшение неравенства» — пять показателей:

10.4.1. Доля ВВП, приходящаяся на оплату труда;

10.7.3 Количество людей, погибших или исчезнувших в процессе миграции в направлении международного назначения.

10.7.4. Доля беженцев от общей численности населения в разбивке по стране происхождения;

10.a.1. Доля товарных позиций наименее развитых стран и развивающихся стран, к которым применяются нулевые тарифы;

10.b.1. Совокупный объем потоков ресурсов в целях развития в разбивке по странам-получателям и странам-донорам и видам потоков (например, официальная помощь в целях развития, прямые иностранные инвестиции и прочие финансовые потоки).

По ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты» — два показателя:

11.5.1. Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий, на 100 тыс. человек;

11.6.2. Среднегодовой уровень содержания мелких твердых частиц (например, класса PM_{2.5} и PM₁₀) в атмосфере городов (в пересчете на численность населения).

По ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство» — два показателя:

12.2.2. Совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП;

12.с.1. Сумма субсидий на ископаемое топливо на единицу ВВП (производство и потребление).

По ЦУР 13 «Борьба с изменением климата» — один показатель:

13.1.1 Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий, на 100 тыс. человек.

По ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем» — один показатель:

14.1.1. Плотность лома пластмасс.

По ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши» — три показателя:

15.1.1. Площадь лесов в процентном отношении к общей площади суши;

15.4.1. Доля важных с точки зрения биологического разнообразия горных районов, находящихся под охраной;

15.5.1. Индекс Красного списка.

По ЦУР 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития» — один показатель:

17.1.1. Общий объем государственных доходов в процентном отношении к ВВП в разбивке по источникам.

Для вышеозначенных показателей удалось соблюсти критерии по доступности данных для всех пяти стран БРИКС по 2015–2016 гг. для «раннего» года и по 2017–2021 гг. для «последнего доступного года». Ключевым ограничением в рамках настоящей работы, как и для многих других аналогичных исследований, является низкая степень доступности данных по показателям достижения ЦУР. Лишь для 48 из 248 показателей удалось найти сопоставимые и актуальные данные для всех стран объединения. В особенности недостаток данных заметен по ЦУР 4 «Качественное образование», ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты», а также для Целей 12–15. В результате отобранные для анализа индикаторы не в полной мере отражают сбалансированный характер Повестки 2030 и смещают акцент исследования на Цели с большим количеством доступных данных. Таким образом, одной из целей второго этапа настоящего исследования станет замещение недостающих данных за счет включения большего количества альтернативных показателей, отражающих отдельные направления реализации повестки 2030.

По 51 отобранному показателю было сформировано два массива данных — для каждой из двух хронологических групп — «2015» и «2020» (начало и конец периода мониторинга).

Объективное различие в единицах измерения и разрядности значений по различным показателям ЦУР, а также наличие «негативных» показателей, снижение значений по которым фактически означает прогресс в направлении устойчивого развития, обусловило необходимость нормализации данных для обеспечения сопоставимости результатов. Примеры негативных показателей включают: «1.1.1. Доля населения, живущего за международной чертой бедности», «3.3.2. Заболеваемость туберкулезом на 100 тыс. человек», «14.1.1 Плотность лома пластмасс». Нормализация проводилась с использованием метода z -оценки. Данный метод нормализации и выставления итоговой оценки выбран в связи со следующими соображениями:

1. Отсутствие консенсусного целевого («оптимального») значения по большинству показателей обусловило невозможность привязки оценочной шкалы к референтному значению.

2. Метод z -оценки позволяет обеспечить привязку результатов по множеству показателей с различными единицами измерения к единой шкале в целях обеспечения сопоставимости и агрегации данных показателей по Целям.

3. Выбранный метод позволяет также провести дополнительную коррекцию «негативных» показателей и обеспечивает наглядность итоговых результатов на основе сравнения статических значений по хронологическим периодам и динамики достижения ЦУР между странами БРИКС.

Нормализация данных для каждого из двух массивов — за «ранний» год (2015–2016) и «последний доступный» год (2017–2021) проводилась по формуле

$$z = \frac{x - \bar{X}}{S_x},$$

где x — значение показателя каждой из стран БРИКС; $\bar{X}$ — среднее значение показателя всех стран БРИКС; S_x — стандартное отклонение, вычисленное для множества значений показателя всех стран БРИКС. Z -оценка позволила привести результаты стран для каждой из хронологических групп к единой шкале со средним значением, равным 0. В интересах повышения наглядности итоговых результатов, а также обеспечения сопоставимости результатов процедура нормализации для «негативных» показателей была дополнена сменой знака ($z^* - 1$). Эта процедура позволила избежать искажений при выставлении средних оценок за группу показателей в рамках одной ЦУР для каждой из стран БРИКС. Результирующие значения сформировали статичные индексы устойчивого развития стран БРИКС для начала и конца периода мониторинга.

Индекс прогресса в сфере устойчивости, отражающий динамику значений по показателям ЦУР в странах БРИКС в период 2015–2020 гг. относительно результатов друг друга, вычислялся по схожей формуле:

$$z_{\Delta x} = \frac{\Delta x - \overline{\Delta x}}{S_{\Delta x}},$$

где Δx — разница между значениями показателя каждой из стран БРИКС в «поздней» и «ранней» хронологической группе; $\overline{\Delta x}$ — среднее значение для Δx всех стран БРИКС; $S_{\Delta x}$ — стандартное отклонение, вычисленное для множества значений $\overline{\Delta x}$ всех стран БРИКС. Результирующая z -оценка позволила привести результаты прогресса стран к единой шкале, со средним значением, равным 0. Формирование итогового динамического индекса прогресса также было дополнено корректировкой значений «негативных» показателей ($Z_{\Delta x}^* - 1$), по аналогии со статическими индексами, описанными выше.

Таким образом, сформированы статические индексы стран БРИКС для «раннего» и «позднего» этапов и динамический индекс прогресса. Страновые индексы (как статичные, так и индекс прогресса) далее группируются по принадлежности к конкретным Целям, и на основе вычисления среднеарифметического значения для группы формируется индекс по отдельным ЦУР. Аналогичным методом вычисляется и общий средний индекс для отдельных стран БРИКС. Значения индексов сгруппированы вокруг 0, без ограничений в отношении минимальных и максимальных значений. Однако они находятся в тесной привязке друг к другу и отражают относительное положение (либо динамику для индекса прогресса) стран в контексте реализации той или иной задачи ЦУР. Таким образом, отрицательные значения как статичных индексов, так и индекса прогресса означают результат ниже среднего по БРИКС, не обязательно свидетельствуя о регрессе абсолютных значений по конкретному показателю. Накопленный массив данных позволяет также проследить прогресс всего института на основании процентной разницы средних значений показателей всех стран в «поздний» и «ранний» периоды.

Результаты пилотного Индекса устойчивого развития стран БРИКС

Составленный авторами пилотный Индекс устойчивого развития стран БРИКС позволил проранжировать страны БРИКС по относительной величине показателей ЦУР и степени прогресса. По статическому Индексу устойчивого развития по состоянию на конец периода мониторинга страны «пятерки» ранжируются следующим образом (рис. 4):

1. Бразилия: 0,4.
2. Китай: 0,38.
3. Россия: 0,1.
4. ЮАР/Индия: -0,44.

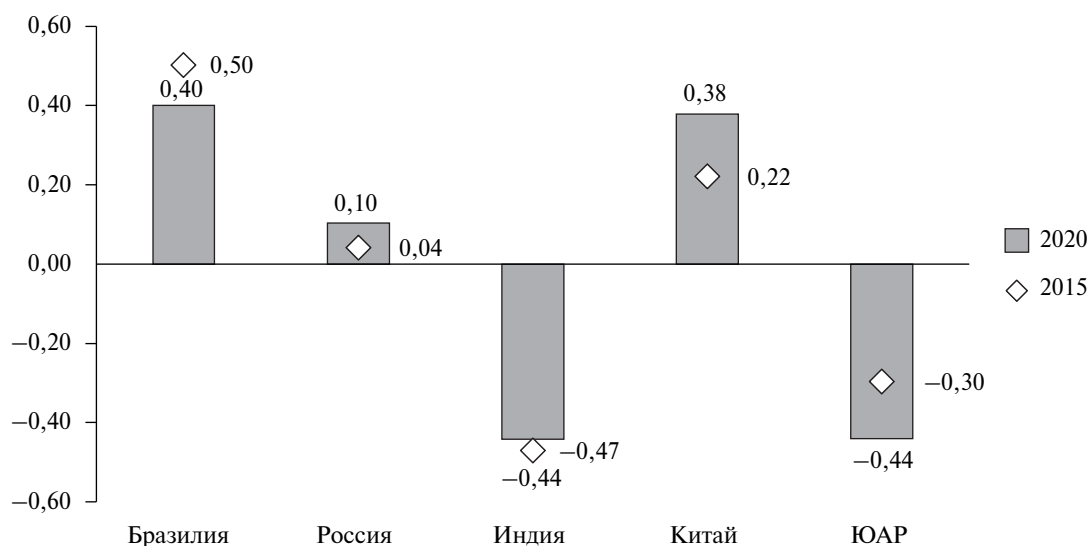

Рис. 4. Совокупный Индекс устойчивого развития стран БРИКС на начало и конец периода мониторинга (2015 и 2020 гг.)

Источник: Составлено авторами.

По Индексу прогресса, отражающему относительные изменения показателей за период мониторинга, картина отличается (рис. 5):

1. Россия: 0,21.
2. Китай: 0,17.
3. Индия: 0,15.
4. ЮАР: -0,23.
5. Бразилия: -0,29.

Рисунок 6 демонстрирует распределение Индекса прогресса стран БРИКС по отдельным Целям. Необходимо отметить, что для 44 из 51 показателя, отобранного для анализа, фиксируется положительная динамика в среднем по БРИКС, что свидетельствует об общем прогрессе «пятерки» в реализации рассматриваемых целей. Тем не менее Индекс позволил выявить ряд проблемных областей как для отдельных государств, так и для института в целом. Среди них: рост среднего значения показателя распро-

страненности недоедания; рост числа людей, нуждающихся в лечении от тропических болезней; повышение нагрузки на водные экосистемы стран БРИКС на фоне сокращения их площади, снижение доли расходов на НИОКР от ВВП; снижение показателей биоразнообразия.

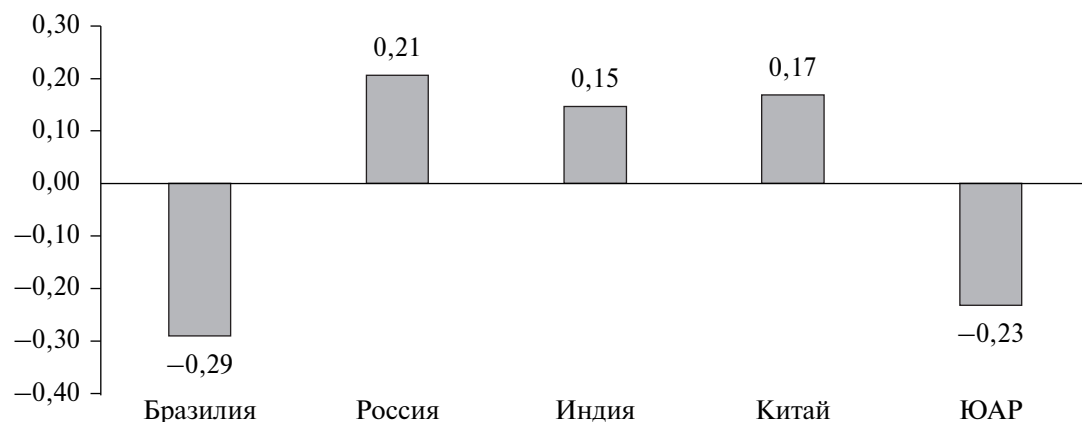

Рис. 5. Совокупный Индекс прогресса стран БРИКС в достижении ЦУР за период 2015–2020 гг.

Источник: Составлено авторами.

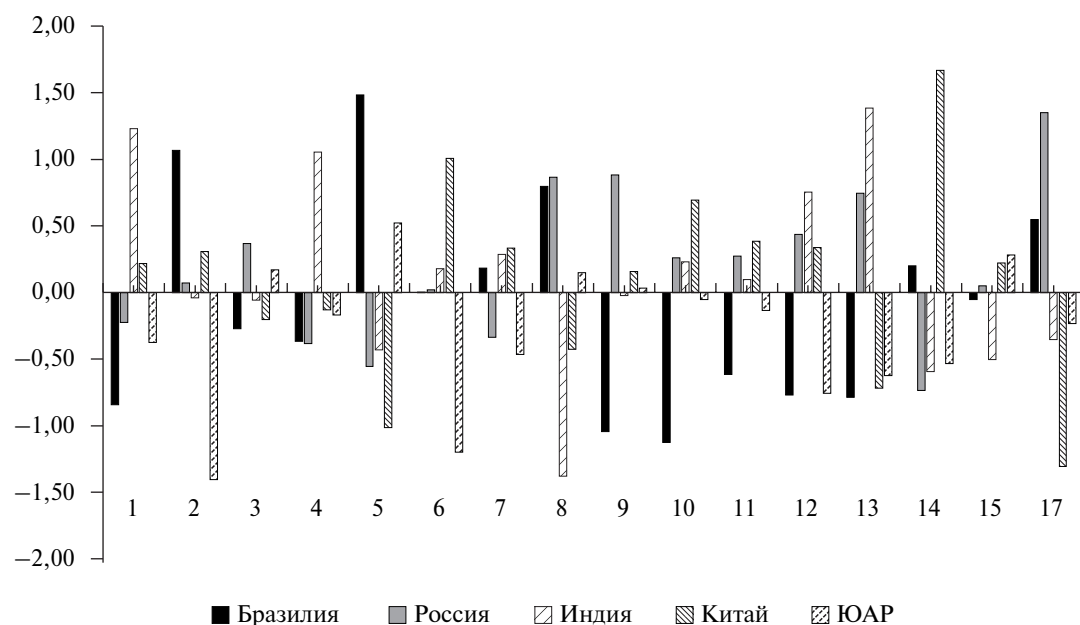

Рис. 6. Индекс прогресса в достижении ЦУР за период 2015–2020 гг.

Источник: Составлено авторами.

Для различных целей выделяются лидеры прогресса. Так, Бразилия прогрессировала быстрее других стран БРИКС по таким целям, как ЦУР 2 «Ликвидация голода», ЦУР 5 «Гендерное равенство». Россия лидировала по ЦУР 8 «Достойная работа и эко-

номический рост», ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура», ЦУР 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития». Индия — по ЦУР 1 «Ликвидация нищеты», ЦУР 4 «Качественное образование», ЦУР 13 «Борьба с изменением климата». Китай — по ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», ЦУР 10 «Уменьшение неравенства», ЦУР 14 «Сохранение морских экосистем». ЮАР — по ЦУР 15 «Сохранение экосистем суши».

Описанный в рамках статьи пилотный Индекс следует рассматривать как промежуточный результат проводимого исследования. На данном этапе авторам не удалось в полной мере нивелировать уязвимости, характерные для аналогичных сопоставительных исследований. Остро стоит вопрос доступности актуальных и сопоставимых данных, сохраняется, ввиду приверженности системе показателей ЦУР, и проблема неадекватности предлагаемых ООН показателей направленности отдельных целей и задач.

Исходя из необходимости решения этих проблем, на следующем этапе исследования планируется продолжение работы по повышению качества Индекса устойчивого развития стран БРКИС. В частности, предполагается заполнение пробелов данных за счет включения дополнительных индикаторов, не входящих в систему показателей ЦУР, по всему спектру Целей, а также подбор данных по скорректированным показателям, в большей степени отражающим направленность Повестки 2030. Будет также рассмотрен вопрос о целесообразности включения дополнительных показателей для углубления анализа по направлениям, не рассматриваемым напрямую в рамках Повестки 2030 — цифровизации и борьбы с пандемическими явлениями. Также прорабатываются пути совершенствования методологии для повышения наглядности и прозрачности результатов Индекса. Будет рассмотрен вопрос о доработке методики агрегирования результатов в рамках отдельных Целей и для ЦУР в целом.

По результатам этой работы будет опубликован итоговый Индекс устойчивого развития БРИКС, а также сводная таблица использованных статистических данных с авторскими расчетами. Результаты исследования могут стать основой практических рекомендаций по усилению вклада России в развитие повестки дня БРИКС в области устойчивого развития, в том числе в рамках председательства в 2024 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В. (2012) Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета. WWF России, РИА Новости. Режим доступа: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (дата обращения: 20.08.2022).

Bündnis Entwicklung Hilft-Ruhr University Bochum Institute for International Law of Peace and Armed Conflict (IFHV) (2021) World Risk Report. Режим доступа: https://weltrisikobericht.de/wp-content/uploads/2021/09/WorldRiskReport_2021_Online.pdf (дата обращения: 20.08.2022).

Center for Global Development (2020) The Commitment to Development Index 2020. Режим доступа: <https://www.cgdev.org/publication/commitment-development-index-2020> (дата обращения: 20.08.2022).

Center for Humanitarian Technologies (2010) Programma Razvitiya OON: Razvitiye Chelovecheskogo Potentsiala v Regionakh Rossii v 2010 Godu [United Nations Development Programme: Development of Human Potential in the Regions of Russia in 2010]. 29 October. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/news/state/2010/10/29/2715> (дата обращения: 20.08.2022). (in Russian)

Energy Policy Tracker (n.d.) Режим доступа: <https://www.energypolicytracker.org/> (дата обращения: 20.08.2022).

Environmental Performance Index (EPI) (2022) EPI Results. Режим доступа: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/component/epi> (дата обращения: 20.08.2022).

Federal State Statistics Service (n.d.) Status Razrabotki Pokazatelei TsUR [Status of Development of SDG Indicators]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status#> (дата обращения: 20.08.2022). (in Russian)

Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) (n.d.) Food and Agriculture Data. Режим доступа: <https://www.fao.org/faostat/en/#home> (дата обращения: 20.08.2022).

GAPFRAME (n.d.) Режим доступа: <https://gapframe.org/#> (дата обращения: 20.08.2022).

Global Green Growth Institute (GGGI) (n.d.) Green Growth Index: Scores and Ranks. Режим доступа: https://greengrowthindex.gggi.org/?page_id=2547 (дата обращения: 20.08.2022).

Hickel J. (2020) The Sustainable Development Index: Measuring the Ecological Efficiency of Human Development in the Anthropocene// Ecological Economics. Vol. 167. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.05.011> (дата обращения: 20.08.2022).

International Energy Agency (IEA) (2022) Sustainable Recovery Tracker: Monitoring Progress Towards Sustainable Recoveries From the Covid-19 Crisis. IEA Flagship Report. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/sustainable-recovery-tracker> (дата обращения: 20.08.2022).

International Energy Agency (IEA) (n.d.) Data and Statistics. Режим доступа: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-sets> (дата обращения: 20.08.2022).

Luomi M., Yilmaz F., al Shehri T., Howarth N. (2021) The Circular Carbon Economy Index: Methodological Approach and Conceptual Framework. KAPSARC Methodology Paper, 28 June. Режим доступа: <https://www.kapsarc.org/research/publications/the-circular-carbon-economy-index-methodological-approach-and-conceptual-framework/> (дата обращения: 20.08.2022).

MIT Technology Review (2021) The Green Future Index: A Ranking of 76 Economies on Their Progress and Commitment Toward Building a Low-Carbon Future. Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/2021/01/25/1016648/green-future-index/> (дата обращения: 20.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022) The Short and Winding Road to 2030: Measuring Distance to the SDG Targets. Режим доступа: <https://www.oecd.org/wise/measuring-distance-to-the-sdgs-targets.htm> (дата обращения: 20.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.a) Green Growth Indicators. Режим доступа: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=green_growth (дата обращения: 20.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.b) Measuring Well-Being and Progress: Well-Being Research. Режим доступа: <https://www.oecd.org/wise/measuring-well-being-and-progress.htm> (дата обращения: 20.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.c) OECD.Stat. Режим доступа: <https://stats.oecd.org/> (дата обращения: 20.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)-International Institute for Sustainable Development (IISD) (n.d.) Fossil Fuel Subsidy Tracker. Режим доступа: <https://fossilfuelsubsidytracker.org/> (дата обращения: 20.08.2022).

Sachs J., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. (2021) The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021. Режим доступа: <https://www.unsdsn.org/sustainable-development-report-2021> (дата обращения: 20.08.2022).

Social Progress Imperative (n.d.) Social Progress Index 2021. Режим доступа: <https://www.socialprogress.org/index/global/results> (дата обращения: 20.08.2022).

SOLABILITY (n.d.) Global Sustainability Competitiveness Index. Режим доступа: <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index> (дата обращения: 20.08.2022).

[Dataset] Sustainable Society Index (2018) Режим доступа: https://ssi.wi.th-koeln.de/latest_data.html (дата обращения: 20.08.2022).

Tamanini J. (2014) The Global Green Economy Index Measuring National Performance in the Green Economy. Режим доступа: <https://www.greengrowthknowledge.org/research/global-green-economy-index-measuring-national-performance-green-economy-4th-edition> (дата обращения: 20.08.2022).

United Nations (UN) (2016) Sistema Globalnikh Pokazateley Dostizheniya Tseley v Oblasti Ustoychivogo Razvitiya i Vypolneniya Zadach Povestki Dnya v Oblasti Ustoychivogo Razvitiya do 2030 Goda [Global Indicator Framework for the Sustainable Development goals and Target of the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly Resolution A/RES/71/313 (Annex). Режим доступа : https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf (дата обращения: 20.08.2022). (in Russian)

United Nations (UN) (2021) Sustainable Development Goals Report. Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/> (дата обращения: 20.08.2022).

[Dataset] United Nations (UN) (n.d.) SDG Indicators Database. Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/dataportal/database> (дата обращения: 20.08.2022).

United Nations Development Programme (UNDP) (n.d.a) Human Development Insights. Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking?utm_source=EN&utm_medium=GSR&utm_content=US_UNDP_PaidSearch_Brand_English&utm_campaign=CENTRAL&c_src=CENTRAL&c_src2=GSR&gclid=Cj0KCQiA5aWOBhDMARIsAIXLlkfAxxdML6UrBR3GWXwj3IoVlwntKvtapdSrnc5W9wj4D34wt2FjpwUaAnywEALw_wcB (дата обращения: 20.08.2022).

United Nations Development Programme (UNDP) (n.d.b) Gender Inequality Index (GII). Режим доступа: https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index?c_src=CENTRAL&c_src2=GSR&gclid=Cj0KCQiAi9mPBhCJARIsAHchl1yU6VuniuT_a_4tdrJ9q7klnOjb2n4mxRdzKZX7TPI5tVuhkEdroygaAqftEALw_wcB&utm_source=EN&utm_medium=GSR&utm_content=US_UNDP_PaidSearch_Brand_English&utm_campaign=CENTRAL#/indicies/GII (дата обращения: 20.08.2022).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) (n.d.) UIS.Stat. Режим доступа: <http://data.uis.unesco.org/#> (дата обращения: 20.08.2022).

World Bank (n.d.) World Bank World Development Indicators. Режим доступа: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> (дата обращения: 20.08.2022).

BRICS Sustainable Development Index: Methodological Aspects¹

I. Andronova, A. Sakharov

Inna Andronova — Doctor of Economics, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya Ulitsa, Moscow, 117198, Russia; aiv1207@mail.ru

Andrei Sakharov — Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; sakharov-ag@ranepa.ru

Abstract

This article discusses the methodological aspects of comparative research on sustainable development in order to form the BRICS Sustainable Development Index. The index can be considered as a mechanism for assessing the progress of the five BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) in achieving the United Nations' sustainable development goals (SDGs) in 2015–20.

The authors systematize the accumulated experience of international studies, indices, and rankings that address social, economic, and environmental aspects of sustainability, highlighting the key research problems of these works and intrinsic issues of the SDG methodological framework in general. The methodology of the BRICS Sustainable Development Index is described in detail, taking into account the conclusions on the applicability of the available experience for the purposes of the current study. The final section presents the interim results of the Index.

Keywords: Sustainable Development Goals (SDGs), 2030 Agenda for Sustainable Development, BRICS, sustainable development

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

For citation: Andronova I., Sakharov A. (2022) BRICS Sustainable Development Index: Methodological Aspects. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 23–47 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-02

References

Bobylev S.N., Minakov V.S., Solovyov S.V., Tretyakov V.V. (2012) Romanized Russian title should appear here [*Ecological and Economic Index of Regions of the Russian Federation: Methodology and Indicators for Calculation*]. WWF Russia-RIA Novosti. Available at: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (accessed 20 August 2022).

Bündnis Entwicklung Hilft-Ruhr University Bochum Institute for International Law of Peace and Armed Conflict (IFHV) (2021) World Risk Report. Available at: https://weltrisikobericht.de/wp-content/uploads/2021/09/WorldRiskReport_2021_Online.pdf (accessed 20 August 2022).

Center for Global Development (2020) The Commitment to Development Index 2020. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/commitment-development-index-2020> (accessed 20 August 2022).

Center for Humanitarian Technologies (2010) Programma Razvitiya OON: Razvitiye Chelovecheskogo Potentsiala v Regionakh Rossii v 2010 Godu [United Nations Development Programme: Development of Human Potential in the Regions of Russia in 2010]. 29 October. Available at: <https://gtmarket.ru/news/state/2010/10/29/2715> (accessed 20 August 2022). (in Russian)

¹ The editorial board received the article 20.06.2022.

Energy Policy Tracker (n.d.) Available at: <https://www.energypolicytracker.org/> (accessed 20 August 2022).

Environmental Performance Index (EPI) (2022) EPI Results. Available at: <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/component/epi> (accessed 20 August 2022).

Federal State Statistics Service (n.d.) Status Razrabotki Pokazatelei TsUR [Status of Development of SDG Indicators]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status#> (accessed 20 August 2022). (in Russian)

Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) (n.d) Food and Agriculture Data. Available at: <https://www.fao.org/faostat/en/#home> (accessed 20 August 2022).

GAPFRAME (n.d) Available at: <https://gapframe.org/#> (accessed 20 August 2022).

Global Green Growth Institute (GGGI) (n.d) Green Growth Index: Scores and Ranks. Available at: https://greengrowthindex.gggi.org/?page_id=2547 (accessed 20 August 2022).

Hickel J. (2020) The Sustainable Development Index: Measuring the Ecological Efficiency of Human Development in the Anthropocene. *Ecological Economics*, vol. 167. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.05.011>.

International Energy Agency (IEA) (2022) Sustainable Recovery Tracker: Monitoring Progress Towards Sustainable Recoveries From the Covid-19 Crisis. IEA Flagship Report. Available at: <https://www.iea.org/reports/sustainable-recovery-tracker> (accessed 20 August 2022).

International Energy Agency (IEA) (n.d.) Data and Statistics. Available at: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-sets> (accessed 20 August 2022).

Luomi M., Yilmaz F., al Shehri T., Howarth N. (2021) The Circular Carbon Economy Index: Methodological Approach and Conceptual Framework. KAPSARC Methodology Paper, 28 June. Available at: <https://www.kapsarc.org/research/publications/the-circular-carbon-economy-index-methodological-approach-and-conceptual-framework/> (accessed 20 August 2022).

MIT Technology Review (2021) The Green Future Index: A Ranking of 76 Economies on Their Progress and Commitment Toward Building a Low-Carbon Future. Available at: <https://www.technologyreview.com/2021/01/25/1016648/green-future-index/> (accessed 20 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022) The Short and Winding Road to 2030: Measuring Distance to the SDG Targets. Available at: <https://www.oecd.org/wise/measuring-distance-to-the-sdgs-targets.htm> (accessed 20 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.a) Green Growth Indicators. Available at: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=green_growth (accessed 20 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.b) Measuring Well-Being and Progress: Well-Being Research. Available at: <https://www.oecd.org/wise/measuring-well-being-and-progress.htm> (accessed 20 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.c) OECD.Stat. Available at: <https://stats.oecd.org/> (accessed 20 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)-International Institute for Sustainable Development (IISD) (n.d.) Fossil Fuel Subsidy Tracker. Available at: <https://fossilfuelsubsidytracker.org/> (accessed 20 August 2022).

Sachs J., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. (2021) The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021. Available at: <https://www.unsdsn.org/sustainable-development-report-2021> (accessed 20 August 2022).

Social Progress Imperative (n.d.) Social Progress Index 2021. Available at: <https://www.socialprogress.org/index/global/results> (accessed 20 August 2022).

SOLABILITY (n.d.) Global Sustainability Competitiveness Index. Available at: <https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index> (accessed 20 August 2022).

[Dataset] Sustainable Society Index (2018) Available at: https://ssi.wi.th-koeln.de/latest_data.html (accessed 20 August 2022).

Tamanini J. (2014) The Global Green Economy Index Measuring National Performance in the Green Economy. Available at: <https://www.greengrowthknowledge.org/research/global-green-economy-index-measuring-national-performance-green-economy-4th-edition> (accessed 20 August 2022).

United Nations (UN) (2016) Sistema Globalnikh Pokazateley Dostizheniya Tsey v Oblasti Ustoychivogo Razvitiya i Vypolneniya Zadach Povestki Dnya v Oblasti Ustoychivogo Razvitiya do 2030 Goda [Global Indicator Framework for the Sustainable Development goals and Target of the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly Resolution A/RES/71/313 (Annex). Available at: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Rus.pdf (accessed 20 August 2022). (in Russian)

United Nations (UN) (2021) Sustainable Development Goals Report. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/> (accessed 20 August 2022).

[Dataset] United Nations (UN) (n.d.) SDG Indicators Database. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/dataportal/database> (accessed 20 August 2022).

United Nations Development Programme (UNDP) (n.d.a) Human Development Insights. Available at: http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking?utm_source=EN&utm_medium=GSR&utm_content=US_UNDP_PaidSearch_Brand_English&utm_campaign=CENTRAL&c_src=CENTRAL&c_src2=GSR&gclid=Cj0KCQiA5aWOBhDMARIsAIXLlkfAxxdML6UrBR3GWXwj3IoVlwntKvtapdSrnC5W9wj4D34wt2FjpwUaAnywEALw_wcB (accessed 20 August 2022).

United Nations Development Programme (UNDP) (n.d.b) Gender Inequality Index (GII). Available at: https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index?c_src=CENTRAL&c_src2=GSR&gclid=Cj0KCQiAi9mPBhCJARIsAHchl1yU6VuniuT_a_4tdrJ9q7klnOjb2n4mxRdzKZX7TPI5tVuhkEdroygaAqftEALw_wcB&utm_source=EN&utm_medium=GSR&utm_content=US_UNDP_PaidSearch_Brand_English&utm_campaign=CENTRAL#/indicies/GII (accessed 20 August 2022).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) (n.d.) UIS.Stat. Available at: <http://data.uis.unesco.org/#> (accessed 20 August 2022).

World Bank (n.d.) World Bank World Development Indicators. Available at: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> (accessed 20 August 2022).

Глобальные системно значимые банки: все еще угроза для финансовой стабильности?¹

Э.П. Джагитян, М.И. Орехов

Джагитян Эдуард Павлович — к.э.н., доцент департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Россия, 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, стр. 1; edzhagityan@hse.ru

Орехов Михаил Игоревич — приглашенный преподаватель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); н.с. Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара; Россия, Москва, 125993, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1; morehov@hse.ru

Аннотация

Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. и последовавшая за ним фундаментальная реформа международного банковского регулирования вынудили финансовых регуляторов применить к глобальным системно значимым банкам (ГСЗБ) особый режим надзора. Одной из причин такого подхода стал рост системных рисков ГСЗБ и активизация каналов их трансмиссии в условиях нестабильности макросреды. Размеры ГСЗБ, масштаб их деятельности и гетерогенность операционных моделей обусловили двойственность их роли в обострении системной нестабильности: являясь источником системных рисков для макроуровня, они в то же время выступают проводниками кризисных явлений на микроуровне, тем самым усиливая свою подверженность процессам рискообразования.

В этих условиях задачи посткризисного восстановления потребовали пересмотра регулятивных приоритетов, которые сместились с обеспечения рентабельности ГСЗБ к обеспечению их стрессоустойчивости, в том числе путем применения к ним более жестких стандартов капитала и требований к ликвидности, что в конечном итоге укрепило экономический иммунитет ГСЗБ к внешним шокам. Вместе с тем вопросы роли ГСЗБ в обострении системной стрессовости все еще остаются нерешенными, что является следствием нерешенности вопросов системной значимости ГСЗБ. Соответственно, остаются неразрешенными дилеммы кризисогенности и ликвидности. При этом, учитывая высокий уровень взаимосвязанности ГСЗБ в международной финансовой среде, их дисфункция может спровоцировать цепную реакцию несостоятельности и банкротств в международной банковской сфере.

На основе статистических данных 2011–2021 гг. по всем ГСЗБ, включенным в ежегодные списки Совета по финансовой стабильности, мы выявили некоторое снижение системных рисков ГСЗБ, в том числе за счет дальнейшего укрепления их рыночной дисциплины, что свидетельствует о верном векторе международной регулятивной политики. Мы также пришли к выводу, что стрессоустойчивость ГСЗБ, достигнутая в результате применения к ним дополнительных буферов капитала в рамках Базеля III и стандарта TLAC, стала основным фактором обеспечения финансовой стабильности на уровне, достаточном не только для надлежащей функциональности ГСЗБ в период пандемии COVID-19, но также и для минимизации риска коллапса банковских систем и трансформации «коронакризиса» в полномасштабный кризис. Вместе с тем задача регулятивной реформы по ограничению системной значимости ГСЗБ не была решена, что обусловлено отсутствием надзорных инструментов по минимизации негативных эффектов международной взаимосвязанности ГСЗБ.

¹ Статья поступила в редакцию 18.03.2022.

Ключевые слова: глобальный системно значимый банк (ГСЗБ), пандемия COVID-19, Базель III, TLAC, стрессоустойчивость, системная значимость, системные риски, финансовая стабильность

Благодарности: данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в рамках конкурса проектных групп в 2021 г.

Для цитирования: Джагитян Э.П., Орехов М.И. Глобальные системно значимые банки: все еще угроза для финансовой стабильности? // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 48–74 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-03

Введение

Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. развенчал примат рыночного регулирования финансового сектора. Последовавшая за кризисом фундаментальная реформа политики регулирования в банковской сфере (Базель III) ознаменовала усиление надзора за кредитными организациями. Особое внимание было уделено ведущим международным банкам, что обусловлено важностью их деятельности как финансовых посредников в международной финансовой среде: хотя их эффективность, как и любых других финансовых институтов (при прочих равных условиях), зависит от состояния макроуровня и динамики мировых финансовых рынков, их деятельность, в отличие от остальных банков, оказывает встречное влияние на динамику макроуровня и финансовых рынков, что объясняется их размером и активностью в ключевых сегментах мирового рынка капитала.

На фоне хрупкости посткризисного восстановления и внешних шоков, угрожающих финансовой стабильности, на передний план выдвигаются вопросы стрессоустойчивости международных финансовых институтов, прежде всего тех из них, которые относятся к категории глобальных системно значимых банков (ГСЗБ)². В рамках посткризисной регулятивной парадигмы стрессоустойчивость определяется способностью банков к непрерывной деятельности в условиях дестабилизации макросреды, в том числе посредством абсорбирования (то есть нейтрализации без ущерба для основной деятельности) убытков и, соответственно, минимизации системных рисков. В этой связи стрессоустойчивость ГСЗБ должна обеспечить экономический иммунитет банковской сферы к диспропорциям на макроуровне и, следовательно, свести к минимуму вероятность новых кризисов.

Вместе с тем системные риски в банковской сфере остаются одним из основных факторов кризисогенности, что главным образом обусловлено масштабом деятельности ГСЗБ. В данной статье предстоит выяснить, в какой мере международная реформа банковского регулирования оказала влияние на уровень системных рисков и стрессоустойчивости ГСЗБ, а также понять, продолжает ли системная значимость ГСЗБ оставаться вызовом для финансовой стабильности. Кроме того, предстоит оценить роль посткризисного регулятивного порядка в преодолении последствий пандемии COVID-19.

² Global systemically important banks (G-SIBs), известные также как банки категории “too-big-to-fail”.

³ Для целей настоящей статьи термины «международный банк» и «глобальный системно значимый банк» имеют одинаковое значение, если иное особо не оговорено авторами.

Мировой банковский сектор в условиях пандемии COVID-19

Кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, нанес ощутимый удар по мировой экономике, включая банковский сектор. Не успев полностью оправиться от кризиса 2007–2009 гг., международная финансовая среда оказалась в тисках принципиально иных рисков, связанных как с внезапностью нового кризиса, так и с непредсказуемостью его продолжительности, глубины и последствий. Волатильность мировых финансовых рынков в период «коронакризиса» в 8 раз превышала их волатильность в период мирового финансового кризиса [Gunay, 2021]. Драматизм ситуации заключался также и в том, что банки фактически в одночасье растеряли потенциал, достигнутый в период посткризисного восстановления (табл. 1), что стало следствием отсутствия у них готовых решений по адаптации операционных моделей к неэкономическим особенностям кризиса. Так, в 2020 г. убытки банков по ранее выданным кредитам в 88 экономиках мира составили 892 млрд долл., что на 64% больше уровня потерь в 2019 г. [S&P Global Ratings, 2021].

Таблица 1. Распределение банков в соответствии с прогнозными рейтингами Fitch Ratings в 2015–2021 гг.

Прогноз	По состоянию на конец года (в % к итогу)						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Стабильный	75,6	71,4	79,8	78,5	80,1	39,6	80
Негативный	14,8	21,4	10,7	13,1	12,6	57,8	13,3
Позитивный	6,2	4,4	7,6	7,0	5,1	0,6	7,0
Разнонаправленный	3,4	2,8	1,9	1,4	2,2	2,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Fitch Ratings, 2021].

Вместе с тем резкое усиление кризисогенности в банковском секторе сменилось столь же неожиданным и быстрым восстановлением в том же 2020 г., о чем свидетельствуют рыночные (табл. 2) и операционные (табл. 3) параметры ведущих международных банков. Кроме того, ожидается, что потери банков по кредитам в 2020–2021 гг. составят не 2,1 трлн долл., как полагали эксперты в июле 2020 г., а лишь 1,8 трлн долл. [Ibid.], а в 2022 г. данный показатель снизится до 585 млрд долл. [Ibid., 2022]. Оптимизм в части преодоления последствий кризиса вселяют также и прогнозы по показателям эффективности банковских секторов: так, в США объем невозвратных ссуд может составить около 254 млрд долл. в 2020–2022 гг., или 2,5% от всего объема выданных кредитов, что на 4,1 процентного пункта меньше, чем в кризис 2007–2009 гг., а доходность капитала американских банков должна восстановиться до докризисного уровня уже по итогам 2021 г. [Deloitte, 2021]⁴.

⁴ Здесь и далее представлены статистические данные, доступные на момент направления статьи в редакцию.

Таблица 2. Рыночная капитализация ГСЗБ в 2020–2021 гг., млрд долл.

Наименование ГСЗБ	По состоянию на:					
	01.01.2020	01.04.2020	01.07.2020	01.10.2020	01.01.2021	01.01.2022
JPMorgan Chase	429,9	274,3	282,3	293,4	387,3	494,0
HSBC	160,2	114,4	98,8	79,0	105,5	132,9
Citigroup	168,9	87,7	105,2	89,8	128,4	130,5
Deutsche Bank	16,0	13,6	19,4	17,4	22,7	29,5
BNP Paribas	73,8	37,9	49,7	45,4	66,2	84,9
Barclays	40,8	20,2	25,5	21,8	34,7	47,5
Bank of America	311,2	184,2	202,1	208,7	259,8	402,5
Credit Suisse	33,0	20,0	25,1	24,5	31,6	24,4
Morgan Stanley	81,5	53,6	75,3	76,2	124,0	186,7
Goldman Sachs	79,9	53,2	67,9	69,2	90,7	132,6
Mitsubishi UFJ	70,0	48,0	50,5	50,6	56,8	79,3
Société Générale Group	28,8	14,2	14,4	10,6	15,8	31,2
Group Crédit Agricole	41,8	21,3	28,4	25,3	37,0	43
UBS	45,6	33,8	42,0	40,2	51,2	66,7
Santander	69,4	40,6	42,7	31,2	54,0	61,1
Bank of China	201,3	183,9	181,5	124,7	131,2	131,0
Industrial and Commercial Bank of China	432,5	376,7	350,0	237,2	259,7	252,6
Wells Fargo	222,4	117,6	103,9	96,9	124,8	218,4
Mizuho FG	39,2	29,0	31,4	31,5	32,0	32,3
Bank of New York Mellon	45,3	29,8	33,6	30,4	37,6	51,5
UniCredit	32,1	17,7	20,4	17,4	18,9	33,9
State Street	28,3	18,8	22,4	20,9	25,7	37,2
ING Group	46,7	20,6	28,3	27,7	36,7	56,2
Sumitomo Mitsui FG	50,8	33,2	38,9	37,8	42,5	47,2
Groupe BPCE	13,8	10,3	8,1	6,7	9,7	15,1
Standard Chartered	30,0	18,5	18,3	14,8	19,4	20,3
Agricultural Bank of China	181,9	163,6	165,0	157,8	164,7	157,9
China Construction Bank	217,7	205,1	203,0	164,4	191,9	175,4
Royal Bank of Canada	112,5	87,5	97,1	99,3	116,7	159,8
Toronto Dominion	101,1	76,3	80,4	83,5	102,4	144,3
<i>Итого</i>	<i>3 406,4</i>	<i>2 405,6</i>	<i>2 511,6</i>	<i>2 234,3</i>	<i>2 779,6</i>	<i>3 479,9</i>

Примечание. Рыночная капитализация по состоянию на 1 апреля, 1 июля, 1 октября 2020 г. и 1 января 2021 г. отражает деятельность ГСЗБ в условиях пандемии COVID-19.

Источник: [CompaniesMarketCap, 2021].

Таблица 3. Резервы на возможные потери по кредитам в 2020 г., млрд долл.

Страна/регион	I квартал	II квартал	III квартал
Топ-100 банков Северной Америки (без США)	50,1	64,2	16,7
Топ-100 банков США	29,8	32,7	9,7
Топ-100 банков ЕС	33,6	35,2	20,6
Топ-100 банков АТР	47,7	55,7	11,8

Источник: [Deloitte, 2020].

В этой связи возникают вопросы:

- действительно ли устойчивость к «коронашоку» и стремительное восстановление в банковском секторе стали следствием перехода к Базелю III и укрепления стрессоустойчивости ГСЗБ?
- в какой мере усилия регуляторов по снижению рискогенности ГСЗБ отвечают задачам минимизации системных рисков?
- не являются ли особенности и масштабы деятельности ГСЗБ помехой для достижения финансовой стабильности?

Демонтаж дерегулирования, системные риски и Базель III

Дерегулирование банковской деятельности на фоне активной фазы финансовой глобализации в 1990–2000-х годах и расширения масштаба деятельности международных банков привело к усилению системных рисков [Ioannou, Wójcik, Dymski, 2019] и активизации каналов их трансмиссии [Straetmans, Chaudhry, 2015; Ayhan Kose, Prasad, Terrones, 2009]. В отсутствие стабилизационных механизмов в регулятивной политике кризисные явления на рубеже 2010-х годов распространились также и за пределы банковской сферы. Стало ясно, что для преодоления последствий кризиса потребуется принципиально иной формат банковского регулирования, основанный на укреплении капитальной базы банков и механизме минимизации их системных рисков. С этой целью международными регуляторами, включая Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН)⁵ и Совет по финансовой стабильности (СФС)⁶, был разработан новый регулятивный порядок, в рамках которого был демонтирован механизм дерегулирования, сформированы алгоритм укрепления стрессоустойчивости банков и порядок урегулирования их несостоятельности, а квинтэссенцией регулятивной политики стала финансовая стабильность. Иными словами, посткризисная регулятивная модель должна была сформировать экономический иммунитет ГСЗБ к кризисным явлениям и на этой основе — снизить системные риски с целью восстановления роли банковского сектора как движущей силы экономического роста. При этом достижение цели реформы зависело от эффективности решения следующих задач:

- укрепление стрессоустойчивости ГСЗБ за счет повышения уровня минимальной достаточности их капитала и ликвидности;

⁵ Basel Committee on Banking Supervision (BCBS).

⁶ Financial Stability Board (FSB).

- снижение стрессовости банковского сектора⁷ за счет минимизации риска несостоятельности ГСЗБ;
- обеспечение финансовой стабильности, основанной на выполнении двух предыдущих задач.

Поскольку кризис 2007–2009 гг. зарождался в банковской сфере, а ГСЗБ являются ключевыми маркет-мейкерами на финансовых рынках, особое внимание регуляторов было уделено вопросам их состоятельности, так как в периоды нестабильности они становились основным очагом и катализатором системных рисков [Borri, di Giorgio, 2021], главным проводником системных рисков [Andrieș et al., 2022] и в конечном итоге — тормозом развития мировой экономики [FSB, 2013]. В этой связи были изменены приоритеты в их регулировании: вместо рентабельности на первый план вышла задача укрепления их стрессоустойчивости, что, в свою очередь, должно было расчистить путь для минимизации системной стрессовости и достижения финансовой стабильности.

ГСЗБ в контексте посткризисной регулятивной парадигмы

ГСЗБ как детерминанты макросреды

Деятельность ГСЗБ влияет на состояние и динамику не только банковского сектора и даже не финансовой системы, а экономики в целом [Lorenc, Zhang, 2020]. Это объясняется впечатляющим объемом их активов, которые в 2020 г. составили 34,4% к активам мировой банковской сферы и 73,1% к объему мирового ВВП (рис. 1). Важно также отметить их доминирующие позиции в ряде национальных банковских секторов (рис. 2).

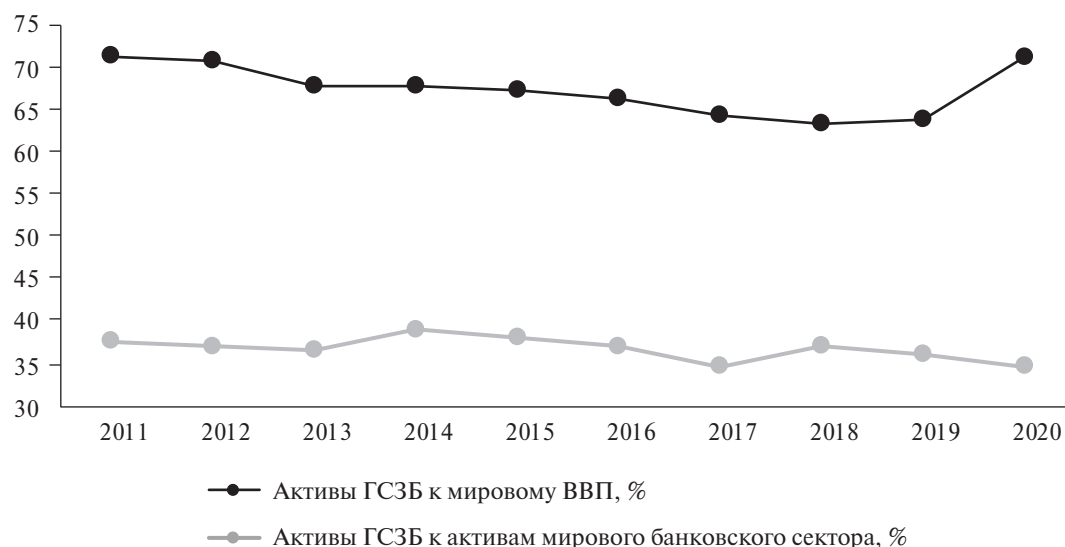

Рис. 1. Доля активов ГСЗБ в активах мирового банковского сектора и в объеме мирового ВВП в 2011–2020 гг.

Источник: [Macrotrends, n.d.; Statista, n.d.].

⁷ Необходимо отметить, что наряду с Базелем III задачи снижения системной стрессовости в финансовом секторе возложены также и на инструменты макропруденциального регулирования, которые в данной статье не рассматриваются, поскольку являются предметом отдельного исследования.

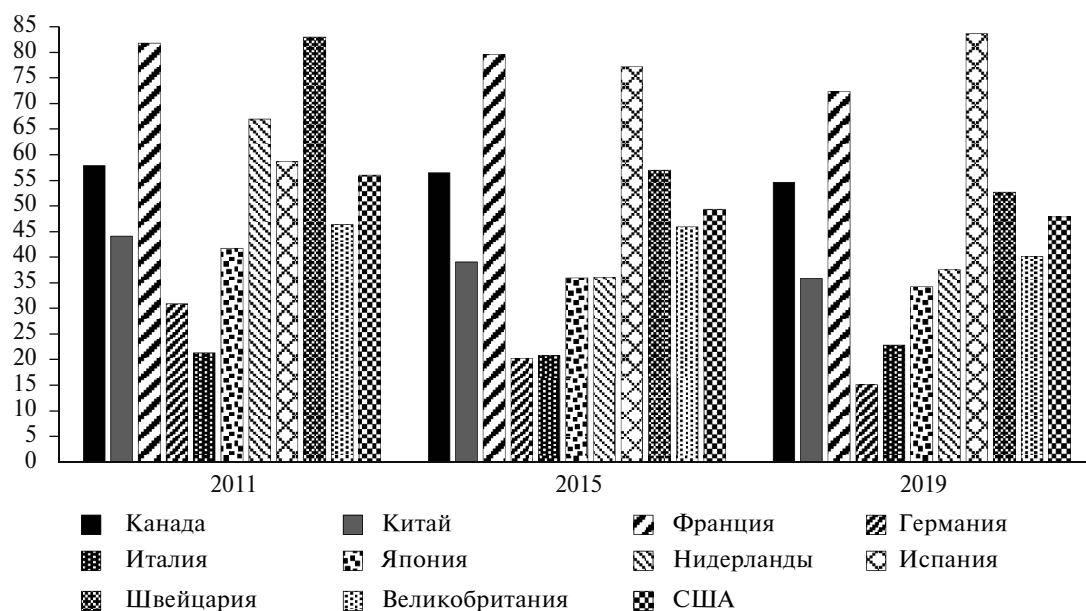

Рис. 2. Активы ГСЗБ к активам национальных банковских секторов в 2011, 2015 и 2019 гг., %

Источник: [Statista, n.d.].

С одной стороны, «влиятельность» ГСЗБ определяется их размером и масштабом деятельности на мировых финансовых рынках, с другой — их ролью как основных проводников внешних шоков в банковский сектор [Silva, Pino, 2021] и в нефинансовую сферу [Aysun, 2016]. Такая двойственность обусловлена высоким уровнем диверсификации их активов, что открывает дополнительные возможности по осуществлению ими высокорисковых операций. При этом чем крупнее ГСЗБ, тем заметнее его воздействие на состояние макроуровня. Так, негативное влияние на динамику ВВП, оказываемое неустойчивым финансовым положением международных банков, входящих в топ 0,15% банков по размеру активов, в 2 раза превышает тот же эффект от банков, входящих в топ 0,75%, и в 3 раза — от банков, входящих в топ 1% [Lorenc, Zhang, 2020]. Кроме того, масштабность банковской деятельности фактически является зеркалом доверия к нему со стороны инвесторов и других участников рынка, поскольку ГСЗБ демонстрируют способность извлекать относительно высокую норму прибыли по сравнению с банками меньших размеров вне зависимости от внешних факторов [Feng, Zhang, 2012]. Необходимо также отметить, что в периоды нестабильности ГСЗБ остаются основными кредиторами экономики, в то время как банки других эшелонов вынуждены перераспределять свои операции в сторону непроцентных доходов [Tran, Hoang, Nguyen, 2020], тем самым увеличивая издержки адаптации операционных моделей к новым условиям внешней среды.

ГСЗБ как очаг системных рисков

Деятельность ГСЗБ объективно ведет к обострению системных рисков⁸ [Gulamhussen, Pinheiro, Pozzolo, 2014], что в условиях нестабильности может девальвировать

⁸ Под системными рисками (systemic risks) понимается вероятность трансмиссии рисков банковского сектора на макроуровень. Финансовая глобализация — объективный катализатор си-

усилия «Группы двадцати» и международных регуляторов по достижению финансовой стабильности [Schuknecht, Siegerink, 2020]. В то же время эффективность мер, обеспечивающих стрессоустойчивость ГСЗБ, частично размывается спецификой нетрадиционной денежно-кредитной политики [Rubio, Yao, 2020], в рамках которой низкие и отрицательные процентные ставки центральных банков ряда стран препятствуют возврату к докризисной рентабельности в банковском секторе, а относительно невысокая норма прибыли, хотя и обеспечивает достаточность капитала на приемлемом уровне, тем не менее в определенной мере тормозит развитие банковского сектора в части обеспечения межбанковской ликвидности.

Другим фактором системной стрессовости является взаимосвязанность ГСЗБ, которая в случае их дисфункции может стать причиной несостоятельности широкого круга банков, осуществляющих с ними операционное взаимодействие. При этом эффект взаимосвязанности усиливается дилеммой кризисогенности: с одной стороны, ГСЗБ подвержены кризисным явлениям [Shahzad, Hoang, Arreola-Hernandez, 2019], а с другой — они сами являются эпицентром и проводником системных рисков [Borri, di Giorgio, 2021]. Зачастую эти два аспекта действуют одновременно, вследствие чего с деятельностью ГСЗБ логически связана также и дилемма ликвидности: функция ГСЗБ как основного кредитора экономики вступает в противоречие с их обязательством по соответствию требованиям банковского надзора. К тому же с ростом уровня взаимосвязанности растет и степень угрозы ГСЗБ для финансовой стабильности [Bostandzic, Weiß, 2018] по всей типологии рисков — общеэкономических, рыночных и рисков микроуровня [Mohanty et al., 2018]. Несмотря на усилия международных финансовых регуляторов, уровень взаимосвязанности ГСЗБ в посткризисный период не только не снизился, но даже возрос по основным регулятивным критериям (табл. 4).

Таблица 4. Параметры взаимосвязанности ГСЗБ в 2013–2020 гг.
(по методологии БКБН) (на конец года, млрд евро)

Критерий взаимосвязанности ГСЗБ	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Активы в других финансовых институтах	7 718,0	7 868,6	8 098,6	7 834,2	6 936,0	7 317,6	7 754,8	7 762,5
Обязательства перед другими финансовыми институтами	7 830,9	8 867,9	8 898,5	8 847,4	8 113,1	8 230,1	8 675,4	9 047,8
Ценные бумаги в обращении	10 836,2	12 214,4	12 499,3	13 337,1	13 510,4	13 083,7	14 694,1	13 340,0

Источник: [BIS, 2022].

Сбалансированность банковского сектора является точкой опоры для бескризисного развития. Поэтому регулятивные меры, обеспечивающие рыночную дисциплину ГСЗБ, представляют собой фактически безальтернативный подход, способный создать надежный антикризисный фундамент в финансовой сфере. В этой связи не вы-

стемных рисков, являющихся одним из факторов мировых финансовых и экономических кризисов.

держивают критики предлагаемые (и внедряемые) меры, направленные на ослабление регулятивного режима, якобы необходимые для активизации экономического роста, повышения доступности банковских услуг для потребителей и снижения внутрибанковских издержек⁹. Попытки перехода к дерегулированию 2.0 осуществляются на фоне довольно убедительных аргументов ряда исследователей о том, что ослабление надзорной политики неизбежно обострит системные риски [Zhang et al., 2021; Davydov, Vähämaa, Yasar, 2021], что в свое время и стало основной причиной мирового финансового кризиса.

ГСЗБ как особый объект банковского регулирования

Для обеспечения стрессоустойчивости к ГСЗБ применяются особые меры надзора, однако в академической и экспертной среде пока нет единого мнения о возможных последствиях для мировой экономики. Одни авторы считают, что регулирование ГСЗБ должно предусматривать определенные послабления, включая финансовую помощь государства в случае их несостоятельности, поскольку жесткость регулятивного режима может затруднить не только «дерискизацию» ГСЗБ [Ayadi et al., 2016], но и выполнение ими функции кредитора экономики [Poledna, Bochmann, Thurner, 2017], в связи с чем издержки антикризисных мер могут снизить эффективность мер, направленных на посткризисное восстановление [Gunay, 2021; Welfens, 2008]. Другие полагают, что надзорные послабления могут усилить нестабильность в финансовой сфере в случае обострения системных рисков и предлагают ужесточить регулирование не только ГСЗБ [Poledna, Bochmann, Thurner, 2017], но также и их зарубежных подразделений [Kupiec, 2016], которые не исключали бы даже банкротство ГСЗБ [Schuknecht, Siegerink, 2020].

Риски дисфункции ГСЗБ и их системная угроза стали основными критериями, которые побудили международных регуляторов к разрешению дилеммы кризисогенности и ликвидности через призму трех основных целей:

- снижение уровня системной значимости ГСЗБ как основного фактора снижения системных рисков;
- снижение риска несостоятельности ГСЗБ путем укрепления их способности абсорбировать возможные убытки;
- снижение вероятности дефолта/банкротства ГСЗБ путем совершенствования механизма урегулирования их несостоятельности [BCBS, 2021a].

Необходимо отметить, что снижение риска несостоятельности и банкротства ГСЗБ во многом зависит от того, в какой мере снижение уровня их системной значимости оказывает влияние на их стрессоустойчивость. В этой связи БКБН и СФС сформулировали для ГСЗБ ряд количественных критериев (размер, масштаб международной деятельности, взаимосвязанность, заменимость в случае несостоятельности, сложность операционной модели), исходя из которых арсенал регулятивной политики пополнился рычагами сдерживания и снижения уровня их системной значимости. Данный подход способствовал переходу механизма идентификации рисков в банковской сфере на более высокую октаву эффективности, что в контексте усилий по минимизации рискогенности является одним из основных факторов стрессоустойчивости в банковской сфере.

⁹ Так, смягчение регулятивного режима предусмотрено Законом США об экономическом росте, смягчении режима регулирования и защите прав потребителей (The Economic Growth, Regulatory Relief, and Consumer Protection Act of 2018).

Стрессоустойчивость ГСЗБ как результат посткризисного регулятивного порядка

Внедрение Базеля III и эффективность регулятивной реформы

К моменту завершения внедрения Базеля III в 2019 г. цели по укреплению стрессоустойчивости ГСЗБ в основном были достигнуты. К числу основных факторов стрессоустойчивости можно отнести:

- снижение риска несостоятельности¹⁰ вследствие применения к ГСЗБ более высокого, по сравнению с банками несистемной категории, уровня минимальной достаточности капитала;
- снижение риска ликвидности вследствие применения к ГСЗБ требований к стабильности фондирования из внешних источников;
- снижение зависимости от межбанковских депозитов в качестве источника формирования активов;
- снижение объема ценных бумаг на балансе ГСЗБ;
- снижение зависимости кредитного потенциала ГСЗБ от жесткости их регулирования;
- снижение издержек по регулятивному соответствию вследствие диверсификации доходной базы;
- снижение издержек по адаптации к внешним изменениям вследствие оптимизации структуры баланса [Goel, Lewrick, Mathur, 2019; Behn, Haselmann, Wachtel, 2016; FSB, 2021a; Martynova, Vogel, 2022].

Вместе с тем цели по снижению системной значимости ГСЗБ достигнуть не удалось: из 12 показателей, отнесенных к критериям системной значимости, активность ГСЗБ снизилась только по операциям с финансовыми деривативами [BIS, 2022]. Рост уровня рисков в середине 2010-х годов отмечался в работах ряда авторов [Bostandzic, Weiß, 2018; Mohanty et al., 2018]; последующий анализ показал, что основная причина «пробуксовки» Базеля III для ГСЗБ заключалась в ограниченной системности реформы, которая до того момента была основана на применении к ним преимущественно традиционных стандартов надзора, включая надбавку к капиталу за системную значимость (табл. 5). Следствием такого подхода стало обострение конкуренции между ГСЗБ в части операций с инструментами повышенного риска [Davis, Karim, Noel, 2020], снижение среднего по ГСЗБ уровня достаточности капитала в 2016 г., что объективно привело к обострению системных рисков (табл. 5, 6).

Несмотря на усилия «Группы двадцати», СФС и БКБН по снижению уровня системной значимости в международной банковской среде, общее количество ГСЗБ в посткризисный период, напротив, выросло – с 27 банков в 2012 г. до 30 в 2021 г. В то же время усиление международного надзора за достаточностью капитала ГСЗБ и внедрение других обязательных нормативов привело к переходу ряда ГСЗБ в категорию банков с меньшим уровнем системной значимости (HSBC, Citigroup, Deutsche Bank, Barclays) и даже выбытию из списка СФС (Royal Bank of Scotland, Nordea, BBVA). Вместе с тем в посткризисный период значительно возросли системная значимость и системные риски ГСЗБ Китая – в отличие от ГСЗБ других юрисдикций, где наблюдается противоположная тенденция. Во многом это обусловлено сохранением ведущей роли китайских банков как одного из ключевых кредиторов мировой экономики, с одной

¹⁰ Под несостоятельностью кредитного института понимается снижение его рыночной капитализации более чем на 50% и/или снижение его кредитного рейтинга ниже инвестиционного уровня (см, например: [Goel, Lewrick, Mathur, 2019]).

Таблица 5. Уровень системной значимости и системных рисков ГСЗБ в 2011–2021 гг.

Наименование ГСЗБ		По состоянию на 1 ноября:																	
		2011	2012	2013	2014	2015	2016		2017		2018	2019	2020	2021					
JPMorgan Chase	–	2,5 (4)	2,5 (4)	2,5 (4)	504	2,5 (4)	495	2,5 (4)	464	2,5 (4)	467	2,5 (4)	441	2,5 (4)	437	2,0 (3)	421	2,5 (4)	441
HSBC	–	2,5 (4)	2,5 (4)	2,5 (4)	477	2,5 (4)	439	2,0 (3)	416	2,0 (3)	410	2,0 (3)	410	2,0 (3)	425	2,0 (3)	393	2,0 (3)	369
Citigroup	–	2,5 (4)	2,0 (3)	2,0 (3)	426	2,0 (3)	426	2,5 (4)	430	2,0 (3)	410	2,0 (3)	377	2,0 (3)	382	2,0 (3)	369	2,0 (3)	377
Deutsche Bank	–	2,5 (4)	2,0 (3)	2,0 (3)	417	2,0 (3)	360	2,0 (3)	357	2,0 (3)	334	2,0 (3)	363	1,5 (2)	295	1,5 (2)	264	1,5 (2)	262
BNP Paribas	–	2,0 (3)	2,0 (3)	2,0 (3)	407	2,0 (3)	405	2,0 (3)	329	1,5 (2)	311	1,5 (2)	315	1,5 (2)	314	1,5 (2)	306	2,0 (3)	333
Barclays	–	2,0 (3)	2,0 (3)	2,0 (3)	384	2,0 (3)	349	1,5 (2)	308	1,5 (2)	291	1,5 (2)	284	1,5 (2)	276	1,5 (2)	275	1,5 (2)	250
Bank of America	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,5 (2)	305	1,5 (2)	324	2,0 (3)	345	2,0 (3)	347	1,5 (2)	326	1,5 (2)	323	1,5 (2)	312	1,5 (2)	291
Credit Suisse	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,5 (2)	264	1,5 (2)	269	1,5 (2)	274	1,0 (1)	228	1,0 (1)	211	1,0 (1)	196	1,0 (1)	190	1,0 (1)	186
Morgan Stanley	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,5 (2)	259	1,5 (2)	236	1,0 (1)	212	1,0 (1)	213	1,0 (1)	222	1,0 (1)	206	1,0 (1)	207	1,0 (1)	221
Goldman Sachs	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,5 (2)	247	1,5 (2)	261	1,5 (2)	252	1,5 (2)	254	1,5 (2)	242	1,5 (2)	236	1,0 (1)	225	1,5 (2)	232
Mitsubishi UFJ	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,5 (2)	242	1,5 (2)	242	1,5 (2)	269	1,5 (2)	287	1,5 (2)	281	1,5 (2)	307	1,5 (2)	302	1,5 (2)	292
Royal Bank of Scotland	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,5 (2)	238	1,0 (1)	213	1,0 (1)	154	1,0 (1)	128	–	–	–	–	–	–	–	–
Société Générale Group	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	225	1,0 (1)	210	1,0 (1)	209	1,0 (1)	200	1,0 (1)	204	1,0 (1)	198	1,0 (1)	195	1,0 (1)	204
Group Crédit Agricole	–	1,0 (1)	1,5 (2)	1,0 (1)	218	1,0 (1)	186	1,0 (1)	167	1,0 (1)	161	1,0 (1)	180	1,0 (1)	188	1,0 (1)	197	1,0 (1)	201
UBS	–	1,5 (2)	1,5 (2)	1,0 (1)	201	1,0 (1)	189	1,0 (1)	190	1,0 (1)	184	1,0 (1)	189	1,0 (1)	182	1,0 (1)	177	1,0 (1)	178
Santander	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	196	1,0 (1)	208	1,0 (1)	202	1,0 (1)	193	1,0 (1)	209	1,0 (1)	201	1,0 (1)	199	1,0 (1)	192
Bank of China	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	182	1,0 (1)	207	1,0 (1)	223	1,5 (2)	231	1,5 (2)	254	1,5 (2)	287	1,5 (2)	295	1,5 (2)	287
Industrial and Commercial Bank of China	–	–	1,0 (1)	1,0 (1)	181	1,0 (1)	197	1,5 (2)	257	1,5 (2)	266	1,5 (2)	283	1,5 (2)	288	1,5 (2)	297	1,5 (2)	303
Wells Fargo	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	171	1,0 (1)	203	1,5 (2)	250	1,5 (2)	242	1,5 (2)	238	1,5 (2)	234	1,0 (1)	220	1,0 (1)	176

Наименование ГСЗБ	По состоянию на 1 ноября:																		
	2011	2012	2013	2014	2015		2016		2017		2018		2019		2020		2021		
Mizuho FG	–	–	1,0 (1)	1,0 (1)	151	1,0 (1)	160	1,0 (1)	167	1,0 (1)	187	1,0 (1)	194	1,0 (1)	194	1,0 (1)	202	1,0 (1)	219
Bank of New York Mellon	–	1,5 (2)	1,0 (1)	1,0 (1)	150	1,0 (1)	151	1,0 (1)	160	1,0 (1)	152	1,0 (1)	153	1,0 (1)	152	1,0 (1)	156	1,0 (1)	160
UniCredit	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	148	1,0 (1)	165	1,0 (1)	148	1,0 (1)	134	1,0 (1)	142	1,0 (1)	142	1,0 (1)	146	1,0 (1)	145
State Street	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	148	1,0 (1)	147	1,0 (1)	148	1,0 (1)	149	1,0 (1)	147	1,0 (1)	140	1,0 (1)	142	1,0 (1)	146
ING Group	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	144	1,0 (1)	132	1,0 (1)	140	1,0 (1)	159	1,0 (1)	161	1,0 (1)	169	1,0 (1)	160	1,0 (1)	155
Sumitomo Mitsui FG	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	142	1,0 (1)	142	1,0 (1)	154	1,0 (1)	180	1,0 (1)	173	1,0 (1)	186	1,0 (1)	197	1,0 (1)	193
Groupe BPCE	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	141	1,0 (1)	151	1,0 (1)	126	–	–	1,0 (1)	130	1,0 (1)	129	1,0 (1)	128	1,0 (1)	128
Standard Chartered	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	133	1,0 (1)	142	1,0 (1)	133	1,0 (1)	132	1,0 (1)	131	1,0 (1)	140	1,0 (1)	140	1,0 (1)	130
Agricultural Bank of China	–	–	–	1,0 (1)	132	1,0 (1)	164	1,0 (1)	191	1,0 (1)	176	1,0 (1)	183	1,0 (1)	180	1,0 (1)	195	1,0 (1)	216
Nordea	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	121	1,0 (1)	129	1,0 (1)	123	1,0 (1)	115	–	–	–	–	–	–	–	–
BBVA	–	1,0 (1)	1,0 (1)	1,0 (1)	92	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
China Construction Bank	–	–	–	–	–	1,0 (1)	157	1,0 (1)	210	1,5 (2)	251	1,0 (1)	225	1,0 (1)	224	1,5 (2)	241	1,5 (2)	236
Royal Bank of Canada	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,0 (1)	139	1,0 (1)	146	1,0 (1)	153	1,0 (1)	166	1,0 (1)	167
Toronto Dominion	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,0 (1)	131	1,0 (1)	144	1,0 (1)	142

Примечания.

1. Список ГСЗБ составляется СФС с 2011 г. (в 2011 г. — без увязки с надбавками к капиталу). В левом столбце каждого года приведена надбавка к капиталу за системную значимость (в процентах к базовому капиталу первого уровня); в скобках указана группа (bucket), к которой отнесены ГСЗБ в соответствии с уровнем их системной значимости по методологии СФС.

2. В правом столбце каждого года приведена балльная оценка системных рисков ГСЗБ, начиная с 2014 г., в соответствии с методологией БКБН.

Источники: [FSB, 2021b; BCBS, 2021b; OFR, n.d.].

Таблица 6. Системные риски ГСЗБ в 2014–2021 гг.

По состоянию на 1 ноября:																	Изме- нение (2021 г. к 2014 г.)
2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020		2021			
Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл	Кол- во бан- ков	Сред- ний балл		
Системные риски по всем ГСЗБ																	
30	234,9	30	235,3	30	233,6	30	231,0	29	235,0	30	230,5	30	228,7	30	227,7	-3,1%	
в том числе:																	
Системные риски по ГСЗБ Китая																	
3	165,0	4	181,3	4	220,3	4	231,0	4	236,3	4	244,8	4	257,0	4	260,5	+57,9%	
Системные риски по ГСЗБ США:																	
8	276,3	8	280,4	8	282,6	8	279,3	8	268,3	8	263,8	8	256,5	8	255,5	-7,5%	
Системные риски по ГСЗБ стран еврозоны																	
10	210,9	9	216,2	9	200,1	8	200,9	8	213,0	8	204,5	8	199,4	8	202,5	-4,0%	
Системные риски по остальным ГСЗБ																	
9	248,0	9	238,3	9	229,4	10	216,6	9	224,3	10	219,0	10	218,6	10	212,6	-14,3%	
Системные риски по ГСЗБ с надбавкой к капиталу 2% и выше																	
6	435,8	6	412,3	6	390,2	5	393,6	4	397,8	3	414,7	3	394,3	4	380,0	-12,8%	

Примечание. Остальные ГСЗБ включают банки Великобритании, Канады (с 2017 г.), Швейцарии и Японии.

Источник: Данные табл. 5.

стороны, и относительно высоким уровнем проблемных активов на их балансах, с другой [Avkiran, Mi, 2017]. Являясь отражением роста китайской экономики, зависящей, в свою очередь, от банковских кредитов (причем в большей степени, чем от привлечения ликвидности с международных рынков капитала) [S&P Global Ratings, 2022], а также от процесса интернационализации юаня, расширение международной деятельности китайских ГСЗБ при одновременном снижении качества их активов объективно обостряет их системную рискогенность. При этом принимая во внимание, что по объему активов китайские ГСЗБ «традиционно» занимают первые позиции среди всех банков мира¹¹, изменение уровня их рисков будет оказывать непосредственное влияние на достижение международной финансовой стабильности.

Внедрение TLAC и результативность регулятивной реформы

Поскольку обострение системных рисков может свести к минимуму результативность регулятивной реформы, международные финансовые регуляторы пришли к выводу о необходимости дополнительных, более эффективных инструментов пруденциального банковского надзора, которые не только укрепили бы рыночную дисциплину ГСЗБ, но также и способствовали бы укреплению их стрессоустойчивости в условиях повышенной волатильности мировых финансовых рынков. В этой связи в ноябре 2015 г. СФС концептуализировал инструмент TLAC¹², применение которого в регулятивных целях должно было сформировать у ГСЗБ способность поглощать убытки вне зависимости от их количественного объема, в том числе в условиях кризисных явлений [FSB, 2015a].

Целью TLAC является снижение влияния неустойчивого финансового положения ГСЗБ на финансовую стабильность и, соответственно, минимизация системных рисков, обеспечение непрерывности функции финансового посредничества, а главное — смена приоритетов использования источников финансовой помощи ГСЗБ в случае их несостоятельности: с внешних источников (например, за счет государственных или общественных средств/фондов) на внутренние (например, за счет средств акционеров и кредиторов). В широком смысле внедрению TLAC отводилась ведущая роль в минимизации системной значимости ГСЗБ и, соответственно, снижении кризисогенности в финансовой сфере.

Структура TLAC концептуально объединяет регулятивные требования к минимальной достаточности капитала банка и левериджа, что способствует формированию более четких целевых ориентиров для достижения финансовой стабильности. В рамках

¹¹ По состоянию на 1 января 2022 г. совокупный объем активов китайских ГСЗБ (четыре банка) составил 19,1 трлн долл. Для сравнения, совокупный объем американских ГСЗБ (восемь банков) — 14,6 трлн долл., ГСЗБ стран еврозоны (восемь банков) — 14,4 трлн долл., ГСЗБ Великобритании (три банка) — 5,7 трлн долл., ГСЗБ Швейцарии (два банка) — 1,9 трлн долл., ГСЗБ Японии (три банка) — 7,3 трлн долл., ГСЗБ Канады (два банка) — 2,9 трлн долл. [Yamaguchi, Terris, Ahmad, 2022].

¹² Total Loss-Absorbing Capacity. В рамках регулятивной оценки TLAC были приняты во внимание исторические данные о потерях ведущих международных банков в периоды кризисов и объемы средств, необходимые для их рекапитализации с целью полноформатного восстановления функции финансового посредничества [FSB, 2015b]. Показатель TLAC представляет собой комбинацию капитала первого уровня (не менее 67% общей суммы TLAC) и капитала второго уровня, включающего долгосрочные субординированные инструменты долгового рынка и рынка ссудных капиталов (не более 33%). TLAC внедрен в систему международного банковского регулирования с 1 января 2019 г. В среднем по всем ГСЗБ показатель TLAC деноминирован в долларах США (67%) и евро (19%) [FSB, 2019]. В первой половине 2021 г. общий объем TLAC по всем ГСЗБ составил 290 млрд долл., что превышает минимальные требования, установленные СФС [FSB, 2021c, p. 7].

такого подхода предсказуемость деятельности ГСЗБ становится ключевым фактором позитивной динамики на мировых финансовых рынках. Более того, одновременное применение надбавки к капиталу по Базелю III и TLAC представляет собой синергетический эффект в сфере международного банковского регулирования, сопоставимого разве что с эффектом от совместного применения политики и инструментов микро- и макропруденциального регулирования¹³: было найдено наиболее эффективное решение по минимизации системных рисков. Кроме того, такой подход заметно снизил системную значимость большинства ГСЗБ¹⁴, что подтверждается устойчивым снижением размера надбавок в отношении ряда ГСЗБ к 2021 г. (табл. 5). С другой стороны, применение TLAC наряду со стандартами Базеля III является более надежной точкой опоры для регуляторов по достоверному прогнозированию уровня стрессоустойчивости ГСЗБ, поскольку долговые инструменты в случае необходимости могут быть конвертированы в акции с соответствующим пополнением капитала. С внедрением TLAC был дан импульс усилиям регуляторов по укреплению доверия к банковской сфере: включение в данный показатель объема заимствований обязывает ГСЗБ к более полному раскрытию финансовой информации и более высокому уровню прозрачности их деятельности, что, в свою очередь, стимулирует приток в банк новых инвесторов и, соответственно, пополнение капитала банка, укрепляя как его операционный потенциал, так и конкурентоспособность на финансовых рынках. В отличие от надбавки к капиталу, которая лишь сдерживает кредитные риски ГСЗБ, TLAC способствует более эффективному урегулированию несостоятельности ГСЗБ, в том числе с учетом кредитных рисков, что не только способствует раннему выявлению рисков ухудшения их финансового положения и, соответственно, не только способствует оперативному принятию мер по укреплению их стрессоустойчивости, но также и снижает вероятность обострения системных рисков в финансовой сфере — как посредством снижения уровня системной значимости ГСЗБ, так и в рамках мер по минимизации рисков их несостоятельности.

В соответствии с концепцией СФС преимущества от внедрения TLAC очевидны также и на макроуровне: комбинация требований к достаточности капитала и объему заимствований на ссудном и долговом рынке снижает вероятность новых кризисов и социально-экономических издержек по преодолению их последствий. В то же время предполагается, что такие преимущества должны перевесить возможные издержки на микроуровне, которые могут быть связаны как с вынужденным ростом процентных ставок по выдаваемым банками кредитам, так и с требованиями регуляторов по соответствию банковской деятельности нормативным значениям TLAC [FSB, 2015a].

Оправдались ли ожидания СФС? С внедрением TLAC в определенной степени снизилась сложность операционной модели ГСЗБ [Martynova, Vogel, 2022], уменьшилась зависимость рентабельности их деятельности от жесткости стандартов надзора [Джагитян, Подругина, Стрельцова, 2020], что стало одним из факторов снижения стрессовости в банковском секторе. Так, об укреплении стрессоустойчивости ГСЗБ свидетельствует рост достаточности их капитала в среднем с 10,8% в 2013 г. до 16,4% в

¹³ С помощью совмещения микро- и макропруденциальных подходов в международном банковском регулировании удалось преодолеть последствия эпохи финансового дерегулирования и запоздалого внедрения в регулятивную сферу первого и второго Базельских соглашений (Базель I и Базель II).

¹⁴ За исключением ГСЗБ, зарегистрированных в Китае, для которых внедрение TLAC запланировано с 1 января 2025 г. [FSB, 2021c]. Вполне вероятно, что внедрение TLAC в некоторой мере будет сдерживать рост уровня системной значимости китайских ГСЗБ (подробнее см. выше).

2021 г. [BCBS, 2022], а эффективность одновременного применения надбавок к капиталу и ТЛАС подтвердилась в период «коронакризиса»: хотя он и был спровоцирован неэкономическими причинами, «допандемийные» показатели ГСЗБ восстановились в течение нескольких месяцев, что в конечном итоге стало одним из основных факторов возврата к нормальности в финансовой сфере. Результативность надзорных инноваций заставила международных регуляторов переосмыслить свои же постулаты о необходимости принудительного уменьшения активов ГСЗБ для минимизации ущерба мировой экономике вследствие риска недокредитования рыночных участников, что в итоге поставило бы под угрозу концептуальную основу регулятивной реформы. Более того, результаты исследований свидетельствуют об отсутствии какой-либо взаимосвязи между применением к ГСЗБ особого регулятивного режима и их кредитным потенциалом, включая объем выданных ими кредитов [Behn, Schramm, 2021; Violon, Durant, Toader, 2020]¹⁵. Тем не менее ключевая задача внедрения ТЛАС – положить конец существованию банков категории “too-big-to-fail” – не была выполнена: хотя ТЛАС и стал инструментом снижения рискогенности ГСЗБ, их системная значимость по-прежнему остается спусковым крючком экономической нестабильности в случае исчерпания возможностей регулятивной политики и надзорных мер по урегулированию их несостоятельности.

Риски системной значимости ГСЗБ как вызов для финансовой стабильности

Хотя уровень системных рисков ГСЗБ снизился на 3,1% в 2021 г. по сравнению с 2014 г. (табл. 6), их системная значимость все еще угрожает финансовой стабильности. Отметим, что при прочих равных условиях¹⁶ обострение рисков системной значимости находится в непосредственной зависимости от усиления диспропорций и кризисогенности на макроуровне, а также от волатильности на финансовых рынках, которым подвержена деятельность ГСЗБ ввиду высокого уровня взаимосвязанности и, соответственно, неизбежной активизации различных каналов трансмиссии рисков между финансовыми институтами и рынками. По мнению ряда авторов, основным источником системных рисков является продолжающийся рост активов ГСЗБ [Hué, Lucotte, Tokravi, 2019]. Другие авторы считают, что риск представляет не размер банка, а возможное «недерегулирование» ГСЗБ в условиях, когда издержки, связанные с внешними шоками, могут превзойти регулятивный эффект по обеспечению их стрессоустойчивости. В этой связи заслуживает внимания исследование [Passmore, von Hafften, 2019], в котором авторы предлагают усилить надзорные меры в части увеличения размера дополнительных надбавок к капиталу в зависимости от режима фондирования ГСЗБ, что, по

¹⁵ Вместе с тем отдельные авторы (см., например: [Favara, Ivanov, Rezende, 2021]) придерживаются противоположного мнения, однако замечают, что некоторое снижение объемов кредитования со стороны ГСЗБ было компенсировано ростом, обеспеченным банками несистемной категории. Необходимо также отметить, что снижение объемов кредитования связано также и с более тщательной проверкой ГСЗБ потенциальных заемщиков на предмет кредитных рисков.

¹⁶ В данном случае не рассматриваются риски, возникающие вследствие увлечения ГСЗБ операциями с высокомаржинальными инструментами повышенного риска, в том числе с целью компенсировать издержки по соответствию надзорным требованиям. Рыночные преимущества, позволяющие ГСЗБ осуществлять высокорисковые операции, зачастую снижают их мотивацию к соблюдению рыночной дисциплины, что в итоге является одной из причин снижения конкуренции на финансовых рынках.

их мнению, должно обеспечить надлежащую ликвидность баланса и, соответственно, снижение риска системной стрессовости в случае функциональных аномалий ГСЗБ.

Дополнительным очагом системных рисков является злоупотребление ГСЗБ своей системной значимостью (*moral hazard*), заключающееся в неизбежной помощи государства в случае их несостоятельности с целью недопущения как их банкротства, так и коллапса в финансовой сфере (такая помощь предоставлялась рядом мировых центральных банков в период кризиса 2007–2009 гг.). Данный вопрос остается открытым и по итогам последнего пересмотра БКБН методологии оценки деятельности ГСЗБ, осуществленного в 2018 г. [BCBS, 2018] и внедренного в регулятивную практику с 1 января 2022 г. В рамках дальнейшего совершенствования надзорных мер БКБН в настоящее время проводит работу по концептуализации количественных параметров крупных рисков ГСЗБ и ликвидности, необходимой для их бескризисного функционирования, что должно будет исключить какую-либо внешнюю помощь крупным банкам в случае их несостоятельности.

Необходимо отметить ряд факторов системной рискогенности ГСЗБ, связанных с уже действующими стандартами надзора. Прежде всего речь идет о недостаточно прозрачной информации о «внутреннем» TLAC – механизме перераспределения ликвидности между головной организацией ГСЗБ и его дочерними подразделениями/филиалами в связи с выполнением ГСЗБ требований регуляторов по соответствию нормативному значению TLAC [FSB, 2017, р. 11; 2021с, р. 2]. Это в определенной мере снижает доверие к банку и банковскому холдингу в целом со стороны инвесторов, поскольку непрозрачность затрудняет их оценку по определению возможностей ГСЗБ по эффективному и полному абсорбированию возможных убытков. Данный вопрос планируется решить с помощью дополнительных мер по укреплению стрессоустойчивости ГСЗБ, включая внедрение с 2023 г. новой методологии применения надбавок за системную значимость и повышение минимальных регулятивных требований к TLAC.

Серьезный риск для финансовой стабильности представляет отсутствие согласованных на международном уровне подходов к урегулированию несостоятельности ГСЗБ. Несмотря на применение к ним единых стандартов надзора вне зависимости от юрисдикций их регистрации и деятельности, понятие несостоятельности рыночных участников в разных странах различается [Guo, 2019; Buckingham et al., 2019], размывая тем самым справедливую и достоверную оценку издержек в контексте финансовой стабильности. На фоне общих усилий по дерискизации ГСЗБ отсутствие единой методологии оценки вероятности их дисфункции может снизить эффективность регулятивных мер по укреплению их стрессоустойчивости и международной финансовой стабильности, особенно в условиях нарастания различий в параметрах и динамике макроуровня и финансовых рынков в разных странах.

Обеспокоенность международных регуляторов вопросами системной значимости ГСЗБ обусловлена также и отсутствием механизма их тестирования на предмет эффективности механизмов урегулирования несостоятельности в периоды системных кризисов [FSB, 2021с]. Поиск оптимальной модели тестирования затруднен отсутствием порядка конвертации долговых инструментов в капитал или другие инструменты собственности, который является центральным звеном обновленной концепции урегулирования несостоятельности ГСЗБ за счет преимущественно средств акционеров и кредиторов (*bail-in*). Кроме того, для формирования механизма тестирования потребуется разрешить ряд правовых, регулятивных и операционных противоречий, связанных с особенностями и критериями очередности фондирования зарубежных подразделений ГСЗБ в рамках проведения процедуры урегулирования несостоятельности.

* * *

Посткризисная реформа международного банковского регулирования способствовала заметному укреплению стрессоустойчивости ГСЗБ, что является залогом эффективности финансового посредничества, бескризисного развития и финансовой стабильности. Во многом это стало следствием смены приоритетов посткризисного регулятивного режима, включая комбинированный подход, в рамках которого одновременно применение дополнительных требований к минимальной достаточности капитала и механизма абсорбирования убытков способствовало снижению системной рискогенности ГСЗБ вне зависимости от кризисных явлений. Экономический иммунитет ГСЗБ, выработанный в условиях особого внимания к ним со стороны международных финансовых регуляторов, позволил им вернуть себе если не роль локомотива экономического роста, то уж точно роль антикризисного стабилизатора финансовой сферы, о чем свидетельствует опыт преодоления последствий пандемии COVID-19, когда ГСЗБ стали активным проводником кредитной ликвидности, необходимой для восстановления мировой экономики.

В этой связи не вызывает сомнений, что современная модель международного банковского регулирования, включая стандарты Базеля III, продемонстрировала свою безальтернативность в части снижения рисков и стрессовых явлений в банковском секторе. Являясь ключевыми игроками на мировых финансовых рынках, ГСЗБ стали более прагматичными как с точки зрения адаптации операционных моделей к внешним вызовам, так и соблюдения рыночной дисциплины. С другой стороны, переход с внешних источников урегулирования несостоятельности ГСЗБ (bail-out) на внутренние (bail-in) является одним из факторов снижения издержек на макроуровне, включая издержки рыночных агентов и макроэкономического управления по преодолению последствий кризисных явлений.

Несмотря на очевидные преимущества и результаты регулятивной реформы и некоторое снижение системной значимости ГСЗБ, их дерискизация осуществляется медленнее, чем того требуют задачи минимизации системных рисков. Основным вызовом для финансовой стабильности остается высокий уровень взаимосвязанности ГСЗБ, оказывающий разнонаправленное влияние на их стрессоустойчивость в зависимости от состояния и динамики мировых финансовых рынков. Это означает, что финансовые регуляторы должны сосредоточиться на взаимосвязи между системной значимостью ГСЗБ и системными рисками и продолжить поиск инструментов надзора, которые основывались бы на дополнительных параметрах с целью более точной оценки системной значимости в банковском секторе, что, в свою очередь, помогло бы понять количественные пределы системных рисков как порога кризиса.

Список источников

Джагитян Э.П., Подругина А.В., Стрельцова С.Б. (2020) Инвестиционные банки США в свете посткризисной реформы международного банковского регулирования // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 21–40. Режим доступа: <https://doi.org/10.38050/01300105202014> (дата обращения: 18.03.2022).

Andrieş A.M., Ongena S., Sprincean N., Tunaru R. (2022) Risk Spillovers and Interconnectedness Between Systemically Important Institutions // Journal of Financial Stability. Vol. 58. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100963> (дата обращения: 18.03.2022).

Avkiran K.N., Mi L. (2017) The Rising Systemic Importance of Chinese Banks: Should the World Be Concerned? // Australian Economic Review. Vol. 50. Iss. 4. P. 427–440. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1467-8462.12239> (дата обращения: 18.03.2022).

- Ayadi R., Naceur S.B., Casu B., Quinn B. (2016) Does Basel Compliance Matter for Bank Performance? // *Journal of Financial Stability*. Vol. 23. P. 15–32. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2015.12.007> (дата обращения: 18.03.2022).
- Ayhan Kose M., Prasad E.S., Terrones M.E. (2009) Does Financial Globalization Promote Risk Sharing? // *Journal of Development Economics*. Vol. 89. Iss. 2. P. 258–270. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2008.09.001> (дата обращения: 18.03.2022).
- Aysun U. (2016) Bank Size and Macroeconomic Shock Transmission: Does the Credit Channel Operate Through Large or Small Banks? // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 65. P. 117–139. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2016.04.001> (дата обращения: 18.03.2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2022) G-SIB Framework: Denominators. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/gsib/denominators.htm> (дата обращения: 13.06.2022).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2018) Global Systemically Important Banks: Revised Assessment Methodology and the Higher Loss Absorbency Requirement. July. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d445.htm> (дата обращения: 17.05.2021).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2021a) Basel III Monitoring Report. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d500.htm> (дата обращения: 08.04.2021).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2021b) SCO40: Global Systemically Important Banks. Режим доступа: https://www.bis.org/basel_framework/chapter/SCO/40.htm?tldate=20450122&inforce=20211109&published=20211109 (дата обращения: 23.11.2021).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2022) Basel III Monitoring Report. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d531.htm> (дата обращения: 20.09.2022).
- Behn M., Haselmann R., Wachtel P. (2016) Procyclical Capital Regulation and Lending // *The Journal of Finance*. Vol. 71. P. 919–956. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/jofi.12368> (дата обращения: 18.03.2022).
- Behn M., Schramm A. (2021) The Impact of G-SIB Identification on Bank Lending: Evidence from Syndicated Loans // *Journal of Financial Stability*. Vol. 57. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100930> (дата обращения: 18.03.2022).
- Borri N., di Giorgio G. (2021) Systemic Risk and the COVID Challenge in the European Banking Sector // *Journal of Banking & Finance*. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2021.106073> (дата обращения: 18.03.2022).
- Bostandzic D., Weiß G.N.F. (2018) Why Do Some Banks Contribute More to Global Systemic Risk? // *Journal of Financial Intermediation*. Vol. 35. Part A. P. 17–40. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2018.03.003> (дата обращения: 18.03.2022).
- Buckingham S., Atanasova S., Frazzani S., Véron N. (2019) Study on the Differences Between Bank Insolvency Laws and on Their Potential Harmonisation. European Commission. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/191106-study-bank-insolvency_en.pdf (дата обращения: 24.02.2022).
- CompaniesMarketCap (2021) Largest Banks and Bank Holding Companies by Market Cap. Режим доступа: <https://companiesmarketcap.com/banks/largest-banks-by-market-cap/?page=1/> (дата обращения: 08.07.2021).
- Davis E.P., Karim D., Noel D. (2020) The Bank Capital-Competition-Risk Nexus: A Global Perspective // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. Vol. 65. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2019.101169> (дата обращения: 18.03.2022).
- Davydov D., Vähämaa S., Yasar S. (2021) Bank Liquidity Creation and Systemic Risk // *Journal of Banking & Finance*. Vol. 123. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2020.106031> (дата обращения: 18.03.2022).
- Deloitte (2020) 2021 Banking and Capital Markets Outlook. December. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/lu/en/pages/banking-and-securities/articles/banking-industry-outlook.html> (дата обращения: 10.03.2021).
- Deloitte (2021) Forecasting the Performance of the US Banking Industry. January. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/financial-services/us-banking-performance-forecast-infographic.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

- Favara G., Ivanov I., Rezende M. (2021) GSIB Surcharges and Bank Lending: Evidence From US Corporate Loan Data // *Journal of Financial Economics*. Vol. 142. Iss. 3. P. 1426–1443. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.06.026> (дата обращения: 18.03.2022).
- Feng G., Zhang X. (2012) Productivity and Efficiency at Large and Community Banks in the US: A Bayesian True Random Effects Stochastic Distance Frontier Analysis // *Journal of Banking & Finance*. Vol. 36. Iss. 7. P. 1883–1895. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2012.02.008> (дата обращения: 18.03.2022).
- Financial Stability Board (2021a) Evaluation of the Effects of Too-Big-To-Fail Reform. Final Report, 1 April. Режим доступа: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P010421-1.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
- Financial Stability Board (FSB) (2013) Thematic Review on Resolution Regimes. Peer Review Report. Режим доступа: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_130411a.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
- Financial Stability Board (FSB) (2015a) FSB Issues Final Total Loss-Absorbing Capacity Standard for Global Systemically Important Banks. Press Release No 74/2015, 9 November. Режим доступа: <https://www.fsb.org/2015/11/TLac-Press-Release/> (дата обращения: 15.02.2022).
- Financial Stability Board (FSB) (2015b) Historical Losses and Recapitalisation Needs. Findings Report, 9 November. Режим доступа: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/Historical-Losses-and-Recapitalisation-Needs-findings-report.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).
- Financial Stability Board (FSB) (2017) Guiding Principles on the Internal Total Loss-Absorbing Capacity of G-SIBs ('Internal TLAC'). 6 July. Режим доступа: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P060717-1.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).
- Financial Stability Board (FSB) (2019) FSB Publishes Review of TLAC Standard. Press Release No 28/2019, 2 July. Режим доступа: <https://www.fsb.org/2019/07/fsb-publishes-review-of-tlac-standard/> (дата обращения: 17.02.2022).
- Financial Stability Board (FSB) (2021b) Global Systemically Important Financial Institutions (G-SIFIs). Режим доступа: [https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/market-and-institutional-resilience/post-2008-financial-crisis-reforms/ending-too-big-to-fail/global-systemically-important-financial-institutions-g-sifis/#:~:text=The%20FSB%2C%20in%20consultation%20with,G%2DSIBs\)%20since%202011](https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/market-and-institutional-resilience/post-2008-financial-crisis-reforms/ending-too-big-to-fail/global-systemically-important-financial-institutions-g-sifis/#:~:text=The%20FSB%2C%20in%20consultation%20with,G%2DSIBs)%20since%202011) (дата обращения: 27.11.2021).
- Financial Stability Board (FSB) (2021c) 2021 Resolution Report: "Glass Half-Full or Still Half-Empty?" 7 December. Режим доступа: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P071221.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).
- Fitch Ratings (2021) Nearly 60% of Global Bank Rating Outlooks Are Still Negative // *Fitch Wire*, 26 January. Режим доступа: <https://www.fitchratings.com/research/banks/nearly-60-of-global-bank-rating-outlooks-are-still-negative-26-01-2021#:~:text=While%20immediate%20risks%20to%20bank,the%20economy%20and%20for%20borrowers> (дата обращения: 28.02.2021).
- Goel T., Lewrick U., Mathur A. (2019) Playing It Safe: Global Systemically Important Banks After the Crisis // *BIS Quarterly Review*. September. Режим доступа: https://www.bis.org/publ/qrpdf/r_qt1909e.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
- Gulamhussen M.A., Pinheiro C., Pozzolo A.F. (2014) International Diversification and Risk of Multinational Banks: Evidence From the Pre-Crisis Period // *Journal of Financial Stability*. Vol. 13. P. 30–43. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2014.02.007> (дата обращения: 18.03.2022).
- Gunay S. (2021) Comparing COVID-19 With the GFC: A Shockwave Analysis of Currency Markets // *Research in International Business and Finance*. Vol. 56. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101377> (дата обращения: 18.03.2022).
- Guo S. (2019) Conceptualising Upcoming Chinese Bank Insolvency Law: Cross-Border Issues // *International Insolvency Review*. Vol. 28. Iss. 1. P. 44–62. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/iir.1328> (дата обращения: 18.03.2022).
- Hué S., Lucotte Y., Tokpavi S. (2019) Measuring Network Systemic Risk Contributions: A Leave-One-Out Approach // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 100. P. 86–114. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2018.12.001> (дата обращения: 18.03.2022).

Ioannou S., Wójcik D., Dymski G. (2019) Too-Big-To-Fail: Why Megabanks Have Not Become Smaller Since the Global Financial Crisis? // *Review of Political Economy*. Vol. 31. Iss. 3. P. 356–381. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1674001> (дата обращения: 18.03.2022).

Kupiec P.H. (2016) Will TLAC Regulations Fix the G-SIB Too-Big-To-Fail Problem? // *Journal of Financial Stability*. Vol. 24. P. 158–169. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2016.04.009> (дата обращения: 18.03.2022).

Lorenc A.G., Zhang J.Y. (2020) How Bank Size Relates to the Impact of Bank Stress on the Real Economy // *Journal of Corporate Finance*. Vol. 62. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101592> (дата обращения: 18.03.2022).

Macrotrends LLC (n.d.) Режим доступа: <https://www.macrotrends.net/stocks/stock-screener> (дата обращения: 15.04.2021).

Martynova N., Vogel U. (2022) Banks' Complexity-Risk Nexus and the Role of Regulation // *Journal of Banking & Finance*. Vol. 134. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2021.106120> (дата обращения: 18.03.2022).

Mohanty S.K., Akhigbe A., Basheikh A., Khan H.R. (2018) The Dodd-Frank Act and Basel III: Market-Based Risk Implications for Global Systemically Important Banks (G-SIBs) // *Journal of Multinational Financial Management*. Vol. 47–48. P. 91–109. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2018.10.002> (дата обращения: 18.03.2022).

Office of Financial Research (OFR) (n.d.) Bank Systemic Risk Monitor. Режим доступа: <https://www.financialresearch.gov/bank-systemic-risk-monitor/> (дата обращения: 23.01.2022).

Passmore W., von Hafften A.N. (2019) Are Basel's Capital Surcharges for Global Systemically Important Banks Too Small? // *International Journal of Central Banking*. Vol. 15. No. 1. P. 107–156. Режим доступа: <https://www.ijcb.org/journal/ijcb19q1a3.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Poledna S., Bochmann O., Thurner S. (2017) Basel III Capital Surcharges for G-SIBs Are Far Less Effective in Managing Systemic Risk in Comparison to Network-Based, Systemic Risk-Dependent Financial Transaction Taxes // *Journal of Economic Dynamics and Control*. Vol. 77. P. 230–246. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2017.02.004> (дата обращения: 18.03.2022).

Rubio M., Yao F. (2020) Bank Capital, Financial Stability and Basel Regulation in a Low Interest-Rate Environment // *International Review of Economics & Finance*. Vol. 67. P. 378–392. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2020.02.008> (дата обращения: 18.03.2022).

S&P Global Ratings (2021) Lower and Later: The Shifting Horizon for Bank Credit Losses. February 2. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/210202-lower-and-later-the-shifting-horizon-for-bank-credit-losses-11821801#:~:text=and%20estimates%20accordingly.,Yearly%20Global%20Credit%20Losses%20To%20Increase%20By%20Over%2060%25%20In,around%2090%20bps%20in%202022> (дата обращения: 02.03.2021).

S&P Global Ratings (2022) Global Bank Credit Loss Forecasts: Lower Losses Ahead. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/220223-global-bank-credit-loss-forecasts-lower-losses-ahead-12287286> (дата обращения: 14.06.2022).

Schuknecht L., Siegerink V. (2020) The Political Economy of the G20 Agenda on Financial Regulation // *European Journal of Political Economy*. Vol. 65. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101941> (дата обращения: 18.03.2022).

Shahzad S.J.H., Hoang T.H.V., Arreola-Hernandez J. (2019) Risk Spillovers Between Large Banks and the Financial Sector: Asymmetric Evidence From Europe // *Finance Research Letters*. Vol. 28. P. 153–159. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2018.04.008> (дата обращения: 18.03.2022).

Silva C., Pino G. (2021) Does Direction of the Transmission of Bank Risk Matter? An Application to the Chilean Banking Sector // *Finance Research Letters*. Vol. 38. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101530>.

Statista (n.d.) Режим доступа: <https://www.statista.com> (дата обращения: 06.04.2021).

Straetmans S., Chaudhry S.M. (2015) Tail Risk and Systemic Risk of US and Eurozone Financial Institutions in the Wake of the Global Financial Crisis // *Journal of International Money and Finance*. Vol. 58. P. 191–223. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2015.07.003> (дата обращения: 18.03.2022).

Tran D.V., Hoang K., Nguyen C. (2020) How Does Economic Policy Uncertainty Affect Bank Business Models? // *Finance Research Letters*. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101639> (дата обращения: 18.03.2022).

Violon A., Durant D., Toader O. (2020) The Impact of the Designation of Global Systemically Important Banks on Their Business Model // *International Journal of Central Banking*. Vol. 16. No. 5. P. 95–142. Режим доступа: <https://www.ijcb.org/journal/ijcb20q4a3.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Welfens P.J.J. (2008) Banking Crisis and Prudential Supervision: A European Perspective // *International Economics and Economic Policy*. Vol. 4. P. 347–356. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/S10368-007-0095-3> (дата обращения: 18.03.2022).

Yamaguchi Y., Terris H., Ahmad R. (2022) The World's 100 Largest Banks. S&P Global, 11 April. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/the-world-s-100-largest-banks-2022-69651785> (дата обращения: 13.06.2022).

Zhang X., Fu Q., Lu L., Wang Q., Zhang S. (2021) Bank Liquidity Creation, Network Contagion and Systemic Risk: Evidence From Chinese Listed Banks // *Journal of Financial Stability*. Vol. 53. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100844> (дата обращения: 18.03.2022).

Global Systemically Important Banks: Do They Still Pose Risks for Financial Stability?¹

E. Dzhagityan, M. Orekhov

Eduard Dzhagityan — PhD (Candidate of Science) in Economics, Associate Professor, School of World Economy, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, building 1, Moscow, 119017, Russia; edzhagityan@hse.ru

Mikhail Orekhov — Visiting Lecturer, School of World Economy, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Research Fellow, The Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy; 3–5 Gazetny Pereulok, Moscow, 125993, Russia; morehov@hse.ru

Abstract

The global financial crisis of 2007–09, followed by sweeping overhaul of international banking regulation, urged financial regulators to apply a tailored supervisory regime to global systemically important banks (G-SIBs). This approach was caused by exacerbation of the G-SIBs' systemic risks and their transmission during macro level instability. The size of G-SIBs, the extent of their market power, and the heterogeneity of their operating models resulted in their dual role in systemic stress: being a source of systemic risks for the macro level, G-SIBs are at the same time transmitters of crisis developments to the micro level, hence increasing their own exposure to risks.

Under these circumstances, the objectives of the post-crisis recovery required a revision of regulatory priorities by shifting them from G-SIBs' profitability to G-SIBs' stress resilience through the application to them of more stringent capital adequacy standards and liquidity requirements, which ultimately contributed to G-SIBs' insusceptibility to external shocks. At the same time, the G-SIBs' role in exacerbation of systemic stress remains uncertain due to the unresolved issues of the G-SIBs' systemic importance. Accordingly, the crisis and liquidity dilemmas remain unresolved. Given the high level of G-SIBs interconnectedness in the international financial area, their dysfunction can provoke a domino effect of insolvency and bankruptcies in the international banking sector.

Based on 2011–21 statistics for all G-SIBs included in the annual lists of the Financial Stability Board (FSB), we found certain decline in G-SIBs' systemic risks, which is attributable to further strengthening of their market discipline. This proves that international regulatory policy is on the right track. We also found that the stress resilience of G-SIBs, a product of the application of Basel III capital surcharge buffers and the total loss-absorbing capacity (TLAC) standard, significantly contributed to financial stability at a level sufficient not only for the integrity of G-SIBs' performance during the COVID-19 pandemic, but also for minimization of the risk of collapse of the banking systems that prevented the transformation of the related shocks and instability into an economy-wide crisis. Nevertheless, the post-crisis regulatory reform failed to contain the systemic importance of G-SIBs, mostly due to the lack of supervisory tools and techniques in reduction of the negative effects of the G-SIBs' international interconnectedness.

Keywords: Global systemically important bank (G-SIB), COVID-19 pandemic, Basel III, TLAC, stress resilience, systemic importance, systemic risks, financial stability

Acknowledgments: support from the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University is gratefully acknowledged.

For citation: Dzhagityan E., Orekhov M. (2022) Global Systemically Important Banks: Do They Still Pose Risks for Financial Stability? *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 48–74 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-03

¹ The editorial board received the article 18.03.2022.

References

- Andrieş A.M., Ongena S., Sprincean N., Tunaru R. (2022) Risk spillovers and interconnectedness between systemically important institutions. *Journal of Financial Stability*, vol. 58. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100963> (accessed 18 March 2022).
- Avkiran K.N., Mi L. (2017) The Rising systemic importance of Chinese banks: should the world be concerned? *Australian Economic Review*, vol. 50, pp. 427–440. Available at: <https://doi.org/10.1111/1467-8462.12239> (accessed 18 March 2022).
- Ayadi R., Naceur S.B., Casu B., Quinn B. (2016) Does Basel compliance matter for bank performance? *Journal of Financial Stability*, vol. 23, pp. 15–32. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2015.12.007> (accessed 18 March 2022).
- Ayhan Kose M., Prasad E.S., Terrones M.E. (2009) Does financial globalization promote risk sharing? *Journal of Development Economics*, vol. 89, iss. 2, pp. 258–270. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jdevco.2008.09.001> (accessed 18 March 2022).
- Aysun U. (2016) Bank size and macroeconomic shock transmission: Does the credit channel operate through large or small banks? *Journal of International Money and Finance*, vol. 65, pp. 117–139. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2016.04.001> (accessed 18 March 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2022) G-SIB Framework: Denominators. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/gsib/denominators.htm> (accessed 13 June 2022).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2018) Global Systemically Important Banks: Revised Assessment Methodology and the Higher Loss Absorbency Requirement. July. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d445.htm> (accessed 17 May 2021).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2021) Basel III monitoring report. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d500.htm> (accessed 8 April 2021).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2021) SCO40: Global Systemically Important Banks. Available at: https://www.bis.org/basel_framework/chapter/SCO/40.htm?tldate=20450122&inforce=20211109&published=20211109 (accessed 23 November 2021).
- Basel Committee on Banking Supervision (BCBS) (2022) Basel III Monitoring Report. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d531.htm> (accessed 20 September 2022).
- Behn M., Haselmann R., Wachtel P. (2016) Procyclical Capital Regulation and Lending. *The Journal of Finance*, vol. 71, pp. 919–956. Available at: <https://doi.org/10.1111/jofi.12368> (accessed 18 March 2022).
- Behn M., Schramm A. (2021) The impact of G-SIB identification on bank lending: Evidence from syndicated loans. *Journal of Financial Stability*, vol. 57. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100930> (accessed 18 March 2022).
- Borri N., di Giorgio G. (2021) Systemic risk and the COVID challenge in the European banking sector. *Journal of Banking & Finance*. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2021.106073> (accessed 18 March 2022).
- Bostandzic D., Weiß G.N.F. (2018) Why do some banks contribute more to global systemic risk? *Journal of Financial Intermediation*, vol. 35, part A, pp. 17–40. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2018.03.003> (accessed 18 March 2022).
- Buckingham S., Atanasova S., Frazzani S., Véron N. (2019) Study on the differences between bank insolvency laws and on their potential harmonization. European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/191106-study-bank-insolvency_en.pdf (accessed 24 February 2022).
- CompaniesMarketCap (2021) Largest banks and bank holding companies by market cap. Available at: <https://companiesmarketcap.com/banks/largest-banks-by-market-cap/?page=1/> (accessed 08 July 2021).
- Davis E.P., Karim D., Noel D. (2020) The bank capital-competition-risk nexus – A global perspective. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, vol. 65. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2019.101169> (accessed 18 March 2022).

Davydov D., Vähämaa S., Yasar S. (2021) Bank liquidity creation and systemic risk. *Journal of Banking & Finance*, vol. 123. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2020.106031> (accessed 18 March 2022).

Deloitte (2020) 2021 Banking and Capital Markets Outlook. December. Available at: <https://www2.deloitte.com/lu/en/pages/banking-and-securities/articles/banking-industry-outlook.html> (accessed 10 March 2021).

Deloitte (2021) Forecasting the Performance of the US Banking Industry. January. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/financial-services/us-banking-performance-forecast-infographic.pdf> (accessed 1 March 2021).

Dzhagityan E., Podrugina A., Streltsova S. (2020) Investicionnye banki SShA v svete postkrizisnoj reformy mezhdunarodnogo bankovskogo regulirovaniya [U.S. investment banks in the context of the post-crisis international banking regulation reform]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, no 1, pp. 21–40. Available at: <https://doi.org/10.38050/01300105202012>. (in Russian)

Favara G., Ivanov I., Rezende M. (2021) GSIB surcharges and bank lending: Evidence from US corporate loan data. *Journal of Financial Economics*, vol. 142, iss. 3, pp. 1426–1443. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.06.026> (accessed 18 March 2022).

Feng G., Zhang X. (2012) Productivity and efficiency at large and community banks in the US: A Bayesian true random effects stochastic distance frontier analysis. *Journal of Banking & Finance*, vol. 36, no 7, pp. 1883–1895. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2012.02.008> (accessed 18 March 2022).

Financial Stability Board (2021a) Evaluation of the Effects of Too-Big-To-Fail Reform. Final Report. 1 April. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P010421-1.pdf> (accessed 10 February 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2013) Thematic review on resolution regimes. Peer review report. Available at: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_130411a.pdf (accessed 20 April 2021).

Financial Stability Board (FSB) (2015a) FSB issues final Total Loss-Absorbing Capacity standard for global systemically important banks. 9 November. Available at: <https://www.fsb.org/2015/11/tlac-press-release/> (accessed 15 February 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2015b) Historical Losses and Recapitalisation Needs. Findings Report. 9 November. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/Historical-Losses-and-Recapitalisation-Needs-findings-report.pdf> (accessed 12 March 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2017) Guiding Principles on the Internal Total Loss-absorbing Capacity of G-SIBs ('Internal TLAC'). 6 July. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P060717-1.pdf> (accessed 22 February 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2019) FSB publishes review of TLAC Standard. 2 July. Available at: <https://www.fsb.org/2019/07/fsb-publishes-review-of-tlac-standard/> (accessed 17 February 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2020) 2020 Resolution report. Available at: November. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P181120.pdf> (accessed 15 May 2021).

Financial Stability Board (FSB) (2021b) Global Systemically Important Financial Institutions (G-SIFIs). Available at: [https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/market-and-institutional-resilience/post-2008-financial-crisis-reforms/ending-too-big-to-fail/global-systemically-important-financial-institutions-g-sifis/#:~:text=The%20FSB%2C%20in%20consultation%20with,G%2DSIBs\)%20since%202011](https://www.fsb.org/work-of-the-fsb/market-and-institutional-resilience/post-2008-financial-crisis-reforms/ending-too-big-to-fail/global-systemically-important-financial-institutions-g-sifis/#:~:text=The%20FSB%2C%20in%20consultation%20with,G%2DSIBs)%20since%202011) (accessed 27 November 2021).

Financial Stability Board (FSB) (2021c) 2021 Resolution Report. "Glass half-full or still half-empty?" 7 December. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P071221.pdf> (accessed 22 February 2022).

Fitch Ratings (2021) Nearly 60% of Global Bank Rating Outlooks are Still Negative. 26 January. Available at: <https://www.fitchratings.com/research/banks/nearly-60-of-global-bank-rating-outlooks-are-still-negative-26-01-2021#:~:text=While%20immediate%20risks%20to%20bank,the%20economy%20and%20for%20borrowers> (accessed 28 February 2021).

Goel T., Lewrick U., Mathur A. (2019) Playing it safe: global systemically important banks after the crisis. *BIS Quarterly Review*, September. Available at: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1909e.pdf (accessed 10 February 2022).

Gulamhussen M.A., Pinheiro C., Pozzolo A.F. (2014) International diversification and risk of multinational banks: Evidence from the pre-crisis period. *Journal of Financial Stability*, vol. 13, pp. 30–43. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2014.02.007> (accessed 18 March 2022).

Gunay S. (2021) Comparing COVID-19 with the GFC: A shockwave analysis of currency markets. *Research in International Business and Finance*, vol. 56. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101377> (accessed 18 March 2022).

Guo S. (2019) Conceptualising upcoming Chinese bank insolvency law: Cross-border issues. *International Insolvency Review*, vol. 28, iss. 1, pp. 44–62. Available at: <https://doi.org/10.1002/iir.1328> (accessed 18 March 2022).

Hué S., Lucotte Y., Tokpavi S. (2019) Measuring network systemic risk contributions: A leave-one-out approach. *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 100, pp. 86–114. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2018.12.001> (accessed 18 March 2022).

Ioannou S., Wójcik D., Dymski G. (2019) Too-big-to-fail: Why megabanks have not become smaller since the global financial crisis? *Review of Political Economy*, vol. 31, no 3, pp. 356–381. Available at: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1674001> (accessed 18 March 2022).

Kupiec P.H. (2016) Will TLAC regulations fix the G-SIB too-big-to-fail problem? *Journal of Financial Stability*, vol. 24, pp. 158–169. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2016.04.009> (accessed 18 March 2022).

Lorenc A.G., Zhang J.Y. (2020) How bank size relates to the impact of bank stress on the real economy. *Journal of Corporate Finance*, vol. 62. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101592> (accessed 18 March 2022).

Macrotrends LLC (2021) Available at: <https://www.macrotrends.net/stocks/stock-screener> (accessed 15 April 2021).

Martynova N., Vogel U. (2022) Banks' complexity-risk nexus and the role of regulation. *Journal of Banking & Finance*, vol. 134. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2021.106120> (accessed 16 February 2022).

Mohanty S.K., Akhigbe A., Basheikh A., Khan H.R. (2018) The Dodd-Frank Act and Basel III: Market-based risk implications for global systemically important banks (G-SIBs). *Journal of Multinational Financial Management*, vols. 47–48, pp. 91–109. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2018.10.002> (accessed 18 March 2022).

Office of Financial Research (OFR) (2021) OFR Bank Systemic Risk Monitor. Available at: <https://www.financialresearch.gov/bank-systemic-risk-monitor/> (accessed 23 January 2022).

Passmore W., Von Hafften A.N. (2019) Are Basel's Capital Surcharges for Global Systemically Important Banks Too Small? *International Journal of Central Banking*, vol. 15, no 1, pp. 107–156.

Poledna S., Bochmann O., Thurner S. (2017) Basel III capital surcharges for G-SIBs are far less effective in managing systemic risk in comparison to network-based, systemic risk-dependent financial transaction taxes. *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 77, pp. 230–246. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2017.02.004> (accessed 18 March 2022).

Rubio M., Yao F. (2020) Bank capital, financial stability and Basel regulation in a low interest-rate environment. *International Review of Economics & Finance*, vol. 67, pp. 378–392. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2020.02.008> (accessed 18 March 2022).

S&P Global (2022) The world's 100 largest banks. Available at: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/the-world-s-100-largest-banks-2022-69651785> (accessed 13 June 2022).

S&P Global Ratings (2021) Lower and Later: The Shifting Horizon for Bank Credit Losses. 2 February. Available at: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/210202-lower-and-later-the-shifting-horizon-for-bank-credit-losses-11821801#:~:text=and%20estimates%20accordingly.,Yearly%20Global%20Credit%20Losses%20To%20Increase%20By%20Over%2060%25%20In,around%2090%20bps%20in%202022> (accessed 2 March 2021).

S&P Global Ratings (2022) Global Bank Credit Loss Forecasts: Lower Losses Ahead. Available at: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/220223-global-bank-credit-loss-forecasts-lower-losses-ahead-12287286> (accessed 14 June 2022).

- Schuknecht L., Siegerink V. (2020) The political economy of the G20 agenda on financial regulation. *European Journal of Political Economy*, vol. 65. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101941> (accessed 18 March 2022).
- Shahzad S.J.H., Hoang T.H.V., Arreola-Hernandez J. (2019) Risk spillovers between large banks and the financial sector: Asymmetric evidence from Europe. *Finance Research Letters*, vol. 28, pp. 153–159. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2018.04.008> (accessed 18 March 2022).
- Silva C., Pino G. (2021) Does direction of the transmission of bank risk matter? An application to the Chilean banking sector. *Finance Research Letters*, vol. 38. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101530> (accessed 18 March 2022).
- Statista (2021) Available at: <https://www.statista.com> (accessed 6 April 2021).
- Straetmans S., Chaudhry S.M. (2015) Tail risk and systemic risk of US and Eurozone financial institutions in the wake of the global financial crisis. *Journal of International Money and Finance*, vol. 58, pp. 191–223. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2015.07.003> (accessed 18 March 2022).
- Tran D.V., Hoang K., Nguyen C. (2020) How does economic policy uncertainty affect bank business models? *Finance Research Letters*. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101639> (accessed 18 March 2022).
- Violon A., Durant D., Toader O. (2020) The Impact of the Designation of Global Systemically Important Banks on Their Business Model. *International Journal of Central Banking*, vol. 16, no 5, pp. 95–142.
- Welfens, P.J.J. (2008) Banking crisis and prudential supervision: A European perspective. *International Economics and Economic Policy*, vol. 4, pp. 347–356. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10368-007-0095-3>
- Zhang X., Fu Q., Lu L., Wang Q., Zhang S. (2021) Bank liquidity creation, network contagion and systemic risk: Evidence from Chinese listed banks. *Journal of Financial Stability*, vol. 53. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100844> (accessed 18 March 2022).

Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота¹

Д.А. Кочергин

Кочергин Дмитрий Анатольевич — д.э.н., профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; d.kochergin@spbu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию экономической природы криптоактивов, разработке их оригинальной классификации и определению основных направлений регулирования их оборота. Проблематика криптоактивов является объектом современного дискурса международных организаций (МВФ, Всемирного банка, «Группы семи», «Группы двадцати», ВТО, ОЭСР, БМР, СФС и др.). В статье исследован современный дискурс международных организаций в отношении криптоактивов, проведен анализ различных подходов к интерпретации и классификации криптоактивов, а также предложена их авторская интерпретация и классификация. В ходе исследования выявлены основные экономические особенности различных видов, подвидов и разновидностей криптоактивов, на основе которых определены основные экономико-правовые направления регулирования их оборота на уровне международных организаций и национальных регуляторов в развитых странах и России. Исследование проводилось с использованием системно-функционального и системно-структурного метода.

В результате исследования сделаны выводы о том, что деятельность международных организаций сосредоточена на выработке рекомендаций и принципов по регулированию операций с криптовалютами и глобальными стейблкоинами, пруденциальному надзору за их эмитентами, а также унификации подходов к налогообложению и противодействию незаконных операций с использованием криптоактивов. Исследование позволило установить, что криптоактивы представляют собой частные активы, которые воплощают ценности или права, записываемые в электронной форме в распределенном реестре, защищенном криптографически, и могут использоваться в качестве средства платежа и сбережения и/или для целей инвестирования, и/или для доступа к определенному товару, услуге или платформе. Согласно авторской классификации, криптоактивы могут быть подразделены на два основных вида: виртуальные валюты и цифровые токены. Первые выполняют преимущественно платежную и сберегательную функции, а вторые — инвестиционную или утилитарную. Двумя основными подвидами виртуальных валют являются криптовалюты и стейблкоины. Главное различие между ними заключается в том, что стейблкоины, в отличие от криптовалют, привязаны/обеспечены какими-либо низковолатильными активами, позволяющими стабилизировать их рыночный курс, а также существует идентифицируемый эмитент, к которому держатель цифрового актива может адресовать финансовые требования. Цифровые токены выпускаются с конкретными инвестиционными функциями (инвестиционные токены) или потребительскими целями (утилитарные токены). Содержательное различие между ними состоит в том, что первые предоставляют своим владельцам различные экономические права, а вторые — доступ к потреблению определенной услуги или функционала, предлагаемого эмитентом.

В ходе исследования установлено, что международное регулирование оборота криптоактивов отсутствует, в то время как национальное регулирование значительно дифференцируется между странами вследствие отсутствия общих интерпретационных и классификационных подходов к криптоактивам и разной оценки экономических рисков и последствий их оборота для национальных финансовых систем. В целом регулирование операций с криптоактивами на национальном уровне направлено на усиление госу-

¹ Статья поступила в редакцию 18.05.2022.

дарственного контроля за оборотом нового класса активов и осуществляется как в денежной, платежной и инвестиционной сферах, так и в области налогообложения и противодействия отмыванию денег / финансированию террористической деятельности.

В большинстве развитых стран — США, странах ЕС, Великобритании, Швейцарии и других — преобладает гибкий подход к регулированию различных разновидностей криптоактивов и их эмитентов. Регулирование производится за счет адаптации действующего законодательства (в отношении инвестиционных токенов) или разработки специальных директив, регулирующих оборот отдельных разновидностей криптоактивов (в случае стейблкоинов и криптовалют). Регулирование оборота последних предполагает имплементацию в национальные законодательства процедур ПОД/ФТ в отношении поставщиков услуг виртуальных активов, в соответствии с рекомендациями ФАТФ, а также мер по снижению финансовых рисков и пруденциальному надзору за эмитентами криптоактивов, рекомендуемых ОЭСР, СФС и БМР. В странах с формирующимися рынками, таких как Китай, Турция, Россия, регулирование является более жестким и характеризуется широким использованием запретительных мер.

Главным недостатком нормативно-правового регулирования криптоактивов в России является его фрагментарность и преобладание запретительного уклона. Так, в российском законодательстве отсутствует ясная терминология в области криптоактивов. Предлагаемый порядок организации выпуска и обращения криптовалют чрезмерно зарегулирован, в то время как операции со стейблкоинами, NFT-токенами и другие не регулируются совсем. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что режим правового регулирования криптоактивов в России слабо связан с их экономической природой и не эквивалентен рискам их оборота.

Ключевые слова: международные организации, криптоактивы, технология распределенных реестров, блокчейн, классификация криптоактивов, виртуальные валюты, криптовалюты, стейблкоины, глобальные стейблкоины, соглашения о глобальных стейблкоинах, цифровые токены, инвестиционные токены, утилитарные токены, невзаимозаменяемые токены, первичное размещение токенов, децентрализованные финансы, регулирование оборота криптоактивов

Для цитирования: Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 75–130 (на русском и английском языках). doi:10.17323/19967845-2022-03-04

Введение

В последние годы финансовая сфера претерпевает фундаментальные изменения в связи с широким внедрением новых информационных технологий, таких как распределенные реестры (distributed ledger technology, DLT), большие данные (BIG data), искусственный интеллект (artificial intelligence, AI) и др. В свою очередь, технология распределенных реестров² и ее разновидность блокчейн (blockchain)³ является связующей

² Распределенные реестры — это технологии, которые позволяют узлам в сети безопасно предлагать, проверять и записывать изменения о данных в синхронизированную книгу, которая распределена по узлам сети [BIS, 2017, р. 2]. В отечественной экономической науке данный термин получил авторскую интерпретацию применительно к криптовалютам в работах С.А. Андрюшина, Д.А. Кочергина и др. Так, термин «распределенные реестры» означает децентрализованную или распределенную единую систему учета данных по финансовым операциям, состоящую из выстроенных по определенным правилам цепочек из формируемых блоков транзакций, которые используются в децентрализованных схемах виртуальных валют [Кочергин, 2017, с. 124].

³ Блокчейн представляет собой учетную технологию, состоящую из цепочки блоков, в каждом из которых хранится информация о совершенных ранее операциях. Одно из главных отличий технологии распределенных реестров от блокчейна состоит в том, что в случае распределенных реестров возможна ситуация, при которой один орган управления может непосредственно управлять работой всех узлов и контролировать функционирование децентрализованной сети [Андрюшин, 2019, с. 233–241].

сквозной технологией, позволяющей предложить универсальную платформу для учета, хранения и передачи информации о финансовых транзакциях⁴. В результате применения технологии распределенных реестров в последние годы в финансовой сфере появился новый класс активов – *криптоактивы* (crypto-assets), или *виртуальные активы* (virtual assets), некоторые виды которых в России трактуются как цифровые финансовые активы⁵.

В связи с бурным развитием рынка криптоактивов и трансграничным характером операций с их использованием тема развития криптоактивов стала в последнее время одной из наиболее широко обсуждаемых как на уровне международных организаций, так и на уровне национальных регуляторов. Однако до сих пор в экономической науке не существует унифицированного определения термина «криптоактивы». Не сформировалось также и общего мнения среди экономистов, международных организаций и финансовых регуляторов в отношении того, какие именно типы активов могут рассматриваться в качестве криптоактивов, и по каким критериям эти активы отличаются друг от друга. В результате криптоактивы могут включать в свой состав разные по экономической природе активы: денежные, долговые, долевые и гибридные, выпускаемые как децентрализованно, так и на централизованной основе. При этом вопросы сущностной интерпретации и классификации криптоактивов особенно важны для понимания функций, которые такие активы выполняют, определения имущественных прав, которые они позволяют реализовать, а также для выбора наиболее подходящего режима регулирования оборота криптоактивов как на национальном, так и на международном уровне.

Цель исследования состоит в определении экономической природы криптоактивов, разработке их оригинальной классификации и выявлении основных направлений регулирования их оборота. В рамках статьи решены задачи по исследованию современного дискурса международных организаций в отношении криптоактивов, анализу различных подходов к интерпретации и классификации криптоактивов; обоснованию авторской интерпретации и классификации криптоактивов; выявлению основных экономических особенностей различных видов криптоактивов; определению основных экономико-правовых направлений регулирования их оборота в развитых странах и в России. Исследование проводилось с использованием системно-функционального и системно-структурного метода.

Дискурс о криптоактивах в международных организациях

Криптоактивы стали предметом широкого обсуждения международных организаций с конца 2017 — начала 2018 гг., на волне значительной капитализации ведущих криптовалют и стремительного развития новых механизмов финансирования венчурных и финтех-проектов за счет выпуска цифровых токенов. Ведущие международные организации, такие как Международной валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, «Группа семи», «Группа двадцати», Всемирная торговая организация (ВТО), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Банк международных расчетов (БМР),

⁴ Согласно экспертным оценкам, в настоящее время большинство опрошенных экспертов называет мировыми лидерами по объему инвестиций в блокчейн Китай и США (30 и 18% опрошенных соответственно) [Vailshery, 2022].

⁵ Следует отметить, что термин «цифровые финансовые активы», используемый в России, является более узким, чем «криптоактивы», и не включает в свой состав активы, выпускаемые децентрализованно.

Совет по финансовой стабильности (СФС), Европейская комиссия (ЕК), а также международные институты, устанавливающие стандарты в финансовой сфере, такие как Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), Комитет по платежам и рыночной инфраструктуре (КПРИ), Международная организация комиссий по ценным бумагам (МОКЦБ) и другие, посвятили криптоактивам ряд научных исследований и докладов.

К числу основных задач, которые должны решить международные организации, относятся: унификация регулятивных подходов, связанных с выпуском и оборотом криптоактивов на международном уровне, в частности операций с криптовалютами и глобальными стейблкоинами; разработка унифицированного регулирования деятельности эмитентов криптоактивов с учетом разной степени риска, обусловленного дифференцированной природой выпускаемых криптоактивов и др. Решение данных задач осложняется трансграничностью рынка криптоактивов, децентрализованной природой используемого инструментария и наличием большого количества национальных регуляторов, которые используют разные подходы к интерпретации и классификации криптоактивов, а также нередко придерживаются противоположных подходов в отношении рисков их широкого использования и регулирования оборота.

Международный валютный фонд в своих исследованиях концентрирует внимание на основных видах рисков оборота криптоактивов, к числу которых он относит: риски инвестора (операционный и киберриск поставщиков цифровых кошельков и торговых платформ; рыночный, кредитный и дефолтный риск эмитентов криптовалют и цифровых токенов; риск ликвидности эмитентов и поставщиков услуг; риск мошенничества в размещении криптоактивов; риск целостности рынка и др.); риски отмывания денег и финансирования терроризма; пруденциальный и системный риск [Cuervo, Morozova, Sugimoto, 2019; Schwarz et al., 2021]. В этой связи регулирование, по мнению МВФ, должно охватывать следующие направления: размещение/выпуск криптоактивов; торговля криптоактивами; хранение криптоактивов; пруденциальное регулирование эмитентов криптоактивов [IMF, 2021a].

Экономисты МВФ указывают на рост криптоизации (увеличение роли криптоактивов в финансовых системах отдельных стран и рост применения таких активов в качестве средства сбережения и платежа, а также инвестиционного актива). Криптоизация экономики особенно характерна для стран с формирующимися рынками, таких как страны Южной Америки, Турция, Россия и др. Поэтому МВФ рекомендует национальным регулирующим органам первоочередное внимание уделять внедрению мировых регуляторных стандартов в отношении криптоактивов. Кроме того, национальные регуляторы должны контролировать риски оборота криптоактивов, особенно в системно значимых финансовых областях, и координировать свою деятельность для эффективного правоприменения и нивелирования регуляторного арбитража [IMF, 2021b; 2022]. Совместная группа по финансовым и платежным системам МВФ также отмечает, что одним из важнейших является вопрос учета операций с криптовалютой в международной статистике. Следует ли криптовалюту рассматривать как финансовый актив, как нематериальный актив или как аналог наличных денег, исходя из ее экономического содержания. В этой связи важнейшей задачей является классификация криптоактивов на основе определения экономической природы и принципов, используемых в макроэкономической статистике [FITT, 2022].

Всемирный банк заостряет внимание на вопросах возможностей, которые открывают новые информационные технологии, такие как блокчейн, для создания цифровых валют без участия центральных банков, и децентрализованного функционирования финансовых рынков без посредников. При этом экономисты Всемирного банка отмечают, что отсутствие нормативной базы для операций с использованием криптоактивов и сделок

с применением смарт-контрактов создает проблемы для четкой интерпретации таких активов и соблюдения требований по противодействию отмыванию денег и избежанию налогообложения операций с криптоактивами на глобальном уровне. Всемирный банк считает, что новые технологии, такие как блокчейн, должны поддерживаться на уровне отдельных стран и на международном уровне, так как они способствуют развитию добросовестной конкуренции, стимулируют инновации в других секторах экономики и обеспечивают стимул для дальнейшей цифровизации государственных услуг [WBG, 2018].

Также Всемирный банк изучил рыночный потенциал использования криптовалют. На основе собранных данных по более чем 130 странам за период с апреля 2019 г. по июнь 2021 г. с применением регрессивного анализа экономистами Всемирного банка были подтверждены две гипотезы. Во-первых, что криптовалюты используются в качестве рискованного актива. Во-вторых, что пользователи в подавляющем большинстве стран воспринимают криптовалюты как новый, альтернативный золоту, инструмент хеджирования от неблагоприятных макроэкономических условий, таких как высокая инфляция или обесценение национальной валюты. Перекрестные регрессии по объемам операций с криптовалютой за 2020 – первую половину 2021 гг. показали, что использование криптоактивов оказывается выше в менее экономически развитых странах и в развитых странах с более высоким уровнем проникновения информационно-коммуникационных технологий [Feyen, Kawashima, Mittal, 2022].

Страны «Группы семи» сосредотачивают внимание на регулировании оборота иной разновидности криптоактивов – стейблкоинах. В частности, на возможностях их глобального использования в трансграничных расчетах. Страны «Группы семи» в первую очередь обращают внимание на вопросы минимизации правовых, нормативных и надзорных рисков. Их усилия направлены на правовую определенность оборота глобальных стейблкоинов; эффективное управление эмиссией и выкупом стейблкоинов, включая инвестиционные правила, лежащие в основе их стабилизационного механизма; противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма; поддержку эффективности и целостности функционирования платежных систем; кибербезопасность и операционную устойчивость; защиту конфиденциальности персональных данных потребителей/инвесторов; соблюдение налогового законодательства и др. В этой связи, по мнению «Группы семи», глобальные стейблкоины могут создавать риски не только для осуществления денежно-кредитной политики и поддержания финансовой стабильности, но и для устойчивости международной валютной системы, добросовестной конкуренции и антимонопольной политики в платежной сфере [BIS, 2019a]. Эти риски носят системный характер, заслуживают тщательного мониторинга и требуют дальнейшего изучения. Страны «Группы семи» считают, что ни один проект по выпуску глобальных стейблкоинов не следует начинать до тех пор, пока правовые, нормативные и надзорные риски, указанные выше, не будут устранены или минимизированы посредством соблюдения пропорционального риска регулирования.

Страны «Группы двадцати» в своих подходах к криптоактивам стремятся всесторонне оценить потенциальные выгоды и устранить возможные риски для глобальной финансовой стабильности, возникающие в результате быстрого развития технологических инноваций в финансовом секторе, включая киберриски и регуляторный арбитраж. Страны «Группы двадцати» отмечают, что в связи с быстрым развитием рынков криптоактивов, в условиях отсутствия эффективного регулирования и надзора, можно быстро достичь ситуации, при которой криптоактивы станут угрозой глобальной финансовой стабильности из-за масштаба их рынка и растущей взаимосвязанности с традиционной финансовой системой. Министры финансов и главы центральных банков «Группы двадцати» указывают на необходимость тесной координации усилий

международных органов, устанавливающих стандарты в финансовой сфере, ускорить работу по мониторингу и обмену информацией о нормативных и надзорных подходах к криптовалютам, стейблкоинам и децентрализованным финансовым сервисам с целью устранения регуляторных пробелов и арбитража для поддержания глобальной финансовой стабильности и создания необходимых условий для безопасных инноваций [FSB, 2022b; G20, 2022].

Со своей стороны, *Всемирная торговая организация* обращает внимание на то, как ускоренная цифровизация торговли, в том числе за счет использования новых платежных инструментов и инвестиционных механизмов, может способствовать финансированию малых и средних предприятий. Экономисты ВТО указывают, что использование криптовалют в качестве средства международных расчетов могло бы устранить многие недостатки и повысить эффективность трансграничных платежей, если бы их рыночная стоимость не была бы столь волатильной [Patel, Ganne, 2021]. В то же время внедрение стейблкоинов для решения проблемы ценовой волатильности при международных расчетах может также быть сопряжено с рядом рисков, к числу которых следует отнести правовую неопределенность, надежное управление резервами, конфиденциальность данных и соблюдение налогового законодательства.

Экономисты *Банка международных расчетов* и *Базельского комитета по банковскому надзору* преимущественно концентрируют внимание на пруденциальном подходе к рискам, связанным с оборотом криптоактивов. В этой связи криптоактивы подразделяются БКБН на группы на основе следующих критериев: 1) природы обязательства и/или наличия стабилизационного механизма; 2) четкости и юридической определенности прав, обязанностей и интересов, вытекающих из соглашений о криптоактивах; 3) возможности управлять экономическими рисками в экосистеме эмитента; 4) наличия регулирования и контроля за деятельностью поставщиков криптоактивов [BIS, 2021]. Так как риски для разных групп криптоактивов отличаются, пруденциальные требования (требования к кредитному и рыночному риску; минимальные требования для коэффициентов кредитного плеча и ликвидности; требования по раскрытию информации и др.) также будут дифференцированными.

Организация экономического сотрудничества и развития в своих публикациях особое внимание уделяет исследованию вопросов использования новых механизмов привлечения средств, таких как первичное размещение токенов (Initial Coin Offering, ICO), для финансирования деятельности средних и малых предприятий. Так, экономисты ОЭСР указывают на отличительные особенности новых механизмов привлечения средств, их преимущества и ограничения, а также отмечают необходимость регулирования процессов проведения ICO на уровне отдельных юрисдикций и разработки согласованных подходов на международном уровне [OECD, 2019].

Пристальное внимание ОЭСР уделяет также изучению вопросов налогообложения криптовалют в отдельных странах, а также необходимости унификации фискальной политики (применимости НДС, налогов на доход, налогов на имущество и др.) в отношении операций с криптоактивами на международном уровне. В частности, экономисты ОЭСР обоснованно указывают на то, что вопросы налогообложения связаны с точной интерпретацией криптовалют (например, интерпретируются ли они как имущество, товар, аналог иностранной валюты или иначе), определения налогооблагаемого события и видов налогов, которые могут быть применимы в отношении криптовалют [Ibid., 2020; 2022a]. Также ОЭСР уделяет пристальное внимание изучению новых видов криптоактивов, таких как стейблкоины, DeFi-токены и другие, и налоговым последствиям операциям с их использованием.

В своем Консультативном докладе, посвященном унификации системы отчетности в отношении криптоактивов и внесению изменений в общие стандарты, ОЭСР рассматривает вопросы формализации отчетных требований, в частности введения требования к поставщикам услуг, связанных с криптоактивами, предоставлять отчеты о проводимых операциях, применять процедуры должной осмотрительности (для отдельных пользователей криптоактивов, для юридических лиц и требования в отношении процедур самосертификации) и др. Кроме того, ОЭСР предлагает включить информацию об обороте криптоактивов, в том числе данные по криптовалютам и их дериватам, в систему автоматизированного обмена налоговой информацией в странах «Группы двадцати» [OECD, 2022b]. Это потребует от криптобирж и других посредников сбора и предоставления налоговым органам данных о владельцах и участниках сделок с криптоактивами по аналогии с данными о традиционных финансовых транзакциях.

Деятельность *Совета по финансовой стабильности* направлена на устранение потенциальных рисков финансовой стабильности, связанных с цифровизацией. По мнению СФС, крайне важно комплексно устранять возникающие риски финансовой стабильности на рынках криптоактивов, чтобы избежать фрагментарных подходов, которые могут привести к регуляторному арбитражу. При оценке рисков финансовой стабильности при операциях с криптоактивами СФС предлагает разделять криптоактивы на группы по критерию потенциальных угроз. При этом речь идет о четырех трансмиссионных направлениях влияния криптоактивов на финансовую систему: 1) эффекты благосостояния; 2) эффекты доверия; 3) воздействие на финансовый сектор; 4) изменение в платежах и расчетах [FSB, 2022a].

В целом следует отметить, что международным организациям необходимо уделять приоритетное внимание трансграничному и межсекторальному сотрудничеству в сфере оборота криптоактивов, учитывая международный характер их рынка.

Интерпретации криптоактивов

Несмотря на широкое использование в экономической литературе термина «криптоактивы», его общепринятого определения в настоящее время не существует. Международные организации, финансовые регуляторы и банковские учреждения используют различные определения криптоактивов в целях контроля за их оборотом и надзора за деятельностью их эмитентов⁶.

Целевая группа Европейского центрального банка по криптоактивам определяет криптоактивы довольно узко — как любой актив, зарегистрированный в цифровой форме, который не является и не представляет финансовое требование или финансовое обязательство какого-либо физического или юридического лица, и не содержит имущественное право в отношении юридического лица [Mamaa et al., 2019; ECB, 2019]. В то же время Международная организация комиссий по ценным бумагам определяет криптоактивы более широко — как частные активы, зависящие от криптографии и технологии распределенных реестров или аналогичной технологии, которые являются

⁶ Несмотря на то что термин «криптоактивы» становится все более распространенным в экономической литературе, в ряде научных исследований и нормативных документов для обозначения нового класса финансовых активов используются более узкие термины: «виртуальные валюты», «криптовалюты», «токены» и др. См., например: [BIS, 2019b; Su, 2020]. Далее мы покажем, что большинство из этих терминов более целесообразно использовать для наименования конкретных видов и подвидов криптоактивов, а также, что между этими активами существует смысловая взаимосвязь в рамках развивающейся структуры нового класса активов.

частью присущей им ценности. Такие активы могут представлять собой валюту, товар или ценную бумагу, или быть производным инструментом на товар или ценную бумагу [IOSCO, 2019].

Совет по финансовой стабильности приводит аналогичное определение криптоактивов, данное Международной организацией комиссий по ценным бумагам [FSB, 2020], тогда как Рабочая группа «Группы семи» по стейблкойнам Банка международных расчетов рассматривает криптоактивы, прежде всего, в качестве платежных средств [BIS, 2019a]. В свою очередь, Комитет по банковскому надзору Банка международных расчетов, придерживаясь точки зрения Рабочей группы «Группы семи», обращает внимание на то, что криптоактивы не являются законным средством платежа и не поддерживаются никаким правительством или государственным органом власти [Ibid., 2019b].

Европейское управление по надзору за рынком ценных бумаг определяет криптоактивы так же, как СФС. При этом следует заметить, что Европейское управление по надзору использует термин «криптоактивы» для обозначения как виртуальных валют, так и цифровых токенов. Последние определяются как любое цифровое представление экономического интереса, которое может представлять ценность, право на получение дохода, выполнять определенные функции или не иметь определенной цели или обозначенного направления использования [ESMA, 2019]. При этом Европейское управление по надзору за рынком ценных бумаг обращает внимание на то, что криптоактивы — это цифровые активы, которые не выпускаются центральными банками⁷.

В свою очередь, Европейская служба банковского надзора определяет криптоактивы как активы, которые: а) зависят от криптографии и технологии распределенных реестров, являющихся частью присущей им ценности; б) не выпускаются и не гарантируются центральным банком или государственным органом; и в) могут использоваться в качестве средства обмена и/или для инвестиционных целей, и/или для доступа к товару или услуге [EBA, 2019]. В то же время Европейская комиссия определяет криптоактивы более широко и технологически нейтрально как цифровое представление ценности или прав, которые могут передаваться и храниться в электронном виде с использованием технологии распределенных реестров или аналогичной технологии, и которые потенциально могут принести значительные выгоды как участникам рынка, так и потребителям [ЕС, 2020]. Подобным образом Организация экономического сотрудничества и развития интерпретирует криптоактивы как цифровое представление стоимости, основанное на криптографически защищенном распределенном реестре или аналогичной технологии, используемой для проверки и защиты транзакций [OECD, 2022b].

Анализ предлагаемых МФО и европейскими регуляторами подходов к термину «криптоактивы» позволяет определить, что за исключением определения Целевой группы Европейского центрального банка по криптоактивам (которое, по всей видимости, в силу специфики полномочий организации охватывает только классические криптовалюты) все приведенные выше определения имеют широкую сферу применения. Следует отметить два повторяющихся элемента, содержащихся в разных определениях криптоактивов: 1) частный характер актива и 2) использование криптографии и DLT или аналогичной технологии. По сути, эти элементы являются основополагающими для интерпретации криптоактивов.

⁷ Замечание о том, что криптоактивы не выпускаются государственными органами власти, такими как центральные банки, является принципиально важным для последующей классификации криптоактивов. Оно позволяет исключить из класса криптоактивов как цифровые валюты центральных банков, так и государственные виртуальные активы.

В результате мы можем предложить авторское определение криптоактивов, которое является широким в экономическом смысле и технологически нейтральным, что позволяет включить в него различные виды и разновидности виртуальных активов. Согласно нашему определению, криптоактивы представляют собой новый класс частных цифровых активов. Криптоактивы: 1) не выпускаются и не гарантируются государственными органами власти; 2) воплощают ценности или права, записываемые в электронной форме в распределенном реестре, защищенном криптографически; 3) используются в качестве средства платежа и сбережения и/или для целей инвестирования, и/или для доступа к определенному товару или услуге на платформе эмитента в результате наличия общественного консенсуса. Данные характеристики криптоактивов отличают их как от традиционных активов, так и от цифровых валют центральных банков и так называемых национальных виртуальных активов.

Современная классификация криптоактивов⁸

Сформулировав определение криптоактивов, обратимся теперь к идентификации критериев, применяемых для их классификации. Первый критерий условно можно назвать институционально-эмиссионным. Этот критерий использует Целевая группа ЕЦБ по криптоактивам. Он позволяет классифицировать криптоактивы довольно узко, как один из нескольких видов совокупности цифровых активов (рис. 1).

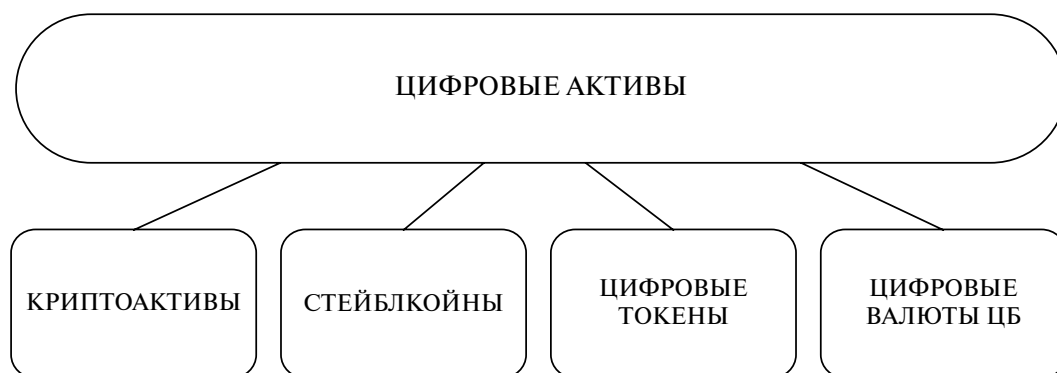

Рис. 1. Классификация криптоактивов по институционально-эмиссионному критерию

Источник: Составлено автором на основе [Bullmann, Klemm, Pinna, 2019].

Как можно видеть на рис. 1, по институционально-эмиссионному критерию цифровые активы подразделяются на четыре группы, а именно: 1) криптоактивы (сюда включаются только криптовалюты); 2) стейблкойны; 3) цифровые токены; 4) цифровые валюты центральных банков [Bullmann, Klemm, Pinna, 2019]. Данная классификация позволяет провести различия между децентрализованными и централизованными цифровыми активами (в случае с криптовалютами и стейблкойнами соответственно), а также сконцентрировать внимание на конкретных эмитентах цифровых активов — частных или государственных (в случае со стейблкойнами/цифровыми токенами и

⁸ В середине мая 2022 г. в обращении находилось более 19,4 тыс. криптоактивов, а общий объем их капитализации превышал 1,28 трлн долл. США. При этом эти активы существенно различались по своей природе и экономико-функциональным характеристикам [CoinMarketCap, n.d.a].

цифровыми валютами ЦБ соответственно). В то же время данный критерий классификации не позволяет в полной мере раскрыть экономические особенности отдельных видов криптоактивов, так как, по сути, при таком подходе криптоактивы уподобляются криптовалютам.

Некоторые экономисты [Maas, 2019] и регулирующие органы в развитых странах, таких как Великобритания, Швейцария, США и другие⁹, предлагают более широкую классификацию криптоактивов. Критерий, который они используют, условно можно назвать функциональным (рис. 2).

Рис. 2. Классификация криптоактивов по функциональному критерию

Источник: Составлено автором на основе [Clayton, 2017; FINMA, 2018; FCA, 2019].

Как видно на рис. 2, согласно функциональному критерию, криптоактивы подразделяются на три основных вида: 1) платежные/обменные токены (токены, используемые в платежных целях); 2) секьюрити/инвестиционные токены (токены как цифровые аналоги традиционных финансовых инструментов); 3) утилитарные токены (токены, выполняющие прикладные функции на платформе эмитента). По сути, платежные или обменные токены в данной классификации выступают аналогом виртуальных валют. Секьюрити / инвестиционные токены представляют собой цифровой аналог (в отношении прав и обязательств) традиционных финансовых инструментов, таких как акции, облигации и др. Напротив, утилитарные токены предоставляют держателям право доступа к текущему или перспективному продукту или услуге, реализуемым на платформе компании-эмитента. Подобная классификация полезна для понимания исходных подходов к регулированию данных активов. Однако, по нашему мнению, эта классификация имеет два существенных недостатка. Во-первых, криптовалюты относятся к категории токенов, что не совсем точно в экономическом и технологическом смысле. Так, в отличие от токенов, криптовалюты не воплощают в себе права на какой-либо актив или какие-либо имущественные полномочия. Кроме того, криптовалюты, в отличие от токенов, выпускаются, как правило, на основе нативного блокчейна. Во-вторых, не ясно, какое место в данной классификации занимают стейблкоины, которые необходимо дифференцировать как от криптовалют, так и от инвестиционных токенов. Классификация всех криптоактивов через токены неточна, так как включает в состав токенов другие разновидности активов, которые токенами не являются.

⁹ Подробнее см.: [Clayton, 2017; FINMA, 2018; FCA, 2019].

Еще один подход к классификации криптоактивов был предложен Европейской комиссией и Советом в проекте Директивы ЕС «О рынке криптоактивов» [ЕС, 2020]. В данном случае применяется критерий целевого использования, который в равной степени можно назвать экономико-правовым (рис. 3).

Рис. 3. Классификация криптоактивов по целевому использованию

Источник: Составлено автором по данным [ЕС, 2020].

Как видно на рис. 3, по целевому использованию и экономико-правовой природе криптоактивы предлагается подразделять на: 1) токены электронных денег (токенизированные электронные деньги); 2) токены, привязанные к активу; 3) токены – финансовые инструменты¹⁰ и 4) утилитарные токены. Согласно предложениям Европейской комиссии, токены электронных денег и токены, привязанные к активу, используются, прежде всего, в платежных целях (по сути являясь стейблкоинами). Напротив, токены – финансовые инструменты и утилитарные токены выполняют инвестиционную и прикладную функции соответственно. Недостаток этой классификации состоит в том, что она не включает в свой состав децентрализованные активы, такие как криптовалюты, а также не учитывает в своей структуре гибридные токены, к числу которых относятся токены проектов децентрализованного финансирования (DeFi-токены). По всей видимости, децентрализованные активы исключаются Европейской комиссией из классификации в силу отсутствия у таких активов четко идентифицируемых эмитентов, которые отвечают по денежным или финансовым обязательствам и деятельность которых можно регулировать. Подобное исключение, по сути, противоречит широкому определению криптоактивов, которое использует сама Европейская комиссия. Оно включает как цифровое воплощение ценностей, так и прав.

Наконец, своеобразный подход к классификации криптоактивов в 2021 г. был предложен МВФ [FITT, 2022]. В данном случае используемый критерий условно можно назвать критерием встречного требования (рис. 4).

Как видно на рис. 4, помимо целевого использования (как средство обмена или цифровая ценная бумага) МВФ предлагает разделять криптоактивы по наличию/отсутствию встречного требования к другой институциональной единице: криптоактивы с корреспондирующим обязательством и криптоактивы без корреспондирующего обязательства. В значительной степени данная классификация обусловлена попыткой

¹⁰ Определение финансовых инструментов в странах ЕС содержится в п. 15 ст. 4 (1) Директивы Европейского парламента и Совета 2014/65/EU «О рынках финансовых инструментов» (Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 On Markets in Financial Instruments and Amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU [ЕС, 2014].

МВФ провести различие между теми видами криптоактивов, которые могут в целях макроэкономического учета рассматриваться в качестве финансовых (цифровые ценные бумаги, привязанные/обеспеченные стейблкоины, цифровые валюты центральных банков), и теми, которые должны трактоваться иначе — в качестве нового гибридного класса активов (криптовалюты, платежные токены без встречного требования). Недостаток этой классификации состоит в том, что она не является комплексной. Она не только не покрывает новые разновидности криптоактивов, такие как DeFi-токены, NFT-токены, но и не учитывает принципиальное отличие криптоактивов (активов частных эмитентов) от цифровых валют центральных банков (государственных активов). Это отличие имеет важное значение для целей регулирования оборота криптоактивов как на уровне отдельной юрисдикции, так и на межстрановом уровне.

Рис. 4. Классификация криптоактивов по наличию встречного требования

Источник: Составлено автором по данным [FITT, 2022].

По нашему мнению, все рассмотренные выше классификации обладают очевидными недостатками, связанными с отсутствием комплексного и более детализированного подхода к раскрытию природы криптоактивов и их систематизации. Мы предлагаем использовать многокритериальный подход к классификации криптоактивов, позволяющий учесть как экономико-функциональные и экономико-правовые, так и эмиссионно-институциональные особенности находящихся в обращении разнообразных виртуальных активов.

Экономические, эмиссионные, функциональные и правовые особенности криптоактивов и их авторская классификация

Проведенное нами исследование показывает, что с экономической точки зрения все криптоактивы могут быть подразделены на два основных вида: виртуальные валюты и цифровые токены. Виртуальные включают в себя два основных подвида: криптовалюты

(децентрализованные виртуальные валюты без привязки или обеспечения) и стейблкойны (виртуальные валюты с фиатным, товарным или иным обеспечением/привязкой, которые могут выпускаться как централизованно, так и децентрализованно). Теоретически как криптовалюты, так и стейблкойны могут использоваться в качестве альтернативы традиционным фиатным деньгам в расчетах между экономическими агентами, в той или иной мере выполняющей основные денежные функции. Цифровые токены, напротив, представляют собой вид криптоактивов, предоставляющий своим держателям определенные экономические и/или финансовые права, такие как право на определенные активы, продукты или услуги (или право доступа к продуктам, услугам или платформам). Цифровые токены, в свою очередь, можно подразделить на инвестиционные и утилитарные. При этом далеко не всегда есть возможность точно определить истинную природу цифровых токенов, поскольку они могут обладать гибридными характеристиками. Для того чтобы раскрыть экономическую природу и определить экономические особенности, которыми обладают находящиеся в обращении разнообразные криптоактивы, исследуем их более подробно.

Виртуальные валюты были первым видом криптоактивов, который появился в рамках первоначального этапа развития рынка цифровых активов (2008–2015 гг.). С функциональной точки зрения виртуальную валюту можно определить как цифровое выражение стоимости (ценности), которая может покупаться и продаваться в цифровой форме и функционировать в качестве средства обмена и/или счетной единицы, и/или средства сохранения стоимости, но при этом не имеет законного статуса денег на национальном уровне (то есть не является с нормативной точки зрения законным средством платежа в большинстве развитых и развивающихся стран). С институциональной точки зрения виртуальная валюта может интерпретироваться как цифровое выражение стоимости, которая выпускается нетрадиционными эмитентами современных форм денег – Центральным банком, кредитными институтами или специализированными эмитентами электронных денег, но при этом может ограниченно использоваться в качестве альтернативы общепризнанным формам денег при расчетах в электронных сетях¹¹.

Среди виртуальных валют наиболее важное место занимают криптовалюты, которые являются их децентрализованным подвидом. Криптовалюты не воплощают какое-либо обязательство и не имеют четко идентифицируемого эмитента. В этой связи существенными характеристиками криптовалют являются:

1. *Доверительный механизм формирования стоимости.* Криптовалюты – это активы, стоимость которых определяется спросом и предложением. Таким образом, в основе их стоимости (ценности) лежит схожая концепция с такими товарами, как золото. Однако в отличие от редкоземельных металлов, обладающих природной редкостью, объем криптовалют в обращении регулируется компьютерным алгоритмом, который выступает своеобразным искусственным ограничителем величины их общего объема эмиссии. Также в отличие от таких товаров, как золото, у большинства криптовалют нет очевидных альтернативных направлений использования. Криптовалюты являются необеспеченными активами, стоимость которых основывается на вере в то, что они могут быть полезны в будущем, обменены на другие товары или услуги, или определенное количество национальной валюты [BIS, 2015].

2. *Наличие встроенного механизма прямого стоимостного обмена.* Ключевое новшество, привнесенное криптовалютными системами, состоит в использовании технологии распределенных реестров (блокчейна), которая гарантирует удаленный обмен

¹¹ Подробнее см.: [Кочергин, 2017].

стоимостью при отсутствии доверия между сторонами. Такой обмен осуществляется без участия *посредников* за счет реализации различных алгоритмов консенсуса, позволяющих подтверждать подлинность транзакций в сети. Наличие механизма прямого стоимостного обмена позволяет криптовалютам обращаться, уподобляя их в этой характеристике наличным деньгам.

3. *Институциональный механизм, в котором управление информационными и финансовыми транзакциями осуществляется без участия посредников.* В большинстве криптовалютных систем отсутствуют какие-либо администраторы, управляющие функционированием систем. Децентрализованный характер криптовалют предполагает также отсутствие каких-либо идентифицируемых операторов, в качестве которых в традиционных платежных системах выступают кредитные институты или специализированные провайдеры платежных услуг [Кочергин, 2017]. В действительности исследование природы криптовалют выходит далеко за рамки категории криптоактивов и касается не только вопросов отнесения их к определенному виду активов, но и затрагивает значительно более широкий круг вопросов денежной эволюции и принципов современного и будущего устройства денежно-кредитных систем.

В настоящее время в экономической науке не существует консенсуса в отношении природы криптовалют (является ли она денежной или нет). И если да, то являются ли криптовалюты новым видом денег или нет. С одной стороны, большинство национальных денежно-кредитных регуляторов не рассматривают криптовалюты в качестве денег, так как механизм их создания и управления противоречит принципам устройства современных денежно-кредитных систем и природе современных фиатных денег. Однако даже ярые скептики, не относящие криптовалюты к новому виду денег, указывают на наличие у криптовалют денежного функционала [Lee, Martin, 2020]. С другой стороны, некоторые экономисты рассматривают ведущую криптовалюту биткойн в качестве потенциально нового вида денег — денег первого уровня (денежных резервов), которые могут стать фундаментом для построения новой денежной системы [Bhatia, 2021], а также полноценной валюты, имеющей внутреннюю стоимость, выступающей своеобразным цифровым аналогом золота [Андрюшин, 2019].

По-нашему мнению, расходы, связанные с майнингом или форжингом/стекингом криптовалют, не придают криптовалютам ценности сами по себе. В этой связи не так важно, имеют ли криптовалюты внутреннюю стоимость или нет, важно, чтобы они были общественно полезными. Рыночная ценность криптовалют определяется, прежде всего, непосредственными возможностями их текущего или будущего использования. При этом отдельные разновидности виртуальных валют могут обладать свойствами товарных и кредитных денег и даже комбинировать эти свойства, что отличает их от фиатных денег. Тем не менее, подобно фиатным деньгам, важной характеристикой виртуальных валют является фидуциарность (наличие доверительной стоимости), которая проявляется в криптовалютах наиболее наглядно в связи с отсутствием четко идентифицируемого эмитента.

Фактически первой успешной криптовалютой стала запущенная в 2008 г. криптовалюта Bitcoin¹². Первоначально Bitcoin был внедрен в качестве электронного аналога наличных денег для межпользовательских расчетов в замкнутой сетевой среде¹³, но в дальнейшем его функционал расширился. Со временем биткойн стал чаще использо-

¹² Bitcoin (биткойн) — первая успешная криптовалюта, созданная программистом или группой программистов, известных под ником Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto), которая в силу широкой известности и высокой капитализации в настоящее время является на рынке криптоактивов системообразующим активом.

¹³ Подробнее см.: [Nakamoto, 2008].

ваться как средство сбережения и объект инвестирования. Кроме того, в последние годы появилось множество совершенно новых криптовалют со специализированным функционалом, выходящим за рамки средства платежа и сбережения. Так, в середине мая 2022 г. в обращении находилось более 10 тыс. криптовалют. При этом совокупная капитализация десяти ведущих криптовалют составляла около 953,8 млрд долл. США, или 74,9% от общей капитализации рынка криптоактивов [CoinMarketCap, n.d.b].

Подобно другим подвидам криптоактивов, криптовалюты характеризуются разнородностью. Они могут дифференцироваться по разным критериям, например, по природе возникновения, процессу генерации новых стоимостных единиц, типу используемого блокчейна, алгоритму достижения консенсуса и др. При этом различия в концепции создания и технологических аспектах выпуска криптовалют оказывают влияние на их экономико-функциональные характеристики. Например, к числу таких характеристик относятся общий объем предложения единиц криптовалюты в обращении, величина вознаграждения майнеров, скорость и стоимость проведения расчетов в блокчейне, пользовательский функционал и т.д. С экономической точки зрения важное отличие между криптовалютами заключается в их целевом использовании. Одни криптовалюты в силу технологических особенностей реализации и функциональных характеристик являются наиболее подходящими для использования в качестве средства сбережений и/или резервного актива (Bitcoin), другие — для использования в качестве средства платежа (Litecoin, Bitcoin Cash и др.), третьи — для применения не столько в качестве платежного средства, сколько как инструмент/платформа для реализации децентрализованных приложений на основе смарт-контрактов¹⁴ (Ethereum, Cardano, EOS, TRON и др.) и т.д.

Вследствие децентрализованной природы эмиссии криптовалюты не воплощают какое-либо требование к государству, кредитному институту или иному эмитенту и поэтому с точки зрения банковских регуляторов не являются абсолютно безопасными для использования в качестве средства обмена [BIS, 2019c]. В условиях ограниченного числа держателей криптовалют и альтернативных направлений их использования, а также из-за отсутствия регулирования объема рыночного предложения курсы криптовалют являются высоковолатильными. Высокая волатильность и ограниченное число кейсов использования не позволяют криптовалютам в настоящее время выполнять в высокой степени денежные функции¹⁵. Существуют и другие проблемы использования криптовалют. Также многие криптовалюты до сих пор недостаточно хорошо масштабируются¹⁶.

Проблемы ценовой волатильности и недостаточной масштабируемости криптовалют в настоящее время могут компенсироваться посредством модификации либо самих блокчейнов, либо за счет внедрения технологических решений, повышающих скорость обработки транзакций в рамках уже существующих систем¹⁷. Кроме того, торговые точки или платежные провайдеры могут использовать механизмы быстрой

¹⁴ Смарт-контракт представляет собой алгоритмизированный и записанный в распределенном реестре программный код, содержащий условия договорных отношений и предусматривающий их автоматическое исполнение в будущем.

¹⁵ Так, бывший председатель ФРС А. Гринспен (А. Greenspan) назвал криптовалюту Bitcoin иррациональными деньгами, сравнив ее с ранней формой американских денег, так называемой «континентальной валютой» [Moуег, 2017].

¹⁶ Масштабируемость криптовалют — это способность блокчейна криптовалюты справляться с увеличением количества обрабатываемых транзакций в единицу времени посредством добавления предусмотренных архитектурой ресурсов без падения качества работы блокчейна.

¹⁷ Одним из таких решений является использование специальной сети Lightning Network, которая представляет собой протокол второго слоя блокчейн-сетей, позволяющий повысить масштабируемость криптовалюты и снизить транзакционные комиссии.

биржевой конверсии криптовалют в фиатные валюты сразу после получения их в платежной транзакции. Тем не менее, вследствие децентрализованной природы криптовалют, фактически отсутствует возможность полного нивелирования их ценовой волатильности. В этой связи во второй половине 2010-х годов встал вопрос о создании такой разновидности виртуальных валют, которая могла бы, с одной стороны, обеспечивать стабильность рыночного курса, а с другой, ее эмиссия могла бы лучше администрироваться.

В результате на втором этапе развития рынка криптоактивов (2015 г. — настоящее время) появляются стейблкоины¹⁸. *Стейблкоины* иногда определяются как частные криптовалюты с фиксированным курсом или криптовалюты, устойчивые к значительным ценовым колебаниям за счет набора стабилизационных инструментов [Bullmann, Klemm, Pinna, 2019]. Подобные интерпретации не совсем точны, так как не учитывают существенные особенности стейблкоинов. По своей природе стейблкоины не являются криптовалютами или их разновидностью, а представляют собой отдельный подвид виртуальных валют. Стейблкоины, как правило, обеспечены/привязаны к цене другого надежного и высоколиквидного актива или пула активов, что обеспечивает стабильность их стоимости [OMFIF-IBM, 2019].

В отличие от криптовалют, которые, как правило, выпускаются децентрализованно и не имеют четко идентифицируемого эмитента или, по крайней мере, учреждения, которое несло бы финансовую ответственность перед пользователями, стейблкоины представляют собой «требование» на конкретного эмитента (на его базовые активы, фонды или другие права) [BIS, 2019a]. Фактически стейблкоины сочетают в себе инновационные механизмы прямого стоимостного обмена и управления финансовыми транзакциями без участия посредников с централизованными эмиссионными механизмами и дифференцированными методами поддержания ценовой стабильности. Таким образом, экономическая сущность стейблкоинов проявляется в следующих свойствах: 1) стейблкоины выпускаются идентифицированными эмитентами на блокчейне в форме обращающихся цифровых денежных обязательств или депозитных сертификатов; 2) поддерживают стабильность обменного курса за счет привязывания к базовому низковолатильному денежному или товарному обеспечению либо посредством использования алгоритмических технологий; 3) могут использоваться в качестве средства обмена и/или средства платежа, а также средства сбережения у лиц, отличных от эмитента.

Первый стейблкоин, обеспеченный долларом США, Tether USD (USDT)¹⁹, был выпущен в 2015 г. компанией Tether Limited, связанной с криптобиржей Bitfinex. Позднее появилось множество стейблкоинов с различными способами обеспечения и механизмами поддержки стабильной цены. В середине мая 2022 г. в обращении находилось более 90 стейблкоинов. Общий объем капитализации 74 ведущих стейблкоинов составлял 161,1 млрд долл. США, или 12,6% от общей капитализации рынка криптоактивов. При этом объем торгов стейблкоинами составлял 81,92 млрд долл., или около 89,23% от общего ежедневного объема торгов криптоактивами [CoinMarketCap, n.d.c].

В силу технологических особенностей эмиссии, а также по причине различных способов и механизмов поддержки ценовой стабильности стейблкоины могут значительно отличаться друг от друга [Houben, Snyers, 2020]. Стейблкоины можно подразделять по разным классификационным признакам: 1) механизму стабилизации

¹⁸ Концепция привязки виртуальных валют к определенным активам была впервые предложена в Белой книге (White Paper) компании Mastercoin, написанной Дж. Уиллеттом в 2012 г. Подробнее см.: [Willett, 2012].

¹⁹ Первоначально USDT был полностью обеспечен долларами США, но в начале 2019 г. компания сообщила о смешанном обеспечении. Таким обеспечением, помимо долларов США, стали коммерческие ценные бумаги и другие ликвидные активы эмитента.

рыночного курса (активам и технологиям, используемым для обеспечения ценовой стабильности); 2) дизайну реализации (экономико-правовым характеристикам); 3) системной значимости (масштабу и географии использования) и др.

Так, по механизму стабилизации рыночного курса стейблкойны можно подразделить на следующие группы: с привязкой/обеспечением традиционными активами; с привязкой/обеспечением криптоактивами; необеспеченные (алгоритмические)²⁰. Основными способами обеспечения стейблкойнов, привязанных к традиционным активам, являются фиатные валюты²¹, товары (редкоземельные металлы, углеводороды и др.)²² и иные активы, характеризующиеся низкой ценовой волатильностью²³. Доступность традиционных активов, их высокая ликвидность и предсказуемая стоимость делает эти активы часто используемым средством обеспечения стейблкойнов²⁴. Тем не менее, поскольку стейблкойны, привязанные к традиционным активам, не только эмитируются централизованно, но и централизованно погашаются, их обращение может быть сопряжено с кредитным риском. Также обязательным условием для широкого использования таких стейблкойнов является общественное доверие к эмитенту, который контролирует их эмиссию и обеспечение. Наиболее известными примерами стейблкойнов, привязанных к традиционным активам, являются Tether USD (USDT), USD Coin (USDC), Binance USD (BUSD), TrueUSD (TUSD), Pax Dollar (USDP), Pax Gold (PAXG) и др.

К числу основных способов обеспечения стейблкойнов, привязанных к криптоактивам, можно отнести отдельные нативные токены/криптовалюты, корзины криптовалют и др. Такие стейблкойны призваны решить главную проблему стейблкойнов, обеспеченных традиционными активами (централизованных стейблкойнов), — снизить кредитный риск, а также риск хранения резервных активов. В случае со стейблкойнами, привязанными к криптоактивам, их обеспечение находится в том же блокчейне, что и сами стейблкойны. Благодаря этому стейблкойны, обеспеченные криптовалютами, контролируются кодом, и обязательства погашаются автоматически. Тем не менее такие стейблкойны характеризуются менее стабильной ценой резервного актива, чем в случае с фиатным обеспечением, а также возможностью автоматической ликвидации стейблкойнов во время обесценения базовой криптовалюты и большей сложностью в механизме поддержания курса стейблкойна. Типичными примерами таких стейблкойнов выступают Dai (DAI), Neutrino USD (USDN), sUSD (SUSD), Liquity USD (LUSD) и др.

В отличие от обеспеченных стейблкойнов рыночный курс необеспеченных (алгоритмических) стабильных монет напрямую не поддерживается резервом фиатных валют, товаров или криптовалют. В данном случае используется доверительная модель обеспечения стоимости стейблкойнов аналогично применяемой при эмиссии фидуциарных денег, но только с применением алгоритмических технологий, регулирующих совокупный объемов рыночного предложения стейблкойнов и поддерживающих стабильность их цены. В настоящее время предлагается три основных механизма стаби-

²⁰ Данный критерий классификации, по нашему мнению, в наибольшей степени раскрывает экономическую природу этого подвида виртуальных валют. Поэтому в дальнейшем именно он будет использоваться для стейблкойнов в авторской классификации криптоактивов.

²¹ В некоторых исследованиях такие разновидности стейблкойнов выделяют в отдельную разновидность, называя их токенизированными денежными средствами. Подробнее см.: [Bullmann, Klemm, Pinna, 2019].

²² В настоящее время в качестве товарного обеспечения чаще всего используется золото.

²³ Подробнее см.: [Кочергин, 2020].

²⁴ На долю стейблкойнов, обеспеченных традиционными активами, в мае 2022 г. приходилось более 85% от общего объема рыночной капитализации стабильных монет [CoinMarketCap, n.d.c].

лизации необеспеченных стабильных монет: 1) на уровне приложений (applications)²⁵; 2) на уровне протоколов (protocols); 3) гибридный, то есть сочетающий элементы первых двух механизмов²⁶. Современными примерами алгоритмических стейблкоинов выступают: TerraUSD (UST), USDD (USDD), Fei USD (FEI), Frax (FRAX) и др. Одной из главных проблем развития необеспеченных стейблкоинов, прежде всего регулируемых на уровне приложений, является трудность в реализации основных преимуществ таких стейблкоинов в условиях отсутствия контроля за деятельностью эмитентов и аудита их финансового состояния²⁷.

По дизайну реализации (экономико-правовым характеристикам) стейблкоины можно подразделить на следующие группы: токенизированные электронные деньги (стейблкоины, привязанные к фиатным валютам); стейблкоины, привязанные к активу (стейблкоины, обеспеченные/привязанные к товарам, корзинам валют/товаров/активов и др.), и алгоритмические стейблкоины. Подобная классификация обусловлена различными экономико-правовыми последствиями и финансовыми рисками, которые возникают в результате использования различных механизмов обеспечения ценовой стабильности стейблкоина [ЕС, 2020].

В случае стейблкоинов, привязанных к фиатным валютам, такие стабильные монеты будут представлять собой новую форму электронного денежного обязательства эмитента, то есть являться токенизированной формой электронных денег²⁸. В случае стейблкоинов, привязанных к активам, стабильные монеты будут воплощать имущественное право на единицу базового актива, служащего их обеспечением, а не представлять денежное обязательство²⁹. Например, стейблкоины, привязанные к золоту, могут удостоверяют право собственности держателя стейблкоина на одну унцию золота, хранящуюся в банковских депозитариях компании-эмитента, тем самым являясь цифровым аналогом депозитных свидетельств и т.д. На практике различия между токенизированными электронными деньгами и стейблкоинами, привязанными к активу, в условиях отсутствия четкого нормативно-правового регулирования в большинстве стран могут не быть столь очевидными. Так, эмитент стейблкоина, привязанного к фиатной валюте, может не брать на себя обязательство по погашению стейблкоинов по фиксированному курсу или изменять условия/механизмы обеспечения его ценовой стабильности уже после выпуска стейблкоинов в оборот и т.д. В таком случае стейблкоины уже нельзя будет трактовать как токенизированные электронные деньги.

По системной значимости (масштабу и географии использования стейблкоина) стабильные монеты могут быть подразделены на локальные и глобальные/значимые (рис. 5).

²⁵ Наиболее известной является концепция так называемых «Сеньоражных долей» (Seigniorage Shares), предложенная Робертом Сэмсом [Sams, 2015]. Она основана на идее о том, что можно от имени эмитента создать смарт-контракт, который будет контролировать объем рыночного предложения стейблкоина с целью поддержания его фиксированного курса к доллару США.

²⁶ Подробнее см.: [Кочергин, Иванова, 2022].

²⁷ Например, в результате оттока капитала и обесценения токена LUNA, лежащего в основе привязки курса стейблкоина TerraUSD к доллару США, с 9 мая 2022 г. TerraUSD лишился курсовой привязки и перестал функционировать в качестве стейблкоина.

²⁸ Токенизированные электронные деньги представляют собой разновидность криптоактивов. Их главное предназначение состоит в использовании в качестве средства обмена. Они призваны поддерживать свою ценовую стабильность за счет привязки к стоимости фиатной валюты, являющейся законным платежным средством [ЕС, 2020].

²⁹ Стейблкоины, привязанные к активу, определяются как разновидность криптоактивов, в которых поддержание ценовой стабильности осуществляется посредством привязки к стоимости нескольких фиатных валют, являющихся законным платежным средством одного или нескольких товаров или одного или нескольких криптоактивов, или комбинации таких активов [ЕС, 2020].

Локальные стейблкоины (local stablecoins, LSC), как правило, выпускаются финансовыми или финтех-компаниями, напрямую или косвенно ассоциированными с крупными криптовалютными биржами, такими как Bitfinex, Binance, Gemini, занимающимися торговлей криптоактивами. Глобальные/значимые стейблкоины (global stablecoins, GSC) [BIS, 2019a] могут выпускаться крупными инвестиционными банками и банковскими консорциумами, например JPM Coin (JPMorgan Bank), Signet (Signature Bank) и др. Однако наибольший интерес представляют глобальные/значимые стейблкоины³⁰, разрабатываемые в рамках собственных экосистем, транснациональными бигтех-компаниями, такими как Diem Association и др.³¹ (рис. 5).

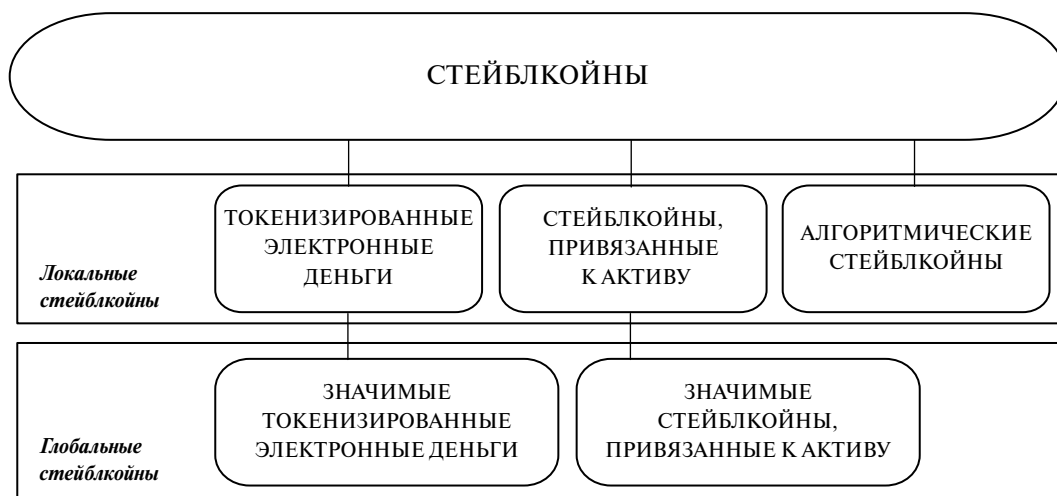

Рис. 5. Классификация стейблкоинов по дизайну реализации и системной значимости

Источник: Составлено автором по данным [ЕС, 2020; HM Treasury, 2021].

Как видно на рис. 5, глобальные/значимые стейблкоины могут также быть подразделены на значимые токенизированные электронные деньги и значимые стейблкоины, привязанные к активу, в то время как алгоритмические стейблкоины признаками значимости пока не обладают.

Следует отметить, что стейблкоины могут иметь ряд общих характеристик с цифровыми токенами, а иногда даже идентифицироваться как токены³². Как и токены, стейблкоины обычно выпускаются не на оригинальном, а на уже существующем блокчейне и представляют требование к идентифицируемому эмитенту или активам, служащим обеспечением. Тем не менее такой подход представляется нам не вполне обоснованным. Если цифровые токены выпускаются с очень конкретными функциями или для конкретной цели (например, для предоставления их владельцам права собственности и/или права на получение дивидендов, или для предоставления права доступа к определенному продукту или услуге), то стейблкоины, как правило, такие функции не предоставляют. Стейблкоины предназначены для использования в качестве универ-

³⁰ В некоторых публикациях глобальные или значимые стейблкоины называют также системными стейблкоинами (systemic stablecoins). См., например: [Bank of England, 2021].

³¹ О характеристиках этих стейблкоинов подробнее см.: [Amsden et al., 2020].

³² Например, крупнейший информационный агрегатор рынка криптоактивов Coinmarketcap.com идентифицирует стейблкоины Tether, DAI и другие как токены.

сального средства обмена, платежа и сбережения, используемого как при торговле на биржевом рынке, так и на розничном рынке товаров и услуг [Houben, Snyers, 2020]. Однако возможны варианты гибридного функционирования стейблкойнов и инвестиционных токенов, при котором такие криптоактивы будут относиться к гибридным (Hybrids).

Цифровые токены, так же как и стейблкойны, появились на втором этапе развития рынка криптоактивов и достигли наивысших показателей объемов эмиссии в течение 2017–2018 гг. [Annunziata, 2020]. Цифровые токены представляют собой цифровые активы, которые выпускаются четко идентифицированными эмитентами с использованием технологии распределенных реестров (обычно на блокчейне) и предоставляют своим владельцам долговые, долевого и дивидендные права или права доступа к потреблению определенных благ на платформе эмитента. Наше исследование показало, что в отличие от виртуальных валют, цифровые токены выпускаются с целью привлечения капитала для реализации новых венчурных проектов, а также для финансирования стартапов или разработки инновационных продуктов или услуг. Цифровые токены имеют два основных подвида: инвестиционные и утилитарные.

Инвестиционные токены предоставляют своим владельцам экономические права в форме прав собственности и/или прав на получение процентного дохода или дивидендов. Инвестиционные токены обычно выпускаются с целью привлечения капитала через механизмы первичного размещения цифровых монет/токенов (Initial Coin/Token Offering, ICO/ITO)³³ или первичного биржевого размещения (Initial Exchange Offering, IEO)³⁴ и демонстрируют сходство с традиционными долговыми и долевыми инструментами, размещаемыми посредством IPO³⁵ [Blemus, Guegan, 2020]. Тем не менее не каждый токен, выпускаемый в рамках ICO/IEO, может позиционироваться эмитентом и квалифицироваться регулятором как ценная бумага. В этой связи в процессе эволюции ICO появился специализированный механизм привлечения финансовых средств посредством первичного размещения секьюрити-токенов (STO). Такие токены изначально квалифицируются в качестве цифровых ценных бумаг, а их эмитенты подпадают под национальные регуляторные требования о выпуске финансовых инструментов.

Несмотря на большое количество ежегодно проводимых ICO, лишь незначительная часть из них привлекает достаточное количество капитала и еще меньшее количество компаний, собравших средства на инвестиционные проекты, оказывается успешными³⁶. На этом фоне многие криптобиржи выпустили собственные токены посредством прове-

³³ В начале второго этапа развития рынка криптовалют термин ICO в основном использовался для обозначения предпродажного размещения токенов (crowdsale) для привлечения инвестиций с целью покрытия затрат на разработку новых криптовалют. В частности, в результате таких краудсейлов были покрыты затраты на создание криптовалют Ethereum (ETH) и Cardano (ADA). В настоящее время термин ICO стал широко использоваться экономистами и регуляторами для обозначения механизма выпуска финтех-компаниями цифровых токенов с целью привлечения средств инвесторов в проект в обмен на фиатные деньги или другие криптоактивы. Поэтому сегодня аббревиатуру ICO более точно расшифровывать как «первичное размещение криптоактивов» (Initial Cryptoassets Offer).

³⁴ Более продвинутый механизм первичного размещения токенов при посредничестве криптобирж. Будучи более надежным, он в то же время является и более затратным.

³⁵ В отличие от IPO, механизмы ICO/IEO характеризуются использованием упрощенного порядка размещения, более широким доступом потенциальных инвесторов, более короткой продолжительностью размещения и являются менее регулируемыми с точки зрения требований финансовой отчетности.

³⁶ Наиболее успешными по объему собранных средств можно признать первичное размещение криптоактивов EOS ICO (4,1 млрд долл.); Telegram ICO (1,7 млрд долл.); Bitfinex IEO (1,0 млрд долл.). Подробнее см.: [PWG, 2020].

дения ИЕО, которые часто рассматриваются экономическими агентами в качестве более перспективных. Примерами таких токенов являются Huobi Token (HT) — токен криптобиржи Huobi; KuCoin Token (KCS) — токен криптобиржи KuCoin и др. Перечисленные выше примеры токенов относятся, как правило, к группе «токены — ценные бумаги». В то же время в последние годы активное распространение получили инвестиционные токены, созданные в результате так называемой токенизации традиционных активов (как финансовых, так и нефинансовых)³⁷. Такие токены относятся к группе токенизированных активов. Если в случае с токенами — ценными бумагами речь идет о размещении прав на новые цифровые активы, то в случае с токенизированными традиционными активами — о цифровизации уже существующих, в виде записи в блокчейне. Последнее может относиться не только к финансовым активам, но и к любым низколиквидным традиционным активам, таким как недвижимость, произведения искусства и др.

Так же как в случае с инвестиционными токенами, *утилитарные токены* выпускаются для сбора денежных средств, как правило, с целью финансирования дальнейшего развития приложения, продукта или услуги эмитента. Однако, в отличие от инвестиционных токенов, основное назначение утилитарных токенов заключается не в том, чтобы генерировать будущие денежные потоки для инвесторов, а в том, чтобы предоставить доступ через блокчейн-инфраструктуру эмитента к продуктам или услугам, а также сформировать пользовательскую базу. Ценность утилитарных токенов, как правило, является производной от их функциональности³⁸. Известными примерами утилитарных токенов являются Golem (GNT), Filecoin (FIL), Basic Attention Token (BAT) и др. Каждый из них облегчает доступ к специфической услуге — вычислительным мощностям (GNT), хранению данных (FIL), рекламному контенту (BAT) и т.д. Утилитарные токены могут также использоваться в качестве платежного средства за товары или услуги в инфраструктуре эмитента, как это происходит с токеном биржи Binance — Binance Coin (BNB). Однако они не могут использоваться для платежей за ее рамками. Это принципиально отличает утилитарные токены от криптовалют и стейблкоинов, что обусловлено разной природой данных активов³⁹.

Как инвестиционные, так и утилитарные токены могут при выпуске предоставлять своим держателям определенные управленческие права, например, право голоса по распределению прибыли (инвестиционные токены) или право голоса по обновлениям в функциональной инфраструктуре сервисов эмитента (утилитарные токены). После выпуска оба подвида токенов могут торговаться на вторичных рынках (криптовбиржах), где сделки с ними могут совершаться как за фиатные деньги, так и за криптовалюты. Хотя теоретически можно провести четкое разграничение между инвестиционными и утилитарными токенами, на практике отнести криптоактив к определенному подвиду не всегда возможно. Это происходит потому, что цифровые токены могут обладать смешанными характеристиками. Например, цифровые токены могут представлять комбинацию инвестиционного и/или утилитарного токена, и/или платежного инструмента. Так, токены могут создаваться и позиционироваться компанией-эмитентом как утилитарные, но

³⁷ Концепция токенизации основана на возможностях на основе технологии распределенных реестров создать систему управления правами на владение активами за счет создания и фиксации их уникальных цифровых представлений. Токенизация является процессом создания единого идентификатора в распределенном реестре в форме токена [Heines, Dick et al., 2021]. Таким образом, уникальная и постоянная ссылка может быть установлена для цифрового представления практически любого актива как финансового, так и нефинансового [Harwood-Jones, 2019].

³⁸ Подробнее см.: [Brown, Dolan, Butler, 2019].

³⁹ В данном случае уместна аналогия с электронными деньгами, которые принимаются в качестве универсального средства платежа, в то время как предоплаченные инструменты одноцелевого использования только для оплаты товаров/услуг у их эмитента.

фактически функционировать как инвестиционные⁴⁰. Компании или биржи могут выпускать токены как инвестиционные, но в дальнейшем использовать их также в платежных целях⁴¹. Цифровые токены, которые воплощают в себе комбинации указанных выше характеристик, можно отнести к *гибридным токенам*. Одним из первых известных примеров гибридного токена является CRYPTERUM (CRPT), который может использоваться как для оплаты транзакционной комиссии при использовании услуг эмитента, так и для получения скидки на будущие услуги, а также и на долю в прибыли эмитента.

Отдельной разновидностью гибридных токенов являются так называемые *токены экосистем децентрализованного финансирования*, или DeFi-токены (DeFi tokens)⁴². Как правило, DeFi-токены предоставляют своим держателям право голосовать и управлять направлением развития базового протокола блокчейн-платформы. Как показало наше исследование, такие токены могут иметь кредитную природу или быть производными от других цифровых активов. Чаще всего для размещения DeFi-токенов используется так называемый механизм первичного децентрализованного размещения токенов (Initial DEX Offering, IDO). Сущность IDO заключается в том, что выпускаемые эмитентами токены уже обеспечены пулами ликвидности инвесторов на децентрализованных биржах, что позволяет их гарантированно размещать. Примерами DeFi-токенов являются Uniswap (UNI), Chainlink (Link), Aave (AAVE) и др. [CoinGecko, n.d.].

Другой разновидностью токенов, которую также можно отнести к гибридным, являются *невзаимозаменяемые токены*, или NFT-токены (Non-Fungible Tokens, NFTs). Невзаимозаменяемые токены можно определить как цифровые токены, выпускаемые для декларирования права владения или предоставления права на объект, или фиксации специфического права. Они уникальны, и запись о них фиксируется в блокчейне. Такие токены являются невзаимозаменяемыми, то есть и они не могут быть заменены на то же количество той же разновидности криптоактива. Невзаимозаменяемые токены обладают уникальными свойствами, которые отличают их от других видов криптоактивов. Так, NFT-токены являются: 1) несовместимыми (они не могут использоваться на других платформах); 2) неделимыми (токены нельзя разделить на более мелкие части или номиналы); 3) неуничтожаемыми (данные токенов хранятся в блокчейне с помощью смарт-контракта, поэтому он не может быть уничтожен, удален или реплицирован); 4) неограниченными в праве собственности (токенами владеют коллекционеры, а не компании, которые их создают)⁴³; 5) поддаются проверке (NFT-токены хранят в блокчейне исторические данные о нынешнем и предшествующих владельцах токена, обеспечивая необходимую аутентификацию). В настоящее время для первичного размещения NFTs, так же как в случае с DeFi-токенами, используется механизм IDO. Среди основных NFT-токенов можно выделить игровые токены; токены на произведения искусства, музыкальные произведения, медийные и спортивные события; коллекционные токены; токены на физические активы и др.

⁴⁰ Наиболее известным примером является токен GRAM (Telegram), реализуемый на блокчейн-платформе Telegram Open Network (TON). Токен позиционировался компанией на финансовом рынке как утилитарный. Однако Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) в 2019 г. после изучения природы и функционала токена определила, что токен является инвестиционным.

⁴¹ Например, токен BNB вначале позиционировался Binance как инвестиционный, но в настоящее время может также использоваться для оплаты различных биржевых сервисов.

⁴² Децентрализованные финансы (Decentralized Finance, DeFi) — это платформенная модель организации финансовых отношений без участия посредников с использованием технологии распределенных реестров, в которой исполнение сделок автоматизируется при помощи смарт-контрактов.

⁴³ Это контрастирует с современными способами приобретения цифровых товаров, таких как музыка или кино, на стриминговых платформах, где пользователи фактически не владеют тем, что они приобретают, так как они платят только лицензию на прослушивание музыки или просмотр фильмов.

Проведенное нами исследование экономических, функциональных, эмиссионных, институциональных и других особенностей многообразных криптоактивов позволяет нам предложить их авторскую классификацию (рис. 6).

Как видно на рис. 6, криптоактивы являются одним из типов цифровых активов, которые выпускаются частными эмитентами с использованием криптографических технологий и технологии распределенных реестров. Существуют также цифровые активы, которые по своей сущности не являются криптоактивами. Например, *национальные виртуальные активы*, а также *цифровые валюты центральных банков* не попадают под определение криптоактивов, поскольку их эмитентами выступают государственные органы власти или учреждения, и при их эмиссии используются, как правило, централизованные учетные технологии, в силу чего такие активы обладают отличными характеристиками.

Национальные виртуальные активы выпускаются, как правило, в странах, находящихся в тяжелом финансовом положении, усугубляемом экономическими санкциями. Такие активы иногда ошибочно называют государственными криптовалютами или уподобляют цифровым валютам центральных банков (см., например, [Киселев, 2019]). В действительности эти активы имеют больше общего со стейблкоинами и гибридными токенами. Так, с одной стороны, декларируется, что эмиссия таких активов обеспечена реальными активами (нефтью, золотом и др.). С другой стороны, выпуск этих активов осуществляется посредством механизма первичного размещения токенов, реализуемого государственными властями с целью привлечения внешнего финансирования и нормализации расчетных отношений в обход экономических санкций. Примерами национальных виртуальных активов являются El Petro и PayMon, которые выпускаются на централизованной основе под контролем государственных органов власти Венесуэлы и Ирана соответственно.

Цифровую валюту центральных банков (Central Bank Digital Currencies, CBDC) можно определить как электронное обязательство ЦБ, выраженное в национальной счетной единице и выступающее как средство платежа и средство сбережения [Кочергин, 2021]. В отличие от криптоактивов цифровые валюты центральных банков выпускаются государством, а не частными эмитентами. Также цифровые валюты центральных банков, в отличие от криптоактивов и национальных виртуальных активов, являются новой формой денег, которая выступает законным средством платежа в рамках национальной юрисдикции⁴⁴. Выпуск CBDC направлен на поддержание спроса на центробанковские деньги, развитие инструментария денежно-кредитной политики, повышение безопасности и эффективности функционирования платежных систем в условиях цифровизации безналичного денежного оборота и широкого использования виртуальных валют⁴⁵. Примерами центробанковских цифровых валют, находящихся в обращении, являются Sand Dollar (ЦБ Багамских островов), DCash (Восточно-Карибский центральный банк) и др.⁴⁶

⁴⁴ Несмотря на то что имеется ряд схожих характеристик национальных виртуальных валют и цифровых валют центральных банков с криптоактивами, таких как эмиссионно-учетная технология (выпуск национальных виртуальных валют и цифровых валют центральных банков может осуществляться также в форме цифровых записей в распределенном реестре) и целевое использование (применение в качестве средства платежа и/или для инвестиционных целей), экономическая природа этих инструментов и их институциональная основа различаются.

⁴⁵ В действительности мотивы для выпуска центробанковских цифровых валют могут быть более разнообразными — от решения задач финансовой инклюзии до контроля за целевым использованием денежных средств. Подробнее см.: [Кочергин, 2021].

⁴⁶ Подробнее см.: [Auer et al., 2021].

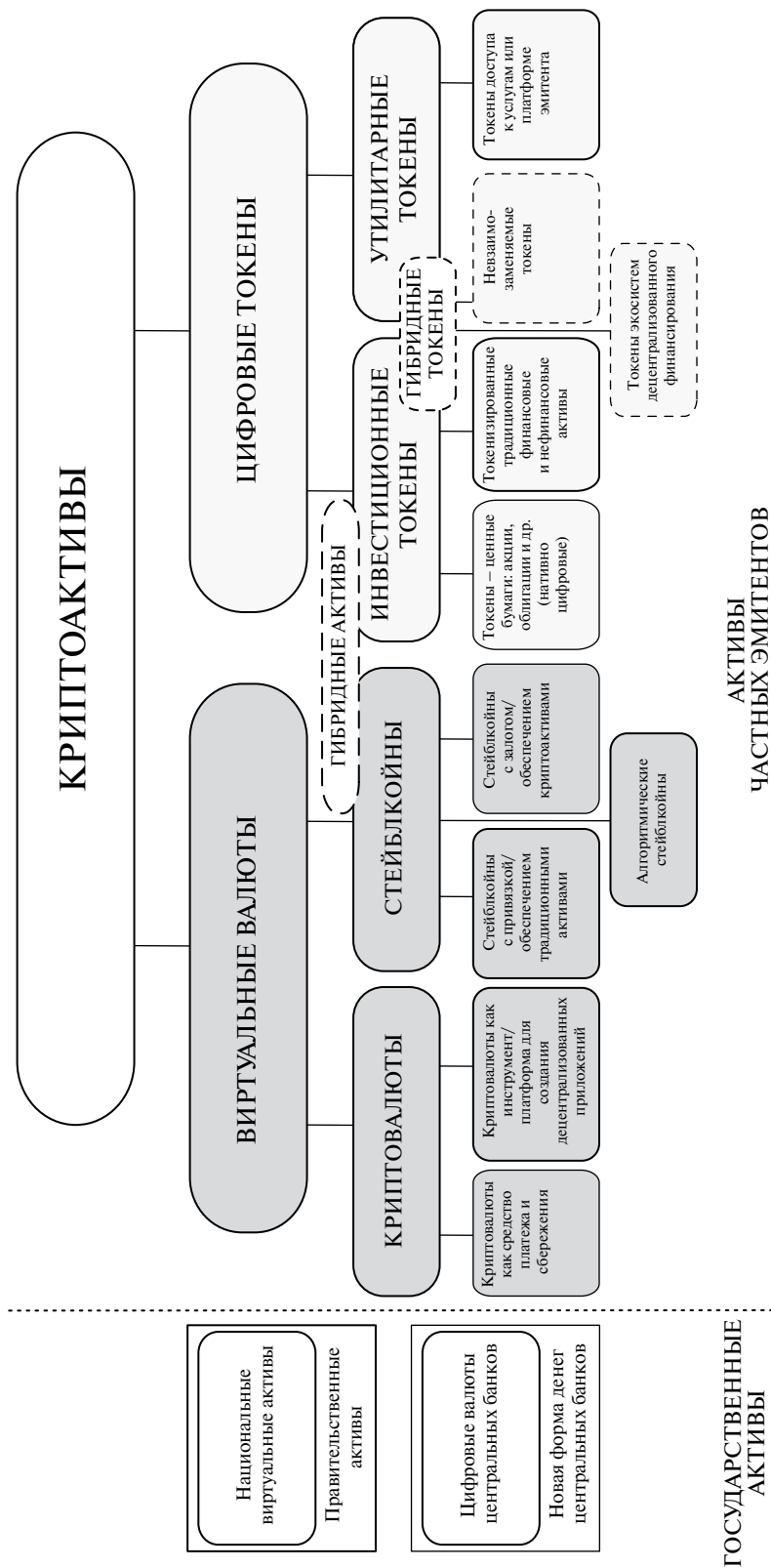

Рис. 6. Авторская классификация криптоактивов на основе многокритериального подхода

Источник: Составлено автором.

При этом наиболее масштабным проектом CBDC в настоящее время является проект выпуска цифрового юаня (e-CNY), внедряемый Народным банком Китая [Working Group on E-CNY Research and Development, 2021]. В настоящее время о разработке своих национальных цифровых валют информируют десятки центральных банков, включая Европейский центральный банк [ECB, 2020a], Банк Англии [Bank of England, 2020], Банк России [Банк России, 2021a] и др.

Подводя итог исследованию экономических особенностей различных криптоактивов, необходимо отметить, что их рынок продолжает стремительно развиваться, поэтому любые текущие классификации могут претерпеть изменения в будущем в связи с появлением новых видов и подвидов криптоактивов. Тем не менее представленная авторская классификация криптоактивов в настоящее время является наиболее комплексной и всесторонней и позволяет учесть экономические, эмиссионные, функциональные и другие особенности разнообразных криптоактивов, а также обосновать основные подходы к их регулированию.

Основные подходы к регулированию оборота криптоактивов

Изучение мирового опыта регулирования операций с криптоактивами показывает, что основные регуляторные проблемы в этой сфере связаны с практическим отсутствием фундаментальных исследований экономической природы виртуальных активов. Это приводит к существенным различиям в регулировании операций с криптоактивами на государственном уровне. В результате нормативно-правовые режимы оборота криптоактивов не всегда адекватны рискам их использования в платежной и инвестиционной сферах. Безусловно, отсутствие нормативного регулирования операций с криптоактивами чревато широким использованием данных активов в теневой экономике (отмывание денег, финансирование терроризма, избегание налогообложения и др.), что способно дестабилизировать функционирование национальных финансовых рынков и платежных систем и привести к значительным финансовым потерям экономических агентов. В то же время излишне жесткое регулирование операций с криптоактивами способно затормозить инновационное развитие финансовой и платежной сфер, снизить рыночную конкуренцию и инвестиционную привлекательность.

Главные сложности современного регулирования оборота криптоактивов в первую очередь относятся к их децентрализованным разновидностям (криптовалютам, алгоритмическим стейблкойнам, гибридным токенам и др.), что обусловлено их экономическими, технологическими и институциональными особенностями. Такие активы управляются внутренними протоколами и алгоритмами, и внешнее регулирование их оборота, которое зачастую нельзя обратить на конкретных эмитентов, не может в полной мере нивелировать экономические риски, которые связаны с растущим использованием таких активов. Особое внимание должно быть уделено регулированию оборота глобальных/значимых стейблкойнов вследствие большого масштаба и широкой географии их потенциального использования в качестве средства платежа и сбережения. Поиск «золотой середины» в сфере регулирования децентрализованных и значимых криптоактивов является актуальной задачей для регулирующих органов во всем мире.

Рекомендации международных организаций

В настоящее время не существует унифицированной системы международного регулирования оборота криптоактивов. Однако ряд международных институтов, прежде всего СФС в сотрудничестве со странами «Группы семи» и «Группы двадцати», а также

ОЭСР предпринимают попытки унификации отдельных подходов и норм, а также обмена информацией, связанной с оборотом криптоактивов на международном уровне.

Так, Совет по финансовой стабильности в отношении оборота криптоактивов указывает на следующие области, требующие постоянного контроля со стороны национальных регуляторов: 1) рост участия банковского сектора в экосистемах криптоактивов, не охваченных нормативным регулированием; 2) увеличение вложений институциональных инвесторов в криптоактивы, когда в таких вложениях используется высокое кредитное плечо; 3) рост принятия криптоактивов в платежных транзакциях; 4) возрастание роли платформ для торговли криптоактивами на финансовом рынке; 5) растущие финансовые потери из-за волатильности курсов криптоактивов; 6) потеря доверия к стейблкоинам и продажа резервных активов; 7) быстрый рост сферы DeFi при отсутствии идентифицируемых посредников, отвечающих за управление их экосистемой; 8) растущие различия в регулировании криптоактивов между странами, ведущие к возникновению регуляторного арбитража и системным рискам и др. [FSB, 2022a].

Также СФС уделяет особое внимание унификации требований к соглашениям о выпуске и обращении глобальных стейблкоинов (global stablecoins arrangements). В этой связи в октябре 2020 г. СФС опубликовал так называемые рекомендации высокого уровня (High-Level Recommendations) по регулированию и надзору за соглашениями о глобальных стейблкоинах. Эти рекомендации предусматривают, что национальные органы власти должны:

1) иметь и использовать необходимые полномочия и инструменты, а также адекватные ресурсы для всестороннего регулирования и надзора за соглашениями о глобальных стейблкоинах и связанными с ними сервисами;

2) применять комплексные требования к регулированию и надзору, а также соответствующие международные стандарты к соглашениям о глобальных стейблкоинах на функциональной основе и пропорционально их рискам;

3) сотрудничать и координировать усилия на национальном и на международном уровне всех заинтересованных сторон, чтобы способствовать эффективным консультациям по выработке подходов к трансграничному регулированию и надзору за оборотом стейблкоинов;

4) обеспечить наличие в договоренностях о глобальных стейблкоинах комплексной структуры управления с четким распределением ответственности за выполняемые функции в рамках экосистемы стейблкоина;

5) обеспечить в соглашениях о глобальных стейблкоинах наличие эффективных процедур управления рисками, в частности в отношении требований к резервам, операционной устойчивости, мер по кибербезопасности и выполнения процедур противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма – ПОД/ФТ (AML/CFT);

6) создать условия для того, чтобы в договоренностях о глобальных стейблкоинах присутствовали надежные системы сбора, хранения и защиты данных;

7) обеспечить наличие в соглашениях о глобальных стейблкоинах соответствующих процедур по восстановлению работы и разрешению проблем в случае возникновения сбоев;

8) гарантировать, чтобы соглашения о глобальных стейблкоинах предоставляли пользователям и заинтересованным сторонам исчерпывающую информацию, необходимую для понимания принципов функционирования стейблкоина и способов стабилизации его цены;

9) создать условия для того, чтобы в договоренностях о глобальных стейблкоинах существовала правовая определенность в отношении характера и возможности прину-

длительного исполнения любых прав, связанных с обращением и выкупом стабильных монет;

10) убедиться, что соглашения о глобальных стейблкоинах соответствуют применяемым регуляторным и надзорным требованиям конкретной юрисдикции или адаптировались к ним, прежде чем дать разрешение на осуществление операций [FSB, 2020].

По мнению СФС, последовательное применение приведенных выше рекомендаций всеми органами власти в странах, в которых действуют соглашения о глобальных стейблкоинах, может помочь обеспечить всестороннее регулирование и уменьшить возможности регулятивного арбитража. Комплексные системы надзора также должны решить ряд важных задач: противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, обеспечение кибербезопасности и защиты конфиденциальности данных рыночных участников, поддержание добросовестной конкуренции и др.

Со своей стороны, Организация экономического сотрудничества и развития дает ряд рекомендаций национальным регулирующим органам в отношении налогообложения виртуальных валют. Так, ОЭСР указывает на необходимость: 1) разработать четкую законодательную базу в отношении виртуальных валют; 2) обосновать принятый налоговый режим в отношении операций с виртуальными валютами; 3) определить, будет ли налоговый режим виртуальных валют соответствовать налоговому режиму других активов или нет; 4) дать ответ на вопрос о том, возможно ли предоставление упрощенного налогового режима для отдельных операций с криптоактивами/стейблкоинами или отдельных компаний (малых/средних предприятий и торговых точек); 5) решить, как налоговый режим в отношении виртуальных валют будет согласовываться с целями проведения фискальной и денежно-кредитной политики [OECD, 2020; 2022b].

Основные подходы к регулированию оборота криптоактивов в развитых странах

В настоящее время регулирующие органы в экономически развитых странах используют так называемый технологически нейтральный подход к регулированию криптоактивов. Сущность данного подхода состоит в том, что одинаковые по своей экономической природе активы, обуславливающие схожие экономические риски независимо от применяемой эмиссионно-учетной и/или расчетной технологии, должны регулироваться схожим образом. Хотя этот подход в теоретическом плане достаточно обоснован, он не лишен недостатков. В частности, новые информационные технологии, применяемые в финансовых активах, влияют на направления использования и широту оборота таких активов, делая, с одной стороны, их более универсальными в использовании, но, с другой стороны, генерируя новые риски. Примером могут служить токенизированные электронные деньги или значимые стейблкоины.

Современное регулирование криптоактивов на государственном уровне можно рассматривать в трех основных направлениях: 1) в денежной/платежной и инвестиционной сферах; 2) в области противодействия отмыванию денег и финансированию террористической деятельности; 3) в сфере налогообложения. Далее мы подробнее остановимся на исследовании первых двух направлений.

В большинстве развитых стран в целях осуществления регулирования оборота криптовалют преобладают три основных их интерпретации: 1) имущество (США, Великобритания, Россия и др.); 2) валюта/средство платежа⁴⁷ (Германия, Япония и

⁴⁷ Термин «валюта» означает в данном контексте иностранную валюту.

др.); 3) товар (Китай, Франция и др.). Несмотря на то что у каждой из этих трактовок криптоактивов существуют свои преимущества и недостатки, трактовка криптовалют в качестве имущества представляется нам наиболее оправданной с регуляторной точки зрения, поскольку позволяет включать в свой состав широкий перечень активов: деньги, товары, финансовые инструменты и др. Наше исследование показывает, что по степени жесткости регулирования оборота криптовалют все страны условно можно разделить на шесть групп.

В первую группу входят страны, в которых криптовалюта биткойн признана законным средством платежа (Сальвадор, Центральноафриканская Республика — ЦАР). В этих странах биткойн может использоваться во всех платежных операциях наравне с долларом США и центральноафриканским франком КФА соответственно. Все торговые и сервисные точки в этих странах обязаны принимать биткойн наравне с фиатными валютами.

Во вторую группу входят страны, в которых законодательство предусматривает использование криптовалют в качестве средства платежа на национальном уровне. При этом к участникам оборота криптовалют применяются нормы национального законодательства о противодействии отмыванию денег и соответствующие требования по взиманию налогов (Япония, Германия и др.) [Кочергин, Покровская, 2020].

К третьей группе относятся страны, в которых оборот криптовалют специальным образом не регламентируется. В таких странах криптовалюты могут ограниченно использоваться в определенных типах платежных транзакций на национальном уровне или на отдельных территориях/регионах. При этом регулирующие органы могут рассматривать каждый случай операций с цифровыми активами на предмет его идентификации и регулирования. К участникам оборота криптовалют применяются такие же законодательные нормы по противодействию отмыванию денег и налогообложению, как к традиционным кредитным и платежным учреждениям (Швейцария, США, Великобритания, Сингапур и др.⁴⁸).

В четвертую группу входят страны, в которых действует запрет на использование криптовалют в платежных целях, при этом торговые, инвестиционные операции с криптовалютами могут быть частично разрешены. Как правило, налоговое регулирование оборота криптовалют в этих юрисдикциях находится в процессе формирования и не приняло устойчивой формы. К таким странам относятся Россия, Турция и др.

В странах пятой группы присутствуют существенные ограничения или запреты на все типы операций с криптоактивами. Такие ограничения или запреты, как правило, связаны с последовательной политикой страны по жесткому контролю за денежным суверенитетом и с целенаправленным внедрением государством цифровых платежных технологий, в том числе CBDC. К таким странам относятся Китай⁴⁹, Индия и др.

Наконец, в странах шестой группы запрещены все виды операций с криптовалютами. Причиной запретов может быть неспособность стран данной группы обеспечить

⁴⁸ Подходное налогообложение криптоактивов в целом соответствует структуре налоговых систем стран. Наибольшая детализация правил подходного налогообложения цифровых активов применяется в отношении физических лиц. При этом практически во всех развитых странах доходы, связанные с криптоактивами, облагаются подходными налогами в корпоративной сфере. Наибольшее совпадение среди развитых стран наблюдается в подходах к косвенному налогообложению, где операции с криптоактивами не облагаются налогом на товары и услуги. Подробнее см.: [Кочергин, Покровская, 2020].

⁴⁹ В конце сентября 2021 г. НБК заявил о введении полного запрета на транзакции с криптоактивами, которые стали рассматриваться как незаконная финансовая деятельность. См.: [The People's Bank of China, 2021].

контроль за оборотом криптовалют на национальном уровне в условиях слабого развития национальных финансовых систем. К таким странам относятся Алжир, Боливия, Бангладеш, Пакистан, Вьетнам и др.

Очевидно, что существует зависимость между жесткостью регулирования оборота криптовалют и общим уровнем развития национальной денежной системы. Во-первых, криптовалюты используются в качестве законного средства платежа в странах с низким уровнем развития национальной денежной системы, которые таким образом стараются решить проблему долларизации экономики. Во-вторых, криптовалюты допускается использовать в качестве платежного средства в странах с развитыми национальными денежными и платежными системами, в которых поощряется конкуренция и стимулируются инновации со стороны частного бизнеса.

Анализ основных подходов к интерпретации и регулированию стейблкоинов в таких развитых странах, как США, страны ЕС, Великобритания, Швейцария, Япония, Сингапур и другие, свидетельствует об их большой дифференциации. В значительной степени это обусловлено большим разнообразием стейблкоинов, отличающихся как механизмами достижения ценовой стабильности и разными типами резервных активов, так и дизайном реализации и системной значимостью. В целом в развитых странах в сферах денежно-кредитного и налогового регулирования преобладают следующие интерпретации стейблкоинов: 1) электронные деньги (страны ЕС, Великобритания, Япония, Сингапур); 2) депозиты (Швейцария, США)⁵⁰; 3) ценные бумаги или их производные (США, Швейцария и др.); 4) разновидность криптоактивов со специфическими характеристиками (Мальта, Банк международных расчетов, Совет по финансовой безопасности стран «Группы двадцати» и др.)⁵¹. В этой связи в отдельных странах в отношении стейблкоинов и их эмитентов могут применяться как нормы платежного и банковского законодательства, так и нормы законодательства в сфере ценных бумаг [Overall, Adams, 2019]. Использование стейблкоинов сегодня имеет ряд проблем: необходимость рационального управления экосистемой стейблкоинов и инвестиционными правилами, лежащими в основе стабилизации их стоимости; контроль за эффективностью и целостностью функционирования платежных систем; противодействие отмыванию денег и финансирование терроризма⁵²; обеспечение кибербезопасности; защита персональных данных и прав потребителей; вопросы налоговой дисциплины и др.⁵³ Глобальные стейблкоины могут создавать риски проведения денежно-кредитной политики, обеспечения финансовой стабильности и устойчивости международной валютной системы⁵⁴.

Как показало наше исследование, несмотря на различие в регуляторных подходах в развитых странах, стейблкоины являются в первую очередь платежными инструментами, выпускаемыми четко идентифицируемыми эмитентами. Поэтому когда стейблкоины привязаны/обеспечены фиатными деньгами и воплощают в цифровой форме денежное обязательство эмитента, в отношении таких стейблкоинов и их эмитентов могут применяться действующие режимы регулирования институтов — эмитентов

⁵⁰ В частности, в странах ЕС в настоящее время отдельные разновидности стейблкоинов могут интерпретироваться как электронные деньги (electronic money) и подпадать под действие Директивы «Об электронных деньгах» [ЕС, 2009]. Другие разновидности стейблкоинов могут интерпретироваться как денежные средства (funds) и регулироваться второй Директивой «О платежных услугах» [ЕС, 2015].

⁵¹ Подробнее см.: [Кочергин, 2020].

⁵² См.: [FATF, 2019a; 2019b; 2020].

⁵³ Подробнее см.: [ECB, 2020b; Arner, Auer, Frost, 2020].

⁵⁴ См.: [Adachi et al., 2020; Malloy, Lowe, 2021].

электронных денег, платежных институтов или денежных транзиттеров, в зависимости от юрисдикции. Тем не менее традиционное законодательство в отношении электронных денег должно быть модифицировано, чтобы учитывать повышенные риски, связанные с токенизированной формой денежных обязательств, которая позволяет им торговаться на криптобиржах и обращаться. Стремительное развитие стейблкоинов в ближайшие годы может потребовать принятия отдельных нормативно-правовых норм, учитывающих повышенные риски, связанные с использованием эмитентами стейблкоинов различных типов резервных активов и их широким использованием не только в качестве средства платежа, но и как новой формы денег [Bank of England, 2021].

К числу стран, которые в последнее время предпринимают попытки регулирования оборота стейблкоинов, относятся страны ЕС, Великобритания, США и др. Так, в конце 2020 г. Европейской комиссией был опубликован проект Директивы ЕС «О рынке криптоактивов» [ЕС, 2020], которая вводит четкое определение различных стейблкоинов⁵⁵, предусматривает установление дифференцированных регуляторных требований и мер пруденциального надзора в отношении эмитентов токенизированных электронных денег, стейблкоинов, привязанных к активам, а также глобальных/значимых стейблкоинов. К их числу относятся следующие требования и меры: обязательное лицензирование; размер собственного капитала эмитента; направления инвестирования резервных активов, регуляторные стандарты, определяющие границы концентрации инвестиций и др.⁵⁶ Кроме того, устанавливаются критерии отнесения стейблкоинов к категории значимых: размер клиентской базы эмитента, количество акционеров эмитента или организаций, принимающих участие в обороте стейблкоинов; стоимость выпущенного стейблкоина или его рыночная капитализация; количество и стоимость транзакций с использованием стейблкоина; размер резервных активов эмитента стейблкоина; значимость трансграничной деятельности эмитента и др.⁵⁷

В апреле 2021 г. Банк Англии опубликовал доклад «Новые формы денег» [Bank of England, 2021], в котором указывает, что платежные цепочки, использующие стейблкоины, должны регулироваться в соответствии со стандартами, эквивалентными тем, которые применяются к традиционным платежным цепочкам, а именно: регулирование платежей должно отражать риск финансовой стабильности, а не правовую форму платежной деятельности; регулирование должно обеспечивать сквозную операционную и финансовую устойчивость во всех системных платежных цепочках; достаточная информация от платежных фирм должна позволять отслеживать возникающие риски для финансовой стабильности. В том случае, если стейблкоины используются в системных платежных цепочках в качестве денежных инструментов, они должны соответствовать стандартам, эквивалентным тем, которые применяются к деньгам коммерческих банков в отношении стабильности стоимости денег, обоснованности судебных претензий в случае неисполнения денежных обязательств, принятых эмитентом, выкупа по номинальной стоимости в фиатной валюте и др. Для того чтобы оправдать данные требования в отношении эмитентов стейблкоинов, может применяться основной набор требований банковского регулирования (юридические нормы, требования к размеру капитала, требования по величине ликвидности и механизмам финансовой поддержки, формирование резервов и использование схем страхования и др.)⁵⁸.

⁵⁵ В тексте проекта Директивы ЕС «О рынке криптоактивов» все типы стейблкоинов называются токенами.

⁵⁶ См.: [ЕС, 2020; ECB, 2021].

⁵⁷ Подробнее см.: [ЕС, 2020].

⁵⁸ Подробнее см.: [Bank of England, 2021].

Банк Англии предлагает также использовать одну из четырех моделей регулирования стейблкоинов (банковская модель; модель с резервированием высоколиквидных активов; модель с депозитным регулированием; модель с резервированием обязательств ЦБ). Основное различие между моделями заключается в характере резервных активов, служащих обеспечением стейблкоинов. В каждой из моделей предусматривается взаимодействие между эмитентами стейблкоинов и центральными банками посредством стандартизации требований к резервным активам, служащим обеспечением эмиссии стейблкоинов. Подобные меры направлены на поддержание низкого уровня финансовых рисков оборота стейблкоинов, которые сопоставимы с рисками использования денег коммерческих банков. Предусматривается, что во всех моделях будет присутствовать требование о предоставлении держателю стейблкоина юридического права выкупить стейблкоин в фиатных деньгах по предъявлению по номинальной стоимости [Bank of England, 2021].

В последние годы различные регулирующие и исполнительные органы США активизировали усилия по регулированию оборота стейблкоинов. При этом интерпретации и подходы к регулированию стейблкоинов в США отличаются от стран ЕС и Великобритании. Так, в декабре 2020 г. Рабочая группа по финансовым рынкам при президенте США (President's Working Group on Financial Markets, PWG) выпустила заявление по ключевым вопросам регулирования и надзора, относящимся к стейблкоинам, в котором указывалось, что в зависимости от порядка эмиссии и обеспечения стейблкоины могут представлять собой ценную бумагу, товар или производный инструмент, подпадающий под действие федеральных законов о ценных бумагах, товарах и/или производных инструментах [PWG, 2020]. Функционирование экосистем стейблкоинов должно соответствовать применимым нормативным и надзорным требованиям национального законодательства, включая обеспечение безопасности и надежности расчетов, противодействие незаконному финансированию, обеспечение защиты потребителей, содействие целостности рынка и операционной устойчивости, обеспечение устойчивости функционирования платежных систем и торговых рынков, содействие финансовой и международной валютной стабильности и всестороннему трансграничному надзору. При этом эмитенты стейблкоинов и другие участники их экосистем должны выполнять все предусмотренные обязательства по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (ПОД/ФТ) и санкциям, прежде чем они будут выходить на рынок. В тех случаях, когда стейблкоины, используемые для розничных платежей, принимаются в широких масштабах в США, связанные с этим риски могут потребовать дополнительных регуляторных мер и гарантий [Ibid.].

В декабре 2020 г. Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями США (Financial Crimes Enforcement Network, FinCEN) представило предложения, согласно которым было расширено определение денежного инструмента в США за счет включения в него конвертируемых виртуальных валют (Convertible Virtual Currency, CVC). Для банков и денежных трансмиттеров было введено требование подавать в FinCEN отчет, содержащий информацию, касающуюся конвертируемых виртуальных валют или транзакций с использованием цифровых активов со статусом узаконенного платежного средства и их контрагента, а также подтверждать его личность, если он использует автономный кошелек и транзакция превышает 10 тыс. долл. [Department of the Treasury, 2020]. Кроме того, в январе 2021 г. Управление контролера денежного обращения США подтвердило полномочия национальных банков и федеральных сберегательных ассоциаций в качестве валидаторов в сетях распределенных реестров. Также было дано разрешение на использование стейблкоинов в платежных и других банковских операциях [Office of the Comptroller of the Currency, 2021].

В отношении регулирования оборота цифровых токенов и механизма привлечения средств посредством STO наше исследование показало, что операции с инвестиционными токенами в большинстве стран успешно регулируются нормативно-правовыми актами в области традиционных финансовых инструментов и фондовых рынков. Такие подходы используются, например, в США [Securities Act, 1933; Securities Exchange Act, 1934], странах ЕС [ЕС, 2014], Сингапуре [Securities and Futures Act, 2001] и других странах. Напротив, регулирование оборота утилитарных токенов и механизмов привлечения средств с помощью ICO/IEO в ряде стран отсутствует или осуществляется на основе отдельных нормативно-правовых актов в упрощенном порядке. Это обусловлено тем, что утилитарные токены не идентифицируются в качестве финансовых инструментов, а механизмы по их первичному размещению отличаются как от IPO, так и от краудфандинга. Следует отметить, что отдельного регулирования требует оборот гибридных токенов (DeFi-/NFT-токенов), которое в большинстве развитых стран в настоящее время отсутствует. Исключение могут составлять лишь те юрисдикции, в которых такие токены определяются как инвестиционные.

Большинство стран для противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма с использованием криптоактивов придерживаются рекомендаций Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Согласно принятым в октябре 2021 г. обновленным рекомендациям ФАТФ по риск-подходу к виртуальным активам (VA) и поставщикам услуг виртуальных активов (VASPs)⁵⁹, во-первых, было уточнено определение виртуальных активов и поставщиков их услуг, чтобы избежать случаев, когда рассматриваемые активы избегали попадания под стандарты ФАТФ (либо как виртуальный актив, либо как традиционный финансовый актив). Во-вторых, были даны указания о том, как стандарты ФАТФ следует применять к стейблкоинам. В-третьих, разъяснены положения относительно рисков и мер по их снижению в отношении одноранговых транзакций с применением анонимных виртуальных кошельков и др.⁶⁰

Согласно обновленным рекомендациям ФАТФ, странам и финансовым учреждениям для управления и смягчения рисков, возникающих в связи с виртуальными активами⁶¹, следует регулировать деятельность поставщиков услуг виртуальных активов посредством их лицензирования и/или регистрирования, использования эффективных систем мониторинга и соблюдения регуляторных мер, предусмотренных в рекомендациях ФАТФ в отношении новых технологий виртуальных активов. В тех случаях, когда определение характеристик конкретного актива оказывается затруднительным, страны должны решить, какая интерпретация актива лучше всего подходит для снижения рисков его оборота. При этом страны должны учитывать общепринятое использование актива (например, используется ли он в платежных или инвестиционных целях) [FATF, 2021].

Согласно положениям шестой Директивы ЕС «О борьбе с отмыванием денег» (6th Anti-money Laundering Directive, AMLD6), основные требования по идентификации клиентов и борьбе с отмыванием денег, ранее распространявшиеся на банки, платежные системы и игорные заведения, теперь применяются также в отношении крипто-

⁵⁹ Рекомендации ФАТФ применяются вне зависимости от определения виртуальных активов на национальном уровне (имущество, денежные средства, иные активы или др.).

⁶⁰ Подробнее см.: [FATF, 2021].

⁶¹ Согласно текущей интерпретации ФАТФ, виртуальные активы являются цифровым представлением стоимости (ценности), которая может торговаться и передаваться, а также использоваться для платежей и инвестирования. При этом виртуальные активы не включают цифровую форму представления фиатных валют, ценных бумаг или других финансовых активов.

бирж, провайдеров услуг в сфере виртуальных активов, а также банки, одновременно работающие с виртуальными и фиатными валютами. Основные требования AMLD6 к операциям с виртуальными активами состоят в следующем: 1) платформы по торговле виртуальными активами обязаны выполнять правовой аудит клиента (Customer due Diligence, CDD) и предоставлять отчеты о подозрительной деятельности (Suspicious Activity Reports, SAR); 2) подразделениям по сбору финансовой информации может быть поручено получать адреса и идентифицировать владельцев виртуальных активов, что делает невозможным их анонимное использование; 3) криптобиржи и компании, обслуживающие цифровые кошельки для хранения виртуальных валют, будут обязаны регистрироваться в органах регулирования и надзора по месту их нахождения и получить лицензию на осуществление подобной деятельности и др. [ЕС, 2018]. В целом регулирование криптоактивов в развитых странах является дифференцированным, но не системным. Оно зависит от многих факторов, в том числе от интерпретации экономической природы криптоактивов и выбранных направлений минимизации рисков их обращения.

Особенности регулирования операций с криптоактивами в России

В отличие от большинства развитых стран в Российской Федерации действует специальное законодательство, призванное регулировать оборот цифровых токенов на территории страны. Так, с января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон «О привлечении инвестиций с использованием ИП»), призванный регулировать оборот утилитарных токенов (утилитарных цифровых прав, согласно российскому законодательству) и порядок деятельности инвестиционных платформ, на которых осуществляются операции с использованием этих цифровых прав. Согласно тексту закона, *утилитарные цифровые права (УЦП)* представляют собой создаваемые и оборачиваемые в информационной системе права требования передачи вещи или интеллектуальных прав, права требования выполнения работ или оказания услуг [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2019].

С января 2021 г. также вступил в силу Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон «О цифровых финансовых активах»), регулирующий операции с инвестиционными токенами (цифровыми финансовыми активами, согласно российскому законодательству) и порядок деятельности операторов информационных систем и операторов обмена цифровых финансовых активов. Согласно тексту закона, *цифровыми финансовыми активами (ЦФА)* признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Выпуск, учет и обращение таких цифровых прав возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра или в иные информационные системы [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Несмотря на то что в законе «О цифровых финансовых активах» не указывается перечень конкретных активов – объектов регулирования, за исключением цифровых финансовых активов, удостоверяющих права на участие в капитале акционерного общества, и цифровых финансовых

активов, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, широкая трактовка цифровых финансовых активов предусматривает включение любых подвидов инвестиционных токенов, а также некоторые разновидности стейблкойнов. Законом предусмотрен широкий перечень операций с цифровыми финансовыми активами на территории России⁶².

По сути, в рамках принятого в настоящее время в России регулирования дифференциация между двумя основными видами криптоактивов — цифровыми токенами (цифровыми финансовыми активами и утилитарными цифровыми правами) и виртуальными валютами (цифровыми валютами, согласно российскому законодательству) — проводится на основе признака централизованности/децентрализованности их эмиссии (возможности идентификации эмитента), а также цели выпуска⁶³. Так, согласно законодательной интерпретации, у цифровых финансовых активов всегда есть один четко идентифицируемый эмитент, а у цифровых валют может быть множество эмитентов, которых нельзя четко идентифицировать.

Согласно действующему законодательству, *цифровой валютой (ЦВ)* в Российской Федерации признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа и/или в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных. При этом такая цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и/или международной денежной или расчетной единицей [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Законом «О цифровых финансовых активах» установлен запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа, но при этом разрешен выпуск цифровой валюты, обменные операции с ней, а также майнинговая деятельность. Предусматривается, что конкретный порядок организации выпуска и обращения цифровой валюты, а также регулирование майнинга будут регламентироваться отдельными законами и подзаконными актами Банка России⁶⁴.

В январе 2022 г. Банк России опубликовал консультационный доклад «Криптовалюты: тренды, риски, меры», призванный обозначить позицию регулятора в отношении дальнейшего порядка регулирования операций с криптовалютами и стейблкойнами в стране [Банк России, 2022]. Банк России предложил ввести запрет на организацию выпуска и обращения цифровых валют (криптовалют и стейблкойнов) на территории страны. В частности, ограничить деятельность криптобирж, P2P-платформ и других обменных сервисов в России. Регулятор предложил также запретить вложения финансовых организаций в криптовалюты и связанные финансовые инструменты, а также

⁶² Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5-1 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”» [Федеральный закон № 331-ФЗ, 2022] запрещает на территории Российской Федерации оплату товаров и услуг с использованием цифровых финансовых активов и утилитарных прав.

⁶³ По замыслу российских законодателей, термин «цифровые валюты» должен быть эквивалентен термину «криптовалюты» в международном понимании. Однако фактически термин «цифровые валюты», согласно закону «О цифровых финансовых активах», является более широким, что позволяет отнести к цифровым валютам даже электронные бонусы и т.д.

⁶⁴ В отношении цифровых валют и цифровых финансовых активов, а также организаций, участвующих в их обороте, применяются основные положения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» [Федеральный закон № 115-ФЗ, 2001].

использование российских финансовых посредников и отечественной финансовой инфраструктуры для осуществления операций с криптовалютами и стейблкойнами. Предлагалось ввести запрет на майнинг криптовалют в стране. Кроме того, Банк России, помимо введения запрета на операции с криптовалютами в России, предлагал согласовать запретительный режим в отношении операций с криптовалютами со странами ЕАЭС (с Белоруссией, Казахстаном и др.) для исключения регуляторного арбитража [Банк России, 2022].

Запретительный подход Банка России мотивировался высокими рисками, связанными с оборотом криптовалют и стейблкойнов, а именно нарушением финансовой стабильности (подрыв денежного обращения, утрата денежного суверенитета, отток капитала из страны, переток средств с банковских депозитов в криптовалюты и др.); снижением благосостояния граждан (высокая волатильность криптовалют и возможность манипулирования рыночными ценами, ограниченные возможности правовой защиты инвесторов, распространение мошеннических схем в торговле криптовалютами и др.); расширением нелегальной деятельности (использование криптовалют для отмывания денег, финансирования терроризма, уклонения от уплаты налогов и др.) [Банк России, 2022]. Также Банк России указывал на существование факторов риска, связанных с майнинговой деятельностью: негативным влиянием майнинга на окружающую среду, непроизводительное расходование электроэнергии, формирование спроса на инфраструктуру криптовалютных операций и т.д.

Несмотря на наличие большого числа рисков, анализ опыта регулирования оборота криптовалют в развитых странах показывает, что большинство финансовых рисков можно минимизировать с использованием разветвленного регуляторного инструментария. Поскольку технологии распределенных реестров и блокчейна в финансовой сфере, обусловившие появление криптоактивов, децентрализованных финансов, метавселенных, развиваются стремительно, любой запрет выпуска и использования криптовалют и стейблкойнов в России может не только снизить темпы развития IT-отрасли и привести к оттоку высококвалифицированных специалистов в другие страны, но также способствовать переводу криптовалютных капиталов из России в страны с более благоприятным инвестиционным климатом. Также можно ожидать существенной потери налоговых поступлений в бюджет [Позычанюк, 2022] и роста затрат на отслеживание противоправных действий в криптовалютной сфере. Мировой опыт свидетельствует о низкой эффективности запретительных мер, они также способствуют уходу такой деятельности в сфере криптовалют в серую зону⁶⁵. В этой связи мы полагаем, что предложения Банка России по запрету операций с криптовалютами и стейблкойнов в стране нельзя признать конструктивными.

Параллельно с Банком России Министерство финансов Российской Федерации представило свои предложения по регулированию операций с криптовалютами, которые были поддержаны правительством России [Теткин, 2022]. Предложенный в феврале 2022 г. Минфином законопроект «О цифровой валюте» предусматривает вместо запрета определенный порядок регулирования выпуска и обращения криптовалют в России. В частности, в законопроекте предлагается: 1) оставить в силе запрет на оплату криптовалютой товаров, работ и услуг, но при этом разрешить торговые и инвестиционные операции с криптовалютой; 2) проводить операции с криптовалютами в периметре банковской инфраструктуры; 3) предусмотреть возможность проведения операций

⁶⁵ Так, по данным экспертов CNBC, несмотря на введение запрета на майнинг в Китае, до сих пор около 20% хешрейта биткойна обеспечивают нелегальные китайские майнеры [Sigalos, 2021].

как физическими, так и юридическими лицами, которые будут разделены на квалифицированных и неквалифицированных инвесторов; 4) определить, что организаторами системы обмена цифровых валют могут являться банки с универсальной лицензией; 5) для контроля и отслеживания операций с криптовалютой предлагается использовать сервис «Прозрачный блокчейн»⁶⁶; 6) за образец осуществления процедуры полной идентификации планируется взять швейцарскую систему Aximetria⁶⁷; 7) предлагается создать операторов обмена цифровых валют, которые могут обладать базовыми (модель Р2Р) и универсальными (модель биржи) правами, которые будут внесены в реестр ЦБ; 8) предусматривается разработка специальных правил регулирования майнинговой деятельности, в том числе ведение их реестра, установление дифференцированных тарифов для лиц, занимающихся майнингом и др.⁶⁸

Несмотря на то что в целом предложения по регулированию выпуска и обращения криптовалют в России, предлагаемые Минфином России, являются более прогрессивными по сравнению с запретительной позицией Банка России, существует риск избыточного регулирования (зарегулирования) данной деятельности. Так, на стадии обсуждения законопроект был дополнен рядом ограничительных мер, которые в значительной мере обусловлены позицией Банка России. Например, предусмотрен запрет на следующие действия: обмен криптовалюты за пределами лицензированных обменников; использование несертифицированных цифровых кошельков для хранения криптовалюты; переводы с использованием холодных кошельков и др. [Куликова, 2022]. Таким образом, законопроект по регулированию операций с криптовалютами в России становится все менее привлекательным как для бизнеса, так и для пользователей. Подобные запреты вкупе с экономическими санкциями, введенными в отношении России в феврале — марте 2022 г., могут, скорее, способствовать оттоку криптоактивов из России, нежели их привлечению.

В отношении налогообложения операций с использованием цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав в России в июле 2022 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения цифровых прав)» [Федеральный закон Российской Федерации № 324-ФЗ, 2022]. Закон определил ставки налога на прибыль организаций и налога на доходы физических лиц, а также порядок обложения операций по реализации ЦФА и УЦП налогом на добавленную стоимость. Согласно принятому закону, налог на прибыль от реализации цифровых прав для российских компаний и налог на доходы физических лиц для резидентов составляет 13% (при превышении налогооблагаемой базы 5 млн руб. в год — 15% с суммы превышения). Налог на прибыль от реализации цифровых прав для иностранных организаций и налог на доходы физических лиц нерезидентов составляет 15% [Там же]. При этом налогом на добавленную стоимость не будут облагаться операции по реализации ЦФА на территории страны, а также услуги операторов информационных систем и операторов обмена ЦФА. При этом финансовый результат по операциям с цифровыми финансовыми активами определяется на дату осуществления выплаты дохода.

В настоящее время также в первом чтении принят законопроект о налогообложении операций с цифровыми валютами, в рамках которого криптовалюты рассматриваются как имущество [Проект Федерального закона № 1065710-7, 2022]. Предпо-

⁶⁶ Система анализа криптовалютных транзакций с помощью искусственного интеллекта.

⁶⁷ В системе собираются и анализируются личные данные клиентов, начиная от паспортных данных и заканчивая номерами банковских счетов.

⁶⁸ Подробнее см.: [Министерство финансов РФ, 2022].

лагается, что доходы от операций с цифровой валютой будут облагаться налогом на прибыль или НДФЛ⁶⁹. В то же время операции с цифровой валютой не будут признаваться объектом налогообложения НДС. Юридические организации, как российские, так и представительства зарубежных, а также физические лица — граждане Российской Федерации обязаны будут сообщать о получении права распоряжаться цифровой валютой, предоставлять отчеты об операциях с цифровой валютой и об остатках цифровой валюты в налоговые органы. Информация представляется в налоговый орган в случае, если за календарный год сумма поступлений или списаний цифровой валюты превышает сумму, эквивалентную в денежном выражении 600 тыс. руб. Расчет суммы производится исходя из рыночной цены на цифровую валюту на дату совершения каждой операции. Предусматривается, что порядок определения рыночной цены на цифровую валюту должен устанавливаться федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов.

Несмотря на наличие законов «О цифровых финансовых активах», «О привлечении инвестиций с использованием ИП» и налоговых требований в отношении операций с цифровыми правами, регулирование оборота криптоактивов в России вряд ли можно признать удовлетворительным. По нашему мнению, главные проблемы действующего в России регулирования состоят в следующем.

Во-первых, в законе «О цифровых финансовых активах» отсутствует ясная терминология. Применяемые в тексте закона определения противоречат используемым в мировой экономической и правовой практике. Например, термин «цифровая валюта» достаточно широко интерпретируется, но при этом не раскрывается экономическая суть данной категории, что особенно очевидно в свете внедрения цифровых валют центральных банков. Также в тексте закона отсутствуют ключевые понятия в сфере криптоактивов, такие как «криптовалюта», «стейблкоин», «платежный токен», «невзаимозаменяемый токен», «децентрализованные финансы», что приводит к терминологической путанице, когда Банк России не делает принципиального различия между криптовалютами и стейблкоинами⁷⁰.

Во-вторых, законы «О цифровых финансовых активах» и «О привлечении инвестиций с использованием ИП» фактически регулируют только оборот инвестиционных токенов и некоторых разновидностей стейблкоинов. Предусматривается, что оборот цифровых валют, майнинговая деятельность должны регулироваться законом «О цифровой валюте». В то же время со стороны Банка России преобладает тенденция к ужесточению регулирования операций с криптовалютами и сохранению запрета на их использование для расчетов внутри страны [Набиуллина, 2021]. В этих условиях непонятно, зачем компаниям или финансовым учреждениям выпускать и торговать цифровыми валютами на российском рынке, если их нельзя использовать по прямому назначению в качестве средства платежа.

В-третьих, хотя выпуск и использование стейблкоинов в инвестиционных целях в России не запрещены, их применение в качестве средства платежа регулятором не разрешается. Банк России выступает против стейблкоинов, так как, по мнению регулятора, этот инструмент может подорвать механизм денежно-кредитной политики и создать риски для финансовой стабильности. Подобно криптовалютам, Банк России рассматривает стейблкоины в качестве денежных суррогатов [Финмаркет, 2021]. Так-

⁶⁹ Предполагается, по аналогии с регулированием налогообложения цифровых прав, что ставка налога НДФЛ от операций с цифровой валютой будет зависеть от величины годового дохода физических лиц и составлять 13% на доходы до 5 млн руб. и 15% на суммы, превышающие данную величину.

⁷⁰ Подробнее см.: [Банк России, 2022].

же Банк России выступает против использования экосистемами внутренних учетных единиц (в качестве средства платежа, накопления и средства заимствования)⁷¹. Подобная позиция, по нашему мнению, не является достаточно обоснованной. Банку России следовало бы избрать более гибкую политику в отношении регулирования оборота стейблкойнов. Так, Центральный банк мог бы определить круг возможных эмитентов, разработать приемлемые модели регулирования эмиссии и обращения стейблкойнов, предусмотреть унифицированные механизмы их резервного обеспечения эмиссии, позволяющие минимизировать экономические риски держателей и эмитентов стабильных монет. В отличие от криптовалют, стейблкойны могут стать важным элементом финансовой и денежной системы уже в ближайшие годы. Следует заметить, что в предложенном законопроекте «О цифровой валюте» регулирование использования стейблкойнов в России также не предусмотрено.

В-четвертых, DeFi-токены и NFT-токены фактически остаются вне правового поля в России. Первые — по причине децентрализованной природы этих активов, вторые — из-за отсутствия в российском законодательстве способа передачи авторских прав посредством токенов, записанных в блокчейне. Поэтому сделка с использованием NFT-токенов в России с правовой точки зрения рассматривается как соглашение без соблюдения письменной формы, что фактически не позволяет подтвердить ни расходы для целей налогообложения, ни наличие у держателя NFT-токенов прав в случае судебной защиты. Согласно закону «О цифровых финансовых активах», NFT-токены в какой-то степени можно назвать цифровым активом, так как посредством их передаются определенные права. Однако реализация ЦФА в России предусмотрена только на корпоративном блокчейне, что по смыслу отличается от идеи, заложенной в понятие NFT-токена. Таким образом, использование в России NFT-токенов никаких правовых последствий в настоящее время не вызывает. Помимо отмеченных выше проблем регулирования оборота криптоактивов в России существует ряд актуальных вопросов, связанных с совершенствованием налогообложения операций с криптовалютами, которые должны стать предметом отдельного исследования⁷².

В заключение следует отметить, что многие проблемы регулирования использования криптоактивов на территории России могут быть решены посредством проведения фундаментальных научных исследований экономической природы криптоактивов и качественных экспертиз любых законодательных предложений и инициатив, особенно связанных с регулированием инновационного финансового и платежного инструментария, базирующегося на применении новых информационных технологий. Гибкое регулирование оборота криптоактивов, учитывающее интересы широкого круга экономических агентов, является важным фактором повышения конкурентоспособности и инновационной привлекательности отечественного финансового рынка. Такая привлекательность должна не только связываться с инициативами Центрального банка (выпуском центробанковской цифровой валюты⁷³, развитием системы быстрых платежей и др.), но и предусматривать поддержку частных инициатив кредитных институтов, финтех- и бигтех-компаний по внедрению и использованию различных криптоактивов в сфере платежей и инвестирования в России.

⁷¹ Подробнее см.: [Банк России, 2021б].

⁷² О международном опыте налогообложения криптоактивов см.: [Кочергин, Покровская, 2020].

⁷³ См.: [Банк России, 2021а].

Выводы

В ходе проведенного исследования установлено, что деятельность международных организаций в отношении криптоактивов сосредоточена на унификации регулятивных подходов к выпуску и обороту криптоактивов с учетом разного уровня рисков, обусловленного дифференцированной природой криптоактивов. Особое внимание международные организации уделяют регулированию операций с криптовалютами и глобальными стейблкойнами, пруденциальному надзору за их эмитентами, а также унификации подходов к налогообложению и противодействию незаконным операциям с использованием криптоактивов. Решение данных задач осложняется трансграничностью рынка криптоактивов, децентрализованной природой используемого инструментария и наличием большого количества национальных регуляторов, применяющих разные подходы к интерпретации и классификации криптоактивов.

Раскрыта экономическая природа различных криптоактивов (особенности их эмиссии, выполняемые ими функции) и предложена авторская интерпретация криптоактивов. Согласно авторской интерпретации, криптоактивы представляют собой новый класс частных цифровых активов, которые: 1) не выпускаются и не гарантируются государственными органами власти; 2) воплощают ценности или права, записываемые в электронной форме в распределенном реестре, защищенном криптографически; 3) используются в качестве средства платежа и сбережения и/или для целей инвестирования, и/или для доступа к определенному товару или услуге на платформе эмитента в результате наличия общественного консенсуса. Данные характеристики криптоактивов отличают их как от цифровых валют центральных банков, так и национальных виртуальных активов.

Предложена оригинальная авторская классификация криптоактивов, согласно которой криптоактивы подразделяются по экономико-функциональному критерию на два основных вида: виртуальные валюты и цифровые токены. Виртуальные валюты вне зависимости от подвидов являются средством обмена или платежным инструментом, а также средством сбережения. Основное отличие стейблкойнов от криптовалют заключается в использовании стабилизационных механизмов, призванных нивелировать риски ценовой волатильности, а также в наличии четко идентифицируемого эмитента, к которому держатель цифрового актива может адресовать финансовые требования. Цифровые токены вне зависимости от подвидов выпускаются с конкретными инвестиционными функциями или потребительскими целями. Основное различие между инвестиционными и утилитарными токенами состоит в том, что первые предоставляют своим владельцам различные экономические права, а вторые — доступ к потреблению определенных продуктов или услуг на цифровой платформе эмитента.

В ходе исследования выявлено, что наиболее значительную роль по объемам капитализации и количеству транзакций среди криптоактивов играют криптовалюты, различающиеся по своему функционалу. Криптовалюты могут быть средством платежа, сбережения и/или инвестиций (выполнение ими денежных функций не является универсальным), а также выступать инструментом или платформой для реализации децентрализованных приложений на основе смарт-контрактов. Функциональные особенности криптовалют обуславливаются в том числе эмиссионными протоколами и алгоритмами консенсуса в блокчейнах. Однако направления целевого использования криптовалют зависят не столько от их функционала, сколько от общественных предпочтений экономических агентов при выборе платежных или инвестиционных инструментов и регуляторной политики денежных властей.

Среди цифровых токенов стейблкойны являются второй по значимости разновидностью криптоактивов. Различия между стейблкойнами обуславливаются применением различных резервных активов и стабилизационных механизмов, а также детерминируются особенностями дизайна и различной системной значимостью. В экономическом смысле большинство стейблкойнов является обращающимися цифровыми денежными обязательствами их эмитента. В этой связи есть основания коллатеральные стейблкойны, обеспеченные фиатными валютами, определять как токенизированные электронные деньги или депозиты (в зависимости от регуляторных особенностей национальных банковских и платежных систем). Отдельные разновидности стейблкойнов могут трактоваться как ценные бумаги или производные инструменты. При этом глобальные/значимые стейблкойны представляют наибольший исследовательский интерес по причине их возможного использования в трансграничных расчетах.

Установлено, что инвестиционные токены воплощают в себе цифровые имущественные права, представленные в форме долевых, долговых или производных финансовых инструментов. По своей природе инвестиционные токены являются цифровой формой ценных бумаг, информация о выпуске которых регистрируется в распределенном реестре или в блокчейне эмитента. Напротив, утилитарные токены предоставляют держателям право доступа к текущему или перспективному продукту или услуге, реализуемым на платформе компании-эмитента (в том числе возможность совершать платформенные платежи). В большинстве случаев инвестиционные и утилитарные токены появляются в результате использования новых механизмов финансирования — ICO/IEO или STO.

Среди цифровых токенов особое место занимают так называемые гибридные токены, экономическая природа которых неоднородна. Гибридные токены могут создаваться и продвигаться компанией-эмитентом как утилитарные, но фактически функционировать как инвестиционные или выпускаться как инвестиционные, но в дальнейшем использоваться в платежах или для доступа к другим сервисам на блокчейн-платформе эмитента (DeFi-токены). К числу гибридных можно также условно отнести NFT-токены, которые выпускаются для декларирования права владения, предоставления права на объект или фиксации специфического права. Они являются уникальными, и запись о них фиксируется в блокчейне. В большинстве случаев гибридные токены появляются в результате использования нового механизма финансирования — IDO.

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии международного регулирования оборота криптоактивов. В настоящее время международные организации концентрируют усилия на вопросах обеспечения финансовой стабильности за счет принятия единых рекомендаций по минимизации рисков и обмена налоговой информацией, связанной с оборотом криптоактивами. В то же время регулирование операций с криптоактивами на национальном уровне в большинстве стран направлено на усиление государственного контроля за их оборотом и осуществляется как в денежной/платежной и инвестиционной сферах, так и в областях противодействия отмыванию денег и налогообложения.

Идентифицировано, что в большинстве развитых стран регулирование криптоактивов в денежной, платежной и инвестиционной сферах не носит системного характера, а заключается либо в адаптации действующего законодательства (в отношении инвестиционных и утилитарных токенов), либо в разработке специальных директив, регулирующих оборот отдельных разновидностей криптоактивов (в случае стейблкойнов). Как правило, регулирование оборота криптовалют сводится к имплементации

в национальные законодательства процедур ПОД/ФТ в отношении поставщиков услуг криптоактивов в соответствии с рекомендациями ФАТФ. Используются процедуры по снижению финансовых рисков и пруденциальному надзору за деятельностью эмитентов криптоактивов, рекомендуемые СФС и БМР, а также налоговое регулирование операций с криптоактивами в соответствии с национальными нормами налогообложения подобных видов доходов.

Установлено, что регулирование оборота криптоактивов значительно дифференцируется между странами. Это связано не только с отсутствием общих интерпретационных подходов к разным видам и подвидам криптоактивов и различиями в оценке экономических рисков и последствий широкого оборота криптоактивов для национальных финансовых систем, но и с особенностями национального законодательства и применения регуляторных практик. В США, странах ЕС, Великобритании, Швейцарии, Японии и других развитых странах преобладает достаточно взвешенный и гибкий подход к регулированию различных разновидностей криптоактивов и их эмитентов. В то же время в значительном числе стран с формирующимися рынками, таких как Китай, Турция, Россия, регулирование является более жестким и характеризуется использованием запретительных мер.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что текущее регулирование оборота криптоактивов в России нельзя признать удовлетворительным в силу фрагментарности и запретительного уклона. Можно утверждать, что в настоящее время регулирование оборота криптоактивов в России осуществляется вне рамок рекомендаций международных институтов и без должного учета опыта развитых стран. В частности, в национальном законодательстве отсутствует ясная терминология в области криптоактивов, предлагаемый порядок регулирования выпуска и обращения цифровой валюты является чрезмерно жестким, операции со стейблкоинами, DeFi-/NFT-токенами вообще не регулируются. Запрет на использование криптовалют и стейблкоинов в России в условиях экономических санкций представляется нам неоправданным с экономической точки зрения. Кроме того, порядок налогообложения операций с криптоактивами в России должен предусматривать льготный режим или период для стимулирования внедрения нового класса активов на российском финансовом рынке.

Список источников

Андрюшин С.А. (2019) Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Сам Полиграфист». Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42986309> (дата обращения: 22.08.2022).

Банк России (2021a) Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций (апрель). Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Банк России (2021b) Концепция цифрового рубля. Апрель 2021 года. Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Банк России (2022) Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Киселев А. (2019) Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? Аналитическая записка. Апрель 2019. Банк России. Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://cbr.ru/Content/Document/File/71328/analytic_note_190418_dip.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Кочергин Д.А. (2017) Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 1. С. 119–140. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-virtualnyh-valyut-v-sovremennoy-platezhnoy-sisteme> (дата обращения: 23.08.2022).

Кочергин Д.А. (2020) Экономическая природа и классификация стейблкоинов // Финансы: теория и практика. № 6. С. 140–160. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-priroda-i-klassifikatsiya-steybloynov> (дата обращения: 23.08.2022).

Кочергин Д.А. (2021) Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 2. С. 205–240. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-sistem-tsifrovyyh-valyut-tsentralnyh-bankov> (дата обращения: 23.09.2022).

Кочергин Д.А., Иванова А.И. (2022) Стейблкоины: классификация, функциональные особенности и перспективы развития // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). С. 100–120. Режим доступа: doi:10.31737/2221-2264-2022-53-1-5 (дата обращения: 22.08.2022).

Кочергин Д.А., Покровская Н.В. (2020) Международный опыт налогообложения криптоактивов // Экономический журнал ВШЭ. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-nalogooblozheniya-kriptoaktivov> (дата обращения: 23.08.2022).

Куликова К. (2022) Криптовалютам расписали оборот // Коммерсантъ. № 66. 15 апреля. С. 7. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5306943> (дата обращения: 28.04.2022).

Министерство финансов РФ (2022). Проект Федерального закона «О цифровой валюте». 17 февраля. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=7722-o-tsifrovoy-valyute (дата обращения: 12.05.2022).

Набиуллина Э.С. (2021) Выступление Эльвиры Набиуллиной на пленарном заседании Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2020 год, 15 июня. Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=10947> (дата обращения: 28.04.2022).

Позычанюк В. (2022) Власти рассчитывают собирать с крипторынка до 1 трлн рублей налогов // The Bell. 6 февраля. Режим доступа: <https://thebell.io/vlasti-rasschityvayut-sobirat-s-kriptorynka-do-1-trln-rublej-nalogo-UVJKrO> (дата обращения: 28.04.2022).

Проект Федерального закона № 1065710-7 (2022) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты). Комитет Государственной Думы РФ по бюджету и налогам. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7?ysclid=I37mxi93tb> (дата обращения: 15.07.2022).

Теткин М. (2022) Мишустин оценил сумму в криптокошельках 10 млн россиян в 10 трлн руб. // РБК-Крипто (электронный ресурс). 7 апреля. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/624ecfb89a7947bef4183352> (дата обращения: 28.08.2022).

Федеральный закон № 324-ФЗ (2022) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». 14 июля. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dos&base=LAW&n=421956&dst=100001#JdT5IITmQDZOISMk> (дата обращения: 15.08.2022).

Федеральный закон № 115-ФЗ (2001) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». 7 августа. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 25.04.2022).

Федеральный закон № 259-ФЗ (2020) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». 31 июля. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=I8d4x8i6na506564693 (дата обращения: 25.02.2022).

Федеральный закон № 259-ФЗ (2019) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». 2 августа. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 21.08.2022).

Финмаркет (2021) ЦБ РФ хочет ограничить использование стейблкоинов в расчетах, Аксаков видит перспективы в развитии цифровых активов. 1 апреля. Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/news/5441538> (дата обращения: 29.04.2022).

Adachi M., Cominetta M., Kaufmann C., van der Kraaj (2020) A Regulatory and Financial Stability Perspective on Global Stablecoins. European Central Bank Macropprudential Bulletin. Vol. 10. Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/financial-stability/macropprudential-bulletin/html/ecb.mpbu202005_1~3e9ac10eb1.en.html (дата обращения: 22.08.2022).

Amsden Z. et al. (2020) The Libra Blockchain. DIEM Whitepaper. Режим доступа: <https://diem-developers-components.netlify.app/papers/the-diem-blockchain/2020-05-26.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

Annunziata F. (2020) Speak, If You Can: What Are You? An Alternative Approach to the Qualification of Tokens and Initial Coin Offerings // European Company and Financial Law Review. Vol. 17. No. 2. P. 129–154. Available at: <https://dx.doi.org/10.1515/ecfr-2020-0007> (дата обращения: 22.08.2022).

Arner D., Auer R., Frost J. (2020) Stablecoins: Risks, Potential and Regulation. BIS Working Paper No. 905. Bank for International Settlements. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/work905.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Auer R., Boar C., Cornelli G., Frost J., Holden H., Wehrli A. (2020) CBDCs Beyond Borders: Results From a Survey of Central Banks. BIS Paper No. 116. Bank for International Settlements. Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap116.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Bank for International Settlements (BIS) (2015) Digital Currencies. CPMI Paper No. 137. Committee on Payments and Market Infrastructures. Режим доступа: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Bank for International Settlements (BIS) (2017) Distributed Ledger Technology in Payment, Clearing and Settlement: An Analytical Framework. CPMI Paper No. 157. Committee on Payments and Market Infrastructures. Режим доступа: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d157.htm> (дата обращения: 22.08.2022).

Bank for International Settlements (BIS) (2019a) Investigating the Impact of Global Stablecoins. CPMI Paper No. 187. Committee on Payments and Market Infrastructures. Режим доступа: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d187.htm> (дата обращения: 23.08.2022).

Bank for International Settlements (BIS) (2019b) Designing a Prudential Treatment for Crypto-Assets. BCBS Discussion Paper. Basel Committee on Banking Supervision. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d490.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Bank for International Settlements (BIS) (2019c) Statement on Crypto-Assets // BCBS Newsletter, 13 March. Committee on Payments and Market Infrastructures. Режим доступа: https://www.bis.org/publ/bcbs_nl21.htm (дата обращения: 22.08.2022).

Bank for International Settlements (BIS) (2021) Prudential Treatment of Cryptoasset Exposures. BCBS Consultative Document. Basel Committee on Banking Supervision. Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d519.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Bank of England (2020) Central Bank Digital Currency Opportunities. Challenges and Design. Discussion Paper, 12 March. Режим доступа: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design-discussion-paper> (дата обращения: 22.08.2022).

Bank of England (2021) New Forms of Digital Money. Discussion Paper. Режим доступа: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2021/new-forms-of-digital-money> (дата обращения: 22.08.2022).

Bhatia N. (2021) Layered Money: From Gold and Dollars to Bitcoin and Central Bank Digital Currencies. Published by the author. Режим доступа: <https://www.amazon.com/Layered-Money-Dollars-Bitcoin-Currencies/dp/1736110527> (дата обращения: 22.08.2022).

Blemus S., Guegan D. (2020) Initial Crypto-Asset Offerings (ICOs), Tokenization and Corporate Governance // Capital Markets Law Journal. Vol. 15. No. 2. P. 191–223. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmaa005>. (дата обращения: 22.08.2022).

Brown C., Dolan T., Butler K. (2019) Crypto-Assets and Initial Coin Offerings. Fintech: Law and Regulation / J. Madir (ed.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Bullmann D., Klemm J., Pinna A. (2019) In Search for Stability in Crypto-Assets: Are Stablecoins the Solution? Occasional Paper No. 230. European Central Bank. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scrops/ecb.op230~d57946be3b.en.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Clayton J. (2017) Statement on Cryptocurrencies and Initial Coin Offerings. U.S. Security and Exchange Commission, 11 December. Режим доступа: <https://www.sec.gov/news/public-statement/statement-clayton-2017-12-11> (дата обращения: 22.08.2022).

CoinGecko (n.d.) Top 100 DeFi Coins by Market Capitalization. Режим доступа: <https://www.coingecko.com/en/categories/decentralized-finance-defi> (дата обращения: 16.05.2022).

CoinMarketCap (n.d.a) Today's Cryptocurrency Prices by Market Cap. Режим доступа: <https://coinmarketcap.com> (дата обращения: 16.05.2022).

CoinMarketCap (n.d.b) Cryptocurrency Prices by Market Cap. Режим доступа: <https://coinmarketcap.com> (дата обращения: 16.05.2022).

CoinMarketCap (n.d.c) Top Stablecoin Tokens by Market Capitalization. Режим доступа: <https://coinmarketcap.com/view/stablecoin/> (дата обращения: 16.05.2022).

Cuervo C., Morozova A., Sugimoto N. (2019) Regulation of Crypto Assets. Fintech Note 19/03. International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2020/01/09/Regulation-of-Crypto-Assets-48810> (дата обращения: 22.08.2022).

Department of the Treasury (2020) Requirements for Certain Transactions Involving Convertible Virtual Currency or Digital Assets. 31 CFR Parts 1010, 1020, and 1022 RIN 1506-AB47. Financial Crimes Enforcement Network // Federal Register. Vol. 85. No. 247. P. 83840–62. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-12-23/pdf/FR-2020-12-23.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

European Banking Authority (EBA) (2019) Report With Advice for the European Commission on Crypto-Assets. Режим доступа: <https://www.eba.europa.eu/sites/default/documents/files/documents/10180/2545547/67493daa-85a8-4429-aa91-e9a5ed880684/EBA%20Report%20on%20crypto%20assets.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

European Central Bank (ECB) (2019) Crypto-Assets: Implications for Financial Stability, Monetary Policy, and Payments and Market Infrastructures. ECB Occasional Paper No. 223. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scrops/ecb.op223~3ce14e986c.en.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

European Central Bank (ECB) (2020a) Report on a Digital Euro. October. Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

European Central Bank (ECB) (2020b) Stablecoins: Implications for Monetary Policy, Financial Stability, Market Infrastructure and Payments, and Banking Supervision in the Euro Area. ECB Occasional Paper No. 247. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scrops/ecb.op247~fe3df92991.en.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

European Central Bank (ECB) (2021) Opinion of the European Central Bank on a Proposal for a Regulation on Markets in Crypto-Assets, and Amending Directive (EU) 2019/1937 (CON/2021/4) 2021/C 152/1. Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4a9e9ba4-a884-11eb-9585-01aa75ed71a1> (дата обращения: 22.08.2022).

European Commission (EC) (2009) Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on the Taking up, Pursuit and Prudential Supervision of the Business of Electronic Money Institutions Amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and Repealing Directive 2000/46/EC // Official Journal of the European Union. L 267. P. 7–17. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A2009%3A267%3ATOC> (дата обращения: 22.08.2022).

European Commission (EC) (2014) Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on Markets in Financial Instruments and Amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU // Official Journal of the European Union. L 173. P. 349–496. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/65/oj> (дата обращения: 22.08.2022).

European Commission (EC) (2015) Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on Payment Services in the Internal Market, Amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No. 1093/2010, and Repealing Directive 2007/64/EC //

Official Journal of the European Union. L 337. P. 35–127. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A2015%3A337%3АТОС> (дата обращения: 22.08.2022).

European Commission (EC) (2018) Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 Amending Directive (EU) 2015/849 on the Prevention of the Use of the Financial System for the Purposes of Money Laundering or Terrorist Financing, and Amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU // Official Journal of the European Union. L 156. P. 43–73. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A2021%3A156%3АТОС> (дата обращения: 22.08.2022).

European Commission (EC) (2020) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-Assets, and Amending Directive (EU) 2019/1937. COM/2020/593 final. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 22.08.2022).

European Securities and Markets Authority (ESMA) (2019) Advice: Initial Coins Offerings and Crypto-Assets (2019) European Securities and Markets Authority. Режим доступа: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma50-157-1391_crypto_advice.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Feyen E., Kawashima Y., Mittal R. (2022) Crypto-Assets Activity Around the World: Evolution and Macro-Financial Drivers. Policy Research Working Paper No. 9962. World Bank. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10986/37115> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2019a) International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: FATF Recommendations. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/fatf-recommendations.html> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2019b) Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers: Guidance for a Risk-Based Approach. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2020) Report to the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors on So-Called Stablecoins. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfgeneral/documents/report-g20-so-called-stablecoins-june-2020.html> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2021) Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers: Updated Guidance for a Risk-based Approach. Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Conduct Authority (FCA) (2019) Guidance on Cryptoassets: Feedback and Final Guidance to CP 19/3. Policy Statement No. PS19/22. Режим доступа: <https://www.fca.org.uk/publication/policy/ps19-22.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Stability Board (FSB) (2020) Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements. Final Report and High-Level Recommendations. Режим доступа: <https://www.fsb.org/2020/10/regulation-supervision-and-oversight-of-global-stablecoin-arrangements/> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Stability Board (FSB) (2022a) Assessment of Risks to Financial Stability from Crypto-Assets. Режим доступа: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P160222.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Financial Stability Board (FSB) (2022b) To G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. Letter From the Chair of the FSB, 14 February. Режим доступа: <https://g20.org/wp-content/uploads/2022/02/FSB-Chairs-letter-to-G20-FMCSBG-February-2022.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

Group of 20 (G20) (2022) Communiqué: G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting. Jakarta, 17–18 February. Режим доступа: <https://g20.org/wp-content/uploads/2022/02/G20-FMCSBG-Communique-Jakarta-17-18-February-2022.pdf> (дата обращения: 07.05.2022).

Harwood-Jones M. (2019) Digital and Crypto-Assets: Tracking Global Adoption Rates and Impacts on Securities Services // Journal of Securities Operations & Custody. Vol. 12. No. 1. P. 49–57. Режим доступа: <https://hstalks.com/article/5312/digital-and-crypto-assets-tracking-global-adoption/> (дата обращения: 22.08.2022).

Heines R., Dick C., Pohler C., Jung R. (2021) The Tokenization of Everything: Towards a Framework for Understanding the Potentials of Tokenized Assets // Pacific Asia Conference on Information Systems (PACIS) Proceedings. Vol. 40. Режим доступа: <https://aisel.aisnet.org/pacis2021/40> (дата обращения: 22.08.2022).

HM Treasury (2021) UK Regulatory Approach to Cryptoassets and Stablecoins: Consultation and Call for Evidence. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/950206/HM_Treasury_Cryptoasset_and_Stablecoin_consultation.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Houben R., Snyers A. (2020) Crypto-Assets: Key Developments, Regulatory Concerns and Responses. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies Directorate-General for Internal Policies. European Parliament. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/648779/IPOL_STU\(2020\)648779_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/648779/IPOL_STU(2020)648779_EN.pdf) (дата обращения: 22.08.2022).

International Monetary Fund (IMF) (2021a) The Rise of Public and Private Digital Money: A Strategy to Continue Delivering on the IMF's Mandate. Policy Paper No. 2021/055. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2021/07/28/The-Rise-of-Public-and-Private-Digital-Money-462919> (дата обращения: 22.08.2022).

International Monetary Fund (IMF) (2021b) Global Financial Stability Report: COVID-19, Crypto, and Climate: Navigating Challenging Transitions. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2021/10/12/global-financial-stability-report-october-2021> (дата обращения: 22.08.2022).

International Monetary Fund (IMF) (2022) Global Financial Stability Report. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR> (дата обращения: 22.08.2022).

International Organization of Securities Commissions (IOSCO) (2019) Issues, Risks and Regulatory Considerations Relating to Crypto-Asset Trading Platforms: Consultation Report CR02/2019. Режим доступа: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD627.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Joint Financial and Payments Systems Task Team (FITT) (2022) F.18: Recording of Crypto Assets in Macroeconomic Statistics. Global Consultation. International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Data/Statistics/BPM/FITT> (дата обращения: 22.08.2022).

Lee M., Martin A. (2020) Bitcoin Is Not a New Type of Money // Liberty Street Economics, 18 June. Режим доступа: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2020/06/bitcoin-is-not-a-new-type-of-money/> (дата обращения: 09.05.2022).

Maas T. (2019) Initial Coin Offerings: When Are Tokens Securities in the EU and US? // SSRN Electronic Journal. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3337514> (дата обращения: 01.04.2022).

Malloy M., Lowe D. (2021) Global Stablecoins: Monetary Policy Implementation Considerations From the U.S. Federal Reserve Board. FEDS Discussion Series No. 2021-020. Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs Federal Reserve Board. Washington DC. Режим доступа: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2021.020> (дата обращения: 01.04.2022).

Manaa M., Chimienti M. T., Adachi M. M., Athanassiou Ph., Balteanu I., Calza A., Devaney C., Diaz Fernandez E., Eser F., Ganoulis I., Laot M., Günther Ph., Poinet R., Sauer S., Schneeberger D., Stracca L., Tapking J., Toolin C., Tyler C., Wacket H. (2019) Crypto-Assets: Implications for Financial Stability, Monetary Policy, and Payments and Market Infrastructures // ECB Occasional Paper No. 223. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391055> (дата обращения: 01.04.2022).

Moyer L. (2017) Greenspan Compares Bitcoin to Colonial America Currency That Eventually Became Worthless. CNBC, 6 December. Режим доступа: <https://finance.yahoo.com/news/greenspan-compares-bitcoin-colonial-america-153230907.html> (дата обращения: 24.08.2022).

Nakamoto S. (2008) Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Режим доступа: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

Office of the Comptroller of the Currency (2021) OCC Chief Counsel's Interpretation on National Bank and Federal Savings Association Authority to Use Independent Node Variation Networks and Stablecoins for Payment Activities. Interpretive Letter 1174, 4 January. Режим доступа: <https://www.occ.gov/news-issuances/news-releases/2021/nr-occ-2021-2a.pdf> (дата обращения: 24.08.2022).

Official Monetary and Financial Institutions Forum (OMFIF)-IBM (2019) Retail CBDCs: The Next Payments Frontier. Режим доступа: <https://www.omfif.org/ibm19/> (дата обращения: 23.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019) Initial Coin Offerings (ICOs) for SME Financing. Режим доступа: <https://www.oecd.org/finance/initial-coin-offerings-for-sme-financing.htm> (дата обращения: 23.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020) Taxing Virtual Currencies: An Overview of Tax Treatments and Emerging Tax Policy Issues. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/tax-policy/taxing-virtual-currencies-an-overview-of-tax-treatments-and-emerging-tax-policy-issues.htm> (дата обращения: 23.08.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022a) OECD Secretary-General Tax Report to G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. Режим доступа: <https://g20.org/wp-content/uploads/2022/02/OECD-Secretary-General-Tax-Report-to-G20-FMCBG-Indonesia-February-2022.pdf> (дата обращения: 05.05.2022)

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022b) Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard: Public Consultation Document. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/public-consultation-document-crypto-asset-reporting-framework-and-amendments-to-the-common-reporting-standard.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Overall J., Adams D. (2019) Stablecoins: A Global Overview of Regulatory Requirements in Asia Pacific, Europe, the UAE and the US. Clifford Chance. Режим доступа: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2019/09/stablecoins-a-global-overview-of-regulatory-requirements-in-asia-pacific-europe-the-uae-and-the-us.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

Patel D., Ganne E. (2021) Accelerating Trade Digitalization to Support MSME Financing. World Trade Organization-Trade Finance Global. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tradedigitaltomsms_e.pdf (дата обращения: 23.08.2022).

President's Working Group on Financial Markets (PWG) (2020) Statement on Key Regulatory and Supervisory Issues Relevant to Certain Stablecoins. 23 December. Режим доступа: <https://home.treasury.gov/system/files/136/PWG-Stablecoin-Statement-12-23-2020-CLEAN.pdf> (дата обращения: 18.02.2022).

Sams R.A. (2015) Note on Cryptocurrency Stabilisation: Seigniorage Shares. Bitmex.com. Режим доступа: <https://blog.bitmex.com/wp-content/uploads/2018/06/A-Note-on-Cryptocurrency-Stabilisation-Seigniorage-Shares.pdf> (accessed 5 May 2022).

Schwarz N., Ke C., Poh K., Kao K., Jackson G., Fernando F., Markevych M. (2021) Virtual Assets and Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism. Some Legal and Practical Considerations. IMF Fintech Note No 2021/002, International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2021/10/14/Virtual-Assets-and-Anti-Money-Laundering-and-Combating-the-Financing-of-Terrorism-1-463654> (дата обращения: 23.08.2022).

Securities and Futures Act (2001) An Act Relating to the Regulation of Activities and Institutions in the Securities and Derivatives Industry, Including Leveraged Foreign Exchange Trading, of Financial Benchmarks and of Clearing Facilities, and for Matters Connected Therewith. Singapore Government Agency. Режим доступа: <https://sso.agc.gov.sg/Act/SFA2001#pr1-> (дата обращения: 25.02.2022).

Securities Act (1933) as Amended Through P.L. 115—174, Enacted 24 May 2018. Режим доступа: <https://sec.report/Form/Securities-Act-of-1933.pdf> (дата обращения: 25.08.2022).

Securities Exchange Act (1934) as Amended Through P.L. 112—158, Approved 10 August 2012. Режим доступа: <https://www.nyse.com/publicdocs/nyse/regulation/nyse/sea34.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).

Sigalos M. (2021) Inside China's Underground Crypto Mining Operation, Where People Are Risking It All to Make Bitcoin. CNBC, 19 December. Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/12/18/chinas-underground-bitcoin-miners-.html> (дата обращения: 26.08.2022).

Su E. (2021) Digital Assets and SEC Regulation. Congressional Research Service Report R46208. Режим доступа: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46208/5> (дата обращения: 23.08.2022).

Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA) (2018) Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs). Режим доступа: <https://www.iosco.org/library/ico-state-ments/Switzerland%20-%20FINMA%20-%20ICO%20Guidelines.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

The People's Bank of China (2021) Uvedomlenie o dal'nejshem predotvrashenii i ustranении riska spekulyatsii pri operatsiyah s virtual'noj valyutoj [Notice of Further Prevention and Elimination of the Risk of Speculation in Transactions With Virtual Currency]. 24 September. Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4348521/index.html> (дата обращения: 24.04.2022). (in Chinese)

Vailshery L.S. (2022) Blockchain Technology Development: Leading Territories Worldwide 2018–2023 // Statista. 21 February. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/920776/worldwide-blockchain-technology-development-leading-territories/> (дата обращения: 15.02.2022).

Willet J.R. (2015) The Second Bitcoin Whitepaper. Режим доступа: <http://cryptochainuni.com/wp-content/uploads/Mastercoin-2nd-Bitcoin-Whitepaper.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

Working Group on E-CNY Research and Development (2021) Progress of Research & Development of E-CNY in China. Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

World Bank Group (WBG) (2018) Cryptocurrencies and Blockchain: Europe and Central Asia Economic Update, Office of the Chief Economist. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29763/9781464812996.pdf> (дата обращения: 22.08.2022).

Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover

D. Kochergin

Dmitry Kochergin – Professor of the Department of Credit Theory and Financial Management, Associate Professor, Doctor of Economics, St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia; d.kochergin@spbu.ru

Abstract

This article is devoted to the study of the economic nature of cryptoassets, the development of their original classification, and the determination of the main directions of regulation of their turnover. These topics are the objects of modern discourse of international organizations such as the International Monetary Fund (IMF), the World Bank (MB), the Group of 7 (G7), the Group of 20 (G20), the World Trade Organization (WTO), the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), the Bank for International Settlements (BIS), and the Financial Stability Board (FSB). The study reviews the modern discourse of international organizations regarding cryptoassets, presents an interpretation of cryptoassets as a new class of financial assets, justifies the classification of cryptoassets, and identifies the main types and economic characteristics of digital assets. The study was conducted using a system-functional and system-structural method.

As a result of this study, it is concluded that the activities of international organizations are focused on developing recommendations and principles for regulating transactions with cryptocurrencies and global stablecoins, prudential supervision of their issuers, unifying approaches to taxation, and countering illegal transactions using cryptoassets. The study concluded that crypto-assets are private digital assets that are recorded digitally in a distributed ledger and can be used as a means of exchange and/or investment tool and/or means of access to goods and services of issuer. According to the author's classification crypto-assets are divided into two main types: virtual currencies and digital tokens. Virtual currencies are a means of exchange or payment as well as a means of saving. The two main subtypes of virtual currencies are cryptocurrencies and stablecoins. Digital tokens are issued for specific investment functions or consumer purposes. Tokens can be divided into investment tokens and utility tokens.

The study also finds that there is no international regulation of cryptoassets turnover. National regulation is significantly differentiated between countries due to the lack of common interpretation and classification of cryptoassets and different assessments of economic risks of their turnover for national financial systems. In most developed countries: the USA, EU countries, UK, Switzerland, etc. – a flexible approach to regulating various types of cryptoassets and their issuers prevails. In emerging market countries such as China, Turkey, and Russia, regulation is more stringent and characterized by the widespread use of prohibitive measures. The main problem of the legal regulation of cryptoassets in Russia is its fragmentation and the predominance of a prohibitive bias. Modern regime of regulation of cryptoassets in Russia is weakly related to their economic nature and is not equivalent to the risks of turnover of cryptoassets.

Keywords: international organizations, crypto-assets, distributed ledger technology (DLT), nature and classification of crypto-assets, virtual currencies, cryptocurrencies, stablecoins, digital tokens, investment tokens, utility tokens

For citation: Kochergin D. (2022) Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 75–130 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-04

References

Adachi M., Cominetta M., Kaufmann C., van der Kraaij (2020) A Regulatory and Financial Stability Perspective on Global Stablecoins. *European Central Bank Macropprudential Bulletin*, vol. 10. Available at: https://www.ecb.europa.eu/pub/financial-stability/macropprudential-bulletin/html/ecb.mpbu202005_1~3e9ac10eb1.en.html (accessed 22 August 2022).

- Amsden Z. et al. (2020) The Libra Blockchain. DIEM Whitepaper. Available at: <https://diem-developers-components.netlify.app/papers/the-diem-blockchain/2020-05-26.pdf> (accessed 18 January 2022).
- Andryushin S.A. (2019) *Denezhno-kreditnye sistemy: ot istokov do kriptovaljuty [Monetary Systems: From Origins to Cryptocurrency]*. Moscow: LLC Sam Polygrafist.
- Annunziata F. (2020) Speak, If You Can: What Are You? An Alternative Approach to the Qualification of Tokens and Initial Coin Offerings. *European Company and Financial Law Review*, vol. 17, no 2, pp. 129–54. Available at: <https://dx.doi.org/10.1515/ecfr-2020-0007>.
- Arner D., Auer R., Frost J. (2020) Stablecoins: Risks, Potential and Regulation. BIS Working Paper No 905, Bank for International Settlements. Available at: <https://www.bis.org/publ/work905.pdf> (accessed 22 August 2022).
- Auer R., Boar C., Cornelli G., Frost J., Holden H., Wehrli A. (2020) CBDCs Beyond Borders: Results From a Survey of Central Banks. BIS Paper No 116, Bank for International Settlements. Available at: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap116.pdf> (accessed 22 August 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2015) Digital Currencies. CPMI Paper No 137, Committee on Payments and Market Infrastructures. Available at: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf> (accessed 22 August 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2017) Distributed Ledger Technology in Payment, Clearing and Settlement: An Analytical Framework. CPMI Paper No 157, Committee on Payments and Market Infrastructures. Available at: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d157.htm> (accessed 22 August 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2019a) Investigating the Impact of Global Stablecoins. CPMI Paper No 187, Committee on Payments and Market Infrastructures. Available at: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d187.htm> (accessed 23 August 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2019b) Designing a Prudential Treatment for Crypto-Assets. BCBS Discussion Paper, Basel Committee on Banking Supervision. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d490.pdf> (accessed 22 August 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2019c) Statement on Crypto-Assets. *BCBS Newsletter*, 13 March. Committee on Payments and Market Infrastructures. Available at: https://www.bis.org/publ/bcbs_nl21.htm (accessed 6 February 2022).
- Bank for International Settlements (BIS) (2021) Prudential Treatment of Cryptoasset Exposures. BCBS Consultative Document, Basel Committee on Banking Supervision. Available at: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d519.pdf> (accessed 23 August 2022).
- Bank of England (2020) Central Bank Digital Currency Opportunities, Challenges and Design. Discussion Paper, 12 March. Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design-discussion-paper> (accessed 22 August 2022).
- Bank of England (2021) New Forms of Digital Money. Discussion Paper. Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2021/new-forms-of-digital-money> (accessed 23 August 2022).
- Bank of Russia (2021a) Jecosistemy: podhody k regulirovaniyu [Ecosystems: Approaches to Regulation]. Public Consultation. (in Russian)
- Bank of Russia (2021b) Konceptcija cifrovogo rublja [The Concept of the Digital Ruble]. (in Russian)
- Bank of Russia (2022) Kriptovaljuty: trendy, riski, mery [Cryptocurrency Risks and Possible Regulation Measures]. Public Consultation (in Russian)
- Bhatia N. (2021) *Layered Money: From Gold and Dollars to Bitcoin and Central Bank Digital Currencies*. Published by the author.
- Blemus S., Guegan D. (2020) Initial Crypto-Asset Offerings (ICOs), Tokenization and Corporate Governance. *Capital Markets Law Journal*, vol. 15, no 2, pp. 191–223. Available at: <https://doi.org/10.1093/cmlj/kmaa005>.
- Brown C., Dolan T., Butler K. (2019) Crypto-Assets and Initial Coin Offerings. *Fintech: Law and Regulation* (J. Madir (ed)). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Bullmann D., Klemm J., Pinna A. (2019) In Search for Stability in Crypto-Assets: Are Stablecoins the Solution? Occasional Paper No 230, European Central Bank. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scopops/ecb.op230~d57946be3b.en.pdf> (accessed 22 August 2022).

Clayton J. (2017) Statement on Cryptocurrencies and Initial Coin Offerings. U.S. Security and Exchange Commission, 11 December. Available at: <https://www.sec.gov/news/public-statement/statement-clayton-2017-12-11> (accessed 22 August 2022).

CoinGecko (n.d.) Top 100 DeFi Coins by Market Capitalization. Available at: <https://www.coingecko.com/en/categories/decentralized-finance-defi> (accessed 16 May 2022).

CoinMarketCap (n.d.a) Today's Cryptocurrency Prices by Market Cap. Available at: <https://coinmarketcap.com> (accessed 16 May 2022).

CoinMarketCap (n.d.b) Cryptocurrency Prices by Market Cap. Available at: <https://coinmarketcap.com> (accessed 16 May 2022).

CoinMarketCap (n.d.c) Top Stablecoin Tokens by Market Capitalization. Available at: <https://coinmarketcap.com/view/stablecoin/> (accessed 16.05.2022).

Cuervo C., Morozova A., Sugimoto N. (2019) Regulation of Crypto Assets. Fintech Note 19/03, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2020/01/09/Regulation-of-Crypto-Assets-48810> (accessed 22 August 2022).

Department of the Treasury (2020) Requirements for Certain Transactions Involving Convertible Virtual Currency or Digital Assets. 31 CFR Parts 1010, 1020, and 1022 RIN 1506-AB47, Financial Crimes Enforcement Network. *Federal Register*, vol. 85, no 247, pp. 83840–62. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-12-23/pdf/FR-2020-12-23.pdf> (accessed 26 August 2022).

Draft Law No 1065710-7 (2022) "O vnesenii izmenenij v chasti pervuju i vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii (v chasti nalogooblozhenija cifrovoj valjuty)" ["On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation" (in terms of digital currency taxation)]. Committee of the State Duma of the Russian Federation on budget and taxes. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7?ysclid=l37mxu93tb> (accessed 15 July 2022). (in Russian)

European Banking Authority (EBA) (2019) Report With Advice for the European Commission on Crypto-Assets. Available at: <https://www.eba.europa.eu/sites/default/documents/files/documents/10180/2545547/67493daa-85a8-4429-aa91-e9a5ed880684/EBA%20Report%20on%20crypto%20assets.pdf> (accessed 23 August 2022).

European Central Bank (ECB) (2019) Crypto-Assets: Implications for Financial Stability, Monetary Policy, and Payments and Market Infrastructures. ECB Occasional Paper No 223. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op223~3ce14e986c.en.pdf> (accessed 23 August 2023).

European Central Bank (ECB) (2020a) Report on a Digital Euro. October. Available at: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (accessed 22 August 2022).

European Central Bank (ECB) (2020b) Stablecoins: Implications for Monetary Policy, Financial Stability, Market Infrastructure and Payments, and Banking Supervision in the Euro Area. ECB Occasional Paper No 247. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op247~fe3df92991.en.pdf> (accessed 23 August 2022).

European Central Bank (ECB) (2021) Opinion of the European Central Bank on a Proposal for a Regulation on Markets in Crypto-Assets, and Amending Directive (EU) 2019/1937 (CON/2021/4) 2021/C 152/1. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4a9e9ba4-a884-11eb-9585-01aa75ed71a1> (accessed 23 August 2022).

European Commission (EC) (2009) Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on the Taking up, Pursuit and Prudential Supervision of the Business of Electronic Money Institutions Amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and Repealing Directive 2000/46/EC. *Official Journal of the European Union*, L 267, pp. 7–17. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A2009%3A267%3ATOC> (accessed 24 August 2022).

European Commission (EC) (2014) Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on Markets in Financial Instruments and Amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU. *Official Journal of the European Union*, L 173, pp. 349–496. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/65/oj> (accessed 24 August 2022).

European Commission (EC) (2015) Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on Payment Services in the Internal Market, Amending Directives 2002/65/EC,

2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No 1093/2010, and Repealing Directive 2007/64/EC. *Official Journal of the European Union*, L 337, pp. 35–127. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A2015%3A337%3ATOC> (accessed 24 August 2022).

European Commission (EC) (2018) Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 Amending Directive (EU) 2015/849 on the Prevention of the Use of the Financial System for the Purposes of Money Laundering or Terrorist Financing, and Amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU. *Official Journal of the European Union*, L 156, pp. 43–73. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A2021%3A156%3ATOC> (accessed 24 August 2022).

European Commission (EC) (2020) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-Assets, and Amending Directive (EU) 2019/1937. COM/2020/593 final. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (accessed 23 August 2022).

European Securities and Markets Authority (ESMA) (2019) Advice: Initial Coins Offerings and Crypto-Assets (2019) European Securities and Markets Authority. Available at: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma50-157-1391_crypto_advice.pdf (accessed 22 August 2022).

Federal'nyj zakon N 115-FZ (2001) "O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) doxodov, poluchennykh prestupnym putyom" [Federal Law "On Counteracting the Legalization (Laundering) of Proceeds From Crime and the Financing of Terrorism"], 7 August. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (accessed 25 April 2022) (in Russian).

Federal'nyj zakon N 259-FZ (2019) "O privilechenii investitsij s ispol'zovaniem investicionnykh platform i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" [Federal Law "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"], 2 August, Russian Federation. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (accessed 25 April 2022) (in Russian).

Federal'nyj zakon N 259-FZ (2020) "O cifrovyyx finansovyx aktivax, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" [Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"], 31 July N 259-FZ, Russian Federation. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=l8d4x8i6na506564693 (accessed 25 April 2022). (in Russian)

Federal'nyj zakon N 324-FZ (2022) "O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo Kodeksa Rossijskoj Federacii" (v chasti nalogooblozheniya cifrovyyx prav) [Federal Law "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation (regarding the taxation of digital rights)"], 14 July. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140114?index=0&rangeSize=1> (accessed 15 August 2022). (in Russian)

Feyen E., Kawashima Y., Mittal R. (2022) Crypto-Assets Activity Around the World: Evolution and Macro-Financial Drivers. Policy Research Working Paper No 9962, World Bank. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/37115> (accessed 22 August 2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2019a) International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation: FATF Recommendations. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/fatf-recommendations.html> (accessed 23 August 2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2019b) Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers: Guidance for a Risk-Based Approach. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html> (accessed 23 August 2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2020) Report to the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors on So-Called Stablecoins. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfgeneral/documents/report-g20-so-called-stablecoins-june-2020.html> (accessed 23 August 2022).

Financial Action Task Force (FATF) (2021) Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers: Updated Guidance for a Risk-based Approach. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (accessed 23 August 2022).

Financial Conduct Authority (FCA) (2019) Guidance on Cryptoassets: Feedback and Final Guidance to CP 19/3. Policy Statement No PS19/22. Available at: <https://www.fca.org.uk/publication/policy/ps19-22.pdf> (accessed 22 August 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2020) Regulation, Supervision and Oversight of “Global Stablecoin” Arrangements. Final Report and High-Level Recommendations. Available at: <https://www.fsb.org/2020/10/regulation-supervision-and-oversight-of-global-stablecoin-arrangements/> (accessed 23 August 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2022a) Assessment of Risks to Financial Stability from Crypto-Assets. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P160222.pdf> (accessed 22 August 2022).

Financial Stability Board (FSB) (2022b) To G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. Letter From the Chair of the FSB, 14 February. Available at: <https://g20.org/wp-content/uploads/2022/02/FSB-Chairs-letter-to-G20-FMCBG-February-2022.pdf> (accessed 28 April 2022).

FinMarket (2021) CB RF xochet ogranichit' ispol'zovanie stejblkoinov v raschyotax, Aksakov vidit perspektiv v razvitii cifrovix aktivov [The Central Bank of the Russian Federation Wants to Limit the Use of Stablecoins in Settlements, Aksakov Sees Prospects in the Development of Digital Assets]. 1 April. Available at: <http://www.finmarket.ru/news/5441538> (accessed 29 April 2022). (in Russian)

Group of 20 (G20) (2022) Communiqué: G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting. Jakarta, 17–18 February. Available at: <https://g20.org/wp-content/uploads/2022/02/G20-FMCBG-Communique-Jakarta-17-18-February-2022.pdf> (accessed 7 May 2022).

Harwood-Jones M. (2019) Digital and Crypto-Assets: Tracking Global Adoption Rates and Impacts on Securities Services. *Journal of Securities Operations & Custody*, vol. 12, no 1, pp. 49–57. Available at: <https://hstalks.com/article/5312/digital-and-crypto-assets-tracking-global-adoption/> (accessed 22 August 2022).

Heines R., Dick C., Pohler C., Jung R. (2021) The Tokenization of Everything: Towards a Framework for Understanding the Potentials of Tokenized Assets. *Pacific Asia Conference on Information Systems (PACIS) Proceedings*, vol. 40. Available at: <https://aisel.aisnet.org/pacis2021/40> (accessed 22 August 2022).

HM Treasury (2021) UK Regulatory Approach to Cryptoassets and Stablecoins: Consultation and Call for Evidence. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/950206/HM_Treasury_Cryptoasset_and_Stablecoin_consultation.pdf (accessed 23 August 2022).

Houben R., Snyers A. (2020) Crypto-Assets: Key Developments, Regulatory Concerns and Responses. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies Directorate-General for Internal Policies, European Parliament. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/648779/IPOL_STU\(2020\)648779_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/648779/IPOL_STU(2020)648779_EN.pdf) (accessed 23 August 2022).

International Monetary Fund (IMF) (2021a) The Rise of Public and Private Digital Money: A Strategy to Continue Delivering on the IMF's Mandate. Policy Paper No 2021/055. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2021/07/28/The-Rise-of-Public-and-Private-Digital-Money-462919> (accessed 23 August 2022).

International Monetary Fund (IMF) (2021b) Global Financial Stability Report: COVID-19, Crypto, and Climate: Navigating Challenging Transitions. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2021/10/12/global-financial-stability-report-october-2021> (accessed 22 August 2022).

International Monetary Fund (IMF) (2022) Global Financial Stability Report. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR> (accessed 22 August 2022).

International Organization of Securities Commissions (IOSCO) (2019) Issues, Risks and Regulatory Considerations Relating to Crypto-Asset Trading Platforms: Consultation Report CR02/2019. Available at: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD627.pdf> (accessed 22 August 2022).

Joint Financial and Payments Systems Task Team (FITT) (2022) F.18: Recording of Crypto Assets in Macroeconomic Statistics. Global Consultation. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Data/Statistics/BPM/FITT> (accessed 23 August 2022).

Kiselev A. (2019) Est' li budushchee y cifrovix valjut central'nyh bankov [What Is the Future of Central Bank Digital Currencies?]. Analytic Note. Bank of Russia. (in Russian)

- Kochergin D.A. (2017) Mesto i rol' virtual'nyh valjut v sovremennoj platezhnoj sisteme [Place and Role of Virtual Currencies in the Modern Payment System]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 33, no 1, pp. 119–40. (in Russian)
- Kochergin D.A. (2020) Jeconomicheskaja priroda i klassifikatsija steiblkoinov [Economic Nature and Classification of Stablecoins]. *Finance: Theory and Practice*, no 6, pp. 140–60. (in Russian)
- Kochergin D.A. (2021) Sovremennye modeli sistem cifrovyyh valjut central'nyh bankov [Modern Models of Systems of Central Bank Digital Currency]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 37, no 2, pp. 205–40. (in Russian)
- Kochergin D.A., Ivanova A.I. (2022) Steiblkoiny: klassifikatsija, funktsional'nye osobennosti i perspektivy razvitiya [Stablecoins: Classification, Functional Features and Development Prospects]. *Journal of New Economic Association*, no 1. (in Russian)
- Kochergin D.A., Pokrovskaya N.V. (2020) Mezhdunarodnyi opyt nalogooblaghenija kryptoaktivov [International Experience of Taxation of Crypto-Assets]. *HSE Economic Journal*, no 1, pp. 53–84. (in Russian)
- Kulikova K. (2022) Kriptovalyutam raspisali oborot [Cryptocurrency Painted Turnover]. *Kommersant newspaper*, 15 April, no 66. 04/15/2022, p. 7. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5306943> (accessed 28 April 2022). (in Russian)
- Lee M., Martin A. (2020) Bitcoin Is Not a New Type of Money. *Liberty Street Economics*, 18 June. Available at: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2020/06/bitcoin-is-not-a-new-type-of-money/> (accessed 9 May 2022).
- Maas T. (2019) Initial Coin Offerings: When Are Tokens Securities in the EU and US? *SSRN Electronic Journal*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3337514>.
- Malloy M., Lowe D. (2021) Global Stablecoins: Monetary Policy Implementation Considerations From the U.S. Federal Reserve Board. FEDS Discussion Series No 2021-020, Divisions of Research & Statistics and Monetary Affairs Federal Reserve Board, Washington DC. Available at: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2021.020>.
- Manaa M., Chimienti M.T., Adachi M.M., Athanassiou Ph., Balteanu I., Calza A., Devaney C., Diaz Fernandez E., Eser F., Ganoulis I., Laot M., Günther Ph., Poinet R., Sauer S., Schneeberger D., Stracca L., Tapking J., Toolin C., Tyler C., Wacket H. (2019) Crypto-Assets: Implications for Financial Stability, Monetary Policy, and Payments and Market Infrastructures. *ECB Occasional Paper No 223*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3391055> (accessed 01 April 2022).
- Ministry of Finance of the Russian Federation (2022). Proekt Federal'nogo zakona “O cifrovoj valyute” [Draft Federal Law of “On Digital Currency”]. February 17, 2022. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=7722-o_tsifrovoi_valyute (accessed 12 May 2022). (in Russian)
- Moyer L. (2017) Greenspan Compares Bitcoin to Colonial America Currency That Eventually Became Worthless. *CNBC*, 6 December. Available at: <https://finance.yahoo.com/news/greenspan-compares-bitcoin-colonial-america-153230907.html> (accessed 24 August 2022).
- Nabiullina E. (2021) Vestuplenie na plenarnom zasedanii Gosudarstvennoj Dumy, posvyashhennom rassmotreniyu Godovogo otcheta Banka Rossii za 2020 [Speech at the Plenary Meeting of the State Duma Dedicated to the Consideration of the Annual Report of the Bank of Russia for 2020]. 15 June. Available at: <https://cbr.ru/press/event/?id=10947> (accessed 28 April 2022). (in Russian)
- Nakamoto S. (2008) Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. Available at: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (accessed 25 April 2022).
- Office of the Comptroller of the Currency (2021) OCC Chief Counsel's Interpretation on National Bank and Federal Savings Association Authority to Use Independent Node Variation Networks and Stablecoins for Payment Activities. Interpretive Letter 1174, 4 January. Available at: <https://www.occ.gov/news-issuances/news-releases/2021/nr-occ-2021-2a.pdf> (accessed 26 August 2022).
- Official Monetary and Financial Institutions Forum (OMFIF)-IBM (2019) Retail CBDCs: The Next Payments Frontier. Available at: <https://www.omfif.org/ibm19/> (accessed 23 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019) Initial Coin Offerings (ICOs) for SME Financing. Available at: <https://www.oecd.org/finance/initial-coin-offerings-for-sme-financing.htm> (accessed 23 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020) Taxing Virtual Currencies: An Overview of Tax Treatments and Emerging Tax Policy Issues. Available at: <https://www.oecd.org/tax/tax-policy/taxing-virtual-currencies-an-overview-of-tax-treatments-and-emerging-tax-policy-issues.htm> (accessed 23 August 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022a) OECD Secretary-General Tax Report to G20 Finance Ministers and Central Bank Governors. Available at: <https://g20.org/wp-content/uploads/2022/02/OECD-Secretary-General-Tax-Report-to-G20-FMDBG-Indonesia-February-2022.pdf> (accessed 5 May 2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022b) Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard: Public Consultation Document. Available at: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/public-consultation-document-crypto-asset-reporting-framework-and-amendments-to-the-common-reporting-standard.pdf> (accessed 22 August 2022).

Overall J., Adams D. (2019) Stablecoins: A Global Overview of Regulatory Requirements in Asia Pacific, Europe, the UAE and the US. Clifford Chance. Available at: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2019/09/stablecoins-a-global-overview-of-regulatory-requirements-in-asia-pacific-europe-the-uae-and-the-us.pdf> (accessed 23 August 2022).

Patel D., Ganne E. (2021) Accelerating Trade Digitalization to Support MSME Financing. World Trade Organization-Trade Finance Global. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tradedigitaltomsmes_e.pdf (accessed 23 August 2022).

Pozychanyuk V. (2022) Po ocenke Pravitel'stva RF, potencial'nyy ob'yom nalogov, kotorye mozžno sobrat' s rossijskogo kriptirynka mozhet sostavlyat' do 1 trln rub. [Authorities Expect to Collect up to 1 Trillion Rubles in Taxes From the Crypto Market]. *The Bell*, 6 February. Available at: <https://thebell.io/vlasti-rasschityvayut-sobirat-s-kriptorynka-do-1-trln-rublej-nalogov-UJKrO> (accessed 28 April 2022). (in Russian)

President's Working Group on Financial Markets (PWG) (2020) Statement on Key Regulatory and Supervisory Issues Relevant to Certain Stablecoins. 23 December. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/136/PWG-Stablecoin-Statement-12-23-2020-CLEAN.pdf> (accessed 18 February 2022).

Sams R.A. (2015) Note on Cryptocurrency Stabilisation: Seigniorage Shares. Bitmex.com. Available at: <https://blog.bitmex.com/wp-content/uploads/2018/06/A-Note-on-Cryptocurrency-Stabilisation-Seigniorage-Shares.pdf> (accessed 5 May 2022).

Schwarz N., Ke C., Poh K., Kao K., Jackson G., Fernando F., Markevych M. (2021) Virtual Assets and Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism. Some Legal and Practical Considerations. IMF Fintech Note No 2021/002, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2021/10/14/Virtual-Assets-and-Anti-Money-Laundering-and-Combating-the-Financing-of-Terrorism-1-463654> (accessed 23 August 2022).

Securities Act (1933) as Amended Through P.L. 115–174, Enacted 24 May 2018. Available at: <https://sec.report/Form/Securities-Act-of-1933.pdf> (accessed 25 August 2022).

Securities and Futures Act (2001) An Act Relating to the Regulation of Activities and Institutions in the Securities and Derivatives Industry, Including Leveraged Foreign Exchange Trading, of Financial Benchmarks and of Clearing Facilities, and for Matters Connected Therewith. Singapore Government Agency. Available at: <https://sso.agc.gov.sg/Act/SFA2001#pr1> (accessed 25 February 2022).

Securities Exchange Act (1934) as Amended Through P.L. 112–158, Approved 10 August 2012. Available at: <https://www.nyse.com/publicdocs/nyse/regulation/nyse/sea34.pdf> (accessed 25 February 2022).

Sigalos M. (2021) Inside China's Underground Crypto Mining Operation, Where People Are Risking It All to Make Bitcoin. CNBC, 19 December. Available at: <https://www.cnbc.com/2021/12/18/chinas-underground-bitcoin-miners-.html> (accessed 26 August 2022).

Su E. (2021) Digital Assets and SEC Regulation. Congressional Research Service Report R46208. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46208/5> (accessed 23 August 2022).

Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA) (2018) Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings (ICOs). Available at: <https://www.iosco.org/library/ico-statements/Switzerland%20-%20FINMA%20-%20ICO%20Guidelines.pdf> (accessed 22 August 2022).

Tetkin M. (2022) Mishustin ocenil summy v kriptokosheľkax 10 mln rossiyan v 10 trln rub. [Mishustin Estimated the Amount in Crypto Wallets of 10 Million Russians at 10 Trillion Rubles]. *RBC*, 7 April. Available at: <https://www.rbc.ru/crypto/news/624ecfb89a7947bef4183352> (accessed 28 April 2022). (in Russian)

The People's Bank of China (2021) Uvedomlenie o dal'nejshem predotvrashenii i ustranении riska spekulyacij pri operaciyah s virtual'noj valyutoj [Notice of Further Prevention and Elimination of the Risk of Speculation in Transactions With Virtual Currency]. 24 September. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4348521/index.html> (accessed 24 April 2022). (in Chinese)

Vailshery L.S. (2022) Blockchain Technology Development: Leading Territories Worldwide 2018–2023. *Statista*, 21 February. Available at: <https://www.statista.com/statistics/920776/worldwide-blockchain-technology-development-leading-territories/> (accessed 15 February 2022).

Willet J.R. (2015) The Second Bitcoin Whitepaper. Available at: <http://cryptochainuni.com/wp-content/uploads/Mastercoin-2nd-Bitcoin-Whitepaper.pdf> (accessed 25 April 2022).

Working Group on E-CNY Research and Development (2021) Progress of Research & Development of E-CNY in China. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (accessed 23 August 2022).

World Bank Group (WBG) (2018) Cryptocurrencies and Blockchain: Europe and Central Asia Economic Update, Office of the Chief Economist. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29763/9781464812996.pdf> (accessed 22 August 2022).

Оценка влияния налогообложения выбросов CO₂ на российскую отрасль нефтедобычи¹

С.Д. Бурмина, К.В. Нестерова, А.В. Полбин

Бурмина Светлана Дмитриевна — магистрант Института экономики, математики и информационных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82; burmina-sd@ranepa.ru

Нестерова Кристина Владимировна — с.н.с. Центра математического моделирования экономических процессов Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС; Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82; nesterovakv@ranepa.ru

Полбин Андрей Владимирович — к.э.н., директор Центра математического моделирования экономических процессов Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС; Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82; apolbin@ranepa.ru

Аннотация

В статье оценивается влияние гипотетических ограничений на потребление ископаемого топлива, реализуемых за счет введения налога на выбросы CO₂ в мировой экономике в целом и отдельных регионах, на добычу нефти в России, странах ОПЕК и в других нефтедобывающих странах.

В первой части статьи приводится обзор литературы. Рассматриваются актуальные работы, посвященные проблеме налогообложения выбросов в мировой экономике. Анализируются подходы к моделированию такой политики, проблема выбора траектории налоговой ставки, а также основные выводы, последствия и рекомендации для экономической политики стран — экспортеров нефти. Отдельно рассматриваются подходы к моделированию ценообразования на рынке нефти. Отмечается, что важную роль в моделировании нефтяного рынка играет предпосылка об олигополистическом стратегическом взаимодействии нефтеэкспортеров.

На следующем шаге строится модель стратегического взаимодействия стран на нефтяном рынке по модели Курно. Данная модель калибруется в соответствии с данными о параметрах спроса, а также предложения, в том числе издержками производства отдельных стран-экспортеров по данным Rystad. Далее предлагается 12 возможных сценариев налогообложения отрасли вследствие введения налога на выбросы CO₂ в размере 25, 50 и 75 долл. на тонну выбросов. Предполагается, что данный налог конвертируется в налог на покупку нефти пропорционально объему выбросов, которые выделяются при использовании каждого барреля нефти. Для каждого начального значения налоговой ставки налога на выбросы рассматриваются случаи, когда ставка остается неизменной или постоянно растет с темпом 1,5% в год. Далее те же варианты налогообложения рассматриваются в случае их применения только развитыми странами.

В статье показано, что постепенный рост налоговой ставки приводит к ускоренной добыче нефти в краткосрочной перспективе по сравнению со сценариями неизменной во времени ставки налога. Прозначена значимой роль эффекта перелива между рынками в случае введения налога в части стран. Так, при введении налога 50 долл. на тонну выбросов с годовым ростом 1,5% во всем мире пиковая цена на нефть оказывается ниже на 29,6 долл./барр. При введении такого налога только в развитых странах падение цены на нефть в пике по сравнению с базовым сценарием без налогообложения составляет 18,4 долл./барр.

¹ Статья поступила в редакцию 11.04.2022.

на рынке, где ввели налог, и 7,8 долл./барр. на рынке, где не вводили налог. Также указывается, что из-за введения налога среди всех нефтеэкспортеров у России отмечаются одни из крупнейших потерь в выручке.

Ключевые слова: нефть, налог на выбросы, ОПЕК, олигополия, картель, ценообразование

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00126, <https://rscf.ru/project/21-18-00126>

Для цитирования: Бурмина С.Д., Нестерова К.В., Полбин А.В. Оценка влияния налогообложения выбросов CO₂ на российскую отрасль нефтедобычи // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 131–154 (на русском и английском языках). doi:10.17323/19967845-2022-03-05

Введение

В настоящее время на мировом рынке нефти существует множество факторов неопределенности. К таковым относятся риски, связанные с пандемией и, вероятнее всего, временным падением спроса на энергоносители, риски ограничения доступа к западному рынку для России, а также политика снижения долгосрочных выбросов и перехода на зеленую энергию, популярная среди развитых стран, которая, вероятно, в будущем распространится на всю мировую экономику.

Во-первых, в декабре 2015 г. было ратифицировано Парижское соглашение, в котором государства, подписавшие данный международный договор, ставят своей целью удерживать прирост глобальной средней температуры. Для достижения этой цели страны должны стремиться к скорейшему прохождению пика мировой эмиссии парниковых газов. Во-вторых, в 2021 г. ЕС объявил о вводе пограничного углеродного налога на импортируемые в ЕС товары (СВАМ). Налог применяется к товарам, производство которых связано с большим объемом выбросов. К ним относятся цемент, электроэнергия, удобрения, алюминий и т.д. В список не попали нефть и газ, что значительно сокращает потенциальное воздействие на российских производителей. Для смягчения последствий от данного налога принято решение вводить его постепенно в течение нескольких лет, однако возможно расширение списка облагаемых налогом углеродоинтенсивных товаров, в частности включение нефти и нефтепродуктов. В любом случае очевидно, что углеродный налог значительно снизит конкурентоспособность российских товаров на европейском рынке. В-третьих, из-за событий февраля 2022 г. у мирового сообщества, весьма вероятно, возникнут намерения снизить зависимость от углеводородов из-за переоценки в сторону повышения геополитических рисков. Эти намерения могут быть реализованы под эгидой борьбы с глобальным потеплением. Высока вероятность того, что вследствие указанных тенденций произойдет сокращение спроса на нефть в мировой экономике.

Цель настоящей работы заключается в количественной оценке влияния гипотетических ограничений на потребление ископаемого топлива, реализуемых за счет ввода налога на выбросы CO₂ в мировой экономике и отдельных регионах на добычу нефти России, ОПЕК и восьми других крупнейших производителей нефти. Расчеты проводятся на основе модели олигополистической конкуренции Курно для мирового рынка нефти. Предлагаемая в исследовании модель является расширением модели из работы [Pindyck, 1978] в рамках описания функциональных форм деятельности нефтеэкспортеров и модели из работы [Yang, 2008] в рамках описания стратегического взаимодействия игроков по Курно, а также итеративного алгоритма численного решения модели.

В настоящем исследовании моделируется взаимодействие большего числа игроков по сравнению с упомянутыми работами, а также проводится калибровка параметров модели на актуальных статистических данных и результатах эконометрических исследований по нефтяному рынку. В качестве ключевого элемента новизны можно выделить проведенный численно-имитационный анализ и полученные оценки влияния ограничений на потребление нефти в рамках модели олигополии Курно на мировом рынке нефти. Насколько нам известно, ранее подобные расчеты не проводились.

Представленная в статье модель остается достаточно стилизованной, однако, по нашему мнению, проведенные расчеты могут внести вклад в дискуссию о последствиях для российской экономики возможных мер экономической политики мирового сообщества по ограничению потребления ископаемого топлива, а также простимулировать дальнейшие исследования в области разработки более сложных экономико-математических моделей.

Обзор литературы

Современные исследования в области оптимальной экономико-климатической политики приходят к выводу о необходимости введения весомых налогов на выбросы парниковых газов для корректировки возникающих отрицательных экстерналий от сжигания ископаемого топлива и глобального потепления. Например, согласно расчетам на базе классической модели DICE нобелевского лауреата В. Нордхауса [Nordhaus, 2017], оптимальный налог в 2015 г. составлял 31 долл. за тонну CO₂ (в ценах 2010 г.) со средним темпом роста до 2050 г. 3% в год. И данное значение оптимального налога можно назвать весьма умеренным среди встречающихся в литературе оценок. При анализе проблем построения устойчивых коалиций на межстрановом уровне в качестве реалистичного диапазона налоговых ставок на выбросы, встречающихся в литературе, В. Нордхаус рассмотрел сетку 12,5, 25, 50 и 100 долл. за тонну CO₂ [Nordhaus, 2015]. Столь радикальные меры, принятые мировым сообществом для борьбы с глобальным потеплением, могут нанести существенный ущерб России в виде недополученной выручки от экспорта углеводородов.

Одним из исследований, посвященных анализу эффекта введения налога на выбросы в ЕС на российскую экономику, является работа [Paltsev, 2014]. Автор приходит к выводу, что снижение спроса на природный газ, соответствующее планируемому ЕС сокращению выбросов на 80%, приведет к падению экспорта российского газа в ЕС на 75%. Согласно расчетам [Paltsev, Kalinina, 2014], введение растущего налога на выбросы на глобальном рынке в размере 160 долл. за тонну к 2050 г. приведет к сокращению ВВП России на 10–20%. Похожие расчеты [Orlov, Aaheim, 2017] указывают на потери благосостояния россиян в размере 1,8% вследствие глобальной борьбы с выбросами.

В [Makarov, Chen, Paltsev, 2020] также сделан вывод, что следование Парижскому соглашению приведет к значительному сокращению российского экспорта ископаемого топлива, а также товаров энергоемкого производства. В этом сценарии решающую роль в развитии российской экономики будет играть диверсификация производства и инвестиции в зеленую энергию.

Стоит отметить, что при анализе возможных последствий введения налога на энергетическом рынке важную роль играет ценообразование. Поэтому мы уделяем внимание специфике глобального нефтяного рынка в виде наличия стратегического взаимодействия продавцов. Далее мы рассмотрим работы, посвященные проблеме моделирования олигополистического взаимодействия на рынке нефти.

Мировой рынок нефти за время своего существования прошел ряд периодов, в течение которых менялись используемые механизмы ценообразования. На современном этапе волатильность и неустойчивость мировых цен на нефть оказывают влияние на экономики нефтедобывающих стран. Поэтому теоретический и эмпирический анализ механизмов ценообразования на мировом рынке нефти является актуальной задачей для России как одной из главных стран — экспортеров этого ресурса, экономическое положение которой сильно зависит от динамики нефтяных цен.

В литературе, посвященной рассматриваемому вопросу, зарубежные исследователи пытаются понять, какой тип ценообразования имеет место на мировом нефтяном рынке, уделяя особое внимание политике ОПЕК. Экономисты рассматривают эту организацию с разных сторон, используя различные методы для получения результатов: динамические модели, задачи оптимизации с дискретным и непрерывным временем, численные методы и дифференциальные уравнения, а также экономическую теорию (теоретико-игровые подходы Нэша, модели Курно, Штакельберга, ценового лидера, совершенной конкуренции и чистой монополии).

В статье [Alhajji, Huettner, 2000] проверяется гипотеза доминирующего производителя для ОПЕК, стран ядра ОПЕК и Саудовской Аравии, когда производители нефти, не входящие в ОПЕК, рассматриваются как «конкурентное окружение». Они доказывают, что ни ОПЕК, ни ядро ОПЕК не могут рассматриваться в качестве доминирующих производителей. В работе [Böckem, 2004] подтверждается гипотеза о том, что ОПЕК является ценовым лидером, в то время как все страны, не входящие в ОПЕК, должны рассматриваться как ценополучатели. Отмечается, что не стоит воспринимать эту модель как истинную схему механизмов, управляющих рынком нефти: несмотря на то что модель ценового лидерства достаточно хорошо описывает экономические показатели, при учете внутренних процессов принятия решений и реализации стратегий в рамках картеля независимых государств результаты могут оказаться другими. Оценка модели регрессии с системой одновременных уравнений позволила [Almoguera, Douglas, Herrera, 2011] рассмотреть два вопроса: какая рыночная структура лучше характеризует мировой нефтяной рынок в период 1974–2004 гг. и имели ли место в течение этого периода переходы от сговора к некооперативному поведению. Результаты показывают, что в рассматриваемый период поведение ОПЕК лучше всего описывается моделью конкуренции по Курно. Сталкиваясь с конкурентными производителями, не входящими в ОПЕК, и несмотря на периоды сговора, организация не смогла последовательно удерживать цены выше уровня количественной конкуренции. Нулевая гипотеза о том, что переключение политики ОПЕК от сговора к некооперативному поведению отсутствует, отвергается в пользу альтернативы, согласно которой в период 1974–2004 гг. наблюдалось как кооперативное, так и некооперативное поведение. В работе [Young, 1994] представлена структура, в рамках которой совмещены два ключевых аспекта поведения цен: наличие монопольной власти ОПЕК в ценообразовании и важность взаимодействия и инвестиционного поведения его участников. Обнаружено, что хотя ОПЕК не соответствует стандартной теории монополии, в динамике цен явно прослеживается определенная степень монополизма.

Еще одно исследование [Griffin, Xiong, 1997] развивает тему о выгоде различных стратегий, с которыми сталкиваются члены ОПЕК. В статье описана процедура расчета ценовых траекторий и прибыли в случаях конкуренции Курно и максимизации совместной прибыли участников. Обнаружено, что мировые цены на нефть находятся выше цены Курно, но ниже цен в случае максимизации общей прибыли. Это свидетельствует о том, что картель по крайней мере частично добился успеха в достижении более высоких прибылей. Во-вторых, в отличие от несырьевых отраслей с быстро ра-

стущей добычей, наличие краткосрочных ограничений мощности и ресурсной базы в нефтяной промышленности существенно ослабляет стимул участников к мошенничеству. Также показано, что присущая организации необъективная система рыночных квот в пользу мелких производителей ослабляет, но не устраняет их стимул уклониться от сговора.

Особый интерес для анализа рынка нефти представляют численные методы и итеративные алгоритмы, используемые в работах [Yang, 2008; 2013]. В статье [Yang, 2008] исследуется влияние разведки новых месторождений ANWR (Арктический национальный заповедник дикой природы) на стратегическое поведение стран — членов ОПЕК, для чего строится динамическая модель олигополистической конкуренции по Курно. Численное моделирование игры (применение итерационного алгоритма для получения оптимальных траекторий цены и добычи в случае олигополии и в случае сговора ОПЕК) дало следующий результат: несмотря на то, что разведка ANWR может увеличить внутреннюю добычу США, ее масштабы не могут изменить зависимость страны от иностранной нефти, а стратегические решения ОПЕК оказывают гораздо более сильное влияние на рынок нефти США, чем разведка ANWR. В другой более поздней статье [Yang, 2013] исследованы профили добычи нефти в сценарии равновесия по Штакельбергу. После калибровки по реальным данным мирового нефтяного рынка задачи в случае Штакельберга и Курно — Нэша решаются численно для изучения некоторых свойств равновесия по Штакельбергу на рынке исчерпаемых ресурсов. В откалиброванной модели сектора исчерпаемых ресурсов, имитирующей международный рынок нефти, установлена олигополистическая структура рынка, где ОПЕК является лидером по объемам добычи по Штакельбергу, а другие крупные производители являются последователями, которые стратегически взаимодействуют между собой. Результаты применения подхода численного моделирования следующие: по сравнению с равновесием Курно — Нэша лидер Штакельберга сохраняет умеренное преимущество перед последователями. Однако преимущество уменьшается по мере увеличения размеров последователей. Лидер незначительно задерживает свой профиль добычи, а последователи незначительно ускоряют свои профили добычи, пока они функционируют на рынке. В целом различия между равновесиями Курно — Нэша и Штакельберга невелики.

Также есть работы, указывающие на ослабление роли ОПЕК и ее способности оказывать существенное влияние на мировые нефтяные цены, например [Fattouh, 2007], в которой отмечается, что цена ОПЕК не является постоянной и варьируется в зависимости от условий на рынке нефти. В то же время так называемая сланцевая революция в США, увеличение добычи сырой нефти в США, вызванное технологическими достижениями в области гидравлического разрыва пласта и горизонтального бурения, принесла долгосрочные изменения на мировой рынок нефти. Поэтому влияние на мировые нефтяные цены разработки альтернативных источников энергии активно обсуждается в иностранной литературе, например, в работах [Bjørnland, Nordvik, Rohrer, 2019; Balke, Jin, Yücel, 2020; Bencheikroun, van der Meijden, Withagen, 2020; Bornstein, Krusell, Rebelo, 2017]. В работе [Balke, Jin, Yücel, 2020] авторы строят и оценивают динамическую структурную модель мирового рынка нефти, чтобы количественно оценить влияние сланцевой революции, которая моделируется как резкое снижение затрат на добычу сланца, и исследуют, как рост добычи сланца влияет на уровень и волатильность цен на нефть и на добычу обычной нефти. Они обнаружили, что цены на нефть в 2018 г. были бы примерно на 36% выше, если бы не произошла сланцевая революция, и что сланцевая революция подразумевает снижение текущей волатильности цен на нефть примерно на 25% и снижение долгосрочной волатильности

сти более чем на 50%. Авторы отмечают также, что несмотря на резкое увеличение доли рынка сланцевой нефти, рыночная доля ОПЕК в основном не изменилась в этот период. Это означает, что доля сланца в мировой добыче нефти увеличивается в основном за счет других производителей обычной нефти.

В статье [Benchekroun, van der Meijden, Withagen, 2020] сделан вывод, что рыночная власть ОПЕК приводит к неэффективной последовательности разработки месторождений нефти с различным уровнем издержек добычи. На рынке совершенной конкуренции месторождения должны разрабатываться последовательно от месторождения с самыми низкими издержками добычи к месторождению с самыми высокими издержками добычи. Согласно исследованию авторов, наличие рыночной власти ОПЕК обуславливает одновременную добычу более «чистой» традиционной нефти с низкими издержками добычи и более «грязной» сланцевой нефти с высокими издержками добычи. Из-за этой неэффективности авторы отмечают пагубное воздействие на общее благосостояние сланцевой революции США. Разложив последствия несовершенной конкуренции для благосостояния и климата на «эффект сохранения» и «эффект последовательности», авторы показали, что первый из них действительно замедляет изменение климата за счет повышения начальной цены на нефть. С другой стороны, несовершенная конкуренция вызывает чрезмерно высокое предложение «грязной» нетрадиционной нефти, что усугубляет климатические изменения. В их модели несовершенной конкуренции недавняя сланцевая революция не только увеличивает ущерб климату, но снижает благосостояние, поскольку сланцевая нефть вытесняет добываемую с меньшим ущербом для экологии нефть ОПЕК.

Однако, несмотря на отмеченное в работе [Benchekroun, van der Meijden, Withagen, 2020] пагубное воздействие на экологию сланцевой нефти и нефти, производимой не-ОПЕК экспортерами, исследователи [Bornstein, Krusell, Rebelo, 2017] пришли к выводу, что одним из последствий сланцевой революции стало снижение волатильности цен на нефть. Авторы используют набор данных, охватывающий все нефтяные месторождения мира, для оценки стохастической равновесной модели нефтяной промышленности с двумя альтернативными рыночными структурами. В первой все производители – совершенные конкуренты. Во втором случае ОПЕК выступает как картель, а производители, не входящие в ОПЕК, являются конкурентной периферией. При спецификации модели было подтверждено, что спрос на нефть относительно неэластичен по цене, предложение является эластичным в долгосрочной перспективе, поскольку фирмы могут инвестировать в открытие новых нефтяных месторождений, но неэластично в краткосрочной перспективе.

Таким образом, проблема ценообразования на мировых рынках исчерпаемых ресурсов изучается уже давно и хорошо исследована в зарубежных источниках. Однако, несмотря на то, что многие экономические исследования были проведены в отношении ключевого рынка нефти, общепринятого описания этого рынка не существует. В работах проверялись различные гипотезы о том, какова на самом деле структура глобального нефтяного рынка. Особое внимание уделялось внутренней структуре картелей и схеме сотрудничества между их участниками, а также внешним действиям картелей по отношению к конкурентным странам. Посредством использования различных методов и предположений исследователи выявляли оптимальные стратегии ценообразования и разделения добычи и производства между членами картеля.

Россия как государство, имеющее существенную долю производства и экспорта на рынке сырьевых ресурсов, не может не обращать внимания на политику ОПЕК. Тем не менее исследований, посвященных изучению взаимодействия ОПЕК и России, практически нет. Хотя многие экономисты в своих работах подтверждают, что ОПЕК

получает выгоды от картелизации, Россия не спешит присоединяться к картелю. Но формирование устойчивой цены на нефть однозначно является для них общей задачей. По всей видимости, интересы России и ОПЕК существенно различны, и это препятствует их кооперативному поведению.

Описание модели

В общем виде динамика на мировом рынке нефти задается следующими уравнениями:

$$Q_t = \alpha_1 (p_t + \tau(1 + \gamma)^t)^{\beta_1} Q_{t-1}^{\rho_1} g_1^t, \quad (1)$$

$$S_{dirty_t} = \alpha_2 p_t^{\beta_2} g_2^t, \quad (2)$$

$$S_{clean_t} = \alpha_3 (p_t + \tau(1 + \gamma)^t)^{\beta_3} g_3^t, \quad (3)$$

где Q_t — спрос на всю нефть в году t , млрд барр.;

p_t — мировая цена на нефть в году t , долл./барр., которую получает производитель нефти; цена потребления нефти дополнительно в себе содержит налог;

τ — ставка налога на выбросы в первый период времени, долл./барр.;

γ — темп прироста налога на выбросы;

Q_{t-1} — общий спрос на всю нефть в предыдущем году ($t-1$), млрд барр.;

S_{dirty_t}, S_{clean_t} — предложение нефти конкурентным окружением в году t , млрд барр.;

g_1^t, g_2^t и g_3^t — параметры автономного роста спроса и предложения нефти в году t ;

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \rho_1, \rho_2$ — коэффициенты модели.

В данной работе рассматривается конкуренция по Курно среди десяти игроков — экспортеров нефти. Это ОПЕК (Алжир, Ангола, Венесуэла, Габон, Иран, Ирак, Конго, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Нигерия, Саудовская Аравия, Экваториальная Гвинея — все 13 стран приняты за одного игрока) и еще девять самых крупных производителей нефти (по данным агентства ЕИА: Россия, США, Китай, Канада, Бразилия, Мексика, Казахстан, Норвегия и Катар. Под конкурентным окружением понимаются все экспортеры нефти остального мира за исключением десяти указанных выше игроков и включая сланцевую нефть, производимую США, предложение которых описывается уравнением (2), а также биотопливо, производство которого описано уравнением (3). Предполагается, что биотопливо не подвержено налогообложению углеродным налогом, поэтому цена биотоплива для производителя будет равна цене для потребителя: $p_t + \tau(1 + \gamma)^t$.

Цель каждого производителя нефти — максимизировать сумму дисконтированных прибылей. Поэтому задача каждого из экспортеров может быть записана следующим образом (формула (4) при ограничении (5)):

$$\sum_{t=1}^T \frac{1}{(1 + \delta_i)^t} (p_t q_{it} - c_i(r_{it}, q_{it})) \rightarrow \max\{q_{it}, r_{it}\} \quad i = 1, \dots, N, \quad (4)$$

$$\begin{aligned} r_{it} &= r_{i,t-1} - q_{it}, \\ r_{it} &\geq 0 \quad q_{it} \geq 0, \end{aligned} \quad (5)$$

где q_{it} — добыча нефти производителем i в году t , млрд барр.;

p_t — цена на нефть в году t , долл./барр.;

r_{it} — резервы производителя i в году t , млрд барр.;
 $c_i(r_{it}, q_{it})$ — издержки добычи нефти производителя i в году t ;
 δ_i — ставка дисконтирования потока прибылей производителя;
 N — количество стран — производителей нефти;
 T — число периодов.

Отметим, что в своих работах, посвященных анализу взаимодействия игроков на рынке нефти, авторы используют различные функции издержек (например, зависящие от добычи и запасов нефти [Pindyck, 1978] или квадратично зависящие от добычи [Yang, 2008; 2013]). Принципиально здесь то, что функция издержек должна обеспечивать рост предельных издержек с увеличением выпуска. Мы применяем схожую с предложенной в статье [Pindyck, 1978] спецификацию:

$$c_i(r_{it}, q_{it}) = \frac{m_i}{r_{it}} q_{it}, \quad (6)$$

где параметр m_i представляет собой произведение начальных резервов i -го экспортера на его начальные средние издержки производства.

Для численного решения задачи применяется итеративный алгоритм, позволяющий определить оптимальную стратегию выбора объемов производства в олигополии Курно. Решение динамической задачи поиска максимума нелинейной функции с ограничениями дает оптимальные траектории для объемов выпуска, резервов и равновесных цен. Задача состоит в поиске максимума функции (4) при ограничениях (5) с учетом того, что мировое предложение нефти задается уравнением (7):

$$Q_t = q_t^o + S_t = q_{it} + \sum_{j \neq i} \bar{q}_{jt} + S_{dirty_t} + S_{clean_t}, \quad (7)$$

где $\sum_{j \neq i} \bar{q}_{jt}$ — экзогенно заданный объем добычи всех остальных производителей, кроме i .

Суть алгоритма заключается в следующем:

- 1) выписывается функция максимизации дисконтированной прибыли отдельно-го экспортера i ;
- 2) дополнительно вводится экзогенный параметр объемов добычи остальных экспортеров, которые максимизирующий прибыль экспортер считает заданными;
- 3) с учетом ограничений (5), (7) и уравнений динамики мирового рынка нефти (1)–(3) находится максимум функции (4) и оптимальные траектории цены, добычи и резервов для экспортера i ;
- 4) процедура повторяется аналогично для каждого экспортера $i = 1, \dots, N$;
- 5) на каждом шаге уточняется экзогенный параметр на основе рассчитанных оптимальных выпусков экспортеров;
- 6) процедура повторяется до сходимости.

Калибровка параметров модели

Для реализации целей данного исследования необходимо определить параметры модели, описывающей динамику мирового рынка нефти, то есть определить параметры функции спроса на нефть, предложения сланцевой нефти и биотоплива, а также па-

раметры функций издержек всех стран-экспортеров. Существует обширный пласт исследований, в которых были предприняты попытки установить зависимость общего спроса и предложения на нефть от различных факторов. В таких работах рассчитывались эластичности спроса (для отдельных регионов и для всего мира в целом) по цене и доходу. Оценки эластичностей варьируются в достаточно широких диапазонах, в зависимости от используемых исследователями данных и методов.

В исследовании [Cooper, 2003] оценивается модель множественной регрессии для 23 стран (среди них нет участников ОПЕК). Полученные оценки подтверждают, что спрос на сырую нефть в мировом масштабе нечувствителен к изменениям цен. Средняя оценка краткосрочной эластичности по странам составляет $-0,05$, а долгосрочная равна $-0,21$. Как и ожидалось, все долгосрочные эластичности превышают соответствующие краткосрочные значения.

В дополнение к этому исследованию в работе [Narayan, Smyth, 2007] основной вывод из результатов по панельным данным для стран Ближнего Востока состоит в том, что спрос на нефть является немного эластичным по доходу и крайне неэластичным по цене в долгосрочном периоде. Это согласуется с наблюдением, что спрос на нефть на Ближнем Востоке в значительной степени обусловлен быстрым экономическим ростом, в то время как потребители в значительной степени нечувствительны к изменениям цен. Долгосрочная эластичность спроса на нефть по цене для всей панели данных составляет $-0,015$, по доходу — $1,014$, а краткосрочная эластичность по цене незначимо отличается от нуля. В работе [Kilian, 2017] упоминается, что традиционная оценка долгосрочной эластичности спроса на нефть по цене равна $-0,8$.

В статье [Hamilton, 2009] представлен обзор исследований, на основе которых сделан вывод о том, что средняя оценка краткосрочной ценовой эластичности спроса равна $-0,06$. Однако в более поздних исследованиях представлены более высокие оценки: например, в работе [Kilian, Murphy, 2014] авторы получили на основе структурной векторной авторегрессии значение краткосрочной эластичности, равное $-0,26$. Исследователи отметили, что обычные оценки краткосрочной эластичности, представленные в работах типа [Cooper, 2003; Dahl, 1993], не заслуживают доверия, указав на то, что используемые ими методы приводят к смещению оценки эластичности. Они предложили более корректную модель, учитывая в своих расчетах также роль запасов на мировом рынке нефти. К тому же в этой работе используется глобальная модель мирового рынка нефти, а не регрессии по отдельным странам.

Использование в настоящем исследовании оценок, приведенных в вышеуказанных работах ($-0,25$ для краткосрочной и $-0,8$ для долгосрочной эластичности), обосновано, поскольку они совпадают с результатами многих эмпирических исследований, которые, как правило, дают низкие значения эластичности цен спроса на нефть как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Что касается долгосрочной эластичности спроса по доходу, то ее оценка принята равной $0,55$, полученной в работах [Krichene, 2002; Gately, Huntington, 2002]. Оценка краткосрочной эластичности предложения нефти приведена в статье [Bjørnland, Nordvik, Rohrer, 2019]. По результатам оценки регрессии с использованием панельных данных авторы делают вывод о низкой положительной эластичности предложения нефти по цене, полученное значение которой равно $0,71$. Данная эластичность будет использоваться для обоих секторов конкурентного окружения, *Sdirty*, и *Sclean*.

Предположим, что автономный спрос на нефть будет расти в будущем с темпом $1,5\%$ в год, а автономное предложение конкурентного окружения состоит из остальных нефтедобывающих стран, темпы добычи которых падают с темпом 1% в год из-за ис-

тощения природных ресурсов, и биотоплива, предложение которого будет расти с темпом 4% в год в связи с технологическим прогрессом. Значения констант в функции общего спроса и функциях предложения производителей конкурентного окружения были откалиброваны на основе данных по нефтяным ценам и объемам производства нефти всех остальных производителей за исключением рассматриваемых в модели десяти экспортеров и производства биотоплива в базовом году. При этом τ и γ в базовом сценарии равны 0.

Издержки вида (6) калибруются в соответствии с данными по резервам рассматриваемых стран – экспортеров нефти и средним издержкам добычи нефти. Объемы резервов взяты с официального сайта агентства EIA, а данные по издержкам – из отчетов Wall Street Journal (в котором опубликованы результаты расчетов компании Rystad Energy (2016 г.)), а также из отчета саудовской нефтяной компании Saudi Aramco (2019 г.), которая опубликовала рассчитанные данные о полной себестоимости нефти в разных странах с учетом налогов. Данные, по которым Rystad Energy оценивают кривые издержек, включают информацию по 62 920 месторождениям за 1970–2014 гг., полученную из отчетов государственных агентств таких стран, как США и Норвегия, в том числе финансовых и экологических регуляторов, отчетов крупных частных компаний, а также интервью представителей крупнейших нефтяных и транспортных компаний. Такой трудоемкий синтетический подход объясняется тем, что нефтяная отрасль информационно достаточно закрыта как по коммерческим причинам, так и по политическим, в первую очередь в странах Ближнего Востока. Так, например, для закрытых стран, таких как Сирия, движение танкерного транспорта используется для аппроксимации макроданных по производству, а микроданные оцениваются с помощью инженерных моделей. Учитываются инженерные и географические факторы, такие как капитальные издержки на геологоразведочные работы, бурение, поддержание объекта, операционные издержки производства, транспортировки, продажи и администрирования, налоговые издержки и иные платежи государству и лицензирование. Эти данные используются в ряде академических работ, моделирующих мировой рынок нефти [Bornstein, Krusell, Rebelo, 2017; Asker, Collard-Wexler, de Loecker, 2019; Bartik et al., 2019]. Альтернативные оценки были сделаны Всемирным банком в 2011 г. [World Bank, 2011] путем агрегирования всех издержек нефтяной отрасли страны и деления суммы на объем добычи. Несмотря на пятилетний разрыв во времени оценивания, результаты Всемирного банка и Rystad Energy показывают корреляцию 0,84 для выборки из 340 наблюдений.

Использование более новых данных по издержкам для России позволяет учесть существенный рост себестоимости российской нефти, отмеченный также в данных Росстата, например, за 2018–2022 гг. издержки добычи в рублях выросли в 2,6 раза. Для расчета соотношения нефтяных цен различных сортов используются актуальные котировки Brent, корзины ОПЕК, мексиканской, канадской и китайской нефти, Urals, WTI, Lula, CPC и Qatar land.

Ставки дисконтирования потока прибылей для каждого игрока калибруются так, чтобы модель корректно воспроизводила добычу нефти экспортерами в базовом году. Действительно, текущие темпы добычи в некоторых странах очень высоки относительно резервов, что указывает на значительное дисконтирование прибыли. В реальности наблюдаются существенные различия между странами в темпах добычи относительно резервов. Так низкие темпы добычи относительно возможностей в странах Персидского залива объясняются высокой склонностью к сбережению в этих странах и подтверждаются в работе [Hnyilicza, Pindyck, 1976]. Высокие темпы добычи и, соответственно,

нормы дисконта в политически нестабильных странах объясняются, в числе прочего, рисками экспроприации [Mabro, 1987], а в случае государственной собственности на нефтедобычу – острой потребностью государства в деньгах в краткосрочном периоде [Hartley, Medlock, 2008]. Показатели, используемые для калибровки модели, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Опубликованные значения добычи, издержек, соотношения цен и резервов ведущих экспортеров нефти и откалиброванные ставки дисконтирования

Страна	Добыча, млрд барр. в год, 2021 г.	Уровень резервов, млрд барр., 2021 г.	Цена, % от Brent	Издержки, долл. за барр.	Ставка дисконтирования
ОПЕК	11,5	1226,5	98	30	0,045
Россия	3,9	80,0	97	43	0,160
США	2,3	31,0	89	46	0,145
Китай	1,7	26,0	105	57	0,145
Канада	2,0	170,3	66	50	0,148
Бразилия	1,3	12,7	96	52	0,165
Мексика	0,7	5,8	87	47	0,150
Казахстан	0,7	30,0	95	48	0,042
Норвегия	0,7	8,1	100	44	0,080
Катар	0,7	25,2	98	19	0,017

Источник: Составлено авторами на основе данных: фактические добыча и резервы – EAI, издержки – Saudi Aramco и Rystad Energy, цены – котировки oilprice.com от 28.07.2022, дисконты – калибровка авторов.

Численный имитационный анализ

Базовый сценарий олигополии по Курно

Перед рассмотрением влияния налогообложения выбросов на добычу экспортеров и мировую цену на нефть проанализируем результаты базового сценария взаимодействия экспортеров по Курно. На рис. 1 представлены равновесные траектории для этого случая. По оси абсцисс указано количество периодов, начиная с нулевого, за который принят 2022 год. Из рис. 1 видно, что добыча нефти главными экспортерами сокращается с 26,8 млрд барр. до нуля за 95 лет. Так, например, для России добыча снижается с почти 3,8 млрд барр. до нуля за 70 лет.

Для удобства анализа следующих сценариев мы группируем потребление нефти, добываемой этими экспортерами, между развитыми, в основном западными странами – США, ЕС, Канада, Великобритания, Швейцария и Япония (западный рынок), – и остальным миром (восточный рынок). Мы предполагаем, что соотношение потребления на рассматриваемых двух рынках сохранится на текущем уровне, который, по данным EIA, составляет 40 и 60%. Вследствие сокращения предложения основными

экспортерами цена на нефть растет примерно до 2100 г., после чего эффект сжимающегося предложения сглаживается за счет альтернативных источников энергии (*Sclean*). Крупнейшим экспортером нефти на протяжении всего рассматриваемого периода остается ОПЕК, далее следуют Канада (CND), США (US), Китай (CHI), Катар (QAT), и Россия (RUS). Меньшими долями рынка располагают Казахстан (KAZ), Бразилия (BRA), Мексика (MEX) и Норвегия (NOR).

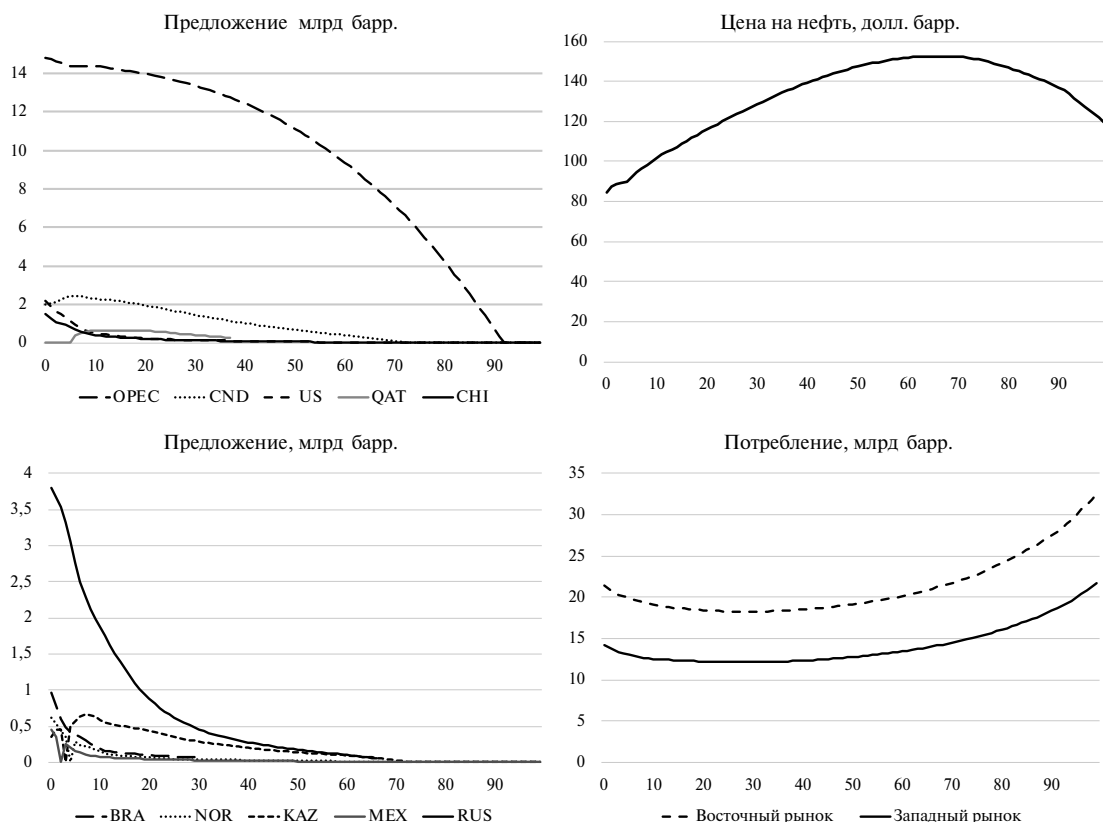

Рис. 1. Равновесные траектории цен и предложения на западном и восточном рынках в базовом сценарии

Источник: Расчеты авторов на основе данных EAI, Rystad, Saudi Aramco.

Сценарий введения налога на выбросы на мировом рынке

Теперь предположим, что все потребители нефти вводят налог на выбросы CO₂ в атмосферу. В качестве основного варианта рассмотрим налог 50 долл. за тонну выбросов. Так как на 1 млн британских тепловых единиц (Btu) приходится 72,6 кг выбросов, а один баррель нефти дает 5,7 млн Btu, потребление одного барреля нефти высвобождает в среднем 0,414 тонн CO₂ в атмосферу. Соответственно, в модели 50-долларовый налог на выбросы эквивалентен налогу в 20,1 долл./барр. Также предположим, что налог растет с темпом 1,5% в год на протяжении всего рассматриваемого периода.

Как можно видеть на рис. 2, это приводит к сокращению объемов добычи основными экспортерами. Поскольку ставка налога постепенно увеличивается, оптимальные траектории добычи более резко подходят к нулевому уровню. Рост цены ограничивается не на 152,6 долл./барр., как в базовом сценарии, а на уровне 123,0 долл./барр. Добыча России резко сокращается с 3,2 млрд барр. до нуля за 60 лет.

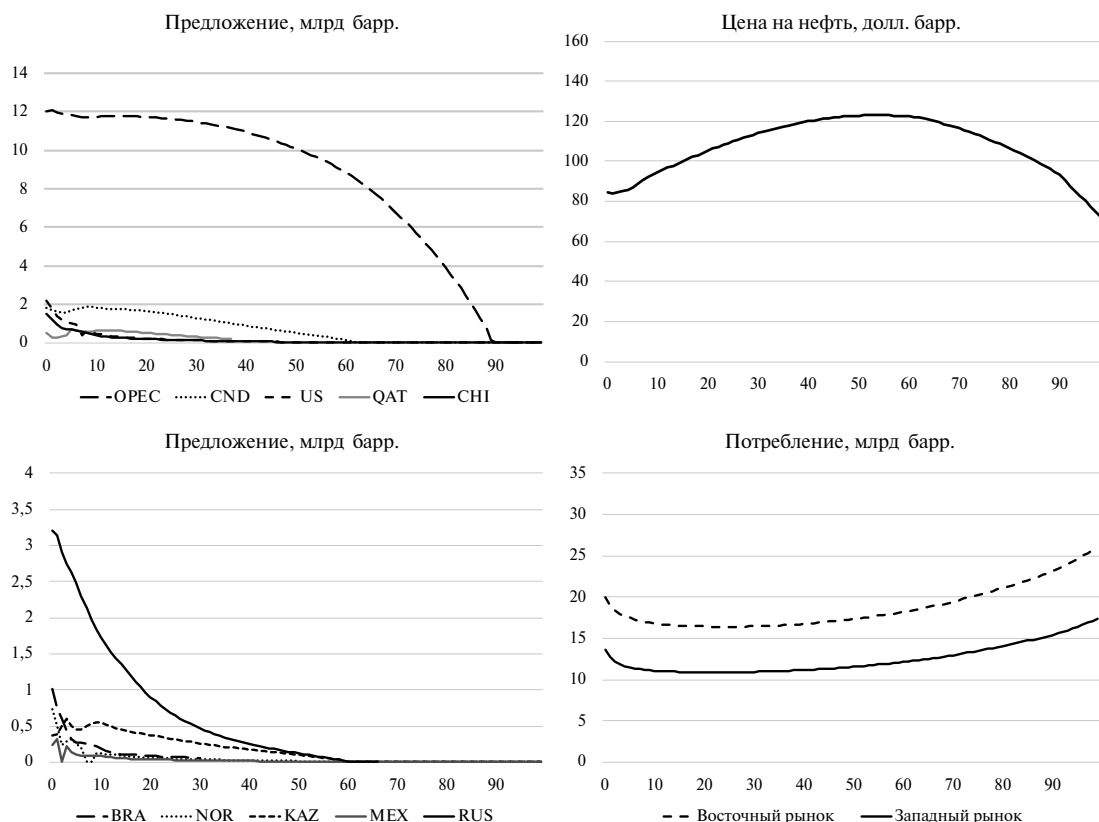

Рис. 2. Равновесные траектории цен и предложения на западном и восточном рынках в сценарии введения налога на выбросы на обоих рынках

Источник: Расчеты авторов на основе данных EAI, Rystad, Saudi Aramco.

Сценарий введения налога на выбросы на западном рынке

Поскольку развитые страны более активны в отношении налогообложения выбросов, рассмотрим сценарий, при котором налог вводится только в части регионов: в США, ЕС, Канаде, Великобритании, Швейцарии и Японии. Также будем считать, что доступ России на данные рынки ограничен. В свете последних событий такой исход представляется возможным в виде непосредственно нефтяного эмбарго. Таким образом, по причине межстрановых различий в экологической и в торговой политике в отношении России, мы различаем в модели два отдельных рынка (западный и восточный) и предполагаем, что российская нефть продается только на восточном рынке.

В этом сценарии при введении аналогичного налога только на западном рынке будет наблюдаться значительное сокращение объема западного рынка. В базовом году он составит 13,1 млрд барр. вместо 14,2 млрд барр. Высвободившаяся нефть будет продаваться на восточном рынке, вследствие чего его объемы в базовом году вырастут по сравнению с базовым сценарием. Поставки нефти из России составят почти 3,7 млрд барр. в базовом году и продлятся 72 года.

Из-за разницы в налогообложении цены на двух рынках будут заметно различаться. Цена на западном рынке заметно снизится по сравнению с базовым сценарием, ее пик составит 134,2 долл./барр. вместо 152,6 долл./барр. в базовом сценарии. Цена на восточном рынке из-за эффекта перелива также снизится, но в меньшей степени — до 144,8 долл./барр в пике. Однако данные уровни цен оказываются выше, чем в случае введения налога на всем мировом рынке нефти.

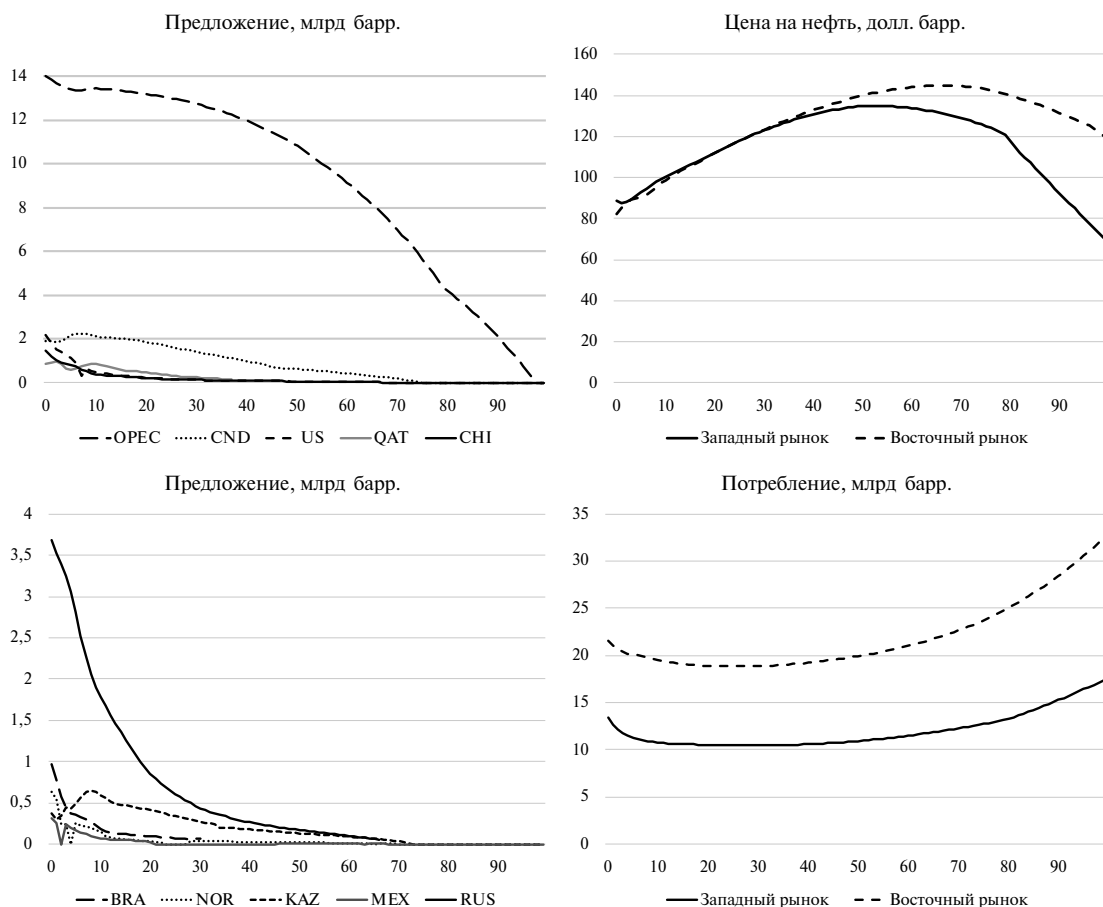

Рис. 3. Равновесные траектории цен и предложения на западном и восточном рынках в сценарии введения налога на выбросы на западном рынке

Источник: Расчеты авторов на основе данных EAI, Rystad, Saudi Aramco.

В табл. 2 и 3 представлены другие варианты налога на выбросы, вводимого на мировом рынке в целом и только на западном рынке соответственно. Цены, мировое по-

ребление нефти, объемы добычи и выручка каждого экспортера приведены в процентах от базового сценария. Объемы и выручка рассчитаны в виде суммы за указанные периоды, а цены — в виде средних значений на данных временных отрезках. В каждой таблице приведено шесть сценариев, предполагающих введение налога на эмиссию в размере 25, 50 или 75 долл. на тонну выбросов CO₂ и ростом ставки 1,5% в год или ее сохранением на постоянном уровне.

Как можно видеть, выявляется монотонная отрицательная зависимость цены на нефть от ставки налога и коэффициента ее роста. Введение увеличивающегося во времени налога стимулирует еще большее ускорение добычи нефти основными экспортерами. Пропорционально ценам и добыче изменяется выручка. Так, например, введение неизменной ставки налога на уровне 50 долл. на тонну России будет стоить от 1,6 до 14,3% выручки на выделенных периодах, а в условиях 1,5% роста налога потери составят от 21,8 до 23,9%. В случае изоляции России от рынков развитых стран и введения ими налога на выбросы потери выручки будут меньше: от 2,8 до 4,0% в случае постоянного налога и от 3,3 до 6,0% для растущего налога. Это следствие эффекта переливов (spillover effect): введение налога на одном рынке вытеснит производителей на другой рынок, где они будут конкурировать с Россией.

Для постоянного налога в размере 25 долл. за тонну выбросов сокращение российской нефтяной выручки составит около 8,7% в ближайшие периоды с дальнейшим снижением. Однако для растущего с темпом 1,5% налога потери России меняются с 9,7 до 3,0%. Если налог вводится только на рынках, от которых Россия изолирована, то потери составляют около 2% на всем горизонте как при растущей, так и при постоянной ставке налога.

Для ставки налога 75 долл. за тонну выбросов недополученная Россией выручка в начальные периоды составляет 20,9% для постоянной ставки и 23,3% — для растущей, и со временем достигнет 3,3 или 10,5% соответственно. В случае введения налога только на западном рынке с учетом нефтяного эмбарго для России значения будут меняться от 3,6 до 6,1% для постоянной ставки налога или от 6,2 до 7,6% — для возрастающей.

Таким образом, при выбранных значениях налога двукратное ускорение ставки приводит к соразмерному сокращению выручки для России, что является одним из наиболее крупных процентных падений среди десяти выделенных экспортеров. Для ОПЕК, например, сокращение оказывается менее значительным.

Заключение

В настоящем исследовании построена модель олигополистической конкуренции по Курно на мировом рынке нефти для крупнейших нефтедобывающих стран — ОПЕК, России, Канады, США, Китая, Катар, Казахстана, Бразилии, Мексики и Норвегии — с параметрами спроса, откалиброванными по данным актуальных исследований, и с учетом данных по издержкам добычи каждого из этих производителей. Мировой рынок нефти достаточно сложный объект для моделирования. На нем взаимодействуют разные типы участников: совершенноконкурентные агенты, крупные олигополисты и национальные монополисты, государственные компании и государственные регуляторы, которые могут управляться менеджерами, преследующими собственные политические цели. Помимо сложной структуры рынка исследователь также неизбежно сталкивается с проблемой ограниченности и закрытости данных по отрасли. Тем не менее предложенная в работе модель нефтяного рынка, на наш взгляд, учитывает

основные факторы и дает достаточно точные количественные оценки. Проведенные расчеты могут внести вклад в дискуссию по данной актуальной теме. В частности, в модели рассматривается возможность ограничения доступа российской нефти на рынки ряда развитых стран.

В данной модели были проанализированы 12 сценариев возможных вариантов налогообложения выбросов CO₂ в результате потребления нефти и их влияние на спрос на нефть. Предполагалось, что начальная ставка налога составит 25, 50 или 75 долл. на тонну выбросов с возможным ростом 1,5% в год. Разделяются случаи введения налога во всем мире и только в его части: в США, ЕС, Канаде, Великобритании, Швейцарии и Японии. Также учитывается ограничение доступа на эти рынки для России.

Главные результаты данного исследования можно сформулировать следующим образом. Выявлена монотонная отрицательная зависимость между ставкой налога на выбросы, а также темпом его роста и ценами на нефть как в случае введения налога во всем мире, так и в случае введения налога некоторыми странами. Например, для России недополученная нефтяная выручка вследствие введения неизменной ставки налога 50 долл. за тонну выбросов составит от 1,6 до 14,3% на выделенных периодах, а в случае роста ставки налога на 1,5% в год потери составят значительно больше: от 21,8 до 23,9%.

При этом такая зависимость прослеживается и на рынке, где отсутствует налогообложение выбросов CO₂. В случае введения такого налога развивающимися странами, не покупающими российскую нефть, Россия также столкнется с потерями выручки. Они составят от 2,8 до 4,0% и от 3,3 до 6,0% для постоянного и растущего налогов соответственно. Таким образом, на мировом рынке нефти выявляются сильные эффекты перелива между локальными рынками в случае введения налога в части стран, которые передаются через нефтяные цены. Так, при введении налога 50 долл. на тонну выбросов с годовым ростом 1,5% во всем мире пиковая цена на нефть оказывается ниже на 29,6 долл./барр. При введении такого налога только в развитых странах падение цены на нефть в пике по сравнению с базовым сценарием без налогообложения составляет 18,4 долл./барр. на рынке, где ввели налог, и 7,8 долл./барр. на рынке, где не вводили налог.

Также в настоящем исследовании показано, что в краткосрочном периоде при растущем налоге добыча оказывается выше, чем при неизменной налоговой ставке, поскольку игроки, ожидая более высоких налогов и, соответственно, снижающейся рентабельности в будущем, увеличивают добычу в текущие периоды — мировое потребление нефти в более поздних периодах (2030—2040 гг.) падает сильнее всего. При этом именно на 2030—2040-е годы приходится снижение добычи топлива в базовом сценарии. Таким образом, при растущем налоге на выбросы профиль добычи нефти становится более неравномерным.

Согласно результатам расчетов модели, из-за введения налога на выбросы Россия испытывает одно из наиболее значительных сокращений нефтяной выручки по сравнению с остальными нефтедобывающими странами, что указывает на относительно высокие риски сокращения спроса на нефть для России.

Таблица 2. Цена на нефть, добыча и выручка основных экспортеров нефти при введении налога на выбросы во всем мире (в процентном отклонении от базового сценария)

Сценарии	Цена	Потреб- ление	Объемы добычи										Выручка									
			OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT
25–0%																						
2023–2030	–2,3	–5,4	–10,3	–6,6	–2,5	–2,8	–10,8	–2,6	–16,0	12,5	1,0	90,2	–11,8	–8,7	–4,2	–5,1	–12,7	–5,2	–19,1	9,7	0,2	85,6
2031–2040	–3,0	–5,5	–8,5	–0,7	–3,9	–5,9	–8,9	–5,5	–22,3	–10,8	–10,6	–5,2	–11,3	–3,4	–6,8	–8,7	–11,6	–8,5	–24,2	–13,6	–13,5	–8,3
2041–2050	–3,9	–4,0	–6,3	3,5	–1,8	–2,4	–4,0	–3,5	–6,0	–6,4	–2,7	–11,2	–9,8	–0,5	–5,6	–6,2	–7,7	–7,2	–9,6	–10,0	–6,3	–14,7
25–1,5%			OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT
2023–2030	–2,9	–5,3	–9,8	–7,1	–3,0	–3,4	–12,7	–3,4	–16,9	13,9	0,6	113,1	–11,9	–9,7	–5,3	–6,3	–15,1	–6,5	–20,5	10,4	–0,9	105,9
2031–2040	–3,8	–6,2	–9,2	–2,0	–5,1	–7,2	–11,0	–6,6	–23,5	–10,2	–8,6	–0,8	–12,7	–5,4	–8,6	–10,7	–14,4	–10,3	–26,0	–13,8	–12,3	–5,0
2041–2050	–5,2	–5,5	–8,0	2,2	–3,8	–4,3	–6,6	–5,8	–8,3	–7,1	–4,3	–13,0	–12,7	–3,0	–8,7	–9,2	–11,4	–10,6	–12,9	–11,9	–9,0	–17,5
50–0%			OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT
2023–2030	–3,1	–10,3	–18,2	–11,9	–6,2	–7,9	–21,5	–7,8	–5,8	8,3	–1,9	143,0	–20,8	–14,3	–8,7	–10,6	–24,2	–10,7	–8,8	3,2	–5,3	126,1
2031–2040	–6,2	–10,3	–16,4	–3,2	–5,6	–6,5	–16,1	–4,6	–1,5	–11,4	–7,3	–7,9	–21,5	–9,1	–11,4	–12,3	–21,2	–10,5	–7,7	–16,7	–12,7	–13,6
2041–2050	–7,5	–7,8	–12,3	6,3	–2,9	–4,2	–9,0	–6,3	–7,6	–10,6	–4,3	–17,9	–18,8	–1,6	–10,1	–11,3	–15,8	–13,1	–14,3	–17,2	–11,2	–24,0
50–1,5%			OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT
2023–2030	–4,4	–10,6	–18,2	–13,5	–7,5	–9,4	–24,9	–9,0	–7,6	11,7	–0,9	194,9	–21,8	–17,0	–11,1	–13,1	–28,4	–12,5	–10,9	5,6	–5,1	170,7
2031–2040	–7,6	–11,6	–17,7	–4,8	–6,9	–8,6	–20,2	–7,2	–4,4	–11,1	–12,8	–4,6	–23,9	–11,8	–13,8	–15,5	–26,1	–14,1	–11,6	–17,7	–18,8	–11,9
2041–2050	–9,8	–10,5	–15,6	3,9	–6,5	–8,2	–14,4	–10,3	–12,1	–11,8	–6,4	–20,8	–23,8	–6,2	–15,6	–17,1	–22,7	–18,9	–20,5	–20,3	–15,3	–28,5
75–0%			OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT
2023–2030	–4,6	–14,4	–25,4	–17,4	–9,5	–11,8	–30,2	–10,5	–8,3	13,3	–2,1	202,6	–28,9	–20,9	–13,3	–15,6	–33,7	–14,5	–12,3	6,2	–6,8	176,3
2031–2040	–9,0	–14,8	–23,3	–5,2	–7,0	–9,2	–24,1	–9,0	–6,7	–18,0	–13,8	–12,5	–30,0	–13,5	–15,3	–17,3	–30,8	–16,9	–15,0	–25,1	–20,9	–20,3
2041–2050	–10,9	–11,5	–18,0	8,4	–4,9	–7,4	–14,5	–9,7	–12,1	–15,2	–7,3	–24,4	–26,9	–3,3	–15,1	–17,2	–23,6	–19,2	–21,3	–24,2	–16,9	–32,6

Сценарии	Цена	Потреб- ление	Объемы добычи											Выручка										
			OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT		
75—1,5%																								
2023—2030	−5,9	−14,5	−24,8	−18,8	−11,0	−13,7	−34,2	−12,4	−10,3	17,9	−2,9	260,7	−29,2	−23,3	−15,7	−18,5	−38,4	−17,4	−15,3	9,0	−8,7	224,6		
2031—2040	−10,9	−16,6	−25,3	−8,2	−9,4	−11,9	−29,4	−11,7	−9,2	−16,8	−14,8	−6,3	−33,3	−18,0	−19,1	−21,4	−36,9	−20,9	−18,9	−25,5	−23,4	−16,6		
2041—2050	−13,9	−15,4	−22,8	3,7	−11,5	−14,3	−22,7	−17,8	−19,9	−17,3	−11,9	−28,6	−33,5	−10,5	−23,6	−26,0	−33,3	−28,9	−30,7	−28,6	−23,7	−38,4		

Таблица 3. Цена на нефть, добыча и выручка основных экспортеров нефти при введении налога на выбросы на западном рынке (в процентном отклонении от базового сценария)²

Сценарии	Цены		Потреб- ление	Объем добычи												Выручка											
	E	W		OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT				
25–0%																											
2023–2030	0,1	–1,4	–1,9	–4,3	–1,0	–1,6	–1,6	–4,9	0,4	–3,7	10,0	4,2	49,8	–5,1	–2,4	–2,7	–3,3	–6,0	–1,2	–5,6	9,4	–4,2	0,8				
2031–2040	–1,3	–1,1	–2,2	–3,0	–0,9	0,2	–1,0	–3,2	–6,1	–40,8	–7,8	–13,5	–4,3	–4,2	–1,9	–0,7	–2,0	–4,4	–7,6	–40,3	–9,0	159,7	–2,0				
2041–2050	–1,6	–1,5	–1,5	–9,0	–0,4	–0,7	–0,8	–1,0	–1,0	–6,0	–2,5	2,5	–5,5	–3,8	–1,9	–2,2	–2,4	–2,5	–2,6	–7,5	–3,9	–	63,0				
25–1,5%	E	W		OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT				
2023–2030	–0,2	–1,6	–1,9	–4,0	–1,1	–1,8	–1,8	–5,5	0,3	–3,8	10,9	4,2	57,2	–5,1	–2,8	–3,1	–3,7	–6,9	–1,6	–5,9	10,0	–5,1	1,8				
2031–2040	–1,6	–1,4	–2,4	–3,2	–1,3	–0,4	–1,7	–4,1	–6,8	–41,5	–7,9	–12,5	–2,2	–4,7	–2,5	–1,5	–2,9	–5,5	–8,4	–41,2	–9,4	171,8	–1,5				
2041–2050	–2,1	–1,9	–2,1	–11,9	–0,9	–1,4	–1,5	–2,0	–1,9	–7,1	–2,9	1,6	–6,3	–4,9	–2,8	–3,4	–3,5	–3,9	–4,0	–8,9	–4,9	–	67,2				
50–0%	E	W		OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT				
2023–2030	–1,1	–1,6	–3,8	–6,9	–1,3	–2,3	–2,9	–8,9	–10,2	–6,4	–2,8	–5,0	11,9	–8,4	–2,8	–3,5	–4,1	–10,3	–11,4	–7,6	–4,5	–6,1	8,0				
2031–2040	–2,4	–2,3	–3,8	–5,9	–2,5	–2,6	–3,2	–6,1	–9,6	–35,0	–2,8	–9,4	–3,0	–8,2	–4,8	–4,9	–5,6	–8,3	–12,0	–35,7	–5,2	–12,0	–5,2				
2041–2050	–3,1	–2,8	–2,8	–16,8	–1,2	–0,3	–0,7	–2,6	–0,9	–14,6	–3,0	–5,3	–6,1	–7,2	–4,0	–3,3	–3,7	–5,5	–3,9	17,0	–5,9	–7,9	–8,9				

² W и E соответствуют ценам на западном и восточном рынках.

Сценарии	Цены		Потреб- ление	Объем добычи												Выручка											
	E	W		OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT				
50–1,5%																											
2023–2030	–1,6	–1,9	–3,8	–6,6	–1,6	–2,6	–3,4	–10,2	–3,9	–0,8	0,5	–1,9	50,7	–8,4	–3,3	–4,0	–4,7	–11,9	–5,3	–1,9	–5,2	0,7					
2031–2040	–2,8	–3,0	–4,2	–6,3	–3,1	–3,4	–4,1	–7,4	–1,9	–10,0	–2,5	–8,1	2,6	–9,1	–6,0	–6,2	–7,0	–10,2	–5,0	–12,6	–5,5	210,3	–1,9				
2041–2050	–4,0	–3,6	–3,8	–21,7	–1,9	–1,5	–1,8	–4,3	–2,6	–19,1	–4,0	–8,5	–7,7	–9,0	–5,4	–5,3	–5,6	–7,9	–6,5	–22,1	–7,7	–	69,9				
75–0%	E	W		OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT				
2023–2030	–2,0	–2,3	–5,3	–9,5	–1,6	–2,7	–3,3	–11,9	–4,3	–0,6	–1,3	–3,2	43,6	–11,6	–3,6	–4,4	–4,9	–13,9	–5,9	–1,7	–4,0	–6,3	1,7				
2031–2040	–3,2	–3,3	–5,3	–7,9	–4,5	–6,7	–10,0	–10,7	–8,3	–45,9	–5,4	–19,2	2,9	–10,9	–7,5	–9,7	–13,2	–13,7	–12,1	–48,4	–8,9	218,8	–2,0				
2041–2050	–4,6	–4,2	–4,0	–23,6	–1,8	2,7	4,7	–2,9	7,1	–12,0	–2,9	5,9	–10,1	–10,3	–6,1	–2,4	–0,8	–7,3	1,3	–17,0	–7,1	–	70,2				
75–1,5%	E	W		OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT	OPEC	RUS	US	CHI	CND	BRA	MEX	KAZ	NOR	QAT				
2023–2030	–1,4	–2,9	–5,0	–8,6	–3,5	–4,1	–4,7	–12,9	–4,0	–9,7	4,5	–2,4	77,8	–11,0	–6,2	–6,1	–6,7	–15,1	–5,8	–10,6	1,8	–7,4	2,6				
2031–2040	–4,0	–3,9	–5,5	–8,2	–2,5	–2,9	–4,9	–10,5	–6,0	–37,1	–6,9	–12,5	–0,1	–11,9	–6,3	–6,7	–8,7	–14,1	–9,9	–39,8	–10,7	224,0	–2,7				
2041–2050	–5,4	–4,8	–5,0	–28,2	–2,9	–2,8	–3,3	–5,9	–3,8	–53,8	–5,8	–12,4	–11,1	–11,8	–7,6	–7,7	–8,2	–10,6	–8,8	–55,2	–10,5	–	67,3				

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Alhajji A.F., Huettner D. (2000) OPEC and World Crude Oil Markets From 1973 to 1994: Cartel, Oligopoly, or Competitive? // *The Energy Journal*. Vol. 21. No. 3. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2307/41322890> (дата обращения: 01.04.2022).
- Almoguera P.A., Douglas C.C., Herrera A.M. (2011) Testing for the Cartel in OPEC: Non-Cooperative Collusion or Just Non-Cooperative? // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 27. No 1. P. 144–68. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/oxrep/grr007> (дата обращения: 01.04.2022).
- Asker J., Collard-Wexler A., de Loecker J. (2019) (Mis)Allocation, Market Power, and Global Oil Extraction // *American Economic Review*. Vol. 109. No. 4. P. 1568–1615. Режим доступа: <http://doi.org/10.1257/aer.20171438> (дата обращения: 01.04.2022).
- Balke N.S., Jin X., Yücel M. (2020) The Shale Revolution and the Dynamics of the Oil Market. Working Paper 2021. Federal Reserve Bank of Dallas. Режим доступа: <https://www.dallasfed.org/-/media/documents/research/papers/2020/wp2021.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
- Bartik A.W., Currie J., Greenstone M., Knittel C.R. (2019) The Local Economic and Welfare Consequences of Hydraulic Fracturing // *American Economic Journal: Applied Economics*. Vol. 11. No. 4. P. 105–155. Режим доступа: <http://doi.org/10.1257/app.20170487> (дата обращения: 01.04.2022).
- Bencheikroun H., van der Meijden G., Withagen C. (2020) OPEC, Unconventional Oil and Climate Change: On the Importance of the Order of Extraction // *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 104. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2020.102384> (дата обращения: 01.04.2022).
- Bjørnland H.C., Nordvik F.M., Rohrer M. (2019) Supply Flexibility in the Shale Patch: Evidence From North Dakota // *Journal of Applied Econometrics*. Vol. 3. No. 2. P. 1–20. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1002/jae.2808> (дата обращения: 01.04.2022).
- Böckem S. (2004) Cartel Formation and Oligopoly Structure: A New Assessment of the Crude Oil Market// *Applied Economics*. Vol. 36. No. 12. P. 1355–69. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/0003684042000191093B> (дата обращения: 01.04.2022).
- Bornstein G., Krusell P., Rebelo S. (2017) Lags, Costs, and Shocks: An Equilibrium Model of the Oil Industry. NBER Working Paper No. 23423. National Bureau of Economic Research. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23423/revisions/w23423.rev1.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
- Cooper J.C.B. (2003) Price Elasticity of Demand for Crude Oil: Estimates for 23 Countries // *OPEC Review*. Vol. 27. No. 1. P. 1–8. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1468-0076.00121> (дата обращения: 01.04.2022).
- Dahl C. (1993) A Survey of Oil Demand Elasticities for Developing Countries // *OPEC Review*. Vol. 17. No. 4. P. 399–420. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0076.1993.tb00484.x> (дата обращения: 01.04.2022).
- Fattouh B. (2007) OPEC Pricing Power: The Need for a New Perspective. WPM 31, Oxford Institute for Energy Studies. Режим доступа: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/WPM31-OPEC Pricing Power The Need For A New Perspective-Bassam Fattouh-2007.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
- Gately D., Huntington H.G. (2002) The Asymmetric Effects of Changes in Price and Income on Energy and Oil Demand // *The Energy Journal*. Vol. 23. No. 1. P. 19–56. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2307/41322942> (дата обращения: 01.04.2022).
- Griffin J.M., Xiong W. (1997) The Incentive to Cheat: An Empirical Analysis of OPEC // *The Journal of Law and Economics*. Vol. 40. No. 2. P. 289–316. Режим доступа: <https://doi.org/10.1086/467374> (дата обращения: 01.04.2022).
- Hamilton J.D. (2009) Causes and Consequences of the Oil Shock of 2007–08. NBER Working Paper No. 15002. National Bureau of Economic Research. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w15002/w15002.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

- Hartley P.R., Medlock III K.B., Rosthal J.E. (2008) The relationship of natural gas to oil prices // *The Energy Journal*. Vol. 29. No. 3. Режим доступа: <https://doi.org/10.5547/ISSN0195-6574-EJ-Vol29-No3-3> (дата обращения: 01.04.2022).
- Hnyilicza E., Pindyck R.S. (1976) Pricing Policies for a Two-Part Exhaustible Resource Cartel: The Case of OPEC // *European Economic Review*. Vol. 8. No. 2. P. 139–154. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(76\)90009-X](https://doi.org/10.1016/0014-2921(76)90009-X) (дата обращения: 01.04.2022).
- Kilian L. (2017) The Impact of the Fracking Boom on Arab Oil Producers // *The Energy Journal*. Vol. 38. No. 6. P. 137–160. Режим доступа: <https://doi.org/10.5547/01956574.38.6.lkil> (дата обращения: 01.04.2022).
- Kilian L., Murphy D.P. (2014) The Role of Inventories and Speculative Trading in the Global Market for Crude Oil // *Journal of Applied Econometrics*. Vol. 29. No. 3. P. 454–78. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/jae.2322> (дата обращения: 01.04.2022).
- Krichene N. (2002) World Crude Oil and Natural Gas: A Demand and Supply Model // *Energy Economics*. Vol. 24. No. 6. P. 557–576.
- Mabro R. (1986) OPEC and the World Oil Market: The Genesis of the 1986 Oil Price Crisis.
- Makarov I., Chen H., Paltsev S. (2020) Impacts of Climate Change Policies Worldwide on the Russian Economy // *Climate Policy*. Vol. 20. No. 10. P. 1242–1256. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1781047> (дата обращения: 01.04.2022).
- Narayan P.K., Smyth R. (2007) A Panel Cointegration Analysis of the Demand for Oil in the Middle East // *Energy Policy*. Vol. 35. No. 12. P. 6258–6265.
- Nordhaus W.D. (2015) Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy // *American Economic Review*. Vol. 105. No. 4. P. 1339–1370. Режим доступа: <http://doi.org/10.1257/aer.15000001>.
- Nordhaus W.D. (2017) Revisiting the social cost of carbon // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 114. No. 7. P. 1518–1523.
- Orlov A., Aaheim A. (2017) Economy-Wide Effects of International and Russia's Climate Policies // *Energy Economics*. Vol. 68. P. 466–477. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.eneco.2017.09.019>.
- Paltsev S. (2014) Scenarios for Russia's Natural Gas Exports to 2050 // *Energy Economics*. Vol. 42. P. 262–270. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2014.01.005>.
- Paltsev S., Kalinina E. (2014) GHG Emissions Projection: Russia in a Global System // *Costs and Benefits of Low-Carbon Economy and Society Transformation in Russia* / I. Bashmakov (ed.). Moscow: Center for Energy Efficiency. P. 153–169. Режим доступа: <http://www.cenef.ru/file/CB-LCE-2014-eng.pdf> (дата обращения: 18.08.2022).
- Pindyck R.S. (1978) The Optimal Exploration and Production of Nonrenewable Resources // *Journal of Political Economy*. Vol. 86. No. 5. P. 841–861. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1828412> (дата обращения: 18.08.2022).
- World Bank (2011) *The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium*. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10986/2252> (дата обращения: 18.08.2022).
- Yang Z. (2008) How Does ANWR Exploration Affect OPEC Behavior? A Simulation Study of an Open-Loop Cournot-Nash Game // *Energy Economics*. Vol. 30. No. 2. P. 321–332. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2006.12.002> (дата обращения: 18.08.2022).
- Yang Z. (2013) Is the Leading Role Desirable? A Simulation Analysis of the Stackelberg Behavior in World Petroleum Market // *Computational Economics*. Vol. 42. No. 1. P. 133–150. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10614-012-9335-x> (дата обращения: 18.08.2022).
- Young D.P.T. (1994) The Nature of OPEC and Oil Price Changes // *Energy Economics*. Vol. 16. No. 2. P. 107–114. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/0140-9883\(94\)90004-3](https://doi.org/10.1016/0140-9883(94)90004-3) (дата обращения: 18.08.2022).

Estimating the Effect of Taxing CO2 Emissions on Russian Oil Industry¹

S. Burmina, K. Nesterova, A. Polbin

Svetlana Burmina — Master's Student of the Institute of Economics, Mathematics and Information Technologies, RANEPa; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; burmina-sd@ranepa.ru

Kristina Nesterova — Senior Researcher, Center for Mathematical Modeling of Economic Processes, IPEI RANEPa; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; nesterovakv@ranepa.ru

Andrey Polbin — PhD (Candidate of Science) in Economics, Director of the Center for Mathematical Modeling of Economic Processes, IPEI RANEPa; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; apolbin@ranepa.ru

Abstract

The impact of hypothetical restrictions on fossil fuel consumption, implemented through the introduction of a tax on CO2 emissions in the global economy and certain regions, on oil production by Russia, OPEC, and eight other major oil producers is assessed in this article.

The first part of this study reviews the current literature on taxation of emissions in the global economy. Approaches to modelling such a policy and the problem of choosing the trajectory of the tax rate are analyzed, as are the main conclusions, consequences, and recommendations for the economic policy of oil exporting countries. Approaches to modelling pricing in the oil market are considered separately. The analysis shows that the premise of oligopolistic strategic interaction of oil exporters plays an important role in modelling the oil market.

Subsequently, a model of strategic interaction between countries in the oil market is built according to the Cournot model. This model is calibrated using data on the parameter of demand as well as supply, including the production costs of individual exporting countries according to Rystad. Twelve scenarios for taxation of the industry through the introduction of a tax on CO2 emissions in the amount of \$25, \$50 and \$75 dollars per ton of emissions are built. It is assumed that this tax is converted into a tax on the purchase of oil in proportion to the amount of emissions that are emitted when using each barrel of oil. For each initial value of the tax rate of the tax on emissions, cases are considered when the rate remains unchanged or increases at a constant rate of 1.5% per year. Further, the same options for taxation when applied only by developed countries are also considered.

The analysis in this article shows that a gradual increase in the tax rate leads to accelerated oil production. It also reveals the significant role of the spillover effect between markets in the case of the introduction of a tax only in some countries. Thus, with the introduction of a tax of \$50 per ton of emissions with an annual growth of 1.5% worldwide, the peak oil price is lower by \$29.6 per barrel. With the introduction of such a tax only in developed countries, the fall in oil prices at its peak compared to the baseline scenario without taxation is \$18.4 per barrel in the market where a tax was introduced, and \$7.8 per barrel in a market that did not impose a tax. It is also indicated that, due to the introduction of the tax, Russia has one of the largest losses in revenue among all oil exporters.

Keywords: oil, emissions tax, OPEC, oligopoly, cartel, pricing

Acknowledgments: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00126, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00126>

For citation: Burmina S., Polbin A., Nesterova K. (2022) Estimating the Effect of Taxing CO2 Emissions on Russian Oil Industry. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 131–154 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-05

¹ This article was submitted 11.04.2022.

References

- Alhajji A.F., Huettner D. (2000) OPEC and World Crude Oil Markets From 1973 to 1994: Cartel, Oligopoly, or Competitive? *The Energy Journal*, vol. 21, no 3. Available at: <http://dx.doi.org/10.2307/41322890> (accessed 1 April 2022).
- Almoguera P.A., Douglas C.C., Herrera A.M. (2011) Testing for the Cartel in OPEC: Non-Cooperative Collusion or Just Non-Cooperative? *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 27, no 1, pp. 144–68. Available at: <https://doi.org/10.1093/oxrep/grr007> (accessed 1 April 2022).
- Asker J., Collard-Wexler A., de Loecker J. (2019) (Mis)Allocation, Market Power, and Global Oil Extraction. *American Economic Review*, vol. 109, no 4, pp. 1568–1615. Available at: <http://doi.org/10.1257/aer.20171438> (accessed 1 April 2022).
- Balke N.S., Jin X., Yücel M. (2020) The Shale Revolution and the Dynamics of the Oil Market. Working Paper 2021. Federal Reserve Bank of Dallas. Available at: <https://www.dallasfed.org/-/media/documents/research/papers/2020/wp2021.pdf> (accessed 1 April 2022).
- Bartik A.W., Currie J., Greenstone M., Knittel C.R. (2019) The Local Economic and Welfare Consequences of Hydraulic Fracturing. *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 11, no 4, pp. 105–55. Available at: <http://doi.org/10.1257/app.20170487> (accessed 1 April 2022).
- Bencheikroun H., van der Meijden G., Withagen C. (2020) OPEC, Unconventional Oil and Climate Change: On the Importance of the Order of Extraction. *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 104. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2020.102384> (accessed 1 April 2022).
- Bjørnland H.C., Nordvik F.M., Rohrer M. (2019) Supply Flexibility in the Shale Patch: Evidence From North Dakota. *Journal of Applied Econometrics*, vol. 3, no 2, pp. 1–20. Available at: <http://dx.doi.org/10.1002/jae.2808> (accessed 1 April 2022).
- Böckem S. (2004) Cartel Formation and Oligopoly Structure: A New Assessment of the Crude Oil Market. *Applied Economics*, vol. 36, no 12, pp. 1355–69. Available at: <https://doi.org/10.1080/0003684042000191093B> (accessed 1 April 2022).
- Bornstein G., Krusell P., Rebelo S. (2017) Lags, Costs, and Shocks: An Equilibrium Model of the Oil Industry. NBER Working Paper No 23423, National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23423/revisions/w23423.rev1.pdf (accessed 1 April 2022).
- Cooper J.C.B. (2003) Price Elasticity of Demand for Crude Oil: Estimates for 23 Countries. *OPEC Review*, vol. 27, no 1, pp. 1–8. Available at: <https://doi.org/10.1111/1468-0076.00121> (accessed 1 April 2022).
- Dahl C. (1993) A Survey of Oil Demand Elasticities for Developing Countries. *OPEC Review*, vol. 17, no 4, pp. 399–420. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0076.1993.tb00484.x> (accessed 1 April 2022).
- Fattouh B. (2007) OPEC Pricing Power: The Need for a New Perspective. WPM 31, Oxford Institute for Energy Studies. Available at: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/WPM31-OPECPricingPowerTheNeedForANewPerspective-BassamFattouh-2007.pdf> (accessed 1 April 2022).
- Gately D., Huntington H.G. (2002) The Asymmetric Effects of Changes in Price and Income on Energy and Oil Demand. *The Energy Journal*, vol. 23, no 1, pp. 19–56. Available at: <http://dx.doi.org/10.2307/41322942> (accessed 1 April 2022).
- Griffin J.M., Xiong W. (1997) The Incentive to Cheat: An Empirical Analysis of OPEC. *The Journal of Law and Economics*, vol. 40, no 2, pp. 289–316. Available at: <https://doi.org/10.1086/467374> (accessed 1 April 2022).
- Hamilton J.D. (2009) Causes and Consequences of the Oil Shock of 2007–08. NBER Working Paper No 15002. National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w15002/w15002.pdf (accessed 1 April 2022).
- Hartley P.R., Medlock III K.B., Rosthal J.E. (2008) The relationship of natural gas to oil prices. *The Energy Journal*, vol. 29, no 3. Available at: <https://doi.org/10.5547/ISSN0195-6574-EJ-Vol29-No3-3> (accessed 1 April 2022).
- Hnylicza E., Pindyck R.S. (1976) Pricing Policies for a Two-Part Exhaustible Resource Cartel: The Case of OPEC. *European Economic Review*, vol. 8, no 2, pp. 139–54. Available at: [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(76\)90009-X](https://doi.org/10.1016/0014-2921(76)90009-X) (accessed 1 April 2022).

- Kilian L. (2017) The Impact of the Fracking Boom on Arab Oil Producers. *The Energy Journal*, vol. 38, no 6, pp. 137–60. Available at: <https://doi.org/10.5547/01956574.38.6.lkil> (accessed 1 April 2022).
- Kilian L., Murphy D.P. (2014) The Role of Inventories and Speculative Trading in the Global Market for Crude Oil. *Journal of Applied Econometrics*, vol. 29, no 3, pp. 454–78. Available at: <https://doi.org/10.1002/jae.2322> (accessed 1 April 2022).
- Krichene N. (2002) World Crude Oil and Natural Gas: A Demand and Supply Model. *Energy Economics*, vol. 24, no 6, pp. 557–76.
- Mabro R. (1986) OPEC and the World Oil Market: The Genesis of the 1986 Oil Price Crisis.
- Makarov I., Chen H., Paltsev S. (2020) Impacts of Climate Change Policies Worldwide on the Russian Economy. *Climate Policy*, vol. 20, no 10, pp. 1242–56. Available at: <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1781047> (accessed 1 April 2022).
- Narayan P.K., Smyth R. (2007) A Panel Cointegration Analysis of the Demand for Oil in the Middle East. *Energy Policy*, vol. 35, no 12, pp. 6258–65.
- Nordhaus W.D. (2015) Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy. *American Economic Review*, vol. 105, no 4, pp. 1339–70. Available at: <http://doi.org/10.1257/aer.15000001> (accessed 1 April 2022).
- Nordhaus W.D. (2017) Revisiting the social cost of carbon. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 114, no 7, pp. 1518–1523.
- Orlov A., Aaheim A. (2017) Economy-Wide Effects of International and Russia's Climate Policies. *Energy Economics*, vol. 68, pp. 466–77. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.eneco.2017.09.019> (accessed 1 April 2022).
- Paltsev S. (2014) Scenarios for Russia's Natural Gas Exports to 2050. *Energy Economics*, vol. 42, pp. 262–70. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2014.01.005> (accessed 1 April 2022).
- Paltsev S., Kalinina E. (2014) GHG Emissions Projection: Russia in a Global System. *Costs and Benefits of Low-Carbon Economy and Society Transformation in Russia* (I. Bashmakov (ed.)). Center for Energy Efficiency, Moscow, Russia, pp. 153–69. Available at: <http://www.cenef.ru/file/CB-LCE-2014-eng.pdf> (accessed 18 August 2022).
- Pindyck R.S. (1978) The Optimal Exploration and Production of Nonrenewable Resources. *Journal of Political Economy*, vol. 86, no 5, pp. 841–61. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1828412> (accessed 1 April 2022).
- World Bank (2011) The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/2252> (accessed 18 August 2022).
- Yang Z. (2008) How Does ANWR Exploration Affect OPEC Behavior? A Simulation Study of an Open-Loop Cournot-Nash Game. *Energy Economics*, vol. 30, no 2, pp. 321–32. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2006.12.002> (accessed 1 April 2022).
- Yang Z. (2013) Is the Leading Role Desirable? A Simulation Analysis of the Stackelberg Behavior in World Petroleum Market. *Computational Economics*, vol. 42, no 1, pp. 133–50. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10614-012-9335-x> (accessed 1 April 2022).
- Young D.P.T. (1994) The Nature of OPEC and Oil Price Changes. *Energy Economics*, vol. 16, no 2, pp. 107–14. Available at: [https://doi.org/10.1016/0140-9883\(94\)90004-3](https://doi.org/10.1016/0140-9883(94)90004-3).

Арктическая научная дипломатия России: теория и практика¹

М.Ю. Гутенев, А.А. Сергунин

Гутенев Максим Юрьевич — к.филос.н., доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета; Россия, 454080, Челябинск, проспект Ленина, д. 76; gutenevmi@susu.ru

Сергунин Александр Анатольевич — д.полит.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; профессор кафедры политологии Нижегородского государственного университета; 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; a.sergunin@spbu.ru

Аннотация

Арктическая научная дипломатия (АНД) является относительно новой и важной темой в российских академических и политических кругах. Не существует ни четкого определения концепции, ни консенсуса в отношении участников, инструментов и видов деятельности научной дипломатии. В статье анализируются основные подходы, которые сложились на сегодняшний день в России в отношении понятия АНД.

Первый подход рассматривает АНД как инструмент «мягкой силы» региональных игроков. Научная дипломатия помогает продвигать позитивный имидж конкретных государств и получать доступ к негосударственным ресурсам, которые обычно недоступны для государственных акторов.

Второй подход к АНД, технический/инструменталистский, предполагает использование академического и научно-технического сотрудничества между регионами, странами и обществами для создания надежных международных партнерских отношений на неидеологической основе и решения общезначимых мировых проблем.

Третий подход рассматривает АНД как форму «новой дипломатии», стратегическая цель которой заключается не только в построении дружественных отношений и сотрудничества со всеми арктическими странами, но и в развитии международного научного сотрудничества и улучшении международного имиджа России.

Проведенный анализ позволяет объяснить стратегические мотивы и движущие силы российской АНД, определить ее основных участников и ключевые формы. Большинство участников АНД разделяют идею о том, что международное научное сотрудничество в целях обеспечения устойчивого развития Арктики может стать эффективным механизмом решения наиболее острых проблем региона, а также улучшения отношений России с западными странами. Авторы полагают, что России в значительной степени удалось сформировать необходимые инструменты для реализации как стратегических, так и тактических целей своей АНД. Эти инструменты включают национальные платформы (международный форум «Арктика — территория диалога», «Арктика: настоящее и будущее» и проч.), а также предполагают активное использование международных форумов («Арктические рубежи», «Полярный круг», «Неделя арктической науки») и научных организаций.

Ключевые слова: Россия, Арктика, научная дипломатия, международное сотрудничество, «мягкая сила», публичная дипломатия

¹ Статья поступила в редакцию 01.02.2022.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научных проектов № 22-28-01287.

Для цитирования: Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 155–174 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-06

Введение

В XXI в. интерес всего мирового сообщества к Арктике неуклонно растет. Анализ арктической повестки показывает, что помимо экономических, экологических, военных интересов, циркумполярные государства имеют и ярко выраженные научно-исследовательские интересы в этом полярном регионе.

Следствием проявления интереса к развитию научно-исследовательской активности в регионе стало заключенное в мае 2017 г. под эгидой Арктического совета (АС) Соглашение об укреплении международного арктического научного сотрудничества [Arctic Council, 2017]. Помимо полноправных членов АС, большое внимание проведению научных исследований в регионе уделяют и государства, имеющие статус наблюдателя в Совете, в частности Швейцария, Италия, Польша, Великобритания, Китай, Япония и Республика Корея.

Кроме того, активными субъектами научно-исследовательской деятельности в регионе являются многочисленные международные правительственные и неправительственные организации и форумы, начиная от ООН и ее специализированных учреждений (Всемирная метеорологическая организация – ВМО, Межправительственная группа экспертов по изменению климата – МГЭИК) и заканчивая региональными структурами (Совет Баренцева/Евроарктического региона, Северный Форум, ЕС). В этом списке особое место занимают организации, целью которых является непосредственное исследование региона: Международный арктический научный комитет (МАНК), Международная ассоциация арктических социальных наук (МААСН), «сетевой» Университет Арктики, объединяющий около 200 университетов мира, занимающихся изучением Крайнего Севера и/или подготовкой кадров для этого региона, и проч.

Указанные выше динамичные процессы привели в XXI в. к возникновению феномена арктической научной дипломатии (АНД), дополняющей, а иногда бросающей вызов традиционной дипломатии. Данное исследование направлено на понимание того, что представляет собой это явление, какова его природа, функции, формы и площадки, на которых реализуется АНД.

Теоретические подходы к изучению научной дипломатии

Первой широко известной теоретической попыткой осмыслить феномен научной дипломатии стал основополагающий доклад Американской ассоциации содействия развитию науки (The American Association for the Advancement of Science) и Королевского общества (The London Society) «Новые рубежи научной дипломатии: навигация по меняющемуся балансу сил» [The Royal Society, 2010]. Главным итогом доклада стало выделение измерений научной дипломатии.

– Наука в дипломатии (*science in diplomacy*) – оказание консультационных услуг научным сообществом правительственным органам в формировании эффективной внешней политики для решения значимых мировых проблем. В докладе упоминался, например, МГЭИК как организация, информирующая национальные правительства и международные организации о климатических изменениях, происходящих в мире. В арктическом регионе помимо МГЭИК важную консультационную деятельность также осуществляют рабочие группы АС – по защите арктической морской среды и устойчивому развитию Арктики, устранению загрязнения Арктики, сохранению арктической флоры и фауны, предотвращению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций, реализации программы арктического мониторинга и оценки. Подобное сотрудничество дипломатов и ученых, по мнению авторов доклада, является взаимовыгодным, поскольку первые принимают политические решения по международным вопросам, основываясь на научном подходе, а вторые начинают лучше понимать механизмы принятия политических решений.

– Дипломатия для науки (*diplomacy for science*) – поддержка международного научного сотрудничества. В основе данного измерения лежит идея о том, что глобальные проблемы современности можно решить только общими усилиями правительств всех стран мира. Идеальными типами такого взаимодействия стали большой адронный коллайдер ЦЕРН и международный комплекс радиотелескопов ALMA в Атакаме. В арктическом регионе главным достижением является уже упоминавшееся Соглашение об укреплении международного арктического научного сотрудничества от 2017 г.

– Наука для дипломатии (*science for diplomacy*) – использование потенциала научных коллабораций в целях укрепления доверительных отношений между отдельными государствами и поддержания международной стабильности. Примерами проявления такого измерения являются научные конференции и форумы («Арктические рубежи», «Полярный круг», Неделя арктической науки), декларации о сотрудничестве, создание межправительственных и неправительственных научных организаций (МАНК, МААСН).

Доклад 2010 г. положил начало исследованиям в области теории и практики научной дипломатии. В результате в настоящее время данное явление подвергается скрупулезному анализу со стороны внешнеполитических структур и специалистов в области международных отношений. Лондонский доклад стал вехой в изучении научной дипломатии. Некоторые авторы продолжили исследования в области научной дипломатии, опираясь на доклад, в то время как другие утверждали, что он основан на противоречивых тезисах и выводы его неверны [Smith, 2014]. Кроме того, началась дискуссия о возможности применения теории научной дипломатии в разных отраслях науки и регионах планеты.

Помимо расширения теоретического дискурса о природе научной дипломатии были предприняты определенные организационные решения. Еще в 2008 г. Американской ассоциацией содействия развитию науки был создан Центр научной дипломатии, который начал издавать журнал под названием «Наука и дипломатия», ставший главной площадкой для специалистов, занимающихся изучением данного явления.

В дальнейшем многие специалисты утратили интерес к теоретическим основам научной дипломатии, изложенным в лондонском докладе. Во многом это было связано с тем, что эта концепция была направлена не на объяснение природы научной дипломатии, а на описание взаимоотношений между дипломатией и наукой.

Обновление концепции научной дипломатии началось с поиска ее отличий от понятия «международное научное сотрудничество» (МНС). Научная дипломатия тесно связана с государственными интересами, в отличие от МНС, которое может осуществляться представителями бизнеса без участия государства и может быть мотивировано коммерческой или практической научной выгодой. В основе научной дипломатии лежит идея о достижении совместного прогресса в исследованиях, однако, в отличие от МНС, улучшение взаимоотношений между сторонами сотрудничества провозглашается в качестве ее главного мотива. Более того, МНС, как правило, реализуется отдельными лицами и группами лиц, в то время как научная дипломатия, хотя и может быть результатом деятельности конкретных лиц, часто подразумевает инициативу со стороны государства в этой сфере. В связи с этим МНС может как включать, так и не включать научную дипломатию.

Несмотря на то что термин «научная дипломатия» упоминается в российской Стратегии научно-технологического развития 2016 г. и Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации 2019 г., часто используется политиками, учеными и СМИ, до сих пор нет единого мнения по поводу содержания этого понятия. Рассмотрим основные подходы, которые сложились сегодня в России в отношении понятия арктической научной дипломатии (АНД).

Технический/инструменталистский подход к научной дипломатии

Технический/инструменталистский подход к АНД в последнее время стал довольно популярным в российском политическом и академическом сообществе. Для него характерно понимание академического и научно-технического сотрудничества между обществами, регионами и странами как средства построения прочных международных коллабораций на неидеологической основе и создания долгосрочных международных партнерств.

Большинство научных исследований в Арктике имеют международный характер, выходят далеко за рамки одного государства, реализуются интернациональными коллективами ученых, совместными усилиями многих стран, институтов и организаций. В рамках данного подхода научная дипломатия рассматривается как множество сетевых познавательных практик, таких как консультирование, отчетность, исследование и предоставление доказательств. Эти практики появляются и поддерживаются на уровне рутинных действий и повседневности через научно-исследовательские площадки, включающие университеты, институты, центры, лаборатории, конференции, семинары, обучающие мероприятия и др. АНД обретает сетевой характер, обусловленный необходимостью согласования и координации усилий, своевременной коммуникации для ее осуществления (рис. 1).

Подписание вышеупомянутого Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г. раскрыло глобальное значение АНД. По мнению тогдашнего представителя России в АС В.В. Барбина, заключение договора продемонстрировало ответственность арктических государств за устойчивое развитие региона и «твердую решимость достичь этой цели за счет стимулирования регионального сотрудничества, основанного на передовых знаниях» [PRO-ARCTIC, 2018]. В подготовку текста документа на начальном этапе большой вклад внесли российские эксперты, сотрудничающие с зарубежными коллегами по вопросам разработки условий соглашения.

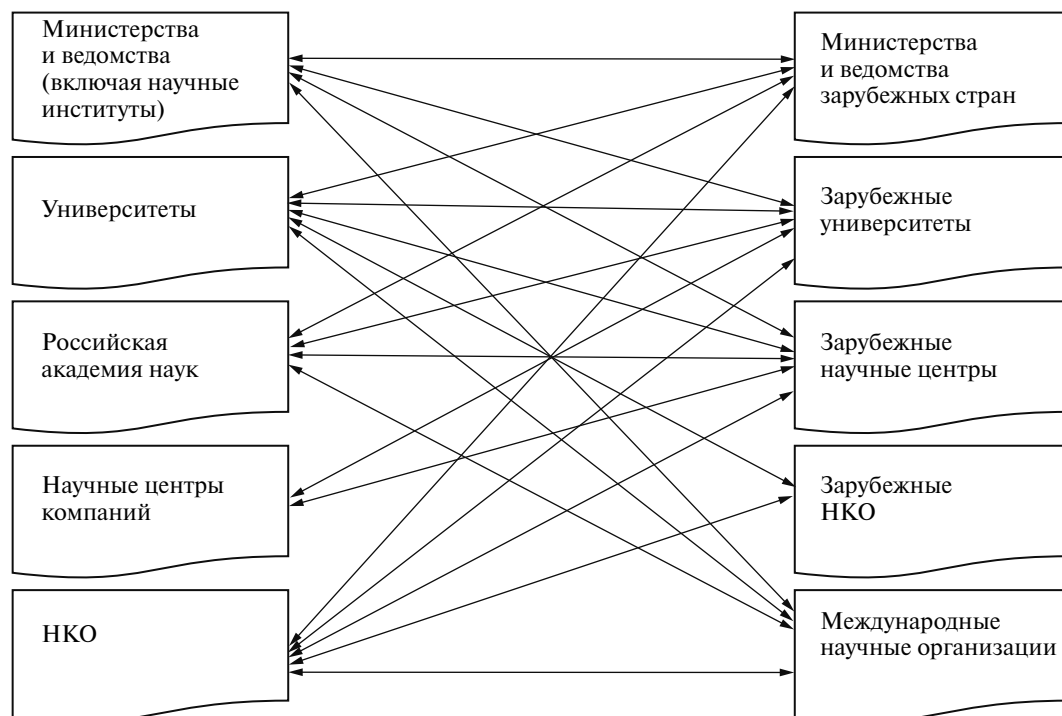

Рис. 1. Международное научное сотрудничество в Арктике

Ярким представителем технического (инструменталистского) подхода является российский исследователь Н.М. Антюшина. В работе «Многоликая Арктика» ученый, анализируя особенности региона, заявляет, что совместная научная деятельность государств в Арктике развивается довольно активно, что позволяет им собирать достаточный массив данных: «...страны охотно объединяют свои усилия в этом отношении и согласны обмениваться результатами полученных наблюдений» [Антюшина, 2013, с. 45]. Кроме того, Н.М. Антюшина делает вывод о том, что Арктика представляет собой инновационный регион, являясь «своеобразной лабораторией для налаживания международного сотрудничества по широкому кругу вопросов» [Там же].

По мнению Н.М. Антюшиной, целью АНД должен стать согласованный между государствами переход на принципы устойчивого развития региона. Научная дипломатия призвана воспрепятствовать хищническому использованию богатств Крайнего Севера, обеспечить применение передовых технологий для установления системы хозяйствования, в которой будет последовательно проводиться курс на устойчивое развитие региона без нанесения вреда для его населения.

На проходивших «Днях Арктики и Антарктики в Москве» 25–27 ноября 2020 г. представители отечественного внешнеполитического ведомства отмечали, что Российская Федерация в своем председательстве в АС будет опираться на мощный фундамент арктической науки. По мнению посла МИД России Н.В. Корчунова, АНД должна помочь сделать повестку работы в АС по-настоящему комплексной: «Научный подход позволяет наиболее оптимально и эффективно выстраивать политику в Арктике. Это и метеорологическое сотрудничество, и сотрудничество в области морской деятельности, чему мы также будем уделять в период российского председательства самое пристальное внимание» [Международный арктический форум, 2020].

Российско-американский ученый А. Н. Петров, президент МААСН в 2017–2021 гг., отмечал особое значение социальных наук в АНД, которые «играют важную роль в понимании, что и как нам нужно делать в Арктике — разговаривать с людьми, получать данные об экономическом, социальном, демографическом развитии — это все является первостепенной задачей, если мы хотим обеспечить устойчивое развитие региона» [Международный арктический форум, 2020]. При этом А. Н. Петров считал, что одной из главных площадок АНД является Международный конгресс арктических социальных наук, проходящий каждые три года.

Н. К. Харлампьева (СПбГУ) в монографии «Международное научное сотрудничество в Арктике», исследуя причины ключевых изменений в изучении Крайнего Севера, выделяет их следующие характеристики: а) применение знаний для создания общего природоохранного пространства; б) расширение возможностей исследовательских экспедиций в научный познавательный туризм; в) интернационализация научно-исследовательской и образовательной системы» [Харлампьева, 2017, с. 5]. Ученый полагает, что для понимания современных характеристик АНД необходимо определение расширяющегося состава участников международного сотрудничества, а также исследование изменений способов принятия решений на национальном, региональном и глобальном уровне.

По мнению Н. К. Харлампьевой, объектом исследования АНД должен стать «процесс формирования Арктической региональной инновационной системы», а предметом исследования — «процесс совершенствования стратегического научного планирования и эффективного механизма процесса принятия решений» [Там же].

М. Р. Калинина (Северный (Арктический) федеральный университет — САФУ) полагает, что АНД может стать важнейшим ресурсом для развития университетов, так как благодаря совместной научной деятельности можно получить актуальные и уникальные научные знания и понять процессы, происходящие в регионе: «...то направление, которое мы сейчас развиваем и поддерживаем — научная дипломатия и постоянный диалог экспертов со стороны научного сообщества и органов власти на всех уровнях — это то, что сегодня в Арктике необходимо именно для того, чтобы результаты научных исследований были положены в основу информированных решений» [Международный арктический форум, 2020].

Критики инструменталистского подхода, однако, указывают на то, что его сторонники значительно сужают значение АНД, сводя его к сотрудничеству ученых в функциональных областях и утилитарному отношению к результатам этого сотрудничества, применяя их только для решения конкретных технических или административных задач. По мнению этих критиков, «инструменталисты» не замечают, что АНД обладает гораздо большим потенциалом, чем просто расширение научного сотрудничества для решения практических проблем региона [Крынжина, 2018; Романова, 2018].

Два следующих подхода к АНД трактуют этот феномен в гораздо более широком контексте, как часть внешнеполитического инструментария государства.

Научная дипломатия как инструмент «мягкой силы»

Рассмотрение научной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» соответствует положениям теории неолиберализма, считающей, что невоенные методы внешней политики в современных условиях более эффективны, чем «силовые» инструменты.

Научная привлекательность государства (наряду с экономическими, культурно-образовательными и другими факторами) является одной из важнейших характеристик «мягкой силы» АНД (рис. 2). Страны, которые занимают лидирующие позиции в рейтингах «мягкой силы», очень активны в научной дипломатии в Арктике. К таким государствам относятся Япония, Германия, Великобритания, Франция и Швейцария, то есть те страны, которые не являются арктическими государствами и имеют только статус наблюдателя в АС. Благодаря своей научной деятельности они завоевали большой авторитет в области арктических исследований, и «официальным» арктическим странам приходится считаться с ними в вопросах региональной политики. Осмысление возможностей АНД для решения важнейших внешнеполитических задач также нашло отражение в российском политическом дискурсе.

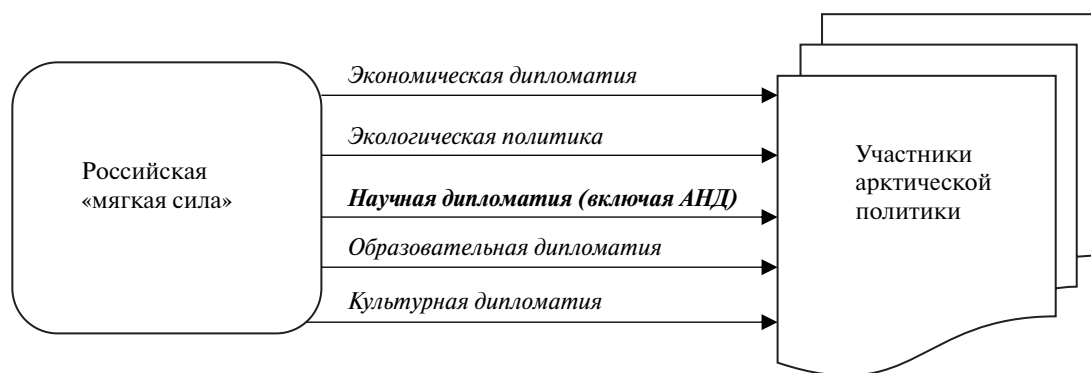

Рис. 2. Арктическая научная дипломатия в российской стратегии «мягкой силы»

Российский исследователь А.А. Тодоров в своих работах затрагивает тему АНД, изучая деятельность зарубежных стран в регионе. В работе «Интересы Швейцарии в Арктике» А.А. Тодоров описывает основные исследовательские институты конфедерации и делает прогнозы относительно перспектив сотрудничества Швейцарии и России в Арктике. АНД, по мнению автора, может существенно способствовать укреплению полярного статуса государства: «Швейцария взяла курс на использование науки в качестве инструмента государственной дипломатии на международных арктических площадках. Во многом благодаря увеличению объема научно-исследовательских работ в Арктике и учреждению Швейцарского полярного института страна стала наблюдателем в Арктическом совете в 2017 г.» [Тодоров, 2018, с. 6].

В статье «Интересы Великобритании в Арктике» он рассматривает понятие научной дипломатии в качестве инструмента укрепления влияния Лондона в регионе: «Развивая двустороннее сотрудничество с арктическими странами, а также другими заинтересованными игроками, Британия... опирается на научную дипломатию» [Тодоров, Лыжин, 2019, с. 93].

Многие российские ученые и политики полагают, что Россия может эффективно использовать опыт других стран и применять АНД в качестве своего инструмента «мягкой силы» в регионе. Сторонники этого подхода считают, что научная дипломатия может помочь укреплению позитивного имиджа России в Арктике, изменить внешнеполитическое поведение международных партнеров и получить доступ к негосударственным ресурсам, которые обычно недоступны для государственных субъектов.

В первую очередь данное направление следует логике Дж. Ная [Nye, 2004] и рассматривает «мягкую силу» как способность быть привлекательным. Российские ученые проявляют большую активность во всех экспертных и рабочих группах АС, совместно с иностранными коллегами участвуют в исследовательской деятельности на полярных станциях в Черском (Якутия), «Снежинка» (Ямал), Баренцбурге (Шпицберген), а также российских морских и сухопутных экспедициях.

Директор Института регионального консалтинга профессор А.Н. Пилясов видит в АНД основу «мягкой силы» России в регионе. По мнению ученого, АНД является важным инструментом, с помощью которого Россия способна сохранить статус мирового арктического лидера. А.Н. Пилясов полагает, что именно научная дипломатия является ключом к сохранению контроля над арктическими территориями для России: «России необходимо присутствовать на всех международных научных форумах, участвовать в международных исследовательских проектах, самой их инициировать, чтобы подпитываться и воспринимать новое мировое знание об арктических территориях, которое накоплено за последние полтора-два десятилетия и из года в год стремительно обновляется» [Пилясов, 2012]. Ученый считает, что России следует признать уже состоявшуюся интернационализацию исследований в Арктике, а главной задачей АНД России должно стать создание собственных исследовательских инициатив в приоритетных областях для устранения пробелов в исследованиях.

В совместном исследовании А.Н. Пилясов и Н.Ю. Замятина пришли к выводам о необходимости формирования арктической региональной науки. По мнению ученых, цементирующим фактором для ее создания служит «высокоспецифичная среда самой Арктики, изучение которой требует междисциплинарного синтеза наук, исследующих свойства этого пространства» [Замятина, Пилясов, 2017, с. 7]. Открытый проект новой арктической науки, отмечают исследователи, будет способствовать консолидации интеллектуальных усилий, направленных на лучшее понимание региона.

Во многом популярность данного подхода к АНД связана с позициями российской политической элиты. Кремль проявляет устойчивый интерес к АНД как геополитическому инструменту «мягкого» влияния на политические процессы в арктическом регионе. Заявления российских высших должностных лиц, а также некоторые нормативные и доктринальные документы свидетельствуют о том, что российское политическое руководство хорошо осведомлено как о потенциальных преимуществах, так и об угрозах, которые может скрывать в себе «мягкая сила».

Еще в 2012 г. В.В. Путин в статье «Россия и меняющийся мир» дал следующее определение «мягкой силы»: «...комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [Путин, 2012]. Он подчеркнул, что подобные инструменты могут часто использоваться в целях манипулирования общественным сознанием и вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Следуя логике В.В. Путина, можно предположить, что АНД может быть инструментом транслирования «мягкой силы» в регионе и использоваться субъектами международных отношений для укрепления своего полярного статуса и защиты национальных интересов.

Многие российские инициативы в области «мягкой силы» (включая АНД) часто преследуют прагматичные цели и не учитывают интересы международных партнеров. В связи с этим российская АНД может восприниматься другими региональными игроками как продолжение «экспансионистской» политики Кремля в Арктике, но другими (невоенными) методами.

Научная дипломатия как вид «новой» (публичной) дипломатии

Данное направление рассматривает АНД как форму «новой» дипломатии, которая стала обобщающим понятием, описывающим ряд неформальных и формальных научно-исследовательских, академических и технических обменов в рамках общей сферы международных отношений. Научная дипломатия, наряду с цифровой, экономической, спортивной, негосударственной и парадипломатией, является подкатегорией «новой» дипломатии, в отличие от классической государственно-ориентированной дипломатии. В рамках данного подхода АНД использует не только государственные, но и негосударственные субъекты и институты для общения с иностранными партнерами. В зависимости от характера межгосударственных отношений АНД может быть нацелена либо на правительственных, либо на неправительственных партнеров, либо на тех и других (рис. 3).

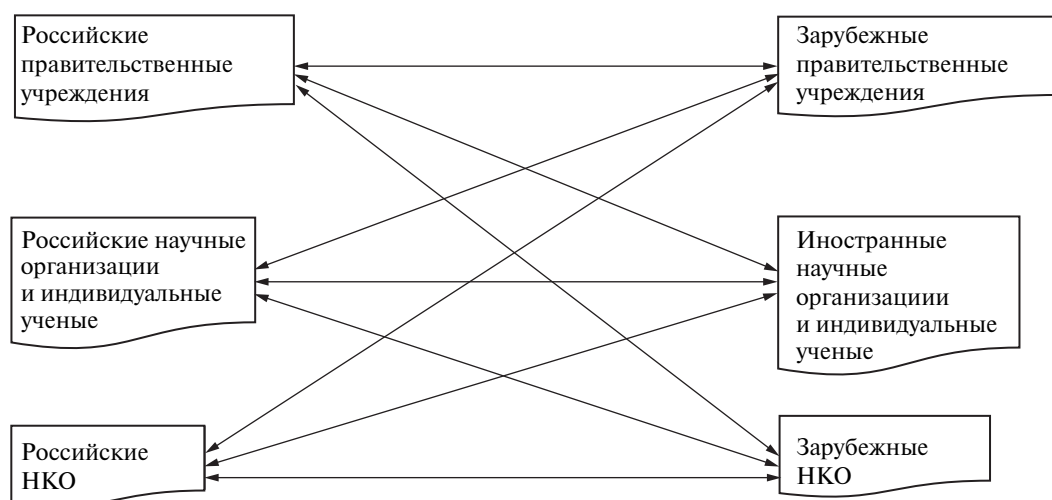

Рис 3. Место АНД в российской публичной дипломатии

АНД является не только инструментом улучшения имиджа России на международной арене и превращения в привлекательного научного партнера, но также механизмом участия в долгосрочном и содержательном сотрудничестве с академическими сообществами зарубежных государств с целью решения наиболее важных практических и теоретических проблем, связанных с исследованиями Крайнего Севера. Фактически этот подход не отрицает два предыдущих, скорее, он пытается объединить их и подчинить более общей стратегической цели: использовать АНД для установления хороших отношений со всеми циркумполярными участниками.

До начала специальной военной операции на Украине сторонники данного подхода полагали, что применение АНД особенно актуально в условиях ухудшения отношений между Россией и Западом. Наука времен холодной войны оставила в наследство примеры успешного применения научной дипломатии в целях разрядки международной напряженности.

На пике холодной войны СССР и США заключили несколько соглашений о научном сотрудничестве, одно из них было посвящено двусторонней кооперации в области экологии и привело к созданию Комиссии по охране окружающей среды, включившей

лучших экспертов из этих двух стран [Robinson, 1988]. На саммите тогдашнего президента США Р. Рейгана и генерального секретаря КПСС М.С. Горбачева в 1986 г. было заявлено о намерении двух стран подготовить совместный доклад об изменении климата.

Этот доклад был опубликован в 1990 г. в виде книги под названием «Будущие перспективы в отношении климата» [MacCracken et al., 1990]. В ней задолго до выводов МГЭИК были спрогнозированы основные параметры изменения климата, в том числе в арктическом регионе.

Подобные примеры из времен холодной войны вселяют надежду и сегодня. Вероятно, после окончания специальной военной операции на Украине научная дипломатия станет одним из приоритетных механизмов построения доверительных отношений между странами. По всей видимости, Кремль признает важную роль научной дипломатии в системе российской публичной дипломатии в целом, которая направлена на то, чтобы воздействовать не только на правительства других стран, но и на их общественность. Так, в Указе Президента Российской Федерации № 642 от 1 декабря 2016 г. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» подчеркивается, что научная дипломатия является разновидностью публичной дипломатии. В соответствии с этим документом, научная дипломатия выступает одним из механизмов, позволяющих защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного сотрудничества. В этом случае к одной из главных функций АНД относится формирование и продвижение актуальной научной повестки государства как участника международных организаций, повышение уровня участия России в международных системах научно-технической экспертизы и прогнозирования взаимодействия в регионе [Президент России, 2016].

Доцент НИУ ВШЭ О.А. Красняк считает, что эффективная научная дипломатия обладает реальными возможностями для снижения напряженности между народами, приближения мира к решению глобальных проблем и поиска путей улучшения жизни людей. Она полагает, что «соблюдение Россией международных договоров, например, договоров по Арктике... а также участие в международных научных проектах, таких как Международная космическая станция, позволяют России сохранять свои позиции надежного партнера для других стран» [Krasnyak, 2018, p. 75].

По мнению международного коллектива ученых, одним из членов которого является профессор МГИМО А.Н. Вылегжанин, Соглашение по укреплению международного научного сотрудничества в Арктике (2017 г.) стало важным этапом развития региональных научно-дипломатических практик. Оно подтверждает глобальную значимость АНД, позволяющей продуктивно взаимодействовать, в то время как другие дипломатические каналы между государствами не работают должным образом: «В Арктике, как и везде, научная дипломатия помогает сочетать национальные и общие интересы на благо всех людей на Земле с надеждой и вдохновением на протяжении поколений» [Berkman et al., 2017]. Ряд российских и американских ученых предлагает конкретные меры по имплементации указанного соглашения [Anisimov et al., 2020].

В рамках данного подхода российские ученые полагают, что устранение препятствий для научного сотрудничества будет содействовать разрядке международной напряженности. Международные контакты ученых не могут разрешить те или иные споры между Россией и Западом, но могут помочь создать множество площадок для диалога на горизонтальном уровне. Совместная работа по решению таких задач, как сохранение биоразнообразия, обеспечение безопасности на море в Арктике, повышение устойчивости к изменению климата, в конечном итоге может стать основой для других способов разрешения межгосударственных конфликтов.

В принципе, этот подход к АНД не исключает двух предыдущих. Скорее, он включает их в свой инструментарий, при этом подчиняя более общей стратегической цели — налаживанию рабочих отношений с другими участниками — государственными и негосударственными — арктической политики. Сравнительный анализ характеристик этих трех подходов представлен в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ трех теоретических подходов к АНД

Характеристики АНД	Технический / инструменталистский подход	АНД как «мягкая сила»	АНД как «новая» (публичная) дипломатия
Стратегическая цель АНД	Расширение международного научного сотрудничества в Арктике	Улучшение имиджа России, превращение ее в более привлекательного международного партнера в Арктике	Включает две предыдущие цели + улучшение отношений с другими участниками арктической политики (государственными и негосударственными)
Участники АНД	Государственные и негосударственные акторы с преобладанием государственных «игроков»	Государственные акторы	Равноправное участие государственных и негосударственных акторов
Результаты АНД	Устойчивые долгосрочные академические партнерства, совместные научные проекты	Более привлекательный международный имидж России в регионе	Два предыдущих результата + более дружественные отношения между Россией и арктическими — государственными и негосударственными — акторами; Арктика — регион мира и стабильности
Исследовательская повестка АНД	Ориентация на естественно-научную проблематику	Нацеленность на «обслуживание» внешнеполитических целей России в регионе	Равное представительство естественнонаучной и обществоведческой тематики

Инструменты реализации АНД России

В нашем исследовании мы выделяем четыре основных инструмента реализации АНД России: научная инфраструктура; наличие собственных международных диалоговых площадок; членство в международных образовательных и межправительственных организациях; конкретные направления арктического научного сотрудничества.

К объектам научной инфраструктуры, в которых иностранные ученые могут заниматься совместной научной деятельностью, относятся научно-исследовательские полярные станции, центры, лаборатории, научно-исследовательские суда (НИС), ледоколы, университеты, занимающиеся изучением Крайнего Севера.

Крупнейшими научно-исследовательскими станциями России в Арктике является ледовая база «Мыс Баранова» на острове Большевик, гидрометеорологическая база в Тикси, Северо-Восточная научная станция РАН в поселке Черском, обсерватория

Полярного геофизического института в Баренцбурге. С 2023 г. на Ямале начнет работу круглогодичная арктическая станция нового поколения «Снежинка». По задумке одного из авторов этого проекта, «Снежинка» должна стать своеобразным магнитом притяжения для ученых разных стран [Сотскова, Кудрявцева, 2020].

Участие российских арктических научных станций в Международной сети наземных исследований и мониторинга INTERACT позволяет ученым со всего мира осуществлять полевые работы и исследования в области экологии, метеорологии, биологии, криолитологии. К ключевым российским компонентам международной сети относятся следующие объекты: научно-исследовательская станция «Актру», научно-исследовательская станция на острове Белый, международная тундровая научно-исследовательская станция «Чокурдах», научная станция «Эльгээйи», Игарская геокриологическая лаборатория, исследовательская станция «Кайбасово», научно-исследовательская станция «Ханымей».

Российские ледоколы играют важную роль в организации научных исследований в Арктике. Они предоставляют ученым доступ к Северному ледовитому океану, а также позволяют доставить материалы и оборудование на исследовательские станции, находящиеся на удаленных от континента полярных островах. Российская Федерация ежегодно проводит около 50 морских научно-исследовательских экспедиций в Арктику. Отечественный ледокольный флот насчитывает 40 судов, пять из них являются атомными. В ближайшее время планируется ввести в эксплуатацию еще несколько современных атомных ледоколов.

У России около десятка НИС, способных проводить исследования в полярных широтах. Так, начиная с 2012 г. при поддержке Русского географического общества, САФУ, Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) осуществляется инновационный образовательный проект «Арктический плавучий университет» (АПУ). Ежегодно экспедиция проходит на исследовательском ледовом судне «Профессор Молчанов». Членами экспедиции становились политики, представители бизнеса, студенты, аспиранты, научные сотрудники российских и зарубежных научно-образовательных учреждений. Во время морской экспедиции для слушателей организуют научно-образовательные программы, посвященные арктической науке. Развитие международного научно-образовательного сотрудничества, в том числе со странами Арктического совета, в рамках экспедиционной деятельности в Арктике является одной из приоритетных задач АПУ [САФУ, 2020].

В настоящее время в Российской Федерации научные исследования по арктической тематике осуществляют более 500 организаций, расположенных в 50 регионах. Это высшие учебные заведения, институты и отделения РАН, научно-исследовательские институты, являющиеся подведомственными организациями федеральных органов власти, корпоративные научные центры. В международный проект «Университет Арктики» входят 55 российских вузов – это самый большой показатель среди государств, участвующих в проекте.

В целях облегчения исследований в удаленных районах российской Арктики для иностранных ученых функционирует организация Chukotka Science Support Group (GSSG). С 2001 г. она оказывает логистические и другие вспомогательные услуги полярным ученым из разных стран мира: выдача местных разрешений на исследования, услуги переводчика, проживание и питание, сбор и отправка проб, помощь в оформлении российской визы и т.д.

Международные диалоговые площадки. В начале XXI в. в Российской Федерации открывается ряд международных диалоговых площадок, на которых отечественные ученые, политики и представители бизнеса обмениваются опытом и мнениями по насущ-

ным вопросам Арктики. С 2010 г. при поддержке Русского географического общества проводится международный форум «Арктика — территория диалога». С 2017 г. этот форум проходит при поддержке Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. Форум стал крупнейшей в России международной площадкой для обсуждения перспектив устойчивого развития Арктики, выработки равноуровневых, многосторонних механизмов совместного раскрытия и эффективного освоения мощного ресурсного потенциала региона. В 2019 г. на мероприятии присутствовали более 3600 представителей 52 государств, а работу форума освещали 845 представителей СМИ [Росконгресс, 2019].

С 2013 г. при поддержке регионального правительства Республики Саха (Якутия) вновь активизировала свою работу Международная организация северных регионов «Северный Форум», созданная в 1991 г. в Анкоридже. В настоящее время при поддержке правительства Якутии были погашены все долги «Северного Форума», а основной секретариат форума перенесен в Якутск, где работает и сейчас. Форум представляет собой площадку для диалога между северными регионами. Используя статус международной организации, представители политической элиты, транснациональных компаний, ученые, руководители образовательных учреждений получили прямой доступ на международную площадку и возможность озвучивать результаты научных исследований, инициативы по улучшению социально-экономического развития Арктики, обратиться с призывом к решению конкретных проблем [Северный Форум, 2022].

Руководство Международной организации «Северный Форум» не забывает о непосредственной роли АНД в поддержании международной стабильности в регионе и на ежегодной основе организует мероприятие «Северный форум по устойчивому развитию». Так, заместитель исполнительного директора «Северного форума по устойчивому развитию», старший научный сотрудник Института США и Канады РАН Д.Д. Максимова подтверждает, что АНД является одной из миссий форума, и отмечает, что наука — ключевой элемент в налаживании отношений между Россией и Канадой [СВФУ, 2020].

В России существуют и другие значимые диалоговые площадки: международная научно-практическая конференция «Полярные чтения», организованная при поддержке Арктического и антарктического научно-исследовательского института; международный форум «Арктика: настоящее и будущее»; Международная научная конференции «Арктика: история и современность». Арктические научные конференции, форумы, организуемые при поддержке федеральных и региональных органов власти Российской Федерации, являются эффективной платформой для демонстрации огромного вклада страны в развитие полярного региона. Кроме того, для продвижения своей научной повестки Москва эффективно использует такие международные платформы, как ежегодные конференции «Полярный круг» (г. Рейкьявик, Исландия), «Арктические рубежи» (г. Тромсё, Норвегия), «Неделя арктической науки» (перемещается между разными городами и странами) и др.

Членство в международных образовательных и межправительственных организациях также может быть эффективным инструментом транслирования АНД. Российская Федерация — член множества организаций, нацеленных на развитие регионального и международного научного сотрудничества в Арктике в различных областях исследований. Эти организации вносят весомый вклад в продвижение науки среди широкой общественности зарубежных государств. Крайне важным направлением развития АНД России является ее деятельность в рамках АС. В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. подчеркивается, что за АС закрепляется роль ключевого объединения, координирующего международную деятельность в регионе.

В условиях напряженности в Заполярье работа в формате АС по вопросам устойчивого развития региона, природоохранных, научных задач является наиболее эффективным способом поиска решений общими усилиями на основе взаимопонимания и взаимоуважения. Об активизации потенциала форума в целях его использования для продвижения российских повесток на период председательства в нем России свидетельствует п. 16 Стратегии развития АЗРФ — «активное участие российских государственных и общественных организаций в работе АС и других международных форумов, посвященных арктической проблематике» [Президент России, 2020a]. Значительная часть мероприятий, проводимых в рамках российского председательства в АС в 2021–2023 гг., посвящена именно научной проблематике [Правительство России, 2021].

Российские эксперты с 1990 г. принимают активное участие в деятельности рабочих групп МАНК, предоставляющего научные рекомендации для АС. О том, что АНД России исторически находится в авангарде, свидетельствует появление в 1993 г. идеи создания в рамках МАНК Международной научной инициативы в Российской Арктике (ISIRA). Возникновение ISIRA стало совместной российской и международной инициативой с целью содействия научному сотрудничеству и устойчивому развитию в российской Арктике. Распад Советского Союза и дальнейшее сокращение реального сотрудничества между западными и российскими учеными, проблемы с финансированием исследований, языковой барьер — далеко не полный список проблем, с которыми сталкивались иностранные ученые, собирающиеся исследовать российскую Арктику в начале 1990-х годов. За время существования этой инициативы был реализован ряд крупных проектов в области социальных и естественных наук. В настоящее время деятельность ISIRA в значительной степени облегчает решение проблем научного исследования российской Арктики для иностранных ученых [IASC, n.d.].

Помимо вышеперечисленных органов ученые и эксперты Российской Федерации ведут активную работу в рамках следующих программ и организаций: МГЭИК, МААСН, «Северное измерение», Ассоциация молодых полярных ученых (APECS), ВМО и проч. Обширная представленность отечественных ученых в авторитетных международных организациях является важным показателем российской АНД.

Области международного научного сотрудничества Российской Федерации включают довольно объемный список. В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. [President of the Russian Federation (RF), 2020b] определяются приоритетные направления исследований в Арктике: осуществление комплексных экспедиционных исследований; развитие технологий сбережения здоровья и увеличения продолжительности жизни населения; защита окружающей среды; исследование опасных природно-техногенных явлений; совершенствование системы мониторинга окружающей среды; активное привлечение арктических и внерегиональных государств к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству в Арктической зоне Российской Федерации; развитие научно-исследовательского флота; содействие малочисленным народам в осуществлении приграничного сотрудничества, культурных контактов и контактов в сфере хозяйственной деятельности с родственными народами и этническими группами, проживающими за пределами Российской Федерации. Широкий перечень направлений научных исследований нашей страны свидетельствует о намерениях Москвы сохранять передовые позиции в области АНД.

Российская Федерация также вносит весомый вклад в финансовую поддержку международных научно-исследовательских проектов в рабочих группах АС. Как отмечает автор исследования Д.Н. Ворончихина со ссылкой на официальные данные сайта АС, «первое место по финансированию проектов Совета занимают Россия и Канада, незначительно уступают им Норвегия и Финляндия» [Ворончихина, 2019]. Весьма воз-

можно, что за период председательства в Арктическом совете в 2021–2023 гг. Россия станет лидером в сфере финансирования мероприятий рабочих групп АС, что, вероятно, может стать одним из измеримых показателей вклада Москвы в развитие АНД.

Заключение

Из приведенного выше анализа можно сделать несколько выводов.

Во-первых, среди российских политиков и ученых до сих пор нет единого понимания концепции АНД, хотя она прочно вошла в российский политический и научный лексикон и активно используется должностными лицами, ответственными за разработку и реализацию арктической научной стратегии.

Во-вторых, часть российского академического сообщества и политической элиты воспринимает АНД как эффективный инструмент «мягкой силы» России в Заполярье. Поскольку Россия стремится избежать обострения отношений с западными странами в Арктике, превратив ее в регион мира и сотрудничества, можно предположить, что роль АНД в общей системе российской стратегии «мягкой силы» после окончания специальной операции на Украине будет только возрастать.

В-третьих, в российском дискурсе доминирует понимание АНД как механизма построения прочных международных партнерских отношений на неидеологической основе, установления научных отношений с зарубежными коллегами для решения общих проблем, получения доступа к исследовательской инфраструктуре зарубежных партнеров и дополнительным источникам финансирования.

В-четвертых, в российских политических и академических дискурсах постепенно набирает силу интерпретация АНД как формы «новой» дипломатии. Данная интерпретация не имеет ярко выраженного государственно-ориентированного характера, но вместе с тем не отказывается от согласования своей деятельности с официальной дипломатией. Сторонники такого подхода к АНД считают, что в условиях сложившейся напряженности между Западом и Россией менее формальная негосударственная дипломатия может достичь большего прогресса, чем официальная научная дипломатия. Данный подход к изучению АНД в какой-то степени пытается включить в себя два предыдущих подхода (улучшение имиджа России на международной арене вместе со стимулированием МНС со стороны государства) в единую стратегию, которая применяет АНД для улучшения отношений Москвы с другими арктическими «игроками».

В-пятых, большинство участников АНД до начала специальной военной операции разделяли идею о том, что МНС в целях обеспечения устойчивого развития Арктики может стать эффективным механизмом решения наиболее острых проблем региона, а также для улучшения текущих отношений западных стран с Россией.

В-шестых, в результате увеличения финансирования исследований со стороны государства в российской Арктике была существенно улучшена исследовательская инфраструктура. Кроме того, России в значительной степени удалось сформировать необходимые платформы для реализации как стратегических, так и тактических целей своей АНД. Эти платформы включают как национальные платформы (международный форум «Арктика — территория диалога», «Арктика: настоящее и будущее»), так и активное использование ряда международных платформ («Арктические рубежи», «Полярный круг», «Арктическая научная неделя») и профессиональных организаций (МГЭИК, МАНК, ISIRA, МААСН, АРЕС и проч.).

Вместе с тем было бы преждевременно предполагать, что российская АНД является абсолютно эффективной и приобрела зрелые и окончательные формы. В настоящее время научная дипломатия России на Крайнем Севере находится в стадии активной

разработки. В ближайшее время предстоит выяснить, какую форму примет отечественный дискурс АНД, какова будет российская стратегия в отношении АНД и будет ли способна Москва обеспечить синергию между АНД и другими компонентами своей полярной стратегии.

Источники

Антюшина Н.М. (2013) Многоликая Арктика // Современная Европа. № 2 (54). С. 34–46. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogolikaya-arktika> (дата обращения: 21.09.2022).

Ворончихина Д.Н. (2019) Арктический совет как международный форум сотрудничества государств: участие России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). Т. 11. № 2. С. 306–329. doi:10.17072/2218-9173-2019-2-306-329

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2017) Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // Регион: экономика и социология. № 3 (95). С. 3–30. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30109933>.

Крынжина М.Д. (2018) Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. Т. 16. № 4 (55). С. 193–208. doi:10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127

Международный арктический форум (2020) Дни Арктики и Антарктики в Москве 25–27 ноября, 3 декабря 2020 года. Режим доступа: <http://arctic-days.ru/> (дата обращения 15.10.2021).

Пилясов А.Н. (2012) Научные исследования и инновации в арктическом регионе / Российский совет по международным делам. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnye-issledovaniya-i-innovatsii-v-arkticheskom-regione/> (дата обращения: 11.08.2021).

Правительство России (2021) Единый план мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, 15 апреля, № 996-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/p8DfCI0Pr1XZnAk08G7J3jUXUuDvswHr.pdf> (дата обращения 20.04.2021).

Президент России (2016) Указ № 642 от 1 декабря 2016 г. «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 05.10.2021).

Президент России (2020а) Указ № 645 от 26 октября 2020 г. «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972/page/1> (дата обращения: 21.10.2021).

Президент России (2020б) Указ № 164 от 5 марта 2020 г. «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 12.01.2022).

Путин В.В. (2012) Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27 февраля. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 17.11.2021).

Романова М.Д. (2018) Значимость научной дипломатии растет // Вестник РФФИ. № 1 (97). С. 78–83. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32866907>.

Росконгресс (2019) В Санкт-Петербурге подведены итоги Международного арктического форума – 2019, 10 апреля. Режим доступа: <https://roscongress.org/news/results-of-the-arctic-territory-of-dialogue-5th-international-arctic-forum-summed-up-in-st-petersburg/> (дата обращения: 27.10.2021).

САФУ (2020) Экспедиция «Арктический плавучий университет – 2020». Режим доступа: https://narfu.ru/science/expeditions/floating_university/2020/ (дата обращения: 15.10.21).

Северный Форум (2022). Режим доступа: <https://www.northernforum.org/ru/> (дата обращения 07.11.2021).

Северо-Восточный федеральный университет (СВФУ) (2020) СФУР: доцент СВФУ Дарьяна Максимова рассказала про особенности российско-канадских научных отношений, 1 октября. Режим доступа: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=143651 (дата обращения 10.11.2021).

Сотскова М., Кудрявцева М. (2020) Лед тронулся // Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4225728> (дата обращения: 02.11.2021).

Тодоров А.А. (2018) Интересы Швейцарии в Арктике // Российская Арктика. № 1. С. 4–7. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-shveytsarii-v-arktike> (дата обращения: 21.09.2022).

Тодоров А.А., Лыжин Д.Н. (2019) Интересы Великобритании в Арктике // Арктика и Север. № 36. С. 84–95. doi:10.17238/issn2221-2698.2019.35.84

Харлампьева Н.К. (ред.) (2017) Международное научное сотрудничество в Арктике. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/9222/1/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B2%20%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5.pdf>.

Arctic Council (2017) Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. Fairbanks, Alaska, 2017, 11 May. Режим доступа: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (дата обращения: 10.08.2021).

Anisimov O., Orttung R., Nyland K., Sergunin A. (2020) Cold War Legacy of Science Cooperation Offers Hope Today // Russian Analytical Digest. Vol. (253). P. 9–11. Режим доступа: doi:10.3929/ethz-b-000420927

Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O. (2017) The Arctic Science Agreement propels science diplomacy // Science. Vol. 358 (6363). P. 596–598. doi:10.1126/science.aag0890

Krasnyak O. (2018) National Styles in Science, Diplomacy, and Science Diplomacy. Leiden. Boston: Brill. Режим доступа: <https://brill.com/view/title/54474>.

Inter-Agency Standing Committee (IASC) (n.d.) International Science Initiative in the Russian Arctic (ISIRA). Режим доступа: <https://iasc.info/isira> (дата обращения: 25.10.2021).

MacCracken M.C., Hecht A.D., Budyko M.I., Izrael Y.A. (eds.) (1990). Prospects for Future Climate: A Special US/USSR Report on Climate and Climate Change. Chelsea, Michigan: Lewis Publishers.

Nye J. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs.

PRO-ARCTIC (2018) Соглашение о научном сотрудничестве в Арктике вступило в силу. Режим доступа: <https://pro-arctic.ru/24/05/2018/news/32176> (дата обращения: 15.09.2021).

Robinson N.A. (1988) The U.S. – U.S.S.R. Agreement to Protect the Environment: 15 Years of Cooperation // Environmental Law. Vol. 18 (403). P. 403–447.

Smith F.L. (2014) Advancing Science Diplomacy: Indonesia and the US Naval Medical Research Unit // Social Studies of Science. Vol. 44 (6). P. 825–847. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/43284255>.

The Royal Society (2010) New frontiers in science diplomacy: navigating the changing balance of power. Режим доступа: https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice

M. Gutenev, A. Sergunin

Maxim Gutenev – PhD (Candidate of Science) in Philosophy, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, South Ural State University; 76 Prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia; gutenevmi@susu.ru

Alexander Sergunin – Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University; 1/3 Smolnogo Ulitsa, St. Petersburg, 191060, Russia; a.sergunin@spbu.ru

Abstract

Arctic science diplomacy (ASD) is both a relatively new topic and an acute issue in Russian academic and political circles. There is neither a clear definition of the concept nor a consensus on the stakeholders, tools, and activities of science diplomacy. This article focuses on the main approaches in Russia in relation to the concept of ASD. The first approach considers ASD as a soft power tool of regional players. Science diplomacy helps to promote a positive image of specific states and to gain access to non-state resources that are usually inaccessible to state actors. A technical/instrumentalist approach to ASD involves the use of academic and scientific-technical cooperation between regions, countries, and societies to create reliable international partnerships on a non-ideological basis and to solve generally significant world problems. The third direction considers ASD as a form of new diplomacy, the strategic goal of which is not only to build friendly relations and cooperation with all Arctic countries, but also to develop international scientific cooperation and improve the international image of Russia.

This analysis makes it possible to explain the strategic motives and driving forces of ASD and to identify the stakeholders and key forms of Russia's ASD. It is established that the majority of the participants of ASD share the idea that international scientific cooperation in order to ensure the sustainable development of the Arctic can become an effective mechanism for solving the most acute problems of the region, as well as for improving the current relations of Western countries with Russia. The authors believe that Russia has largely managed to form the necessary platforms for the implementation of both strategic and tactical goals of its ASD. These platforms include both national platforms (the international forum "The Arctic: The Territory of Dialogue" and "The Arctic: Present and Future") and the active use of international platforms ("Arctic Frontiers," "Polar Circle," and "Arctic Science Summit Week") and organizations such as the Inter-Agency Standing Committee (IASC), the International Arctic Social Sciences Association (IASSA), and the Association of Polar Early Career Scientists (APECS).

Keywords: Arctic, science diplomacy, Arctic Council, foreign policy, Arctic strategies, public diplomacy

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of scientific projects No. 22-28-01287.

For citation: Gutenev M., Sergunin A. (2022) Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 155–174 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-06

References

Anisimov O., Orttung R., Nyland K., Sergunin A. (2020) Cold War Legacy of Science Cooperation Offers Hope Today. *Russian Analytical Digest*, vol. 253, pp. 9–11. doi:https://doi.org/10.3929/ethz-b-000420927

Antjushina N.M. (2013) Mnogolikaja Arktika [Agreement on Scientific Cooperation in the Arctic Came into Force: The Many Faces of the Arctic]. *Sovremennaja Evropa*, no 2 (54), pp. 34–46. (in Russian)

Arctic Council (2017) Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. Fairbanks, 11 May. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (accessed 10 August 2021).

Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O. (2017) The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy. *Science*, vol. 358, no 6363, pp. 596–98. doi:<https://doi.org/10.1126/science.aaq0890>

Government of the Russian Federation (2021) Ediny plan meropriyatiy po realizatsii Osnov gosudarstvennoi politiki Rossiyskoi Federatsii v Arktike na period do 2035 goda i Strategii razvitiya Arkticheskoi zony Rossiyskoi Federatsii i obespecheniya natsional'noi bezopasnosti na period do 2035 goda [Integrated Plan of Activities on the Implementation of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035 and Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035], 15 April, no 996-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/p8DfCI0PrIXZnAk08G7J3jUXUuDvswHr.pdf> (accessed 20 April 2021). (in Russian)

Harlamp'eva N.K. (ed.) (2017) *Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike [International Scientific Cooperation in the Arctic]*. St Petersburg: St Petersburg State University. (in Russian). Available at: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/9222/1/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%B2%20%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5.pdf>.

Inter-Agency Standing Committee (IASC) (n.d.) International Science Initiative in the Russian Arctic (ISIRA). Available at: <https://iasc.info/isira> (accessed 25 October 2021).

International Arctic Forum (2020) Days of the Arctic in Moscow, 25–27 November, 3 December. Available at: <http://arctic-days.ru/> (accessed 15 October 2021). (in Russian)

Krasnyak O. (2018) *National Styles in Science, Diplomacy, and Science Diplomacy*. Leiden, Boston: Brill. Available at: <https://brill.com/view/title/54474>

Krynzhdina M.D. (2018) Nauchnaja diplomatija v interpretacijah rossijskih specialistov [Science Diplomacy in the Interpretations of Russian Specialists]. *International Trends*, vol. 16, no 4 (55), pp. 193–208. (In Russian) doi:10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127.

MacCracken M.C., Hecht A.D., Budyko M.I., Izrael Y.A. (eds) (1990) *Prospects for Future Climate: A Special US/USSR Report on Climate and Climate Change*. Chelsea, Michigan: Lewis Publishers.

Northern Forum (2022) Available at: <https://www.northernforum.org/ru/> (accessed 7 November 2021). (in Russian)

Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs.

Piljasov A.N. (2012) Nauchnye issledovaniya i innovacii v arkticheskom regione [Scientific Research and Innovation in the Arctic Region]. Russian Council for International Affairs, 16 August. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnye-issledovaniya-i-innovatsii-v-arkticheskom-regione/> (accessed 11 August 2021). (in Russian)

President of the Russian Federation (RF) (2016) Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrja 2016 g. no 642 “O strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii” [Decree of the President of the Russian Federation No 642 dated 1 December 2016 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (accessed 5 October 2021). (in Russian)

President of the Russian Federation (RF) (2020a) Ukaz Prezidenta RF ot 26 oktjabrja 2020 g. № 645 “O Strategii razvitiya Arkticheskoi zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya natsional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda” [Decree of the President of the Russian Federation no 645 dated 26 October 2020 “On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972/page/1> (accessed 21 October 2021). (in Russian)

President of the Russian Federation (RF) (2020b) Ukaz Prezidenta RF ot 5 marta 2020 g. № 164 “Ob Osnovah gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2035 goda” [Decree of the President of the Russian Federation of 5 March 2020 no 164 “On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035”]. Available at <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (accessed 1 January 2022). (in Russian)

PRO-ARCTIC (2018) Soglasenie o nauchnom sotrudnichestve v Arktike vstupilo v silu. [Agreement on Scientific Cooperation in the Arctic Came Into Force]. Available at: <https://pro-arctic.ru/24/05/2018/news/32176> (accessed 15 September 2021). (in Russian)

Putin V.V. (2012) Rossiya i menjajushhijsja mir [Russia and the Changing World]. Moscow Daily News, 27 February. Available at: <http://www.mn.ru/politics/78738> (accessed 17 November 2021). (in Russian)

Robinson N.A. (1988) The U.S.-U.S.S.R. Agreement to Protect the Environment: 15 Years of Cooperation. *Environmental Law*, vol. 18, no 403, pp. 403–47. Available at: <https://www.jstor.org/stable/43265848> (accessed 29 August 2022).

Romanova M.D. (2018) Znachimost' nauchnoj diplomatii rastet [The Importance of Science Diplomacy is Growing]. *RFBR Journal*, no 1 (97), pp. 78–83. (in Russian)

Roskongress (2019) V Sankt-Peterburge podvedeny itogi Mezhdunarodnogo arkticheskogo foruma – 2019 [The Results of the International Arctic Forum 2019 Were Summed up in St Petersburg]. 4 October. Available at: <https://roscongress.org/news/results-of-the-arctic-territory-of-dialogue-5th-international-arctic-forum-summed-up-in-st-petersburg/> (accessed 27 October 2021). (in Russian)

SAFU (2020) Jekspedicija “Arkticheskij plavuchij universitet – 2020” [Expedition “Arctic Floating University – 2020”]. Available at: https://narfu.ru/science/expeditions/floating_university/2020/ (accessed 15 October 2021). (in Russian)

Smith F. (2014) Advancing Science Diplomacy: Indonesia and the US Naval Medical Research Unit. *Social Studies of Science*, vol. 44, no 6, pp. 825–47. Available at: <https://www.jstor.org/stable/43284255> (accessed 29 August 2022).

Sotskova M., Kudryavtseva E. (2020) Led tronulsja [The Ice Has Broken]. *Kommersant*, 27 January. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4225728> (accessed 2 November 21). (in Russian)

SVFU (2020) SFUR: docent SVFU Dar'jana Maksimova rasskazala pro osobennosti rossijsko-kanadskih nauchnyh otnoshenij [SFSD: NEFU Associate Professor Daryana Maksimova Spoke About the Peculiarities of Russian-Canadian Scientific Relations]. Available at: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=143651 (accessed 10 November 2021). (in Russian)

The Royal Society (2010) New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power. Available at: https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (accessed 11 January 2022).

Todorov A.A. (2018) Interesy Shvejcarii v Arktike [Switzerland's Interests in the Arctic]. *Rossijskaja Arktika*, no 1, pp. 4–7. (in Russian)

Todorov A.A., Lyzhin D.N. (2019) Interesy Velikobritanii v Arktike [UK Interests in the Arctic]. *Arctic and North*, no 36, pp. 84–95. Available at: <http://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.84>. (in Russian)

Voronchihina D.N. (2019) Arkticheskij sovet kak mezhdunarodnyj forum sotrudnichestva gosudarstv: uchastie Rossii [The Arctic Council as an International Forum for Cooperation Between States: The Participation of Russia]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)*, vol. 11, no 2, pp. 306–29. (in Russian)

Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. (2017) Novoe mezhdisciplinarnoe nauchnoe napravlenie: arkticheskaja regional'naja nauka [A New Interdisciplinary Scientific Direction: Arctic Regional Science]. *Region: Economics and Sociology*, no 3 (95), pp. 3–30. (in Russian)

Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации Повестки 2030 и перспективы международного сотрудничества¹

Л.В. Захарова

Захарова Людмила Владимировна — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; ученый секретарь Института Китая и современной Азии РАН; Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76; l.v.zakharova@my.mgimo.ru

Аннотация

Для развивающихся стран с низким уровнем дохода актуальным вопросом национальной повестки является выработка собственной стратегии устойчивого развития. Повестка 2030 представляет собой важный ориентир и дорожную карту для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) по основным направлениям решения этой задачи. При этом местная специфика оказывает свое влияние на подходы, методы и возможности реализации заявленных целей в каждом конкретном государстве.

Настоящее исследование предполагает анализ Добровольного национального обзора КНДР по реализации Повестки 2030, официальных северокорейских заявлений, а также российских и зарубежных научных и аналитических материалов с целью изучения подхода Северной Кореи к локализации ЦУР, выявления проблем, возникающих в этом процессе, и перспектив международного сотрудничества. В процессе исследования использовались методы сравнительного и контент-анализа.

Автор статьи показывает, что в поисках собственной стратегии руководство КНДР пытается использовать международный опыт, интегрируя ЦУР в национальные планы развития. Северокорейская специфика заключается в «подгонке» глобальных Целей под нарратив строительства «социализма местного образца», упоре на определяющую роль государства при выработке и реализации конкретных планов, формальном подходе к имплементации некоторых ЦУР и фокусе на максимальной самообеспечиваемости экономики как основы устойчивого развития.

Несмотря на необходимость внешнего содействия для достижения основных национальных ЦУР, в настоящее время возможности для международного сотрудничества с КНДР существенно ограничены. Для реализации совместных инициатив или проектов помощи требуется как получение разрешения со стороны санкционного Комитета 1718 Совета Безопасности ООН, так и открытие границ Северной Кореи, закрытых в связи с пандемией коронавируса. Однако учитывая глобальный масштаб поставленных в Повестке 2030 задач, в средне- и долгосрочной перспективе высока вероятность возобновления международного сотрудничества КНДР по первоочередным для республики направлениям устойчивого развития — в области сельского хозяйства, здравоохранения, обеспечения доступа к чистой питьевой воде и канализации, борьбы с изменением климата, а также энергетики и модернизации транспортной инфраструктуры. И главными партнерами в этом могут быть как международные организации, так и соседние Россия и Китай.

Ключевые слова: КНДР, Северная Корея, Повестка 2030, Цели устойчивого развития, опора на собственные силы, санкции, международное сотрудничество

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 2023-03-03.

¹ Статья поступила в редакцию 29.03.2022.

Для цитирования: Захарова Л.В. Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации Повестки 2030 и перспективы международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 175–193 (на русском и английском языках). doi:10.17323/19967845-2022-03-07

Введение

В 2015 г. семидесятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка 2030). Содержащиеся в ней Цели устойчивого развития (ЦУР) призваны стать ориентиром для всех государств в выработке их национальной политики и должны способствовать международному сотрудничеству в борьбе с глобальными вызовами современности [Ларионова, Сафонкина, 2018, с. 97]. В 2020 г. 47 государств, включая Российскую Федерацию, представили свои добровольные национальные обзоры по реализации ЦУР.

Корейская Народно-Демократическая Республика (далее – КНДР, Северная Корея) также выступила в поддержку Повестки 2030. Несмотря на сложные отношения с внешним миром после ужесточения санкций Совета Безопасности ООН в 2016–2017 гг. в ответ на ракетно-ядерную программу Пхеньяна², Северная Корея серьезно подошла к вопросу имплементации ЦУР на национальном уровне. В июне 2021 г. правительство страны представило Добровольный национальный обзор КНДР по реализации Повестки 2030 [Government of the DPRK, 2021], который дает представление о том, каким образом северные корейцы «локализовали» ЦУР и на каком этапе страна находится в плане достижения национальных целей, интегрированных с ЦУР.

ООН – одна из немногих международных организаций, членом которых является КНДР. Взаимодействие с ФАО, ВПП, ЮНИСЕФ и другими организациями из системы ООН можно считать системно важным направлением международного сотрудничества Северной Кореи. Из соображений национальной безопасности КНДР не публикует развернутую статистику или подробные данные о планах социально-экономического развития страны. Однако после прихода к власти в конце 2011 г. Ким Чен Ына, в настоящее время занимающего пост председателя государственных дел КНДР, стал очевиден тренд на появление большей открытости внешнему миру. Об этом, в частности, свидетельствует и сам факт подготовки (впервые в истории страны) Добровольного обзора по реализации Повестки 2030, и его публикация в открытом доступе. При Ким Чен Ыне было систематизировано долгосрочное планирование социально-экономического развития КНДР на национальном уровне. После 2015 г. оно осуществляется в рамках пятилетних циклов – стратегии экономического развития на 2016–2020 гг. и экономического плана на 2021–2025 гг. Молодой лидер хочет, чтобы его страна развивалась и готов использовать для этого международный опыт. ООН в этом плане представляется естественным партнером для получения методологической, консультативной и практической помощи.

Тема реализации ЦУР в Северной Корее тесно связана с анализом внутреннего социально-экономического положения. Различные его аспекты рассматривались в трудах российских (см., например, [Toloraya, 2015; Суслина, 2015; 2018; Захарова, 2017; Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021]) и зарубежных ученых (см., например, [Smith, 2015; Hong, 2018; Brown, 2018; Frank, 2019; Koen, Beom, 2020; Yang, 2021; Lee, 2021; von Hippel, Naey, 2021; Kim 2022]), аналитических докладах международных организаций [FAO-WFP, 2013; 2019; UN OCHA, 2020; Panel of Experts, 2022]. Ряд публикаций посвящен влиянию международных санкций и глобальной пандемии коронавируса на Северную

² Подробнее обзор санкций см. [Захарова, 2019].

Корею (см., например, [Haggard, Noland, 2017; Булычев, Коргун, 2019; Воронцов, 2020; Choi, 2020; Smith, 2020]). Отдельные работы по анализу прогресса Северной Кореи на пути устойчивого развития опубликованы в Республике Корея [Choi, Hong, 2021; Sung, Jung, Jin, 2022].

Настоящее исследование предполагает анализ Добровольного национального обзора КНДР по реализации Повестки 2030 (далее — Добровольный обзор), официальных северокаорейских заявлений, а также российских и зарубежных научных и аналитических материалов с целью изучения подхода Северной Кореи к локализации ЦУР, выявления проблем, возникающих в этом процессе, и возможностей для международного сотрудничества. Несмотря на закрытость страны в настоящий момент³, официальные документы правительства КНДР свидетельствуют о существовании целого ряда направлений, по которым Северная Корея готова сотрудничать и даже нуждается в этом. В процессе исследования использовались методы сравнительного и контент-анализа.

Полученные результаты представляют интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения. В теоретическом плане представленная статья вносит вклад в накопление знаний о подходах к имплементации ЦУР в развивающихся странах с низким уровнем дохода на примере КНДР. С практической точки зрения понимание проблем, возникающих при реализации ЦУР в Северной Корее, важно при выстраивании отношений России с этой соседней страной, в том числе и при оказании содействия развитию КНДР. Северная Корея является одним из основных реципиентов международной помощи России [Зайцев, 2020, с. 68–69].

Структурно в исследовании можно выделить две основные части. В первой на основе анализа текста Добровольного обзора, официальных заявлений и научных публикаций рассматривается подход КНДР к локализации ЦУР, выделяются его специфические черты и проблемы. Вторая часть посвящена рассмотрению значения и перспектив международного сотрудничества для прогресса Северной Кореи на основных направлениях национальной повестки устойчивого развития. С использованием материалов международных организаций, российских и зарубежных научных публикаций выявляются наиболее критичные для имплементации ЦУР в Северной Корее проблемы.

Северокаорейский подход к имплементации ЦУР на национальном уровне

Правительство КНДР рассматривает Повестку 2030 как соответствующую политике северокаорейского государства по созданию «мощной социалистической страны». Для имплементации ЦУР была создана специальная Национальная рабочая группа по устойчивому развитию во главе с вице-премьером, председателем Государственной плановой комиссии, а также был сформирован Технический комитет, ответственный за сбор и оценку статистических показателей.

«Локализуя» цели Повестки 2030, правительство КНДР пошло по пути формулирования каждой из ЦУР согласно специфике своей страны (табл. 1), выделения соответствующих ей задач и индикаторов, а также увязывания ее с конкретными целями государственного развития (ЦГР). В Добровольном обзоре выделены четыре ЦГР: укрепить народное правительство и демонстрировать принцип «народ превыше всего»; развивать все сектора на основе науки и образования; построить самообеспечива-

³ В ответ на начало пандемии коронавируса Северная Корея ввела жесткие ограничения на контакты с внешним миром, закрыв свои границы с января 2020 г.

емую экономику, основанную на знаниях; создать развитую социалистическую культуру. Общая же северокорейская повестка устойчивого развития включает 17 ЦУР, 95 задач и 132 индикатора (в Повестке 2030, соответственно, 17 ЦУР, 169 задач и 232 индикатора), отражающие приоритеты правительства. При этом 53% индикаторов реализации глобальных ЦУР были выбраны правительством КНДР в качестве показателей национальных ЦУР или интегрированы с ЦГР [Government of the DPRK, 2021, p. 8], что создало структурированную систему мониторинга прогресса по каждой из целей. Южнокорейские исследователи отмечают, что в Добровольном обзоре Северная Корея «стратегически» переформатировала глобальные ЦУР в соответствии с системными характеристиками своего государства, делая упор на укреплении социализма как основы устойчивого развития [Choi, Hong, 2021, p. 1, 6].

Добровольный обзор дает объемное представление об основных проблемах, с которыми сталкивается КНДР на современном этапе своего развития, хотя он и насыщен элементами национальной идеологии и пропаганды. В частности, упоминается принцип «чучхе», предполагающий самостоятельность во всех сферах, однако сложно осуществимый экономически в северокорейских условиях. В тексте акцентируется наличие государственной системы снабжения продовольствием для всех домохозяйств, бесплатное обязательное всеобщее 12-летнее образование, а также бесплатные медицинские услуги для всех граждан. А тот факт, что объемы и качество предоставляемых государством товаров и услуг часто недостаточны, уходит на второй план. Главным достижением провозглашается реализация социалистических принципов и укрепление самостоятельности северокорейской экономики.

В то же время нельзя обвинять руководство КНДР в замалчивании существующих проблем, наличие целого комплекса которых отразилось и в тексте Добровольного обзора. При этом большей конкретикой отличается описание прогресса (или его отсутствия) по ЦУР в тех областях, которые правительство КНДР относит к первоочередным национальным приоритетам, напрямую связанным с экономическим ростом и уровнем жизни населения. Среди них энергетика, сельское хозяйство, WASH (водоснабжение, санитария, гигиена) и окружающая среда. Учитывая «статистическую закрытость» КНДР и стремление правительства сделать акцент на достигнутых успехах, лишь некоторые индикаторы международных ЦУР были выбраны правительством для мониторинга достижений на национальном уровне. Например, индикатором повышения уровня жизни населения до 2030 г. (ЦУР-1) является «доля домохозяйств, проживающих в общем жилье» [Government of the DPRK, 2021, p. 13].

Анализ заявленных результатов, вызовов и дальнейших планов по каждой из национальных ЦУР позволяет выделить среди них условно «более показательные» и «менее показательные» с точки зрения достигнутого прогресса за 2015–2020 гг. Ощутимый прогресс достигнут по ЦУР-1, ЦУР-4, ЦУР-15.

– ЦУР-1: доля домохозяйств, проживающих в общем жилье, снизилась с 0,8 до 0,5% за 2015–2019 гг. благодаря развернутому в разных районах страны строительству жилья, которое, по официальным данным, предоставляется гражданам Северной Кореи бесплатно.

– ЦУР-4: давно достигнуты цели по всеобщему начальному и среднему образованию (в КНДР обязательное 12-летнее школьное образование, бесплатное высшее образование), 100%-я грамотность населения в возрасте от 15 до 24 лет, развивается дистанционное обучение.

– ЦУР-15: массовое движение за восстановление лесов началось в 2015 г., и в 2015–2020 гг. площадь лесов ежегодно увеличивалась на 1,7%, благодаря чему за

Таблица 1. Формулировки ЦУР в Повестке 2030 и их адаптация в КНДР

ЦУР в формулировках ООН (международные ЦУР)	ЦУР в формулировках КНДР (национальные ЦУР)
1. Ликвидация нищеты	1. Улучшить условия жизни народа
2. Ликвидация голода	2. Развивать устойчивое сельское хозяйство и достичь самообеспеченности по продовольствию
3. Хорошее здоровье и благополучие	3. Обеспечить здоровую жизнь и способствовать благополучию для всех
4. Качественное образование	4. Подготовить всех умными рабочими
5. Гендерное равенство	5. Укрепить гендерное равенство и права всех женщин и девочек
6. Чистая вода и санитария	6. Обеспечить устойчивый доступ к воде и канализации
7. Недорогостоящая и чистая энергия	7. Обеспечить доступ к устойчивой и современной энергии
8. Достойная работа и экономический рост	8. Создать самообеспечиваемую экономику, основанную на знаниях
9. Индустриализация, инновации и инфраструктура	9. Перевести национальную экономику на самостоятельную и современную основу, модернизировать инфраструктуру
10. Уменьшение неравенства	10. Усилить позицию и роль народных масс как хозяев государства и общества
11. Устойчивые города и населенные пункты	11. Обеспечить жилищные условия и окружающую среду для зажиточной и цивилизованной жизни
12. Ответственное потребление и производство	12. Обеспечить устойчивое потребление и производство
13. Борьба с изменением климата	13. Борьба с изменениями климата и снизить их влияние
14. Сохранение морских экосистем	14. Устойчиво сохранять и использовать прибрежные и морские ресурсы
15. Сохранение экосистем суши	15. Устойчиво вести лесное хозяйство, восстанавливать плодородие почв и поддерживать биоразнообразие
16. Мир, правосудие и эффективные институты	16. Укреплять социалистическую систему
17. Партнерство в интересах устойчивого развития	17. Развивать дружественные партнерства

Источник: Перевод автора [Government of the DPRK, 2021, p. 8–11].

2010–2019 гг. удалось сократить площадь земель, подвергшихся обезлесению, с 10,6 до 5,5%.

По «менее успешным» ЦУР фиксируется точечный прогресс, однако их достижение в целом сталкивается с комплексом вызовов.

– ЦУР-2: несмотря на увеличение объемов производства продовольствия, не достигнута цель по сбору 7 млн тонн зерновых в год (минимальный уровень самообеспечения для КНДР) из-за стихийных бедствий, нехватки сельскохозяйственных материалов и низкого уровня механизации.

– ЦУР-3: несмотря на бесплатную систему здравоохранения для всех граждан и отдельные успехи по снижению детской и материнской смертности, сохраняется ряд серьезных проблем: нехватка квалифицированного медицинского персонала, низкая техническая оснащенность заводов по производству лекарств и медицинского оборудования, нехватка самых необходимых медикаментов, а также высокая доля курящего населения старше 15 лет (46,1% в 2017 г.).

– ЦУР-6: медленный прогресс в обеспечении всего населения чистой питьевой водой и канализацией. В 2017 г. 60,9% населения КНДР имело доступ к чистой питьевой воде (71,3% в городе и 44,5% в сельской местности), 47,5% населения – к безопасно управляемой канализации (70,8% в городе и 11,4% в сельской местности).

– ЦУР-7: 99,7% населения имеет доступ к национальной энергосети, однако потребности граждан в электроэнергии не удовлетворены; выработка электроэнергии в стране сокращается (во многом под влиянием сезонных и климатических факторов). Основные источники энергии – ГЭС и ТЭЦ, продвигается использование возобновляемых источников энергии, однако доля населения, использующего чистое топливо и технологии, остается низкой (менее 10,3% в 2017 г.), и прогресс замедляется. Для обогрева и приготовления пищи в городе в основном используется уголь, а в деревне – дрова и сельскохозяйственные отходы.

– ЦУР-9: доля промышленности в ВВП КНДР в 2019 г. составляла более 38%, правительство систематически увеличивает расходы на науку и технологии, растет количество исследователей (ежегодно на 2,9% на 1 млн человек), однако главным вызовом остается модернизация инфраструктуры. Выполнение задач по модернизации автомобильных и железных дорог по международным стандартам отстает от графика.

В качестве основных препятствий для реализации планов по устойчивому развитию и улучшению условий жизни населения правительство КНДР называет сохраняющиеся международные санкции (фактически приведшие к экономической блокаде страны), стихийные бедствия (засухи и наводнения, которые случаются в стране ежегодно) и продолжающийся с 2020 г. «мировой кризис здравоохранения» [Government of the DPRK, 2021, p. 5]. При этом последний вызов является проблемой для реализации ЦУР и в глобальном масштабе [Ларионова, 2020, с. 164]. Вопросы необходимости реформирования существующей системы управления экономикой для повышения ее эффективности в Добровольном обзоре не поднимаются, хотя об этом регулярно пишут зарубежные исследователи (например, [Brown, 2018]).

Не все национальные ЦУР КНДР сопровождаются конкретными числовыми показателями, что, однако, свойственно не только северокорейскому подходу. При этом признается важность дальнейшего совершенствования статистической работы в стране и применения международной методологии для разработки индикаторов и мониторинга прогресса по достижению ЦУР. До начала пандемии коронавируса представители КНДР участвовали в организованных ООН консультативных мероприятиях по реализации Повестки 2030.

К реализации некоторых ЦУР в КНДР прослеживается формальный подход, характеризующийся общими формулировками и обилием пропаганды. Прежде всего это касается Целей, связанных с правами человека. Например, ЦУР-5 считается в целом реализованной, так как гендерное равенство закреплено законом, а психологическое и физическое насилие в стране «не является социальной проблемой» [Government of the DPRK, 2021, p. 24]. Некоторые задачи по ЦУР-8 считаются решенными, так как все граждане по закону обеспечены достойной работой, а безработица среди молодежи и

детский труд в КНДР «не существуют». В рамках ЦУР-16 провозглашается реализованным принцип «все для народа» и фиксируется отсутствие таких социальных проблем, как взяточничество, насилие в отношении детей, в связи с тем, что они запрещены законом. При этом даже в официальных северокорейских СМИ звучат призывы к борьбе с коррупцией и злоупотреблениями служебным положением⁴, что означает их наличие в современном северокорейском обществе. Однако выносить эту тематику на международное обсуждение руководство КНДР категорически не желает, что и отражается в «закрытии» этой темы в тексте Добровольного обзора.

В целом на современном этапе северокорейская специфика заключается во встраивании глобальных Целей в нарратив строительства «социализма местного образца», упоре на определяющую роль государства при выработке и реализации конкретных планов, формальном подходе к имплементации некоторых ЦУР (если закреплено в законе, значит, гарантировано; если гарантировано, значит, достигнуто) и фокусе на максимальной самообеспечиваемости экономики как залого устойчивого развития. Приоритетные сферы реализации Повестки 2030 в КНДР включают решение долгосрочных проблем социально-экономического развития, таких как энергетическая и продовольственная. Важное место уделяется борьбе с последствиями климатических изменений и предотвращением ущерба от стихийных бедствий. В условиях сохраняющихся международных санкций и продолжающейся «самоизоляции» Северной Кореи руководству страны приходится делать ставку на внутренний потенциал и мобилизацию населения. При этом, несмотря на вписывание ЦУР в контекст национальной стратегии КНДР по созданию экономики, полагающейся на собственные ресурсы, технологии и кадры, в Добровольном обзоре признается важность сотрудничества с международным сообществом в процессе реализации Повестки 2030, особенно по ключевым направлениям, связанным с улучшением условий жизни населения.

Значение и перспективы международного сотрудничества для КНДР в контексте имплементации ЦУР

Значение международного сотрудничества в целях имплементации ЦУР для Северной Кореи определяется, прежде всего, низким уровнем экономического развития страны и неустойчивой динамикой его роста [Sung, Jung, Jin, 2022, p. 36]. По данным ООН, КНДР относится к развивающимся странам, ее ВВП на душу населения в 2020 г. составил 618 долл. [UNSD, n.d]. (немного выше показателя Малави, но ниже уровня Чада и Руанды). Согласно Добровольному обзору, объем ВВП КНДР в 2015–2019 гг. ежегодно рос в среднем на 5,1%, однако внешние оценки рисуют иную картину. В частности, по данным ООН, с 2018 г. северокорейский ВВП начал сокращаться, а по оценкам Банка Кореи (Республика Корея), за весь период 2015–2019 гг. он сократился примерно на 4% [Choi, Hong, 2021, p. 8].

Внутренние ресурсы для устойчивого развития страны невелики. В Северной Корее нет значимых подтвержденных запасов нефти или природного газа, в связи с чем существует зависимость от импорта соответствующего сырья и энергоресурсов. Их острая нехватка стала одной из причин резкого спада промышленного производства в 1990-х годах, приведшего к деиндустриализации экономики и затяжному экономическому кризису. С.С. Суслина отмечает, что решение энергетической проблемы является одним из главных приоритетов внутренней политики КНДР [Суслина, 2015, с. 266].

⁴ См., например, KCNA [2021a].

При этом, по оценкам исследователей американского Института Наутилус, в 2019 г. производство электричества и каменного угля, а также импорт нефти составили лишь около трети от уровня 1990 г., сдерживая экономическое развитие страны [von Hippel, Hayes, 2021, p. ii].

Нехватка топлива, удобрений и техники, а также ежегодно обрушивающиеся на Северную Корею стихийные бедствия не позволяют стабилизировать сельскохозяйственное производство. Рекордный для XXI в. объем собранного урожая зерновых в 2019 г. (6,65 млн тонн, по северонокорейским данным) все еще на 30% ниже, чем валовой сбор зерновых в 1982 г. (9,5 млн тонн) [Тригубенко, 1985, с. 104]. Из-за нестабильности урожая правительству не удалось достичь установленной цели государственного снабжения зерном в размере 573 грамма на человека в день. В январе 2013 г. размер пайка в среднем составлял 400 граммов [FAO-WFP, 2013, p. 29], в январе 2018 г. — 380 граммов, а в январе 2019 г. сократился до 300 граммов в день на человека. По имеющимся оценкам ФАО и ВПП, опирающимся на проводившиеся опросы населения сотрудниками международных организаций, в конце 2010-х годов около 40% граждан КНДР (более 10 млн человек) нуждались в продовольственной помощи [FAO-WFP, 2019, p. 4].

Транспортная инфраструктура КНДР характеризуется невысоким уровнем развития и требует модернизации, что связано как с особенностями рельефа (преобладает гористая местность), так и с нехваткой инвестиций. Вложения в транспортное оборудование остаются на невысоком уровне с 1990-х годов, ограничивая физическую мобильность труда и товаров и осложняя межрегиональные связи [Толорая, Коргун, Горбачева, 2020, с. 14]. Более 90% грузоперевозок осуществляется по железной дороге при средней скорости движения поездов 30–50 км/ч. Лишь 10% автомобильных дорог асфальтированы [Коеп, Веом, 2020, p. 18]. По внешним оценкам, восстановление инфраструктуры в Северной Корее может обойтись в несколько десятков миллиардов долларов и потребовать иностранной помощи [Brown, 2018, p. 6].

Северонокорейские власти винят международные санкции в создании серьезных препятствий для реализации ЦУР в стране. Однако международное сообщество в лице Группы экспертов Комитета 1718 Совета Безопасности ООН, оценивая ситуацию в КНДР в начале 2020-х годов как «близкую к гуманитарному кризису», в качестве его причин также выделяет пандемию COVID-19 и вызванное ею закрытие границ, стихийные бедствия и изменения во внутренней экономической политике в сторону большего использования административно-командных методов. При этом эксперты признают, что действие принятых в 2016–2017 гг. резолюций Совета Безопасности ООН привело к «ограничению возможностей страны легально приобретать товары для удовлетворения гуманитарных потребностей и медицинские товары, а также к деградации сферы социальных услуг, включая здравоохранение» [Panel of Experts, 2022, p. 80–81].

Ученые в России и за рубежом выделяют различные аспекты негативного влияния санкций на социально-экономическое положение в КНДР. Х. Смит [Smith, 2020, p. 184] обращает внимание на резкое сокращение сельскохозяйственного производства Северной Кореи в 2018 г., считая его результатом санкций Совета Безопасности ООН в области энергетики. Г.Б. Булычев и И.А. Коргун [2019, с. 69–70] подчеркивают невозможность развития медицинской помощи в стране из-за действующих запретов на импорт оборудования, а также существенное сокращение объемов поставок продовольствия по программам международной гуманитарной помощи после ужесточения санкций. Российские ученые отмечают и «радикальное сокращение источников средств к существованию», которое ставит под вопрос возможность выживания людей,

занятых в ключевых отраслях экономики КНДР [Толорая, Коргун, Горбачева, 2020, с. 17]. Согласно южнокорейским исследованиям, в результате введенных санкций к 2020 г. доходы домохозяйств в Северной Корее сократились в среднем на 25% [Kim, 2022, p. 1].

Сокращение экспорта КНДР более чем на 90% за 2015–2018 гг. существенно ограничило возможности импорта сырья, запчастей и материалов из-за снижения притока иностранной валюты. А запрет на поставки промышленного оборудования в Северную Корею привел к падению внутренних инвестиций в производство [Choi, 2020, p. 376], еще больше обостряя проблему модернизации основных фондов. Некоторые эксперты также отмечают экологические последствия санкций. Дефицит энергоносителей приводит к повышению потребностей в дровах и вырубке лесов, что прямо противоречит прогрессу по целям устойчивого развития в Северной Корее [Korgun, Zakharova, 2022, p. 25].

В 2020 г. новым фактором, влияющим на социально-экономическое положение в КНДР, стало принятое правительством в начале года решение о «герметичном» закрытии границ страны и резком сокращении контактов с внешним миром для предотвращения попадания в страну коронавирусной инфекции [Воронцов, 2020, с. 30]. В результате, по южнокорейским оценкам, внешняя торговля КНДР за год сократилась еще на 80%, финансовая система страны оказалась дестабилизирована, промышленные предприятия и рынки работали с перебоями [Lee, 2021, p. 16]. На официальном уровне в январе 2021 г. северокорейский лидер Ким Чен Ын признал, что поставленные руководством задачи в области экономического развития на 2016–2020 гг. не были выполнены почти во всех сферах [КСНА, 2021b].

В целом прогресс в имплементации Целей устойчивого развития в КНДР за 2015–2020 гг. можно оценить как скромный, а по большинству направлений — как недостаточный, включая области продовольственной и энергетической безопасности. Во многом это связано с происходившей одновременно перестройкой экономики страны под функционирование в условиях жесточайших санкций Совета Безопасности ООН, нехваткой внутренних ресурсов на более масштабную работу по ЦУР, фактическим отсутствием доступа к иностранным источникам инвестиций и технологий, а с 2020 г. и добровольной «самоизоляции» страны от внешних контактов. В государственном плане экономического развития на 2021–2025 гг. внутренние капиталовложения планируется сосредоточить на металлургической и химической промышленности с целью их полного перевода на отечественное сырье. Другим «фронтом» приложения общенародных усилий Ким Чен Ын провозгласил сельское хозяйство и легкую промышленность, чтобы обеспечить население товарами повседневного спроса. Однако в отсутствие внешнего содействия результаты этих мер вряд ли позволят экономике выйти на траекторию устойчивого развития. КНДР пока так и не превысила уровень промышленного и сельскохозяйственного производства 1980-х годов, когда была активно включена в систему международного экономического сотрудничества.

Учитывая избирательный подход Пхеньяна, возможности для международного взаимодействия с КНДР по реализации Повестки 2030 ограничены конкретными направлениями, прежде всего, связанными с улучшением базовых условий жизни населения и экологической повесткой. В Добровольном обзоре отмечены успешные примеры получения внешнего содействия в области сельского хозяйства, здравоохранения и улучшения питания. В частности, с помощью Всемирной продовольственной программы, ЮНИСЕФ, ПРООН, ФАО и других международных организаций, а также иностранных НКО были реализованы проекты по улучшению семенного фонда,

снижению потерь продовольствия после сбора урожая, улучшению питания уязвимых групп населения. Благодаря сотрудничеству с Глобальным фондом против ВИЧ, туберкулеза и малярии удалось ощутимо снизить количество случаев заражения малярией и туберкулезом [Government of the DPRK, 2021, p. 17, 19]. В качестве перспективных сфер для сотрудничества в будущем правительство КНДР называет улучшение образовательной среды, расширение доступа к чистой питьевой воде, утилизацию и переработку отходов. Особую актуальность на современном этапе для Пхеньяна приобретает борьба с изменением климата: согласно внутренним оценкам, к 2030 г. с внешней помощью КНДР может снизить выбросы парниковых газов на 50%, а без нее — лишь на 15% [Ibid., p. 41].

Несмотря на желание северных корейцев получать внешнее содействие, прежде всего по каналам международных организаций, со второй половины 2010-х годов существуют препятствия для их деятельности в КНДР. В резолюциях Совета Безопасности ООН содержится пункт о том, что имплементация международных санкций не должна иметь негативных гуманитарных последствий для гражданского населения. Для этих целей действует механизм получения изъятий из санкционного режима от Комитета 1718 Совета Безопасности ООН. Однако согласно опросу международных и неправительственных организаций, ранее оказывавших помощь КНДР, санкции существенно затруднили организацию поставок гуманитарных грузов в страну, поставив под вопрос саму возможность их осуществления. Отдельный комплекс проблем связан с отсутствием стабильного банковского канала для финансирования гуманитарной работы в Северной Корее [Panel of Experts, 2022, p. 83], что делает невозможным возвращение некоторых НКО в страну даже после открытия ее границ.

В обозримой перспективе вряд ли можно ожидать ослабления санкций Совета Безопасности ООН в отношении КНДР, поскольку оно не отвечает целям Вашингтона по нанесению максимального экономического ущерба потенциальному противнику в лице Пхеньяна [Толорая, Коргун, Горбачева, 2020, с. 10]. При этом в 2022 г. начинается складываться новая политическая ситуация в мире, которая может повлиять и на внешние связи Северной Кореи. КНДР открыто поддерживает Китай и Россию в их противостоянии с США, а Пекин и Москва впервые наложили вето в Совете Безопасности ООН на проект резолюции по ужесточению санкций против Пхеньяна [Асмолов, 2022]. Создаются политические условия для расширения сотрудничества России и КНР с КНДР.

Из-за закрытия северокорейской границы экономические обмены России с Северной Кореей в 2021 г. оказались заморожены. Однако до этого стороны поддерживали торговое сотрудничество, Россия была важным поставщиком нефтепродуктов в КНДР, а также оказывала гуманитарную помощь дальневосточному соседу. Например, в 2019 г. Россия внесла 4 млн долл. на продовольственную помощь Северной Корее по линии Всемирной продовольственной программы, и 4,8 млн долл. на медицинскую помощь по линии ЮНИСЕФ. В 2020 г. в рамках двусторонней помощи Россия поставила в КНДР 50 тыс. тонн пшеницы, из них 25 тыс. тонн были направлены на социальные объекты в пострадавшие ранее от тайфунов районы КНДР [Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020]. Таким образом, Россия вносила свой вклад в улучшение питания и медицинского обслуживания населения Северной Кореи, что находится в полном соответствии с ЦУР-2 и ЦУР-3. Значимой сферой сотрудничества до пандемии был совместный транспортно-логистический проект Хасан-Раджин, в рамках которого за счет российских инвестиций была модернизирована железнодорожная и портовая инфраструктура на северо-востоке КНДР [Торкунов, Толорая, Дьячков, 2021, с. 360–361]. Участие российских компаний в модернизации се-

верокейской транспортной сети могло бы способствовать достижению дальнейшего прогресса по ЦУР-9. Кроме того, Пхеньян давно проявляет интерес к сотрудничеству по реконструкции местных электростанций, построенных с помощью еще советских технологий. Изучение возможностей подобного взаимодействия в области энергетики находится в русле имплементации ЦУР-7, а также соответствует направлениям потенциального российского содействия развитию Северной Кореи, указанным в межправительственном Соглашении об урегулировании задолженности КНДР перед Россией [Соглашение между Правительством..., 2012]. На современном этапе, однако, потенциал двустороннего сотрудничества, способного внести вклад в прогресс по ЦУР, существенно превышает его реальное наполнение в связи со сложностями с финансированием совместных проектов.

Большей практической отдачей для КНДР отличается сотрудничество с Китаем, в 2010-е годы прочно занявшим место крупнейшего торгового партнера Республики⁵. Основными формами внешнего содействия со стороны Пекина стали экспорт энергоносителей, вложения в инфраструктурные проекты, продовольственная помощь, обучение и гуманитарные поставки [Reilly, 2014, p. 1167]. За счет отправки в КНДР существенных объемов зерна, а также топлива и удобрений, необходимых в сельском хозяйстве⁶, Пекин содействовал (и продолжает содействовать) имплементации ЦУР-2. С конца 2000-х годов отмечалось увеличение вложений Китая в портовую и приграничную инфраструктуру КНДР (например, строительство нового моста в районе Даньдун-Синьиджу, асфальтирование шоссе от приграничного Вонджона до порта Раджин) [Park, Kim, 2017, p. 82]. Все эти проекты были тесно связаны с собственными экономическими интересами КНР, параллельно способствуя модернизации северокейской транспортной сети (ЦУР-9), что свойственно современному китайскому подходу к финансированию помощи странам с низким уровнем развития [Михневич, 2020 с. 91]. Продолжение сотрудничества в области приграничной транспортной инфраструктуры могло бы внести вклад в имплементацию ЦУР-9 на региональном уровне, однако потребовало бы получения изъятий из санкционных ограничений и возобновления обменов КНДР с внешним миром.

Таким образом, несмотря на необходимость внешнего содействия для достижения Северной Кореей основных национальных целей устойчивого развития, в настоящее время возможности для международного сотрудничества с КНДР существенно ограничены. Для реализации совместных инициатив или проектов помощи требуется получение разрешения как со стороны санкционного комитета Совета Безопасности ООН, так и согласия на ввоз грузов в страну со стороны северокейского правительства. Однако учитывая инклюзивность ЦУР и глобальный масштаб поставленных в Повестке 2030 задач, в средне- и долгосрочной перспективе высока вероятность возобновления международного сотрудничества КНДР по первоочередным для республики направлениям устойчивого развития — в области сельского хозяйства, здравоохранения, обеспечения доступа к чистой питьевой воде и канализации, борьбы с изменением климата, энергетики и модернизации транспортной инфраструктуры. И главными партнерами в этом могут быть как международные гуманитарные организации, так и соседние Россия и Китай.

⁵ По южнокорейским оценкам, в 2021 г. на его долю приходилось более 95% всей внешней торговли Северной Кореи (в 2020 г. — 88%) [KOTRA, 2022].

⁶ Официальных данных по объемам помощи Северной Корее Пекин не предоставляет, однако по иностранным оценкам только поставки зерна могут составлять от 250 тыс. тонн [Reilly, 2014, p. 1172] до 500 тыс. тонн в год (см. [The Asahi Shimbun, 2020]).

Заключение

Для развивающихся стран с низким уровнем дохода актуальным вопросом национальной повестки является выработка собственной стратегии устойчивого развития. Повестка 2030 представляет собой важный ориентир и дорожную карту для достижения ЦУР по основным направлениям социально-экономического развития. При этом местная специфика оказывает свое влияние на подходы, методы и возможности реализации заявленных целей в каждом конкретном государстве. В поисках собственной стратегии руководство КНДР пытается использовать международный опыт, интегрируя ЦУР в национальные планы развития и используя более 50% включенных в Повестку 2030 индикаторов для мониторинга прогресса. При этом логика развития событий в современном мире сохраняет для северокорейского руководства актуальность «единственно верной» стратегии устойчивого развития под названием «опора на собственные силы». Одновременно просматривается понимание возникающих серьезных препятствий для реализации ЦУР на национальном уровне в случае невозможности нормального осуществления международного сотрудничества, существенно ограниченного по объективным и субъективным причинам.

С точки зрения действия внешних ограничений в конце 2019 г. Китай и Россия пытались запустить в Совете Безопасности ООН обсуждение проекта резолюции, предполагавшего ослабление части санкций в отношении КНДР. В частности, он включал ослабление ограничений на продажу Пхеньяном текстильных изделий и морепродуктов (вместе составлявших около 50% северокорейского экспорта в 2017 г.), поставок в КНДР отдельных видов промышленного оборудования (все поставки были запрещены в 2017 г.), а также возможность найма северокорейской рабочей силы за рубежом, являвшейся важным источником валютных поступлений до вступления в действие запрета в конце 2019 г. [Haggard, Zhang, 2020]. Из-за противодействия представителей западных стран во главе с США подобная инициатива не была поддержана, и вряд ли будет поддержана в обозримом будущем.

Что касается внутренних ограничений, Добровольный обзор по ЦУР постулирует необходимость укрепления противоэпидемической системы в целях защиты жизни граждан КНДР [Government of the DPRK, 2021, p. 21]. А это означает сохранение жесткого контроля и карантина для всех въезжающих в страну людей, а также карантин (длительностью до 2–3 месяцев) и дезинфекцию всего импорта на ближайшие годы. Первые случаи заражения коронавирусом, официально признанные властями в мае 2022 г., не изменили стратегию «максимальной закрытости» страны.

В результате на современном этапе международное сотрудничество с КНДР по имплементации ЦУР может осуществляться только с соблюдением всех внешних санкционных и внутренних карантинных ограничений. Россия, оказывавшая помощь соседней Северной Корее в 2010-е годы как в двустороннем формате, так и по каналам международных организаций, в 2021 г. уже не смогла этого делать в связи с закрытием границы КНДР. Однако, как показывает практика возобновления китайско-северокорейской торговли после запуска специального центра для дезинфекции импорта в начале 2022 г., восстановление грузопотока между Россией и КНДР также возможно при обеспечении схожих мер. Возобновление двустороннего сотрудничества, на которое настроены правительства обеих стран [Ministry for the Development..., 2022], может включать выработку дорожной карты по совместной имплементации ЦУР. В качестве первоочередных направлений при этом можно было бы рассмотреть образование, здравоохранение и энергетику. Именно они указаны в качестве потенциальных областей для реализации совместных проектов в Соглашении об урегулировании задолженно-

сти КНДР перед Россией, подписанном в 2012 г. В более широком контексте возможно рассмотрение форматов сотрудничества с участием третьих стран, прежде всего Китая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Булычев Г.Б., Коргун И.А. (2019) Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР // Проблемы Дальнего Востока. № 5 (2). С. 64–75. <https://doi.org/10.31857/S013128120007505-6>

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики об урегулировании задолженности Корейской Народно-Демократической Республики перед Российской Федерацией по предоставленным в период бывшего СССР кредитам (2012) [Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the Democratic People's Republic of Korea on the Settlement of the Debt of the Democratic People's Republic of Korea to the Russian Federation on Loans Granted During the Period of the Former USSR ("Agreement")], 17 сентября. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406250003?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 03.08.2022).

Asmolov K. (2022) Are We Approaching a Dangerous Line? Or a New World Order? // NEO, 14 June. Режим доступа: journal-neo.org/2022/06/14/are-we-approaching-a-dangerous-line-or-a-new-world-order/ (дата обращения: 25.07.2022).

Brown W.B. (2018) Special Report: North Korea's Shackled Economy // The National Committee on North Korea. Режим доступа: <https://www.ncnk.org/resources/briefing-papers/all-briefing-papers/special-report-north-koreas-shackled-economy-2018> (дата обращения: 30.08.2022).

Choi G., Hong J.H. (2021) North Korea's Implementation of SDGs: Focused on "Voluntary National Review". KINU Online Series CO 21-22, Korea Institute for National Unification. Режим доступа: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/062f09b0-b27b-4bf6-8725-e9706ac9d07a> (дата обращения: 30.08.2022).

Choi J.Y. (2020) The Impact of the Reinforced Sanctions on the North Korean Economy: Focused on the Ripple Effects From Trade Shock // The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. 32. No. 3. P. 371–391. <http://doi.org/10.22883/kjda.2020.32.3.003>

Food and Agriculture Organization (FAO)-World Food Programme (WFP) (2013) Special Report: FAO/WFP Crop and Food Security Assessment Mission to the Democratic People's Republic of Korea. Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/faowfp-crop-and-food-security-assessment-mission-democrat-3> (дата обращения: 30.08.2022).

Food and Agriculture Organization (FAO)-World Food Programme (WFP) (2019) Democratic People's Republic of Korea (DPRK): FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment. Режим доступа: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000104948/download/?_ga=2.7219122.1888037183.1661895601-384495664.1661895601 (дата обращения: 30.08.2022).

Frank R. (2019) The North Korean Parliamentary Session and Budget Report 2019: Signs of Economic Stagnation and an Open Claim to Leadership on the Korean Peninsula. 38 North, 14 April. Режим доступа: <https://www.38north.org/2019/04/rfrank041319/> (дата обращения: 25.07.2019).

Government of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) (2021) Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda. Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

Haggard S., Noland M. (2017) Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford: Stanford University Press.

Haggard S., Zhang L. (2020) The China-Russia Security Council Resolution Part 1: Sanctions Relief. Korea Economic Institute of America, 28 January. Режим доступа: <https://keia.org/the-peninsula/the-china-russia-security-council-resolution-part-1-sanctions-relief/> (дата обращения: 23.03.2022).

Hong J.H. (2018) North Korean Economy in the Kim Jong-un Regime. KINU Study Series 18-03, Korea Institute for National Unification. Режим доступа: <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20181200000000068.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).

Kim B.-Y. (2022) Marketization During Kim Jong-un's Era. KDI Working Paper, Korea Development Institute. Режим доступа: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17430/Marketization_during_Kim_Jong-un%E2%80%99s_Era (дата обращения: 30.08.2022).

Koen V., Beom J. (2020) North Korea: The Last Transition Economy? OECD Working Paper No 1607, Organisation for Economic Co-operation and Development. Режим доступа: <https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP%282020%2915&docLanguage=En> (дата обращения: 30.08.2022).

Korean Central News Agency (KCNA) (2021a) With Proud Innovation and Progress, Let Us Glorify the Procession of the First Year of the Implementation of the Decision of the Party Congress. Report on the II Plenum of the Central Committee of the WPK of the Eighth Convocation. 12 February. Режим доступа: <https://www.kcna.kp/ru/article/q/8ab5db473093ab4f24e6a43b5e3ccbf.kcmsf> (дата обращения: 01.08.2022).

Korean Central News Agency (KCNA) (2021b) Opening Speech by Esteemed Comrade Kim Jong-un at the VIII Congress of the Workers' Party of China. 6 January. Режим доступа: <https://www.kcna.kp/ru/article/q/14fc27966c933fb6980ab54d841a3869.kcmsf> (дата обращения: 01.08.2022).

Korgun I., Zakharova L. (2022) Rational vs. Behavioural Approach to DPRK's Sanctions Problem. The Institute of Economics RAS. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov & Co." <http://dx.doi.org/10.29030/978-5-394-05078-7-2022>

KOTRA (2022) 2021 bukan daeoeumuyeok donghyang [North Korea Foreign Trade Trends in 2021]. Seoul. Режим доступа: https://dream.kotra.or.kr/kotranews/cms/news/actionKotraBoardDetail.do?MENU_ID=530&pNttSn=195519 (дата обращения: 30.08.2022). (in Korean)

Larionova M. (2020) Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World // International Organisations Research Journal. Vol. 15. No. 4. P. 163–188. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-08>

Larionova M., Safonkina E. (2018) The First Five Decades of Cooperation for Development. Actors, Achievements and Challenges // International Organisations Research Journal. Vol. 13. No. 4. P. 96–136. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-05>

Lee S. (ed.) (2021) The DPRK Economic Outlook. KDI Series No 2020/2021, Korea Development Institute. Режим доступа: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook&pg=1&pp=10&mcd=002003 (дата обращения: 30.08.2022).

Mikhnevich S. (2020) Pursuing Balance: Analysis of the PRC's Implementation of Trade and Investment SDGs in Cooperation With Leading Partners From the Least Developed Countries // International Organisations Research Journal. Vol. 15. No. 1. P. 84–119. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-04>

Ministry for the Development of the Russian Far East (2022) Rossiya i KNDR zainteresovany v prodolzhenii sovmestnyh infrastrukturykh proektov i vosstanovlenii prervannogo pandemiej torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva [Russia and North Korea Are Interested in Continuing Joint Infrastructure Projects and Restoring Trade and Economic Cooperation Interrupted by the Pandemic]. Режим доступа: https://minvr.gov.ru/press-center/news/rossiya_i_kndr_zainteresovany_v_prodolzhenii_sovmestnykh_infrastrukturnykh_proektov_i_vosstanovlenii/ (дата обращения: 01.07.2022). (in Russian)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (RF) (2020) Brifing oficial'nogo predstavitelja MID Rossii M.V. Zaharovoj [Briefing by MFA Spokesperson Maria Zakharova]. Moscow, 15 October. Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390936#11 (дата обращения: 02.07.2022). (in Russian)

Panel of Experts (2022) Final Report of the Panel of Experts Submitted Pursuant to Resolution 2569 (2021). 1 March. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/252/09/PDF/N2225209.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.07.2022).

Park J., Kim E. (2017) China's Aid to North Korea, Is It Exceptional? A Comparative Analysis With China's Aid to Africa // International Journal of Korean Unification Studies. Vol. 26. No. 2. P. 67–94. Режим доступа: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/ef8f1619-a437-410f-8b3a-a324d541296c> (дата обращения: 30.08.2022).

Reilly J. (2014) The Curious Case of China's Aid to North Korea // Asian Survey. Vol. 54. No. 6. P. 1158–1183. <http://dx.doi.org/10.1525/as.2014.54.6.1158>

Smith H. (2015) *North Korea: Markets and Military Rule*. Cambridge University Press.

Smith H. (2020) The Ethics of United Nations Sanctions on North Korea: Effectiveness, Necessity and Proportionality // *Critical Asian Studies*. Vol. 52. No. 2. P. 182–203. <https://doi.org/10.1080/14672715.2020.1757479>

Sung J.K., Jung T.Y., Jin Y. (2022) Evaluation of Sustainable Development Goals for North Korea and Its Implication // *Korea and the World Economy*. Vol. 23. No. 1. P. 35–56. <https://doi.org/10.46665/kwe.2022.04.23.1.35>.

Suslina S.S. (2015) Energeticheskie disbalansy Severnoj i YUzhnoj Korei i vozmozhnosti mezhdunarodnogo energeticheskogo sotrudnichestva [Energy Imbalances in North and South Korea and Opportunities for International Energy Cooperation] // *Koreya: 70 let posle osvobozhdeniya*. M.: IDV RAN. (in Russian)

Suslina S.S. (2018) Koreya: 70 let raskola [Korea: 70 Years of Division] // *Aziya i Afrika segodnya*. No. 11 (736). P. 2–9. (in Russian)

The Asahi Shimbun (2020) China Bailout to North Korea: Massive Food and Fertilizer Aid. 3 November. Режим доступа: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13897237> (дата обращения: 30.08.2022).

Toloraya G.D. (ed.) (2015) *Nespokojnoe sosedsstvo: problemy Korejskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii* [Uneasy Neighborhood. Problems of the Korean Peninsula and Challenges to Russia]. Moscow: MGIMO-University. (in Russian)

Toloraya G.D., Korgun I.A., Gorbacheva V.O. (2020) *Sankcii v otnoshenii KNDR: analiz posledstvij i uroki* [Sanctions on North Korea: Impact Analysis and Lessons]. Academic Report. M.: Institut ekonomiki RAN. (in Russian).

Torkunov A.V., Toloraya G.D., D'yachkov I.V. (2021) *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Contemporary Korea: Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. M.: Prosveshchenie. (in Russian)

Trigubenko M.E. (ed.) (1985) *Koreiskaya Narodno-Demokraticeskaya Respublika* [Democratic People's Republic of Korea]. Moscow: Nauka. (in Russian)

United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (UN OCHA) (2020) *DPR Korea Needs and Priorities 2020*. Режим доступа: https://dprkorea.un.org/sites/default/files/2020-04/2020_DPRK_Needs_and-Priorities_Plan.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

United Nations Statistics Division (UNSD) (n.d.) *Country Profile: DPRK – Gross Domestic Product*. Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/CountryProfile#> (дата обращения: 30.08.2022).

von Hippel D., Hayes P. (2021) *Laying the Foundations of the DPRK Energy Security: 1990–2020 Energy Balances, Engagement Options, and Future Paths for Energy and Economic Development*. The Nautilus Institute, April. Режим доступа: <http://nautilus.org/wp-content/uploads/2021/04/DPRK-Energy-2020-Update-Main-Report-final.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).

Vorontsov A.V. (2020) *Bor'ba s koronavirusom na Korejskom poluostrove* [Fighting Coronavirus on the Korean Peninsula] // *Aziya i Afrika segodnya*. No. 9. P. 29–35. (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750010857-4>

Yang M.-S. (2021) *The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation*. KDI Working Paper, Korea Development Institute. Режим доступа: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17116/The_Economic_Reform_of_North_Korea_in_the_Kim_Jong_Un_Era:_Status_&_Evaluation&pg=3&pp=10&mcd=002003 (дата обращения: 30.08.2022).

Zakharova L. (2019) The Influence of UN Security Council Sanctions on the North Korean Economy // *International Organisations Research Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 192–211. (in Russian and English). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-09>

Zakharova L.V. (2017) *Ekonomika KNDR: vzglyad iznutri* [Economy of the DPRK: An Inside Look] // *Aziya i Afrika segodnya*. No. 12. P. 38–45. Режим доступа: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-359/> (дата обращения: 30.08.2022). (in Russian)

Zaytsev Y. (2020) New Challenges for Russia's Foreign Aid and Its Contribution to the Sustainable Development Goals // *International Organisations Research Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 63–83. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-03>

A Bumpy Road to Bright Goals: North Korea's Approach to Implementing the 2030 Agenda and Prospects for International Cooperation¹

L. Zakharova

Liudmila Zakharova – PhD (Candidate of Science) in Economics, Associate Professor, Department of World Economy, MGIMO University; Academic Secretary, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; l.v.zakharova@my.mgimo.ru. ORCID: 0000-0001-6164-3518

Abstract

One of the issues on the national agenda of low-income developing countries is the formulation of their own sustainable development strategies. The United Nations (UN) 2030 Agenda for Sustainable Development is an important benchmark and road map for achieving this goal. At the same time, local specifics have an impact on the approaches, methods and possibilities for achieving the declared goals in each particular state.

This study analyzes the Democratic People's Republic of Korea's (DPRK) Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda, official North Korean statements, and Russian and foreign academic and analytical publications in order to outline North Korea's approach to localizing the sustainable development goals (SDGs), identify problems arising in this process, and highlight prospects for international cooperation. Methods of comparative and content analysis were used in the research.

It is maintained that, in search of its own strategy, the DPRK's leadership is trying to use international experience by integrating the SDGs into national development plans. North Korean specifics lie in reformulating global SDGs according to the national narrative of local-style socialism construction, the decisive role of the state in the development and implementation of actual plans, a formal approach to the implementation of some SDGs, and a focus on economic self-sufficiency as a guarantee of sustainable development.

Despite the need for external assistance to achieve the main national SDGs, at present, the possibilities for international cooperation with the DPRK are significantly limited. The implementation of joint initiatives or assistance projects requires both obtaining permission from the UN Security Council 1718 Sanctions Committee and opening the borders of North Korea, which have been closed due to the coronavirus pandemic. However, given the global scope of the tasks set out in the 2030 Agenda, it is highly likely that in the medium and long term the DPRK will resume international cooperation in key areas of sustainable development – agriculture, health care, access to clean drinking water and sanitation, and climate change, as well as energy and transport infrastructure modernization. The main partners in this cooperation can be international organizations and neighbouring Russia and China.

Keywords: DPRK, North Korea, 2030 Agenda, Sustainable Development Goals, self-reliance, sanctions, international cooperation

Acknowledgments: this research was funded by MGIMO-University, project No. 2023-03-03.

For citation: Zakharova L. (2022) A Bumpy Road to Bright Goals: North Korea's Approach to Implementing the 2030 Agenda and Prospects for International Cooperation. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 175–193 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-07

¹ This article was submitted 29.03.2022.

References

- Asmolov K. (2022) Are We Approaching a Dangerous Line? Or a New World Order? *NEO*, 14 June. Available at: <https://journal-neo.org/2022/06/14/are-we-approaching-a-dangerous-line-or-a-new-world-order/> (accessed 25 July 2022).
- Brown W.B. (2018) Special Report: North Korea's Shackled Economy. The National Committee on North Korea. Available at: <https://www.ncnk.org/resources/briefing-papers/all-briefing-papers/special-report-north-koreas-shackled-economy-2018> (accessed 30 August 2022).
- Bulychev G.B., Korgun I.A. (2019) Sankcii i ih posledstviya dlya trgovli i ekonomiki KNDR [Sanctions and Their Consequences for Trade and the Economy of the DPRK]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no 5 (2), pp. 64–75. (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120007505-6>
- Choi G., Hong J.H. (2021) North Korea's Implementation of SDGs: Focused on “Voluntary National Review.” KINU Online Series CO 21-22, Korea Institute for National Unification. Available at: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/062f09b0-b27b-4bfb-8725-e9706ac9d07a> (accessed 30 August 2022).
- Choi J.Y. (2020) The Impact of the Reinforced Sanctions on the North Korean Economy: Focused on the Ripple Effects From Trade Shock. *The Korean Journal of Defense Analysis*, vol. 32, no 3, pp. 371–391. doi:10.22883/kjda.2020.32.3.003
- Food and Agriculture Organization (FAO)-World Food Programme (WFP) (2013) Special Report: FAO/WFP Crop and Food Security Assessment Mission to the Democratic People's Republic of Korea. Available at: <https://reliefweb.int/report/democratic-peoples-republic-korea/faowfp-crop-and-food-security-assessment-mission-democrat-3> (accessed 30 August 2022).
- Food and Agriculture Organization (FAO)-World Food Programme (WFP) (2019) Democratic People's Republic of Korea (DPRK): FAO/WFP Joint Rapid Food Security Assessment. Available at: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000104948/download/?_ga=2.7219122.1888037183.1661895601-384495664.1661895601 (accessed 30 August 2022).
- Frank R. (2019) The North Korean Parliamentary Session and Budget Report 2019: Signs of Economic Stagnation and an Open Claim to Leadership on the Korean Peninsula. 38 North, 14 April. Available at: <https://www.38north.org/2019/04/rfrank041319/> (accessed 25 July 2019).
- Government of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) (2021) Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review on the Implementation of the 2030 Agenda. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (accessed 8 August 2021).
- Haggard S., Noland M. (2017) *Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea*. Stanford: Stanford University Press.
- Haggard S., Zhang L. (2020) The China-Russia Security Council Resolution Part 1: Sanctions Relief. Korea Economic Institute of America, 28 January. Available at: <https://keia.org/the-peninsula/the-china-russia-security-council-resolution-part-1-sanctions-relief/> (accessed 23 March 2022).
- Hong J.H. (2018) North Korean Economy in the Kim Jong-un Regime. KINU Study Series 18-03, Korea Institute for National Unification. Available at: <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20181200000000068.pdf> (accessed 30 August 2022).
- Kim B.-Y. (2022) Marketization During Kim Jong-un's Era. KDI Working Paper, Korea Development Institute. Available at: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17430/Marketization_during_Kim_Jong-un%E2%80%99s_Era (accessed 30 August 2022).
- Koen V., Beom J. (2020) North Korea: The Last Transition Economy? OECD Working Paper No 1607, Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP%282020%2915&docLanguage=En> (accessed 30 August 2022).
- Korean Central News Agency (KCNA) (2021a) With Proud Innovation and Progress, Let Us Glorify the Procession of the First Year of the Implementation of the Decision of the Party Congress. Report on the II Plenum of the Central Committee of the WPK of the Eighth Convocation. 12 February. Available at: <https://www.kcna.kp/ru/article/q/8ab5db473093ab4f24e6a43b5e3ccfbf.kcmsf> (accessed 1 August 2022).

Korean Central News Agency (KCNA) (2021b) Opening Speech by Esteemed Comrade Kim Jong-un at the VIII Congress of the Workers' Party of China. 6 January. Available at: <https://www.kcna.kp/ru/article/q/14fc27966c933fb6980ab54d841a3869.kcmsf> (accessed 1 August 2022).

Korgun I., Zakharova L. (2022) Rational vs. Behavioural Approach to DPRK's Sanctions Problem. The Institute of Economics RAS. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov & Co." <http://dx.doi.org/10.29030/978-5-394-05078-7-2022>

KOTRA (2022) 2021 bukan daeomuyeok donghyang [North Korea Foreign Trade Trends in 2021]. Seoul. Available at: https://dream.kotra.or.kr/kotranews/cms/news/actionKotraBoardDetail.do?MENU_ID=530&pNttSn=195519 (accessed 30 August 2022). (in Korean)

Larionova M. (2020) Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 4, pp. 163–88. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-08>

Larionova M., Safonkina E. (2018) The First Five Decades of Cooperation for Development. Actors, Achievements and Challenges. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. 96–136. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-05>

Lee S. (ed.) (2021) *The DPRK Economic Outlook*. KDI Series No 2020/2021, Korea Development Institute. Available at: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook&pg=1&pp=10&mcd=002003 (accessed 30 August 2022).

Mikhnevich S. (2020) Pursuing Balance: Analysis of the PRC's Implementation of Trade and Investment SDGs in Cooperation With Leading Partners From the Least Developed Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 1, pp. 84–119. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-04>

Ministry for the Development of the Russian Far East (2022) Rossiya i KNDR zainteresovany v prodolzhenii sovместnykh infrastrukturykh proektov i vosstanovlenii prervannogo pandemiej torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva [Russia and North Korea Are Interested in Continuing Joint Infrastructure Projects and Restoring Trade and Economic Cooperation Interrupted by the Pandemic]. Available at: https://minvr.gov.ru/press-center/news/rossiya_i_kndr_zainteresovany_v_prodolzhenii_sovместnykh_infrastrukturnykh_proektov_i_vosstanovlenii/ (accessed 1 July 2022). (in Russian)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (RF) (2020) Brifing oficial'nogo predstavitelja MID Rossii M.V. Zaharovoj [Briefing by MFA Spokesperson Maria Zakharova]. Moscow, 15 October. Available at: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390936#11 (accessed 2 July 2022). (in Russian)

Panel of Experts (2022) Final Report of the Panel of Experts Submitted Pursuant to Resolution 2569 (2021). 1 March. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/252/09/PDF/N2225209.pdf?OpenElement> (accessed 22 July 2022).

Park J., Kim E. (2017) China's Aid to North Korea, Is It Exceptional? A Comparative Analysis With China's Aid to Africa. *International Journal of Korean Unification Studies*, vol. 26, no 2, pp. 67–94. Available at: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/ef8f1619-a437-410f-8b3a-a324d541296c> (accessed 30 August 2022).

Reilly J. (2014) The Curious Case of China's Aid to North Korea. *Asian Survey*, vol. 54, no 6, pp. 1158–83. <http://dx.doi.org/10.1525/as.2014.54.6.1158>

Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki ob uregulirovanii zadolzhennosti Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki pered Rossijskoj Federaciej po predostavlenным v period byvshego SSSR kreditam [Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the Democratic People's Republic of Korea on the Settlement of the Debt of the Democratic People's Republic of Korea to the Russian Federation on Loans Granted During the Period of the Former USSR ("Agreement")], 17 September 2012. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406250003?index=1&rangeSize=1> (accessed 3 August 2022). (in Russian)

Smith H. (2015) *North Korea: Markets and Military Rule*. Cambridge University Press.

Smith H. (2020) The Ethics of United Nations Sanctions on North Korea: Effectiveness, Necessity and Proportionality. *Critical Asian Studies*, vol. 52, no 2, pp. 182–203. <https://doi.org/10.1080/14672715.2020.1757479>

- Sung J.K., Jung T.Y., Jin Y. (2022) Evaluation of Sustainable Development Goals for North Korea and Its Implication. *Korea and the World Economy*, vol. 23, no 1, pp. 35–56. <https://doi.org/10.46665/kwe.2022.04.23.1.35>
- Suslina S.S. (2015) Energeticheskie disbalansy Severnoj i YUzhnoj Korei i vozmozhnosti mezhdunarodnogo energeticheskogo sotrudnichestva [Energy Imbalances in North and South Korea and Opportunities for International Energy Cooperation]. *Koreya: 70 let posle osvobozhdeniya*. M.: IDV RAN. (in Russian)
- Suslina S.S. (2018) Koreya: 70 let raskola [Korea: 70 Years of Division]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 11 (736), pp. 2–9. (in Russian)
- The Asahi Shimbun (2020) China Bailout to North Korea: Massive Food and Fertilizer Aid. 3 November. Available at: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13897237> (accessed 2 August 2022).
- Toloraya G.D. (ed.) (2015) Nespokojnoe sosledstvo: problemy Korejskogo poluostrova i vyzovy dlya Rossii [Uneasy Neighborhood. Problems of the Korean Peninsula and Challenges to Russia]. Moscow: MGIMO-University. (in Russian)
- Toloraya G.D., Korgun I.A., Gorbacheva V.O. (2020) Sankcii v otnoshenii KNDR: analiz posledstvij i uroki [Sanctions on North Korea: Impact Analysis and Lessons]. Academic Report. M.: Institut ekonomiki RAN. (in Russian)
- Torkunov A.V., Toloraya G.D., D'yachkov I.V. (2021) Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnyh let (2008–2020 gg.) [Contemporary Korea: Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. M.: Prosveshchenie (in Russian).
- Trigubenko M.E. (ed.) (1985) Koreiskaya Narodno-Demokraticeskaya Respublika [Democratic People's Republic of Korea]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (UN OCHA) (2020) DPR Korea Needs and Priorities 2020. Available at: https://dprkorea.un.org/sites/default/files/2020-04/2020_DPRK_Needs_and-Priorities_Plan.pdf (accessed 30 August 2022).
- United Nations Statistics Division (UNSD) (n.d) Country Profile: DPRK – Gross Domestic Product. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/CountryProfile#> (accessed 2 September 2021).
- von Hippel D., Hayes P. (2021) Laying the Foundations of the DPRK Energy Security: 1990–2020 Energy Balances, Engagement Options, and Future Paths for Energy and Economic Development. The Nautilus Institute, April. Available at: <http://nautilus.org/wp-content/uploads/2021/04/DPRK-Energy-2020-Update-Main-Report-final.pdf> (accessed 30 August 2022).
- Vorontsov A.V. (2020) Bor'ba s koronavirusom na Korejskom poluostrove [Fighting Coronavirus on the Korean Peninsula]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 9, pp. 29–35. (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750010857-4>
- Yang M.-S. (2021) The Economic Reform of North Korea in the Kim Jong Un Era: Status & Evaluation. KDI Working Paper, Korea Development Institute. Available at: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17116/The_Economic_Reform_of_North_Korea_in_the_Kim_Jong_Un_Era:_Status_&_Evaluation&pg=3&pp=10&mcd=002003 (accessed 30 August 2022).
- Zakharova L. (2019) The Influence of UN Security Council Sanctions on the North Korean Economy. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 192–211. (in Russian and English. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-09>
- Zakharova L.V. (2017) Ekonomika KNDR: vzglyad iznutri [Economy of the DPRK: An Inside Look]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 12, pp. 38–45. (in Russian). Available at: <https://asaf-today.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-359/> (accessed 30 August 2022).
- Zaytsev Y. (2020) New Challenges for Russia's Foreign Aid and Its Contribution to the Sustainable Development Goals. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 1, pp. 63–83. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-03>

Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе¹

О.Г. Леонова

Леонова Ольга Георгиевна — д.полит.н., профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Россия, 119992, Москва, Ленинские горы, стр. 13/14; politolga@gmail.com

Аннотация

Целью стратегического альянса АУКУС является развитие сотрудничества стран-членов (США, Великобритания и Австралия) в области безопасности и обороны в Индо-Тихоокеанском регионе. Договор предусматривает поставку Австралии подводных лодок, работающих на ядерных реакторах.

Появление этого нового стратегического альянса обусловили следующие факторы: возросшая мощь КНР в регионе; ослабление позиций США в Индо-Тихоокеанском регионе; стремление Великобритании к практической реализации стратегии «глобальной Британии»; необходимость для США иметь надежных союзников для сдерживания Китая.

Данные факторы раскрывают истинную цель АУКУС — сдерживание Китая, противостояние его активной политике в регионе.

В статье использован сравнительный метод анализа, который позволил раскрыть различие целей и геополитических интересов стран — участниц АУКУС. Системный подход помог описать сущность сложной развивающейся геополитической системы Индо-Тихоокеанского региона. Теории нового институционализма и конструктивизма позволили выявить как непрерывность, так и разрывы в политике безопасности и внешней политике региональных акторов.

Участие Австралии в АУКУС позволяет ей укрепить свои политические связи с влиятельными партнерами — США и Великобританией; получить от них дополнительные гарантии безопасности в условиях возросшей активности китайской политики в регионе; повысить статус страны в региональной иерархии; укрепить свою обороноспособность. Вступление в АУКУС означает формирование новой стратегии Австралии в регионе, которую можно назвать антикитайской.

Великобритании членство в АУКУС позволяет расширить свое военно-морское присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе; укрепить особые отношения с США и поправить имидж, пошатнувшийся после выхода страны из ЕС; восстановить традиционные связи с Австралией.

Для США АУКУС — это реализация стратегии «поворота» к Азии и создание нового альянса, который обладает большими возможностями военно-стратегического сотрудничества перед лицом угрозы со стороны Китая использовать Тихий океан для вытеснения США с лидирующих позиций.

Создание АУКУС может иметь различные геополитические последствия для региона: эскалация напряженности и гонка ядерных вооружений противостоящих сторон; новая холодная война с Китаем; расширение клуба ядерных держав за счет Австралии; нарушение баланса геополитических сил в регионе; подрыв трансатлантического единства и общей стратегии во внешней политике европейских стран и США.

Ключевые слова: АУКУС, стратегический альянс, Индо-Тихоокеанский регион, баланс сил, Австралия, США, Великобритания, Китай

¹ Статья поступила в редакцию 07.04.2022.

Для цитирования: Леонова О.Г. Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 194–211 (на русском и английском языках). doi:10.17323/19967845-2022-03-08

Введение

АУКУС — это стратегический альянс, который позиционируется как «новое расширенное трехстороннее партнерство в области безопасности между Австралией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами». Его официальной целью было объявлено сохранение мира, безопасности и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе на долгосрочный период и «противостояние угрозам сегодняшнего и завтрашнего дня» [The White House, 2021].

АУКУС не содержит положения о взаимной обороне его членов, подобное ст. 5 Устава Североатлантического альянса (НАТО)². Главным содержанием этого партнерства является технологическое сотрудничество сторон и помощь Австралии в создании собственных атомных ударных подводных лодок.

Углубление сотрудничества трех его членов в области безопасности и обороны в Индо-Тихоокеанском регионе [Chinoy, 2021] предусматривает поставку Австралии подводных лодок с обычным вооружением, работающих на ядерных реакторах [The White House, 2021]. Эти подводные лодки оснащены тихими двигательными установками (а значит, имеют меньше шансов быть замеченными), высокоточными системами дальнего поражения и способны преодолевать большие расстояния.

Официально подчеркивается, что АУКУС имеет именно оборонительный характер, и военное сотрудничество является главным содержанием его деятельности. Однако такие характеристики военной техники свидетельствуют о том, что она может быть использована и для наступательных целей.

Другими важными задачами АУКУС, как заявил президент США Джо Байден на брифинге по поводу его провозглашения, является «поддержание и расширение нашего превосходства в военном потенциале и критических технологиях, таких как кибернетика, искусственный интеллект, квантовые технологии и подводные области» [Ibid.].

Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) в последнее время стал играть важную роль в мировой политике. От динамики происходящих в нем процессов во многом зависит стабильность мировой политической системы, он также является ареной стратегической деятельности великих держав и их геополитического соперничества [Medcalf, 2020].

С созданием нового альянса США, Великобритании и Австралии — АУКУС — в развитии Индо-Тихоокеанского региона появились новые тенденции.

² Статья 5. Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона [НАТО, 1949].

В сентябре 2021 г. было объявлено о создании АУКУС (AUKUS) – Пакта о безопасности между Австралией, Великобританией и США.

Цель статьи: выявить, каким образом создание АУКУС и укрепление механизма партнерства стран-участниц может повлиять на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе³.

Постановка проблемы (исследовательский вопрос): какие геополитические последствия для Индо-Тихоокеанского региона может иметь создание АУКУС?

Гипотеза: АУКУС продолжает тенденцию к углублению геополитического раскола в Индо-Тихоокеанском регионе, превращению региона в арену военно-политического противостояния и может привести к изменению баланса сил. АУКУС содействует ускорению формирования локальной биполярной системы: с одной стороны, антикитайский (проамериканский) блок (США, Австралии, Япония), с другой стороны – Китай.

Для достижения поставленной цели и доказательства гипотезы необходимо решить следующие задачи:

- выявить факторы, обусловившие появление АУКУС;
- сформулировать цели, задачи участия в АУКУС Австралии и его политические последствия;
- описать позицию Великобритании, ее цели и задачи участия в альянсе;
- раскрыть интересы США и роль АУКУС в их реализации;
- показать взаимосвязь преследуемых сторонами целей и интересов и формирования новой геополитической ситуации в регионе.

Методы исследования

В настоящей статье использован сравнительный метод анализа, который позволяет исследовать динамику политической ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе, политических процессов и соотношения политических сил. Данный метод позволил выявить различие целей, интересов и позиций стран – участниц проекта АУКУС. При помощи структурно-функционального подхода стало возможным определить цели, задачи и позиции заинтересованных сторон. Системный подход помог раскрыть тенденции формирования новой геополитической ситуации в регионе, где взаимосвязь и взаимозависимость ведущих элементов формирует сложную развивающуюся геополитическую систему. Теории нового институционализма и конструктивизма помогли показать, как непрерывность, так и разрывы в политике безопасности и внешней политике ведущих акторов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Обзор публикаций

Тема баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе [Medcalf, 2020], новые тенденции в его развитии, роль в мировой политике, геополитическое соперничество великих держав достаточно широко освещаются в трудах зарубежных ученых. По мнению Майкла Р. Ослина, геополитическая конкуренция в нем обостряется и начинает угрожать стабильности не только в Азии, но и во всем мире [Auslin, 2020]. Ричард Макгрегор полагает, что определяющим фактором для баланса сил в регионе являются трехсторонние отношения: США – Китай – Япония, а усиление Китая и ослабление США могут

³ Подробнее о балансе сил в Индо-Тихоокеанском регионе, сложившемся до появления АУКУС, а также о стратегии США и Китая в ИТР, см. [Barthwal-Datta, Chacko, 2020; Heydarian, 2020; Kumar, Verma, Shah, 2020; Chacko, 2014; Леонова, 2021].

поменять баланс сил и разрушить существующую структуру безопасности [McGregor, 2018].

Большое внимание исследователи уделяли роли США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а затем, после того, как в политическом дискурсе утвердилось новое название, отражающее его геополитическое расширение, — в Индо-Тихоокеанском, а также субрегионах Восточной и Юго-Восточной Азии⁴.

В 2016 г., когда еще не был официально принят термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР), изучению последствий американской стратегии «поворота» к Азии, и в частности к АТР, посвятили свое исследование Дж. Кеннеди и Х.В. Пант [Kennedy, Pant, 2016].

В ряде работ рассматриваются внешняя политика США в регионе во времена президентства Дональда Трампа, реакция на нее региональных держав и последствия для баланса сил [Akaha, Yuan, Liang, 2021; Heydarian, 2020].

В центре работы Майкла Грина — проблема, которая определяет политику США в отношении Восточной Азии, а именно угроза со стороны Китая использовать Тихий океан для вытеснения Америки с лидирующих позиций [Green, 2019].

Значительный интерес вызывает у исследователей и проблема соперничества США и Китая в данном стратегически важном ареале.

Райан Хасс прогнозирует, что конкуренция останется доминирующей чертой их отношений, но им придется взаимодействовать при решении общих глобальных проблем [Hass, 2021].

Джон Дж. Миршаймер полагает, что растущий Китай будет стремиться доминировать в Азии, а стремление США сохранить свою лидирующую позицию в регионе неизбежно приведет к столкновению интересов двух великих держав [Mearsheimer, 2014].

Роберт Д. Каплан, анализируя интересы США в АТР, также интерпретирует их в контексте возрастающей активности политики Китая [Kaplan, 2015].

Описанию стратегии Китая по превращению в глобальную сверхдержаву и вытеснению США с позиций лидера в Восточной Азии посвящена книга Руша Доши [Doshi, 2021].

Исследования Дэвида Шамбо и Себастьяна Странджио посвящены стратегической конкуренции США и Китая в Юго-Восточной Азии. От исхода этой конкуренции зависит, покинут ли страны ЮВА сферу американского влияния и окажутся ли полностью под влиянием Китая [Shambaugh, 2020; Strangio, 2020].

Абрахам М. Денмарк, описывая динамику геополитической ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе, констатирует ослабление позиций США и усиление влияния Китая. Автор полагает, что американские союзники и партнеры могут сыграть решающую роль в конкуренции двух стран [Denmark, 2020].

Особую группу составляют исследования, посвященные анализу роли Австралии как державы средней мощности и ее возможностям влиять на геополитическую ситуацию в регионе [Turnbull 2021; Reus-Smit, 2021; Strating, Westendorf, 2020].

Ряд статей посвящен внешней политике Австралии, ее оборонной стратегии, в том числе истории, сущности и целям альянса с США [Erskine, 2022; Henry, 2020; Wirth, 2019; Sheng Hao Chai, 2020].

Большое место занимают работы, в которых прослеживается эволюция взаимоотношений Австралии с Китаем и констатируется их ухудшение и рост напряженности между странами [Hewes, Hundt, 2022; He, 2021; Medcalf, 2019; Johanson et al., 2019; Köllner, 2021; The deterioration..., 2020].

⁴ Подробнее об этом см. [Choong, 2019; Doyle, Rumley, 2020; Pardesi, 2020; Kuo, 2018].

Однако проблема влияния АУКУС на геополитическую ситуацию и баланс сил в регионе требует отдельного исследования.

Факторы, обусловившие появление АУКУС

Появление АУКУС обусловлено рядом *факторов*. Первый из них — возросшая мощь Китая [Mearsheimer, 2014; He, 2021], претендующего на статус регионального лидера [Sheng Hao Chai, 2020], что уже давно вызывает беспокойство США и Австралии [Hass, 2021; Shambaugh, 2020]. Как констатируется в новой Индо-Тихоокеанской стратегии США, Индо-Тихоокеанский регион сталкивается с растущими вызовами, особенно со стороны КНР [The White House, 2022, p. 5]. В последние годы Китай осуществлял крупные инвестиции в военную модернизацию, в результате чего сегодня он располагает крупнейшими в мире военно-морскими и подводными силами. В западной части Тихого океана он уже достиг паритета с Соединенными Штатами, а в некоторых областях, возможно, даже и получил превосходство над ними [Doshi, 2021].

Второй фактор — это, как полагает ряд исследователей, ослабление позиций США в Индо-Тихоокеанском регионе [Auslin, 2020; Strating, Westendorf, 2020], которое стало особенно заметным как последствие деятельности Д. Трампа на посту президента США [McGregor, 2018]. Поэтому США, чтобы сохранить свое доминирование в регионе, *потребовались союзники*, которые могли бы разделить с ними бремя противостояния растущей глобальной державе, все риски и издержки, в том числе гонки вооружений [Denmark, 2020; Strangio, 2020].

Третий фактор — стратегия «глобальной Британии», по которой Брексит, хотя и является ее частью, все же нанес ощутимый удар.

Таким образом, появление АУКУС обусловлено сближением стратегических интересов трех стран [Blaxland, 2021], а в идеологической сфере подкрепляется их «демократической» идентичностью.

Поэтому *реальной целью* АУКУС, несомненно, является противостояние Китаю, его активной политике в регионе [Curran, 2021] и сохранение Соединенными Штатами своего регионального лидерства в Азии.

Цели, задачи и интересы сторон

Рассмотрим позиции, цели, задачи и интересы сторон: Австралии, Великобритании и США.

Позиция Австралии

Провозглашение партнерства АУКУС показало, что Австралия сделала окончательный стратегический выбор [Turnbull, 2021]. Она четко определила свои позиции в набирающем темпе соперничестве с Китаем за влияние в регионе. На протяжении многих лет Австралия пыталась «сидеть на двух стульях» и занимала амбивалентную позицию, полагая, что обеспечивает себе безопасность благодаря союзу с Соединенными Штатами [Henry, 2020; Wirth, 2019] и процветание благодаря экономическому партнерству с Китаем [Johanson et al., 2019]. Разные правительства страны всегда открыто критиковали политику Китая в регионе [Hewes, Hundt, 2022], а также позиционировали себя в авангарде антикитайской оппозиции. Но в результате активной политики Пекина в регионе Тихого океана, которую западные страны расценивают как

«военно-морскую экспансию», Австралия пошла на фундаментальный пересмотр своей политики по отношению к Китаю [He, 2021; Medcalf, 2019; Chinoy, 2021].

В последнее время взаимоотношения Австралии и Китая, которые долгое время были торговыми партнерами, значительно ухудшились. Именно Австралия призвала правительства других стран провести независимое расследование происхождения COVID-19 [The deterioration..., 2020], выражала озабоченность по поводу обращения с уйгурами⁵, а также «запретила китайским коммуникационным технологиям 5G использовать свою инфраструктуру из соображений безопасности» [French, 2021].

Реакция Китая была суровой: в рамках санкционной политики он ввел жесткие экономические тарифы против широкого спектра австралийских товаров, в том числе вина и говядины, ежегодный экспорт которых оценивается примерно в 3,5 млрд долл. [The deterioration..., 2020].

Участвуя в АУКУС, Австралия решает несколько важных для себя задач. Одна из них — углубление и развитие своего традиционного партнерства с США и Великобританией путем укрепления с ними политических связей через участие в АУКУС [Henry, 2020; Wirth, 2019].

Вторая задача: членство в данном пакте, как полагают в Австралии, повышает статус страны в региональной иерархии. Опираясь на поддержку двух других глобальных держав, она теперь может реализовать свои амбиции на лидерство в Индо-Тихоокеанском регионе, геополитическое значение которого резко возросло в последнее время, и даже «выйти на глобальный уровень» [Reus-Smit, 2021].

Третья задача: испытывая напряженность вследствие политики Китая в регионе, Австралия рассчитывает на поддержку США и Великобритании. Премьер-министр Австралии С. Моррисон, выступая на брифинге, посвященном созданию АУКУС, назвал его «партнерством нового поколения, построенным на прочном фундаменте проверенного временем доверия» [The White House, 2021]. Традиционно тесные связи двух стран в области безопасности всегда подкреплялись готовностью Австралии участвовать в операциях и миссиях Соединенных Штатов в регионе и за его пределами.

Четвертая задача: *укрепление своей обороноспособности перед лицом растущей мощи Китая*, политику которого в Австралии рассматривают как агрессивную [Medcalf, 2019], а ряд исследователей полагает, что она угрожает ее безопасности [Köllner, 2021; Johanson et al., 2019]. В Австралии обеспокоенность вызывает растущая экономическая зависимость страны от торговли с КНР; кибератаки; якобы вмешательство во внутреннюю политику других стран региона; территориальные претензии и строительство островов в Южно-Китайском море; угрозы свободному морскому судоходству в регионе [Blaxland, 2021]. Все это расценивается как вызовы со стороны Китая, которым надо противостоять, в том числе повышая свою обороноспособность.

Возвышение Китая и его все более активная роль в регионе стали проблемой для Австралии. Поэтому она делает ставку на США как своего союзника и лидера создания новой архитектуры безопасности в АТР, рассчитывая на их расширенное и постоянное присутствие в регионе. Будучи державой средней мощности, Австралия полагает, что оказывать влияние на ситуацию в регионе она может только благодаря сотрудничеству с другими институциональными агентами [Erskine, 2022].

Вступление в АУКУС ознаменовало собой формирование *новой стратегии Австралии в регионе*, заключительной точкой формирования антикитайской политики

⁵ Уйгуры — национальное меньшинство, исповедующее ислам и проживающее в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

Австралии, кульминацией внешнеполитической доктрины, ядром которой стала идея «китайской угрозы»⁶.

Новые подводные лодки планируют построить в Австралии, в Аделаиде [The White House, 2021]. В итоге Австралия становится уникальным морским союзником США в Индо-Тихоокеанском регионе. При этом премьер-министр С. Моррисон подчеркивает, что «Австралия не стремится приобрести ядерное оружие или создать гражданский ядерный потенциал» и продолжит выполнять все обязательства по ядерному нераспространению [Ibid.] Сделка АУКУС, как считает Джеймс Курран, возможно, самая крупная стратегическая авантюра в истории Австралии [Cugan, 2021]. Она показывает, что Австралия окончательно сделала ставку на США, рассчитывая на их длительное и постоянное присутствие в Тихом океане.

Участие в АУКУС принесет Австралии не только плюсы в виде политических дивидендов, но и *минусы*.

Во-первых, Австралия теряет миллиарды долларов из-за санкций в торговле с Китаем.

Во-вторых, первые подводные лодки придут в страну не раньше конца 2030-х годов, а до этого ей придется арендовать их у США за немалые деньги.

В-третьих, Австралия не имеет опыта работы с ядерными технологиями и поэтому ей придется срочно обучить персонал. Кроме того, необходимость полагаться на поставку подводных лодок из-за рубежа консервирует зависимость страны от своих технологических партнеров.

Обратной стороной такой зависимости от США может стать дальнейшее ослабление суверенитета Австралии и потеря свободы политического маневра во внешней политике. Так она еще раз подтвердила свою готовность в любом будущем военном конфликте с Китаем, например, из-за Тайваня, выступить на стороне США.

Однако Австралия должна учитывать и реакцию соседей по региону, поскольку взаимоотношения с ними являются важным вектором ее внешней политики. Здесь страна явно допустила дипломатическую ошибку, не проинформировав своих азиатских соседей по региону о готовящейся сделке, чем вызвала их негативную реакцию [Chinoy, 2021].

Позиция Великобритании

Для Великобритании членство в АУКУС важно с точки зрения реализации ее стратегии «глобальной Британии», так как позволяет ей закрепить свое военно-морское присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе.

Вторая задача, которую она решает, участвуя в АУКУС, — это необходимость акцентировать свои «особые отношения» с США, что повышает ее международный статус.

Третья задача — укрепление стратегических отношений с США в рамках АУКУС — позволяет Великобритании компенсировать геополитические потери от Брексита и «залатать» брешь в политическом имидже, появившуюся после выхода страны из ЕС [Blaxland, 2021].

⁶ После поражения правительства Моррисона на федеральных выборах в Австралии произошла смена власти. Были надежды на «мягкую перезагрузку» отношений с Китаем. Однако они, похоже, не оправдались. Это стало ясно после того, как в апреле 2022 г. Пекин подписал соглашение о безопасности с Соломоновыми островами, что вызвало негативную реакцию со стороны США, Австралии и Японии. Позиция, которую занимает Китай по конфликту на Украине, — отказ выполнять требования оказать давление на Россию, — подтверждает прогнозы в пользу вероятности продолжения Австралией антикитайской политики в обозримом будущем, независимо от будущей смены правительства в стране.

Четвертая задача — реанимация традиционных исторических связей с Австралией, значение которой в качестве партнера, благодаря членству в АУКУС, несомненно, возросло. Так, участие в нем стало новым геополитическим атрибутом Австралии — страны средней мощности, что ведет в перспективе к увеличению ее политического и военного потенциала, а значит, и возможностей в решении проблем и отстаивании своих геополитических интересов. В сумме это означает повышение геополитического статуса страны⁷.

И, наконец, еще одна задача — возможности развития оборонно-промышленного комплекса. Эта сделка принесет не только финансовые дивиденды, но и поможет решению социальных задач, а именно «создаст сотни высококвалифицированных рабочих мест по всему Соединенному Королевству, в том числе в Шотландии, на севере Англии и в Мидлендс», что будет способствовать повышению общего уровня жизни в стране, о чем заявил премьер-министр Б. Джонсон в своей речи на брифинге по поводу провозглашения АУКУС [The White House, 2021].

Таким образом, Великобритания посредством участия в АУКУС готовится расширить свою роль в Азии в рамках своей стратегии «Глобальная Британия» [Bhatia, 2021].

Позиция США

Соглашение АУКУС является логическим следствием провозглашенной администрацией Барака Обамы американской стратегии «поворота» к Азии, и в частности к АТР [Kennedy, Pant, 2016]. Политика США продиктована национальными интересами страны [Kaplan, 2015] и угрозой со стороны Китая использовать Тихий океан для вытеснения США с лидирующих позиций [Green, 2019].

В новой редакции Индо-Тихоокеанской стратегии США отмечается, что регион обладает стратегической ценностью, и его влияние в XXI в., так же, как и его значение для США, будет только расти [Indo-Pacific Strategy of the United States, 2022, p. 4]. Поэтому США намерены твердо закрепиться в этом регионе, полны решимости укреплять там свои долгосрочные позиции и считают, что их положение в регионе должно быть более эффективным и устойчивым, чем когда-либо прежде [The White House, 2022, p. 5–6].

США рассматривают АУКУС как новый этап трехстороннего сотрудничества в области безопасности с их традиционными союзниками — Великобританией и Австралией [Ibid., 2021].

Ранее американские технологии атомных подводных лодок никогда не передавались третьим странам [Blaxland, 2021], так как считалось, что это может подорвать доминирование США в морях и океанах планеты. Поставка Австралии таких подводных лодок показывает, что США, чувствуя свою уязвимость, надеются заручиться поддержкой Австралии и Великобритании в сохранении статус-кво в регионе и удержании своей позиции регионального лидера и гаранта безопасности тихоокеанских стран. Поэтому США в этом регионе была нужна группировка с потенциально большими возможностями для расширения военно-стратегического сотрудничества. В Вашингтоне, очевидно, учли ухудшение взаимоотношений Австралии с Китаем, оказавшихся буквально на грани разрыва, и сложную ситуацию в стране из-за китайских санкций. Поэтому там были уверены, что Австралия в случае открытого спора с Китаем встанет на сторону США. Это стало дополнительным мотивом выбора именно Австралии в качестве члена АУКУС. И. Джонсон полагает, что помощь Австралии в создании флота

⁷ О факторах, влияющих на динамику геополитического статуса страны, ее положение в глобальной иерархии см. подробнее: [Rossi, 2020, p. 105–123; 1031–1044; Ильин, Леонова, 2017, p. 45–52].

атомных подводных лодок поможет США найти важного военного союзника в противодействии растущей военно-морской мощи Китая, а также укрепит их альянсы в Тихом океане [Johnson, 2021].

С одной стороны, намерение США, вопреки традиции, поделиться технологией создания ядерных подводных лодок с Австралией указывает на их серьезные намерения и готовность предпринять решительные шаги, чтобы ответить на вызов Китая.

С другой стороны, предоставление подводных лодок с ядерными технологиями на борту ведет к укреплению дипломатических и военных связей с Австралией и реанимации традиционного военно-политического союза с ней [Jackson, 2021].

Совместное использование с Австралией данных технологий убедительно свидетельствует об озабоченности США необходимостью поддержания своего пошатнувшегося статуса в Индо-Тихоокеанском регионе и о том, насколько важным для них является наличие надежных партнеров на переднем крае конфликта с Китаем.

Оборонное партнерство АУКУС, предполагающее в том числе развертывание всех моделей и вариантов американских самолетов в Австралии, укрепит позиции США в стратегической конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе [Ibid.].

Во-первых, это позволит военно-воздушным силам США практиковать и совершенствовать развивающуюся концепцию гибкого боевого применения (АСЕ), которая предполагает рассредоточение военно-воздушных сил и проецирование боевой мощи из многих мест одновременно.

Во-вторых, планируемое проведение совместных учений и обмен стратегиями и тактикой будет способствовать повышению оперативной совместимости вооруженных сил союзников и улучшению их взаимодействия.

В-третьих, США получают гарантированный доступ, базирование и пролет своих самолетов с аэродромов Австралии. Это поможет избежать трудностей, связанных с получением разрешения от третьих стран на воздушный коридор для своих самолетов.

В итоге США рассчитывают, что все это в сумме послужит сдерживающим фактором для поведения Пекина в регионе [Ibid.]. Теперь их усилия будут направлены на то, чтобы привлечь на свою сторону и те страны, которые еще не сделали выбор между США и Китаем и не уверены, нужно ли им вообще делать такой выбор [Akaha, Yuan, Liang, 2021]. Фактически они предложили всем странам региона дилемму: сделать ставку либо на США, которые совместно с Австралией будут обладать дюжиной новых подводных лодок, либо на торговый пакт, который фактически возглавляет Китай (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство – ВРЭП), и участие которого может привлечь многие страны с динамично развивающимися экономиками⁸.

Геополитические последствия образования АУКУС

АУКУС является составной частью Индо-Тихоокеанской стратегии США и, по официальной версии, соответствует провозглашенной цели создания «свободного и открытого, взаимосвязанного, процветающего, безопасного и устойчивого» региона [The White House, 2022, p. 7, 18].

Формирование нового альянса, возможно, станет одной из наиболее важных геополитических перестроек эпохи после окончания холодной войны [French, 2021]. Эта, казалось бы, частная сделка между США, Великобританией и Австралией по продаже подводных лодок означает практическую реализацию стратегии США по «развороту»

⁸ О ВРЭП подробнее см.: [Mukherjee, 2019; ADB, 2022; Пак, 2021].

к Азиатско-Тихоокеанскому региону как важнейшему приоритету внешней политики. Данная стратегия была сформулирована еще в период президентства Барака Обамы [Kennedy, Pant, 2016], но до сих пор не получила эффективной реализации. АУКУС, несомненно, внесет в нее определенный вклад. Его создание, по мнению Х.В. Френча, будет иметь «глубокие последствия» для геополитики не только региона, но и мира в целом [French, 2021].

Как полагают страны — члены АУКУС, создание данного альянса представляет собой важный шаг вперед в усилиях Запада по обеспечению комплексного сдерживания Китая и победы в эпоху стратегической конкуренции.

Хотя данное партнерство не предполагает создания механизма коллективной обороны в стиле НАТО, сумма взаимодействия трех стран — партнеров в АУКУС, а особенно сближение Австралии с США, фактически ведет к *развертыванию «новой холодной войны» с Китаем* [Curran, 2021]. Новый оборонительный пакт, подкрепленный гонкой вооружений (подводные лодки на атомном двигателе), может привести к *эскалации напряженности в регионе и, при худшем варианте развития событий, к военному конфликту с Китаем*. Риск столкновения ядерных подводных лодок растет по мере того, как военно-морские силы Китая и США наращивают развертывание ядерного потенциала в водах Тихого океана. Особенно это касается спорной акватории Южно-Китайского моря. Сделка АУКУС (которая фактически означает создание атомного подводного флота еще одной страны — Австралии) значительно увеличивает этот риск [Zhou, Ng, 2021].

Представитель Министерства иностранных дел Китая раскритиковал АУКУС, назвав его «эксклюзивным блоком» и «кликой», которая подрывает региональный мир и безопасность и отражает менталитет холодной войны [Chinoy, 2021]. Несомненно, Китай постарается сохранить свое стратегическое преимущество в этом море и в регионе в целом. А это будет мотивировать его на ответные действия, в том числе на включение в гонку ядерных вооружений.

В любом случае увеличение числа атомных подводных лодок, курсирующих в Тихом океане, может *нарушить баланс сил в регионе*.

Еще одно важное геополитическое последствие образования АУКУС: ранее только шесть стран имели на вооружении атомные подводные лодки, и все шесть входят в ядерный клуб держав, занимающихся разработкой ядерного оружия. *Присоединение Австралии к этому клубу знаменует собой резкий разрыв с этой исторической нормой и в перспективе появление еще одной страны с ядерными технологиями военного назначения*.

Дальнейшее развитие событий может привести к *эскалации гонки ядерных вооружений в регионе*. Так, Южная Корея уже поставила задачу по разработке собственной атомной подводной лодки, об этом может задуматься и Япония.

Возможно, попытка стран — членов АУКУС использовать свое преимущество — передовые ядерные технологии — подтолкнет Китай к еще большему укреплению своей экономической, политической и военной мощи и более активному втягиванию других стран в свою орбиту [Johnson, 2021].

По отношению к АУКУС в Европейском союзе нет единства. Так, одни европейские страны рассматривают Китай как страну, партнерство с которой сулит большие экономические возможности. Другие считают, что его растущее доминирование в Азии ведет к новой холодной войне и формированию биполярности, которые не в интересах Европы. Такие страны одобряют укрепление военно-морских и технологических возможностей для борьбы с Китаем в рамках АУКУС [Bhatia, 2021].

Заключение пакта АУКУС продемонстрировало Европе пренебрежительное отношение США к своим европейским союзникам и подрывает доверие к их политике,

которому уже был нанесен ущерб из-за одностороннего решения США вывести войска из Афганистана.

Так, Франция в свое время заключила контракт стоимостью 66 млрд долл. на поставку Австралии подводных лодок [French, 2021]. Данная сделка имела для Франции особое значение. Она была нацелена на укрепление геополитического влияния на Австралию как аванпоста в АТР, а также повышение своей глобальной значимости и статуса.

Объявление президента США о сделке АУКУС стало для нее полной неожиданностью [Kurchan, 2021]. Решение правительства в Канберре отказаться от многомиллиардного контракта на подводные лодки с Францией (без предварительного уведомления) в пользу американских технологий и нового пакта о безопасности с США и Великобританией было расценено президентом Э. Макроном как предательство [South China Morning Post, 2022], потеря доверия и нарушение союзнических обязательств.

Все это подрывает усилия по выработке общей трансатлантической стратегии противодействия росту Китая. Все попытки европейских стран совместно с США выработать общую политику в отношении Китая поставлены под сомнение. Поведение США продемонстрировало риски такого сотрудничества, которое теперь будет трудно восстановить в полном объеме.

Чарльз Купчан полагал, что сделка АУКУС привела к *дипломатическому провалу в продвижении трансатлантического единства* [Kurchan, 2021]. Хотя последние события свидетельствуют об обратном — вовлечении ЕС и НАТО в американскую политику сдерживания Китая и России в Индо-Тихоокеанском регионе.

И если для Великобритании это шаг вперед в реализации ее концепции «глобальной Британии», то для других европейских стран, которые во главе с Францией оставались за бортом данного блока, — несомненно, шаг назад и подрыв трансатлантических связей.

По мере укрепления партнерства АУКУС, а именно к моменту развертывания австралийских подводных лодок, ожидаемому к концу 2030-х годов, геополитическая ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе будет выглядеть иначе.

Страны группы АУКУС принципиально не называют страну, которой они призваны противостоять, хотя всем очевидно, что это Китай. Создание нового блока может подстегнуть развитие открытого конфликта в Тихом океане с Китаем, триггером которого может стать новая «горячая точка» — Тайвань. Пекин дает понять, что при необходимости готов использовать силу, чтобы сохранить его в составе большого Китая как часть своей суверенной территории.

США столь же решительно намерены бороться с Китаем за сохранение тайваньской автономии, поэтому, скорее всего, экономическая конкуренция между двумя державами дополнится и полномасштабным военно-стратегическим соперничеством под лозунгом «сохранения безопасности» в Индо-Тихоокеанском регионе. Создание АУКУС повышает ставки в этом противостоянии.

Игнорирование Франции, которую не пригласили в АУКУС, объясняется не только желанием перехватить выгодный контракт на поставку подводных лодок и получить весомую прибыль, но и тем, что союзники по новому блоку были уверены: Франция никогда не будет рисковать своими деловыми отношениями с Китаем ради целей достижения политического превосходства над ним в данном регионе.

Х.В. Френч полагает, что США совершают ошибку с партнерством АУКУС. «Отдавая столь большое предпочтение военным ответам на вызовы, Вашингтон постепенно приближается к классической “дилемме молотка”. Когда это ваш единственный инструмент, каждая проблема начинает напоминать гвоздь. Опасность заключается в том, что в Восточной Азии гвозди соединены с детонаторами» [French, 2021].

Россия, будучи Тихоокеанской державой, имеет свои национальные интересы в этом регионе, которые могут вступать в противоречие с действиями стран — членов АУКУС. Нашей стране необходимо четко определить свою позицию в этой ситуации, сформулировать стратегию в Индо-Тихоокеанском регионе и включить ее в новую редакцию Концепции внешней политики России.

Список источников

Ильин И.В., Леонова О.Г. (2017) Политическая глобалистика: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт (электронный ресурс). Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/471013> (дата обращения: 24.02.2022).

Леонова О.Г. (2021) Формирующийся баланс сил в «Индо-Пацифике» // Век глобализации. № 2 (38). Р. 75–88. <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.02.06>

НАТО (1949) Североатлантический договор, 4 апреля. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 31.08. 2022).

Пак С. (2021). Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) без Индии: статус мегаЗСТ утрачен? // Вестник международных организаций. Т. 16. № 2. С. 157–182 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2021-02-08

Akaha T., Yuan J., Liang W. (eds) (2021) Trump's America and International Relations in the Indo-Pacific: Theoretical Analysis of Changes & Continuities. N.Y.: Springer.

Asian Development Bank (ADB) (2022) The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement: A New Paradigm in Asian Regional Cooperation? <https://dx.doi.org/10.22617/TCS220172-2>

Auslin M.R. (2020) Asia's New Geopolitics: Essays on Reshaping the Indo-Pacific. Stanford: Stanford University. Hoover Institution Press.

Barthwal-Datta M., Chacko P. (2020) The Politics of Strategic Narratives of Regional Order in the Indo-Pacific: Free, Open, Prosperous, Inclusive? // Australian Journal of International Affairs. Vol. 74. No. 3. P. 244–263. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1744517>

Bhatia R. (2021) The EU's Role in the Indo-Pacific // The Hindu, 16 November. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/the-eus-role-in-the-indo-pacific/article37510599.ece> (дата обращения: 12.12.2021).

Blaxland J. (2021) Australia Can't Get by on Nuclear Subs Alone // World Politics Review, 21 September. Режим доступа: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29973/australia-can-t-get-by-on-nuclear-subs-alone> (дата обращения: 25.10.2021).

Chacko P. (ed.) (2016) New Regional Geopolitics in the Indo-Pacific: Drivers, Dynamics and Consequences. L.; N.Y.: Routledge.

Chinoy S. R. (2021) AUKUS Could Rock China's Boat in the Indo-Pacific // The Hindu, 8 November. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/aukus-could-rock-chinas-boat-in-the-indo-pacific/article37372664.ece> (дата обращения: 22.12.2021).

Choong W. (2019) The Return of the Indo-Pacific Strategy: An Assessment // Australian Journal of International Affairs. Vol. 73. No. 5. P. 415–430. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1639134>

Curran J. (2021) Could the AUKUS Deal Strengthen Deterrence Against China—And Yet Come at a Real Cost to Australia? Council on Foreign Relations, 20 September. Режим доступа: https://www.cfr.org/blog/could-aukus-deal-strengthen-deterrence-against-china-and-yet-come-real-cost-australia?utm_source=eyesonasia&utm_medium=email&utm_campaign=EyesOnAsia2021Sept30&utm_term=EyesonAsia (дата обращения: 22.10.2021).

Denmark A. M. (2020) U.S. Strategy in the Asian Century: Empowering Allies and Partners. N.Y.: Columbia University Press.

Doshi R. (2021) The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order (Bridging the Gap). N.Y.: Oxford University Press.

- Doyle T., Rumley D. (2019) *The Rise and Return of the Indo-Pacific*. L.: Oxford University Press.
- Erskine T. (2022) Existential Threats, Shared Responsibility, and Australia's Role in "Coalitions of the Obligated" // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 76. Iss. 2. P. 130–137. <https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2040424>
- French H.W. (2021) Looming Over the AUKUS Deal Is the Shadow of War // *World Politics Review*, 22 September. Режим доступа: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29976/looming-over-the-aukus-deal-is-the-shadow-of-a-us-china-war> (дата обращения: 25.10. 2021).
- Green M. (2019) *By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783*. N.Y.: Columbia University Press.
- Hass R. (2021) *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. New Haven and London: Yale University Press.
- He B. (2021) Taming Chinese Power: Decoding the Dynamics of Australian Foreign Policies Toward the Rise of China // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 75. No 6. P. 650–64. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1992143>
- Henry I.D. (2020) Adapt or Atrophy? The Australia-U.S. Alliance in an Age of Power Transition. *Contemporary Politics*. Vol. 26. Iss. 4. P. 402–419. <https://doi.org/10.1080/13569775.2020.1777043>
- Hewes S., Hundt D. (2022) The Battle of the Coral Sea: Australia's Response to the Belt & Road Initiative in the Pacific // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 76. Iss. 2. P. 178–193. <https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2037510>
- Heydarian R.J. (2020) *The Indo-Pacific: Trump, China, and the New Struggle for Global Mastery*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Hiebert M. (2020) *Under Beijing's Shadow: Southeast Asia's China Challenge*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.
- Jackson D. D. (2021) More Than Submarines: Implications of AUKUS in the Air Domain. Council on Foreign Relations, 5 October. Режим доступа: <https://www.cfr.org/blog/why-has-east-timor-built-strongest-democracy-southeast-asia> (дата обращения: 25.10.2021).
- Johanson K., Coles A., Glow H., Vincent C. (2019) Controversy, Uncertainty and the Diverse Public in Cultural Diplomacy: Australia-China Relations// *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 73. No. 4. P. 397–413. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1632259>
- Johnson I. (2021) Trade Versus Subs: The Risky U.S. Tradeoff in the Asia-Pacific. Council on Foreign Relations, 17 September. Режим доступа: https://www.cfr.org/blog/trade-versus-subs-risky-us-tradeoff-asia-pacific?utm_source=eyesonasia&utm_medium=email&utm_campaign=EyesOnAsia2021Sept30&utm_term=EyesonAsia (дата обращения: 25.10.2021).
- Kaplan R.D. (2015) *Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific*. N.Y.: Random House Trade Paperbacks.
- Kennedy G., Pant H.V. (2016) *Assessing Maritime Power in the Asia-Pacific: The Impact of American Strategic Re-Balance*. N.Y.; L.: Routledge.
- Köllner P. (2021) Australia and New Zealand Recalibrate Their China Policies: Convergence and Divergence // *The Pacific Review*. Vol. 34. Iss. 3. P. 405–436. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1683598>
- Kuo M.A. (2018) The Origin of "Indo-Pacific" as Geopolitical Construct: Insights From Gurpreet Khurana // *The Diplomat*, 25 January. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/> (дата обращения: 31.08. 2022).
- Kupchan C.A. (2021) Europe's Response to the U.S.-UK-Australia Submarine Deal: What to Know. Council on Foreign Relations, 22 September. Режим доступа: https://www.cfr.org/in-brief/europes-response-us-uk-australia-submarine-deal-what-know?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202021September24&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (дата обращения: 25.10.2021).
- Kumar S., Verma S.S., Shah S.H. (2020) Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture // *South Asia Research*. Vol. 40. Iss. 2. P. 215–230. <https://doi.org/10.1177/0262728020915564>

- McGregor R. (2018) *Asia's Reckoning: China, Japan, and the Fate of U.S. Power in the Pacific Century*. L.: Penguin Books.
- Mearsheimer J.J. (2014) *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.; L.: W. W. Norton & Company.
- Medcalf R. (2019) Australia and China: Understanding the Reality Check // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 73. Iss. 2. P. 109–118. <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>
- Medcalf R. (2020) *Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region*. Manchester: Manchester University Press.
- Mukherjee D. (ed.) (2019) *Economic Integration in Asia: Key Prospects and Challenges with the Regional Comprehensive Economic Partnership*. Abingdon: Routledge.
- Pardesi M.S. (2020). The Indo-Pacific: A “New” Region or the Return of History? // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 74. Iss. 2. P. 124–146. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1693496>
- Reus-Smit C. (2021) Going Global: A Future for Australian International Relations // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 75. Iss. 6. P. 678–690. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1992145>
- Rossi I. (ed.) (2020) *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-Civilizational World Order*. N.Y.: Springer.
- Shambaugh D. (2020) *Where Great Powers Meet: America and China in Southeast Asia*. N.Y.: Oxford University Press.
- Sheng Hao Chai T. (2020) How China Attempts to Drive a Wedge in the U.S.-Australia Alliance // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 74. Iss. 5. P. 511–531. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1721432>
- South China Morning Post (2022) France Drops Australia From List of Major Indo-Pacific Partners. 23 February. Режим доступа: https://www.scmp.com/news/asia/australasia/article/3168033/aukus-france-drops-australia-key-indo-pacific-partner-after?utm_source=dailybrief&utm_medium=email&utm_campaign=DailyBrief2022Feb23&utm_term=DailyNewsBrief (дата обращения: 27.02.2022).
- Strangio S. (2020) *In the Dragon's Shadow: Southeast Asia in the Chinese Century*. New Haven and London: Yale University Press.
- Strating R., Westendorf J.-K. (2020) Introduction: A Critical Analysis of Australian Foreign, Defence and Strategic Policy // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 74. Iss. 3. P. 208–212. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1744521>
- The Deterioration of Australia – China Relations (2020) // *Strategic Comments*. Vol. 26. No. 3. P. v–viii, 16 June. <https://doi.org/10.1080/13567888.2020.1783863>
- The White House (2021) Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. 15 September. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/> (дата обращения: 31.08.2022).
- The White House (2022) *Indo-Pacific Strategy of the United States*. Executive Office of the President National Security Council. Washington DC. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 31.08.2022).
- Turnbull T. (2022) Prestige, Power, Principles and Pay-Off: Middle Powers Negotiating International Conventional Weapons Treaties // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 76. Iss. 1. P. 98–120. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1956429>
- Wirth C. (2019) Whose “Freedom of Navigation”? Australia, China, the United States and the Making of Order in the “Indo-Pacific” // *The Pacific Review*. Vol. 32. Iss. 4. P. 475–504. <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1515788>
- Zhou L., Ng T. (2021) As PLA and US Bolster Naval Forces, Fear of South China Sea Nuclear Submarine Collision Is Building // *South China Morning Post*, 5 November. Режим доступа: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3154824/pla-and-us-bolster-naval-forces-fear-south-china-sea-nuclear?utm_medium=email&utm_source=cm&utm_campaign=enlz-china&utm_content (дата обращения: 26.11.2021).

The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region¹

O. Leonova

Olga Leonova – Doctor of Political Science, Professor of Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University; 13/14 Leninskie gory, Moscow, 119992, Russia; politolga@gmail.com

Abstract

The purpose of the AUKUS strategic alliance is to develop cooperation between the member countries (U.S., UK and Australia) in the field of security and defence in the Indo-Pacific region. The agreement provides for the supply of submarines powered by nuclear reactors to Australia. The emergence of this new strategic alliance was caused by the following factors: the increased power of China in the region; the weakening of the U.S. position in the Indo-Pacific; the desire of the UK to implement the “global Britain” strategy in practice; and the need for the U.S. to have reliable allies to contain China. These factors reveal the true purpose of AUKUS – containment of China and opposition to its active policy in the region.

In this article, the author uses comparative analysis to reveal the different goals and geopolitical interests of the AUKUS countries. The systematic approach helps to describe the essence of the complex developing geopolitical system of the Indo-Pacific region. The theories of new institutionalism and constructivism make it possible to identify both continuity and gaps in the security policy and foreign policy of regional actors.

Australia's participation in the AUKUS allows it to: strengthen its political ties with influential partners – the United States and Great Britain; receive additional security guarantees from them in the context of increased activity of Chinese policy in the region; raise the country's status in the regional hierarchy; and strengthen its defence capability. Australia's entry into the AUKUS means the formation of a new, anti-Chinese strategy in the region.

For the UK, membership in the AUKUS allows it to: expand its naval presence in the Indo-Pacific region; strengthen its special relations with the United States; improve its image, which was shaken after the country's exit from the EU; and restore traditional ties with Australia.

For the United States, AUKUS is the implementation of the strategy of “pivot” to Asia and the creation of a new alliance that has greater opportunities for military-strategic cooperation in the face of the threat from China to use the Pacific Ocean to oust the United States from a leading position.

There are some possible geopolitical consequences of creating AUKUS for the region. They are escalation of tension and the nuclear arms race of the opposing parties; a new cold war with China; expansion of the club of nuclear powers because of Australia; imbalance of geopolitical forces in the region; undermining transatlantic unity; and a common strategy in the foreign policy of European countries and the United States.

Keywords: AUKUS, strategic alliance, Indo-Pacific region, balance of power, Australia, U.S., UK, China

For citation: Leonova O. (2022) The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 194–211 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-08

References

Akaha T., Yuan J., Liang W. (eds) (2021) *Trump's America and International Relations in the Indo-Pacific: Theoretical Analysis of Changes & Continuities*. New York: Springer (accessed 12 December 2021).

Asian Development Bank (ADB) (2022) The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement: A New Paradigm in Asian Regional Cooperation? <https://dx.doi.org/10.22617/TCS220172-2>

¹ This article was submitted 07.04.2022.

- Auslin M.R. (2020) *Asia's New Geopolitics: Essays on Reshaping the Indo-Pacific*. Stanford: Stanford University, Hoover Institution Press.
- Barthwal-Datta M., Chacko P. (2020) The Politics of Strategic Narratives of Regional Order in the Indo-Pacific: Free, Open, Prosperous, Inclusive? *Australian Journal of International Affairs*, vol. 74, no 3, pp. 244–63. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020>
- Bhatia R. (2021) The EU's Role in the Indo-Pacific. *The Hindu*, 16 November. Available at: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/the-eus-role-in-the-indo-pacific/article37510599.ece> (accessed 12 December 2021).
- Blaxland J. (2021) Australia Can't Get by on Nuclear Subs Alone. *World Politics Review*, 21 September. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29973/australia-can-t-get-by-on-nuclear-subs-alone> (accessed 25 October 2021).
- Chacko P. (ed.) (2016) *New Regional Geopolitics in the Indo-Pacific: Drivers, Dynamics and Consequences*. London and New York: Routledge.
- Chinoy S.R. (2021) AUKUS Could Rock China's Boat in the Indo-Pacific. *The Hindu*, 8 November. Available at: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/aukus-could-rock-chinas-boat-in-the-indo-pacific/article37372664.ece> (accessed 22 December 2021).
- Choong W. (2019) The Return of the Indo-Pacific Strategy: An Assessment. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 73, no 5, pp. 415–30. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1639134>
- Curran J. (2021) Could the AUKUS Deal Strengthen Deterrence Against China – And Yet Come at a Real Cost to Australia? Council on Foreign Relations, 20 September. Available at: https://www.cfr.org/blog/could-aukus-deal-strengthen-deterrence-against-china-and-yet-come-real-cost-australia?utm_source=eyesonasia&utm_medium=email&utm_campaign=EyesOnAsia2021Sept30&utm_term=EyesonAsia (accessed 22 October 2021).
- Denmark A.M. (2020) *U.S. Strategy in the Asian Century: Empowering Allies and Partners*. New York: Columbia University Press.
- Doshi R. (2021) *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order (Bridging the Gap)*. New York: Oxford University Press.
- Doyle T., Rumley D. (2019) *The Rise and Return of the Indo-Pacific*. London: Oxford University Press.
- Erskine T. (2022) Existential Threats, Shared Responsibility, and Australia's Role in "Coalitions of the Obligated." *Australian Journal of International Affairs*, vol 76, iss. 2, pp. 130–7. <https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2040424>
- French H.W. (2021) Looming Over the AUKUS Deal Is the Shadow of War. *World Politics Review*, 22 September. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29976/looming-over-the-aukus-deal-is-the-shadow-of-a-us-china-war> (accessed 25 October 2021).
- Green M. (2019) *By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783*. N.Y.: Columbia University Press.
- Hass R. (2021) *Stronger: Adapting America's China Strategy in an Age of Competitive Interdependence*. New Haven and London: Yale University Press.
- He B. (2021) Taming Chinese Power: Decoding the Dynamics of Australian Foreign Policies Toward the Rise of China. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 75, no 6, pp. 650–64. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1992143>
- Henry I.D. (2020) Adapt or Atrophy? The Australia-U.S. Alliance in an Age of Power Transition. *Contemporary Politics*, vol. 26, iss. 4, pp. 402–419. <https://doi.org/10.1080/13569775.2020.1777043>
- Hewes S., Hundt D. (2022) The Battle of the Coral Sea: Australia's Response to the Belt & Road Initiative in the Pacific. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 76, iss. 2, pp. 178–93. <https://doi.org/10.1080/10357718.2022.2037510>
- Heydarian R.J. (2020) *The Indo-Pacific: Trump, China, and the New Struggle for Global Mastery*. Singapore: Palgrave Macmillan.

- Hiebert M. (2020) *Under Beijing's Shadow: Southeast Asia's China Challenge*. Washington DC: Center for Strategic & International Studies.
- Ilyin I.V., Leonova O.G. (2017) *Politicheskaya globalistika. Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. [Political Globalistics: Textbook and Workshop for Academic Baccalaureate]*. Moscow: Yurayt. (in Russian)
- NATO (1949) Severoatlanticheskij dogovor [North Atlantic Treaty], 4 April. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (accessed 31 August 2022). (in Russian)
- Jackson D.D. (2021) More Than Submarines: Implications of AUKUS in the Air Domain. Council on Foreign Relations, 5 October. Available at: <https://www.cfr.org/blog/why-has-east-timor-built-strongest-democracy-southeast-asia> (accessed 25 October 2021).
- Johanson K., Coles A., Glow H., Vincent C. (2019) Controversy, Uncertainty and the Diverse Public in Cultural Diplomacy: Australia-China Relations. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 73, no 4, pp. 397–413. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1632259>
- Johnson I. (2021) Trade Versus Subs: The Risky U.S. Tradeoff in the Asia-Pacific. Council on Foreign Relations, 17 September. Available at: https://www.cfr.org/blog/trade-versus-subs-risky-us-tradeoff-asia-pacific?utm_source=eyesonasia&utm_medium=email&utm_campaign=EyesOnAsia2021Sept30&utm_term=EyesonAsia (accessed 25 October 2021).
- Kaplan R. (2015) *Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific*. New York: Random House Trade Paperbacks.
- Kennedy G., Pant H. (2016) *Assessing Maritime Power in the Asia-Pacific: The Impact of American Strategic Re-Balance*. New York and London: Routledge.
- Köllner P. (2021) Australia and New Zealand Recalibrate Their China Policies: Convergence and Divergence. *The Pacific Review*, vol. 34, iss. 3, pp. 405–36. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1683598>
- Kuo M.A. (2018) The Origin of “Indo-Pacific” as Geopolitical Construct: Insights From Gurpreet Khurana. *The Diplomat*, 25 January. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/> (accessed 31 August 2022).
- Kupchan C.A. (2021) Europe's Response to the U.S.-UK-Australia Submarine Deal: What to Know. Council on Foreign Relations, 22 September. Available at: https://www.cfr.org/in-brief/europes-response-us-uk-australia-submarine-deal-what-know?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202021September24&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (accessed 25 October 2021).
- Kumar S., Verma S.S., Shah S.H. (2020) Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture. *South Asia Research*, vol. 40 iss. 2, pp. 215–30. <https://doi.org/10.1177/0262728020915564>
- Leonova O.G. (2021) Formirujushhij sil v “Indo-Pacifike” [The Emerging Balance of Power in the “Indo-Pacific”]. *Vek globalizatsii*, no 2, pp. 75–88. <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.02.06>
- McGregor R. (2018) *Asia's Reckoning: China, Japan, and the Fate of U.S. Power in the Pacific Century*. London: Penguin Books.
- Mearsheimer J.J. (2014) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York and London: W.W. Norton & Company.
- Medcalf R. (2019) Australia and China: Understanding the Reality Check. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 73, iss. 2, pp. 109–18. <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>
- Medcalf R. (2020) *Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region*. Manchester: Manchester University Press.
- Mukherjee D. (ed.) (2019) *Economic Integration in Asia: Key Prospects and Challenges with the Regional Comprehensive Economic Partnership*. Abingdon: Routledge.
- NATO (1949) Severoatlanticheskij dogovor [The North Atlantic Treaty] (1949) Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (accessed 31 August 2022). (in Russian)
- Park S.C. (2021) The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Without Indian Participation: Can It Work as a Mega FTA? *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 2. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2021-02-08

- Pardesi M.S. (2020). The Indo-Pacific: A “New” Region or the Return of History? *Australian Journal of International Affairs*, vol. 74, iss. 2, pp. 124–46. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1693496>
- Reus-Smit C. (2021) Going Global: A Future for Australian International Relations. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 75, iss. 6, pp. 678–90. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1992145>
- Rossi I. (ed.) (2020) *Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-Civilizational World Order*. New York: Springer.
- Shambaugh D. (2020) *Where Great Powers Meet: America and China in Southeast Asia*. New York: Oxford University Press.
- Sheng Hao Chai T. (2020) How China Attempts to Drive a Wedge in the U.S.-Australia Alliance. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 74, iss. 5, pp. 511–31. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1721432>
- South China Morning Post (2022) France Drops Australia From List of Major Indo-Pacific Partners. 23 February. Available at: https://www.scmp.com/news/asia/australasia/article/3168033/aukus-france-drops-australia-key-indo-pacific-partner-after?utm_source=dailybrief&utm_medium=email&utm_campaign=DailyBrief2022Feb23&utm_term=DailyNewsBrief (accessed 27 February 2022).
- Strangio S. (2020) *In the Dragon's Shadow: Southeast Asia in the Chinese Century*. New Haven and London: Yale University Press.
- Strating R., Westendorf J.-K. (2020) Introduction: A Critical Analysis of Australian Foreign, Defence and Strategic Policy. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 74, iss. 3, pp. 208–12. <https://doi.org/10.1080/10357718.2020.1744521>
- The Deterioration of Australia – China Relations (2020) *Strategic Comments*, vol. 26, no 3, pp. v–viii. 16 June. <https://doi.org/10.1080/13567888.2020.1783863>
- The White House (2021) Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. 15 September. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/> (accessed 25 October 2021).
- The White House (2022) Indo-Pacific Strategy of the United States. Executive Office of the President National Security Council, Washington DC. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 31 August 2022).
- Turnbull T. (2022) Prestige, Power, Principles and Pay-Off: Middle Powers Negotiating International Conventional Weapons Treaties. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 76, iss. 1, pp. 98–120. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1956429>
- Wirth C. (2019) Whose “Freedom of Navigation”? Australia, China, the United States and the Making of Order in the “Indo-Pacific”. *The Pacific Review*, vol. 32, iss. 4, pp. 475–504. <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1515788>
- Zhou L., Ng T. (2021) As PLA and US Bolster Naval Forces, Fear of South China Sea Nuclear Submarine Collision Is Building. *South China Morning Post*, 5 November. Available at: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3154824/pla-and-us-bolster-naval-forces-fear-south-china-sea-nuclear?utm_medium=email&utm_source=cm&utm_campaign=enlz-china&utm_content (accessed 26 November 2021).

Подходы стран БРИКС к регулированию данных¹

А.В. Шелепов

Шелепов Андрей Владимирович — к.э.н., с.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; shelepov-av@ranepa.ru

Аннотация

Данные не являются новым для экономики ресурсом, однако в настоящее время их объем растет беспрецедентными темпами в результате распространения цифровых устройств и услуг. Анализ складывающихся систем национального регулирования данных показывает значительные различия в страновых подходах, особенно в отношении трансграничных потоков данных, обусловленные экономической спецификой и национальными интересами. Различия в подходах между крупнейшими игроками создают проблемы для других стран, усиливают фрагментированность глобальной регуляторной среды, создают неопределенность и повышают издержки исполнения требований для бизнеса. Эти факторы определяют важность международного сотрудничества в области управления данными.

В обзоре представлены подходы стран БРИКС — Китая, Индии, Бразилии и ЮАР — к регулированию данных, прежде всего их трансграничных потоков, а также требований локализации хранения и операций с данными.

По итогам обзора выявлены общие тенденции подходов рассмотренных стран к регулированию, которые позволяют сделать вывод о возможности усиления взаимодействия в рамках БРИКС, в первую очередь в отношении взаимного признания адекватности существующих и обсуждаемых мер защиты данных для обеспечения их взаимовыгодного трансграничного перемещения.

Ключевые слова: цифровая экономика, управление данными, трансграничные потоки данных, БРИКС

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Шелепов А.В. Подходы стран БРИКС к регулированию данных // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 212–234 (на русском и английском языках). doi:10.17323/19967845-2022-03-09

¹ Статья поступила в редакцию 09.08.2022.

Введение

Данные становятся все более важным ресурсом в мировой экономике, использование которого оказывает существенное влияние на экономические и социальные процессы. Значительная роль данных в мировой экономике обусловлена такими факторами, как быстрая цифровизация, неисчерпаемость ресурса данных, возможность их использования большим числом субъектов без существенных затрат для формирования экономической и социальной ценности.

В условиях острых геополитических противоречий и информационных войн растут недоверие и риски злоупотребления и злонамеренного использования данных. Соответственно, возрастает стремление защитить конфиденциальность усилением обусловленности трансграничного трансфера данных или требованиями хранения и обработки в конкретных границах. Обостряются противоречия между участниками процессов создания международных режимов регулирования. Для снижения рисков возобладания в многосторонних институтах альтернативного интересам и подходам России влияния по соответствующим вопросам важно стремиться к формированию международных принципов регулирования потоков и защиты данных с ключевыми партнерами, прежде всего странами БРИКС.

Для оценки перспектив сотрудничества по управлению данными в рамках БРИКС необходимо проанализировать подходы стран-партнеров (Китай, Индия, Бразилия, ЮАР). В страновой анализ включены в первую очередь действующие и планируемые к принятию нормативные документы четырех стран. Основной акцент сделан на рассмотрении подходов к трансграничному перемещению данных — сфере, в которой отмечаются наиболее существенные отличия в страновом регулировании.

Подходы стран БРИКС к регулированию данных

Китай

Несмотря на лидирующие позиции Китая в цифровой экономике, в том числе статус крупнейшего участника цепочек трансграничных потоков данных, соответствующая система регулирования в КНР начала складываться сравнительно недавно и все еще находится в стадии формирования. Существующая экономическая и политическая система Китая предполагает активное участие государства во всех аспектах экономических и общественных процессов, что естественным образом предопределяет значительную роль государства в цифровой экономике и, в частности, сравнительно жесткое регулирование трансграничных потоков данных и оборота данных внутри страны.

В основе китайской политики в отношении потоков данных лежит концепция цифрового суверенитета. Подход Китая к цифровому суверенитету основан на понимании цифровых технологий и Интернета как важнейшего геополитического актива. Особое внимание в китайской политике уделяется мерам, направленным на продвижение технологического лидерства в глобальном масштабе, а также защите данных как ключевой задаче правительства [Budnitsky, Jia, 2018] с особым акцентом на безопасности [Creemers, 2020]. Такой подход проявляется и в политике в отношении потоков данных.

Основой системы регулирования потоков данных КНР, формирование которой еще продолжается, являются три законодательных акта, вступившие в силу в последние пять лет, — Закон о кибербезопасности, Закон о безопасности данных и Закон о защите личной информации — и связанные с ними регламенты и подзаконные акты.

Закон Китая о кибербезопасности прямо устанавливает требования по локализации определенных категорий данных. В соответствии с ним личная информация и важные данные, собранные и сгенерированные в ходе работы операторов критической информационной инфраструктуры на территории Китая, должны храниться на территории Китая [Creemers, Triolo, Webster, 2018]. Хотя Закон о кибербезопасности не дает подробного определения и указания на сферы деятельности операторов критической информационной инфраструктуры, отмечается, что Китай сосредоточит внимание на защите определенных важных отраслей, включая, помимо прочего, общественные коммуникации и информационные услуги, энергетику, транспорт, финансы, государственные службы, в которых, в случае разрушения, потери функциональности или утечки данных, может возникнуть угроза национальной безопасности или общественным интересам [Ibid.].

Закон о кибербезопасности также предусматривает, что если трансграничная передача персональной информации и важных данных необходима в связи с потребностями бизнеса, то должна проводиться оценка безопасности в соответствии с мерами, сформулированными правительственным отделом по делам киберпространства и соответствующими отделами Государственного совета («Оценка безопасности»). Непосредственно Закон о кибербезопасности не перечисляет меры и процедуры оценки безопасности, однако в последние годы были подготовлены проекты отдельных документов по данному направлению. Одним из таких документов является проект Мер по оценке безопасности трансграничной передачи личной информации. Согласно Закону о кибербезопасности, проходить оценку безопасности обязаны «операторы критической информационной инфраструктуры», а в Проекте мер по оценке безопасности трансграничной передачи личной информации данное обязательство распространяется на сетевых операторов. Таким образом, сетевые операторы в Китае фактически отнесены к операторам критической инфраструктуры, что делает трактовку такого типа инфраструктуры весьма широкой. Формально руководствуясь целями обеспечения безопасности в киберпространстве, Китай ввел существенные законодательные ограничения на трансграничные потоки данных.

Помимо указанных требований, распространяющихся на потоки данных в целом, в целях «обеспечения общественной безопасности и облегчения доступа регулирующих органов к данным» Китай также ввел требования по локализации данных для конкретных секторов, в том числе в отношении информации о здоровье [Hu, Gong, Yang, 2022], информации, собираемой организациями по кредитным историям [Order No 631, 2013], личной информации, собираемой коммерческими банками [NRF, 2020], организациями — операторами навигационных и картографических сервисов [Si, Cai, 2021], онлайн-платформами такси [Interim Administrative Measures, 2016] и интернет-операторами проката велосипедов [Yang, 2020], а также в отношении сведений, составляющих государственную тайну [Cadwalader, 2011].

Закон о кибербезопасности затронул вопросы управления и безопасности цифровых данных, но другие типы данных по-прежнему оставались вне периметра регулирования. Закон о безопасности данных восполнил этот пробел, поскольку его действие распространяется на все типы данных (включая как электронные, так и неэлектронные данные) и охватывает полный цикл операций с ними [Data Security Law, 2021]. В отличие от Закона о кибербезопасности, который регулирует только цифровые данные, сфера действия Закона о безопасности данных также распространяется на неэлектронные данные. Кроме того, хотя оба закона предусматривают возможность применения в отношении незаконной деятельности за границей, санкции в соответствии с Законом о кибербезопасности были ограничены случаями экспорта личных данных,

полученных на территории Китая, импорта «незаконных» данных из-за рубежа и действий, серьезно подрывающих безопасность важной информационной инфраструктуры Китая. В соответствии с Законом о безопасности данных, любая деятельность по обработке данных за границей, которая ставит под угрозу национальную безопасность Китая, общественные интересы или законные права любого лица или организации, считается незаконной. Таким образом, Закон о безопасности основан на более всеобъемлющем подходе, обеспечивая очень широкие основания для правоприменения.

Термин «национальная безопасность» очень часто упоминается в Законе о безопасности данных в сравнении с «защитой конфиденциальности». Это позволяет сделать вывод, что укрепление национальной безопасности — ключевой фактор принятия закона. В соответствии с Законом о безопасности данных, правительство Китая впервые создало централизованную систему классификации по уровню важности данных. Данные, имеющие отношение к национальной безопасности, национальной экономике, социальному обеспечению и важным общественным интересам, рассматриваются как «основные» (“core”) данные, и операции с ними подлежат более строгой проверке. В настоящее время правительство Китая готовит публикацию национальных, региональных и ведомственных каталогов с руководством по классификации, чтобы обеспечить усиление контроля за деятельностью по обработке «основных» данных.

Что касается экспорта данных, представляется, что основной целью применяемого Китаем режима является противодействие Закону о разъяснении законного использования данных за рубежом (Закон CLOUD), принятому в США в 2018 г. Закон CLOUD позволяет правоохранительным органам США требовать доступа к электронным данным независимо от того, в какой стране они хранятся. Однако в соответствии с Законом о кибербезопасности 2016 г. экспорт персональных данных и важных данных, хранящихся с использованием ключевых объектов информационной инфраструктуры в Китае, подлежит проверке на предмет безопасности. Эта мера усиливается Законом о безопасности данных, который также предусматривает, что компании, не соблюдающие соответствующее требование, могут быть оштрафованы на сумму до 10 млн юаней (около 1,5 млн долл. США), столкнуться с приостановкой деятельности или закрытием бизнеса.

Для завершения формирования основного регуляторного каркаса китайской системы оборота данных было необходимо принятие законодательства, непосредственно относящегося к обращению с персональными данными. 20 августа 2021 г. был принят Закон КНР о защите личной информации (Personal Information Protection Law, PIPL), по ключевым аспектам весьма схожий с европейской моделью Общего регламента по защите данных [Personal Information Protection Law, 2021]. Закон определяет личную информацию; разъясняет правовые основы обработки персональных данных; устанавливает обязательства и ответственность, возложенные на процессоров; предусматривает строгие требования к локализации данных, защищая интересы Китая в случае трансграничной передачи личной информации. Хотя PIPL схож с Общим регламентом ЕС по защите данных (GDPR), в китайском законе существуют некоторые отличия и дополнительные требования.

Закон о защите личной информации при определенных обстоятельствах имеет экстерриториальную юрисдикцию. Экстерриториальная юрисдикция может применяться в трех случаях, а именно если цель обработки данных заключается:

- 1) в предоставлении товаров или услуг физическим лицам в Китае;
- 2) в «анализе» или «оценке» поведения граждан на территории Китая;
- 3) в иных целях, предусмотренных другими нормативными правовыми актами [Personal Information Protection Law, 2021, art. 3].

Организация-процессор, которая планирует передавать личную информацию организациям за пределами Китая, обязана:

- предоставить физическим лицам — субъектам данных конкретную информацию о передаче и получить на это отдельное согласие;
- принять необходимые меры для того, чтобы зарубежные получатели могли обеспечить такой же уровень защиты информации, какой установлен в соответствии с PIPL;
- проводить оценку воздействия в области защиты личной информации.

Китайский закон устанавливает требования локализации. В частности, операторам или организациям, обрабатывающим большой объем личной информации (когда объем обрабатываемых персональных данных достигает определенных пороговых значений, устанавливаемых соответствующим государственным органом), необходимо хранить личную информацию на территории Китая. Если необходимо передать такую личную информацию за границу, организация должна пройти оценку безопасности, проводимую Управлением по вопросам киберпространства Китая (Cyberspace Administration of China, SAC) и другими профильными органами. Аналогичное требование действует и в том случае, если процессор персональных данных подпадает под определение «оператор ключевой информационной инфраструктуры».

При трансграничной передаче персональных данных в других случаях Закон позволяет выбрать одну из опций:

- прохождение процессором оценки безопасности, организованной соответствующим государственным органом (САС) (аналогично операторам ключевой информационной инфраструктуры и случаям обработки большого объема персональной информации);
- получение сертификата защиты личной информации от профессиональных учреждений, признанных САС;
- заключение договора с зарубежным получателем личной информации в соответствии со стандартной формой контракта, сформулированной САС, в котором указаны права и обязанности обеих сторон;
- выполнение других условий, установленных законами, административными правилами или соответствующим государственным органом [Personal Information Protection Law, 2021, art. 38].

Анализ законодательных актов Китая, связанных с регулированием потоков данных, свидетельствует о том, что оно преследует две важнейшие цели: защита цифрового суверенитета Китая и обеспечение кибербезопасности данных. Поскольку китайская модель регулирования трансграничных потоков данных основана на центральной роли кибербезопасности в национальной безопасности, она носит весьма ограничительный характер [Lee, 2018; Liu, 2019]. Требования по локализации и ограничения на передачу данных в другие страны свидетельствуют о том, что китайское правительство стремится к максимальному суверенитету в цифровой области и минимизации возможностей иностранного вмешательства. Это особенность подхода КНР в сравнении с другими рассматриваемыми странами. В то же время Китай является примером реализации ограничительного подхода, который в сочетании со стратегическим вмешательством государства в экономику позволил стимулировать рост внутреннего цифрового рынка и обеспечить глобальный охват крупных национальных технологических компаний. С учетом необходимости дальнейшего расширения деятельности этих компаний, в том числе международной, несмотря на то, что главная цель регулирования трансграничных потоков данных в Китае изначально заключалась в обеспечении национальной безопасности, экономические аспекты

со временем становятся все более важными элементами в политике регулирования данных.

В настоящее время Китай завершает работу над национальной системой контроля и защиты данных, которая предполагает, что для трансграничной передачи данных должны быть выполнены определенные условия, включая оценку безопасности со стороны правительственных органов, и вводится требование локализации — все операторы критической информационной инфраструктуры, понимаемой весьма широко, и установленные законом процессоры личной информации должны хранить личную информацию, собранную ими, на территории страны.

В то же время экономические интересы обуславливают тенденцию к некоторому смягчению официальной позиции Китая относительно свободы потоков данных и возможностей сближения подходов с другими странами, включая партнеров по БРИКС, несмотря на сохранение ранее введенных ограничений. Так, в Законе о защите персональной информации прямо указано, что правительство КНР будет стремиться к заключению международных соглашений о передаче персональных данных и взаимному признанию стандартов защиты личной информации [Personal Information Protection Law, art. 12]. В 2020 г. китайское правительство заявило о готовности разрешить трансграничные потоки данных в зоне свободной торговли Хайнань [Lu, 2020]. Также власти Китая отмечали важность международной координации в области обеспечения безопасности данных и признавали, что требования локального хранения данных не могут рассматриваться как универсальные для всех стран. Эксперты сходятся во мнении, что ключевой причиной изменения политики Китая в отношении потоков данных стало стремление к усилению цифровой составляющей экономических проектов, в частности инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП), известной как «Цифровой шелковый путь», которая была запущена в 2015 г. [Liu, 2020].

Индия

Индия, несмотря на большую численность населения и быстрое увеличение показателей его доступа к телекоммуникационным сетям, а также наличие многочисленных национальных компаний телекоммуникационной отрасли, пока не приняла специальных законов, касающихся непосредственно вопросов регулирования потоков данных, в том числе их трансграничного перемещения. Однако в настоящее время продолжается процесс обсуждения комплексного регулирования в сфере данных, принятия которого можно ожидать в ближайшем будущем.

Исходя из толкования, принятого Верховным судом Индии в 2017 г., право на жизнь граждан Индии включает и право на неприкосновенность частной жизни, в том числе на защиту данных и конфиденциальность информации [Committee of Experts on Data Protection, 2018]. Вскоре после этого заявления был сформирован специальный комитет под председательством бывшего судьи Верховного суда Б.Н. Шрикришны, который представил отчет о необходимости принятия нового законодательства о защите данных вместе с проектом Закона о защите персональных данных. Законопроект был направлен на регулирование потока и использования персональных данных, деятельности различных субъектов, обрабатывающих персональные данные, защиту основных прав лиц, чьи персональные данные обрабатываются; создание рамок регулирования подотчетности, обработки данных и их трансграничной передачи; обеспечение правовой защиты в случае нарушений. Было предложено создать Управление по защите данных для реализации указанных целей. Законопроект 2018 г. с незначительными изменениями был представлен на рассмотрение и в настоящее время ожидает утверждения.

дения в парламенте Индии в качестве Закона о защите персональных данных 2019 г. (Personal Data Protection Bill, законопроект PDP) [PDR Bill, 2019].

Законопроект PDP, внесенный в парламент Индии Министерством электроники и информационных технологий 11 декабря 2019 г., в значительной степени создан по образцу GDPR ЕС. Он применяется к персональным данным, которые обрабатываются на территории Индии правительством Индии, любой компанией или юридическим лицом, зарегистрированным в Индии, а также иностранными компаниями, имеющими дело с персональными данными физических лиц Индии (то есть и работающими с данными граждан Индии за пределами страны), при условии соблюдения определенных «требований увязки». «Требования увязки» предусматривают экстерриториальное применение закона в том случае, если обработка данных иностранными компаниями, независимо от их физического присутствия на территории Индии, «связана с любой коммерческой деятельностью, осуществляемой в Индии, или любой систематической деятельностью по предложению товаров или услуг принципалам данных на территории Индии; либо относится к любой деятельности, связанной с профилированием субъектов данных на территории Индии» [PDR Bill, 2019].

Законопроект предусматривает создание Управления по защите данных (DPA), на которое планируется возложить широкие нормотворческие, административные и квазисудебные функции. По своему функционалу оно аналогично Европейскому совету по защите данных.

Законопроект налагает обязательства на фидуциаров данных («лиц, которые самостоятельно или совместно с другими определяют цель и средства обработки персональных данных»), включая предоставление принципалам (субъектам) данных подробного уведомления до сбора данных и получения согласия; обработку данных только для ясной, конкретной и законной цели и справедливым и разумным образом; сохранение данных только до тех пор, пока цель сбора не будет достигнута, и принятие мер обеспечения прозрачности и подотчетности.

Законопроект устанавливает разные правила локализации для разных категорий персональных данных. Требования локализации данных регламентированы в рамках трехуровневой структуры. Ограничения на передачу (требования локализации) данных не распространяются на персональные данные в целом, однако налагаются на «конфиденциальные (чувствительные) персональные данные» и «критически важные персональные данные». Конфиденциальные (чувствительные) персональные данные могут быть переданы за пределы Индии для обработки, если лицо прямо дало на это согласие и при соблюдении определенных дополнительных условий, но они должны при этом продолжать храниться в Индии [Ibid.]. Конфиденциальные персональные данные включают «такие персональные данные, которые могут раскрывать, быть связанными или составлять: финансовые данные; данные о здоровье; официальный идентификатор; данные о сексуальной ориентации; биометрические данные; генетические данные; данные о трансгендерном статусе; информацию о принадлежности к касте или племени; религиозные и политические убеждения или принадлежность; любые другие данные», «указанные правительством Индии по согласованию с DPA и регулятором в конкретном секторе» [Ibid.]. Критически важные персональные данные в общем случае не могут передаваться за пределы Индии, то есть обрабатываются только на территории страны. Однако в ограниченной степени предполагается разрешить передачу таких данных в другие страны или организации, хотя конкретный механизм в законопроекте не указан. Критически важные персональные данные определяются как «такие персональные данные, которые могут получить соответствующий статус по решению правительства Индии» [Ibid.].

Ключевым мотивом включения требований по локализации в предлагаемый нормативный акт, по-видимому, является защита экономических интересов страны путем обеспечения того, чтобы местные цифровые данные в основном использовались для развития отечественных цифровых компаний (так называемых «чемпионов данных») и тем самым ограничивался «колониализм данных» крупных технологических компаний [Hicks, 2019; Mint, 2019]. Помимо защиты экономических интересов ограничительный подход Индии к регулированию трансграничных потоков данных основан на различных преимуществах локализации данных для обеспечения эффективного регулирующего надзора и обеспечения соблюдения внутреннего законодательства. Например, индийские нормы требуют, чтобы все провайдеры платежных систем хранили данные, относящиеся к таким системам, в Индии (даже если такие данные обрабатываются за границей), и Резервный банк Индии мог «иметь беспрепятственный доступ в целях надзора к данным, хранящимся у этих провайдеров, а также у их поставщиков, посредников, сторонних поставщиков и других субъектов платежной экосистемы» [Reserve Bank of India, 2018]. Аналогично в контексте защиты персональных данных в отчете Комитета Шрикришны отмечается, что «эффективное применение» индийского закона PDP «потребуется локального хранения данных на территории Индии, и это будет означать, что такое требование, где это применимо, будет ограничивать допустимость трансграничных трансферов данных». При этом требование локализации данных, помимо юридических и регуляторных преимуществ, соответствует логике политики внутреннего экономического развития: если в Индии можно будет хранить больше данных, это приведет к улучшению внутренней цифровой инфраструктуры для новых цифровых технологий, таких как искусственный интеллект и интернет вещей [PRS Legislative Research, n.d.].

В целом авторы законопроекта PDP при его подготовке в значительной степени ориентировались на Регламент по защите персональных данных ЕС. Однако специфика подхода к развитию цифровой экономики на основе поддержки «национальных чемпионов» предопределила ряд отличий, которые позволяют характеризовать политику Индии как более протекционистскую. Ключевым отличием является планируемое введение Индией требований по локализации.

Подход, принятый в законопроекте PDP (требования локализации в зависимости от категории персональных данных), также предлагается использовать в отношении неперсональных данных. Проект Национальной политики в области электронной коммерции [Government of India, 2019] предусматривает меры по локализации данных. В отчете Комитета экспертов по неперсональным данным, учрежденного Министерством электроники и информационных технологий, рекомендовано ввести в Индии требования к локализации данных для некоторых категорий неперсональных данных по аналогии с предусмотренными в законопроекте PDP. Таким образом, конфиденциальные (чувствительные) неперсональные данные смогут передаваться за пределы страны, но должны будут храниться в Индии, а критически важные неперсональные данные смогут храниться и обрабатываться только локально [Committee of Experts on Non-Personal Data, 2020].

Ряд комментаторов полагает, что за последние годы правительство Индии перешло от минимального контроля за кибербезопасностью и безопасностью данных к чрезмерному контролю. В частности, высказывается озабоченность по поводу потенциально «чрезмерных» (в силу размытости некоторых понятий) полномочий, предоставленных правительству Индии в соответствии с законопроектом PDP. В основном критика связана с требованиями по локализации. Законопроект PDP, как и проект Национальной политики в области электронной коммерции, озаглавленный «Индий-

ские данные для развития Индии», явно определяет стремление страны к развитию цифрового сектора на основе использования данных в целях обеспечения роста национальных компаний. Руководство Индии, в отличие от развитых стран, исходит из того, что реализация такого подхода невозможна без мер по локализации данных. Соответственно, законопроект о защите персональных данных предполагает, что копии конфиденциальных (чувствительных) персональных данных будут храниться в Индии, а трансграничная передача критически важных персональных данных будет практически полностью запрещена.

Учитывая широкий охват определения конфиденциальных персональных данных, предлагаемый закон создает большее бремя соблюдения для компаний по сравнению с текущим правовым режимом (в соответствии с которым данные могут быть переданы в любую страну при условии, что передача необходима для выполнения существующего контракта, и пользователь дал согласие на такую передачу) [Ministry of Communications and Information Technology, 2011, rule 7]. Кроме того, существует мнение, что правительство Индии сможет рассматривать любые данные как относящиеся к критически важным персональным данным, поскольку этот термин четко не определен в законопроекте PDP [PDR Bill, 2019]. При этом трансграничная передача обычных персональных данных также будет возможна только в ограниченных обстоятельствах: в страны, для которых правительство прямо разрешает такие трансферы (подход адекватности); при условии одобрения внутригрупповых схем передачи данных; при наличии согласия субъекта данных; на основании особой необходимости, установленной регулирующим органом [Ibid.].

Таким образом, ряд важных вопросов, касающихся аспектов правоприменения и их влияния на регулирование потоков данных в Индии, пока остается неясным. В ближайшее время правительство Индии, скорее всего, примет версию законопроекта PDP, одобренную объединенным парламентским комитетом. После вступления закона в силу станет понятен масштаб распространения требований по локализации данных и других норм, которые четко не определены и будут применяться исходя из решений регулятора. Соответственно, появится определенность относительно перспективы сотрудничества Индии по вопросам регулирования данных с другими странами БРИКС.

Бразилия

В настоящее время главным законом Бразилии, регулирующим потоки данных, является закон о защите персональных данных (Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais, LGPD). Он был принят в 2018 г., в 2020 г. вступил в силу, а с 2021 г. его нарушение влечет за собой ответственность. Закон систематизирует и унифицирует законодательную базу Бразилии, состоящую из более чем 40 различных законодательных актов в сфере регулирования данных, заменяя некоторые положения действующих законов и дополняя другие. Закон предусматривает регулирование обработки персональных данных, в том числе цифровыми средствами, физическим или юридическим лицом публичного или частного права, с целью защиты основных прав на свободу и неприкосновенность частной жизни и свободного развития личности физического лица [LGPD, 2018].

Исходя из текста закона можно определить несколько типов данных, режим регулирования которых различается.

Персональные данные — это данные, которые позволяют прямо или косвенно идентифицировать физическое лицо. Трактовка достаточно широкая, без дополнительных пояснений. Персональные данные являются объектом регулирования LGPD.

Конфиденциальные данные — обработка этого типа данных возможна только после получения явного согласия субъекта данных и для определенной цели. LGPD определяет, что без выраженного согласия обработка таких данных возможна только тогда, когда информация необходима в ситуациях, связанных с юридическим обязательством; государственной политикой; сохранением жизни и физической неприкосновенности человека; защитой процедур, выполняемых профессионалами в области здравоохранения или санитарии; предотвращения мошенничества в отношении держателя.

Чувствительные данные — раскрывают расовое или этническое происхождение, религиозные или философские убеждения, политические взгляды, членство в профсоюзах, генетику, биометрические данные и состояние здоровья или сексуальную жизнь человека. Обработка чувствительных персональных данных осуществляется только в следующих ситуациях: а) при конкретном и четком согласии субъекта данных или его/ее законного представителя, для конкретных целей; б) без согласия субъекта данных, в ситуациях, когда это необходимо для: выполнения контролером юридического или нормативного обязательства; совместной обработки данных, когда это необходимо государственной администрации для выполнения государственной политики, предусмотренной в законах или нормативных актах; исследований, проводимых научно-исследовательской организацией, по возможности обеспечивая обезличивание чувствительных персональных данных; регулярное осуществление прав, в том числе в рамках контракта и в рамках судебной, административной и арбитражной процедуры; защита жизни или физической безопасности субъекта данных или третьей стороны; для защиты здоровья, исключительно в рамках процедуры, проводимой медицинскими работниками, службами здравоохранения или санитарными органами; обеспечение предотвращения мошенничества и безопасности субъекта данных, в процессах идентификации и проверки подлинности регистрации в электронных системах. Общедоступные данные — обработка этого типа данных должна учитывать цель, добросовестность и общественный интерес, которые оправдывают их доступность [Ministry of Citizenship, n.d.].

Согласно тексту, закон применяется к любой операции по обработке данных, осуществляемой физическим или юридическим лицом публичного или частного права, независимо от средств, страны, в которой находится его штаб-квартира, или страны, в которой находятся данные, при условии, что: операция по обработке осуществляется на территории Бразилии; деятельность по обработке направлена на предложение или предоставление товаров или услуг, или на обработку данных физических лиц, находящихся на национальной территории; или обрабатываемые персональные данные были собраны на национальной территории. То есть, как и в случае с другими похожими рассмотренными нормами, закон имеет экстерриториальный характер.

Полноценные определения понятий «контролер» и «лицо, обрабатывающее данные» не представлены в тексте закона. Разъяснением статусов и выпуском соответствующих инструкций будет заниматься Национальное агентство по защите персональных данных (ANPD), учреждаемое этим законом. Отсутствие закрепленных определений и пояснений создает правовую неопределенность на первых этапах действия закона, пока только недавно учрежденный ANPD (его создание откладывалось, в том числе из-за изначального вето президента, а потом пандемии) не выпустит необходимые инструкции.

Международная передача персональных данных допускается бразильским законом только в следующих случаях:

- в страны или международные организации, которые обеспечивают уровень защиты персональных данных, адекватный положениям закона;

- когда контролер предлагает и доказывает гарантии соблюдения принципов и прав субъекта данных и режима защиты данных, предусмотренных настоящим законом, в форме: специальных договорных положений для конкретной передачи; стандартных договорных положений; обязательных корпоративных правил; регулярно выпускаемых печатей, сертификатов и кодексов поведения;
- когда передача необходима для международно-правового сотрудничества между государственными разведывательными, следственными и прокурорскими органами, в соответствии с документами международного права;
- когда передача необходима для защиты жизни или физической безопасности субъекта данных или третьей стороны;
- когда национальный орган власти разрешает передачу;
- когда передача является результатом обязательства, принятого в рамках международного сотрудничества;
- когда передача необходима для выполнения государственной политики;
- когда субъект данных дал свое конкретное и выраженное согласие на передачу, предварительно проинформировав о международном характере операции.

Уровень защиты данных в иностранном государстве или международной организации оценивается национальным органом, который принимает во внимание общие и отраслевые нормы законодательства, действующие в принимающей стране или международной организации; характер данных; соблюдение общих принципов защиты персональных данных и прав субъектов данных, предусмотренных настоящим законом; принятие мер безопасности, предусмотренных нормативными актами; наличие судебных и институциональных гарантий соблюдения прав, касающихся защиты персональных данных; и другие конкретные обстоятельства, связанные с передачей.

Шесть из восьми механизмов для одобрения трансграничной передачи данных требуют решений со стороны ANPD. Надзорный орган находится на этапе формирования и становления. Пять директоров ANPD были назначены президентом Ж. Болсонару и вступили в должность 6 ноября 2020 г. ANPD также наняло 19 из 31 сотрудника, полагающихся ему по президентскому указу 10.474/2020. Остается неясным, сколько времени потребуется на оценку, создание и утверждение механизмов передачи данных, как это предусмотрено в законе. На данный момент компании могут пользоваться только двумя механизмами передачи данных: конкретным и четким согласием или необходимостью исполнения контракта.

В будущем от модели, которую выберет ANPD, будет зависеть большая часть режима трансграничного трансфера данных. В мире существует уже несколько моделей, которые можно изучить и выбрать оптимальную для Бразилии или же разработать собственную. ANPD может принять модель «ЕС плюс» для определения адекватности уровня защиты на определенных территориях, как это сделали Израиль и Колумбия, или выбрать модель Великобритании, делегировав полномочия по принятию таких решений тем, кто контролирует данные. ANPD может признать существующие в ЕС стандартные контрактные обязательства (SCCs) и обязательные корпоративные правила (BCRs) или просто потребовать договорных мер защиты для обеспечения сопоставимого уровня защиты, как это сделала Канада. ANPD также может стать инициатором введения в действие сертификатов или кодексов поведения – путем участия в Системе СВБР АТЭС (Правил трансграничной конфиденциальности) [АРЕС, n.d.] или работы с местными ассоциациями для признания кодексов поведения и расширения сферы их действия путем назначения сторонних сертификаторов [IAPP, 2020]. Установление правил трансграничного трансфера данных входит в приоритеты деятельности ANPD на ближайшие два года, первые решения ожидаются к концу этого года или в следу-

ющем году [NDPA, 2022]. На данный момент можно отметить только, что в процессе функционирования из международных партнеров ANPD сотрудничала с ЕС и Великобританией. В апреле 2021 г. агентство приняло участие в Диалоге Великобритании и Бразилии по цифровым и кибертехнологиям—2021 для обмена опытом и обсуждения международных потоков данных. Кроме того, члены ANPD приняли участие в Академии защиты данных, организованной Маастрихтским университетом в рамках сотрудничества, которое ANPD строит с Европейской комиссией [Neeser, 2021].

Бразильский закон о защите персональных данных в значительной степени был составлен по примеру GDPR ЕС. Принципиально оба правовых акта максимально похожи: фактически совпадают принципы, подразумевается экстерриториальность, субъектам гарантируются схожие права. Даже положения о трансграничной передаче данных в целом в Бразильском законе вдохновлены GDPR. Отличия законов незначительны. Важным фактором этого является процесс присоединения Бразилии к ОЭСР и стремление имплементировать в законодательство одобренные организацией правовые рамки. ЕС и ОЭСР находятся в тесном сотрудничестве, многие принципы и рекомендации ОЭСР находят отражение в правовой базе Евросоюза.

В нынешнем виде закон о защите персональных данных не предъявляет требований по локализации, и экспертами оценивается как ограничительный, но не запретительный. Например, ЮНКТАД в своем докладе поместил Бразилию в категорию стран с обусловленным трансфером данных, причем условия оценил как достаточно строгие, а сам подход как предписывающий [UNCTAD, 2021]. Однако различные политические силы, в основном левого крыла политико-идеологического спектра, пытаются либо внести поправки в сам LGPD для ужесточения его условий, либо представить новые более ограничительные законы.

В целом политическая система Бразилии конкурентна, разнообразна и относительно сбалансирована. Левые партии и их представители выступают за большие ограничения в регулировании потоков данных, поддерживают локализацию и «приземление» компаний. Особенно их беспокоит фактически доминирующее положение некоторых платформ и компаний, что создает условия для эксплуатации таких возможностей и нарушения конкуренции и прав граждан. Правые и центристские партии выступают против локализации, однако поддерживают необходимость определенных правил. Они заинтересованы в грамотной имплементации главного закона о защите персональных данных и прогрессивного развития Национального агентства, что позволит формировать гармоничную правовую базу для регулирования данных. От будущих президентских и парламентских выборов в значительной степени зависит, в какую сторону будет развиваться регулирование данных. При условии относительного равенства сторонников двух опций может наблюдаться застой, так как ни одна из сторон не сможет набрать необходимого большинства для обеспечения принятия своих инициатив. У президента больше возможностей для принятия указов, поэтому выборы осенью 2022 г. во многом могут определить направление развития регулирования данных в Бразилии. Приход к власти Лулы да Силвы, скорее всего, будет означать усиление идентичности Бразилии как развивающейся страны, представителя интересов стран глобального юга, активного участника сотрудничества Юг — Юг, усиление участия в БРИКС. Можно ожидать усиления ограничений на трансграничные потоки данных, принятия требований по приземлению и локализации, так как это соответствует продвигаемым левыми партиями взглядам. Важной частью политики станет регулирование деятельности цифровых платформ, особенно с доминирующим положением на рынке цифровых услуг, причем независимо от результатов выборов. Победа Ж. Болсонару, скорее всего, будет означать сохранение текущего подхода, со-

четающего отсутствие требований локализации с оговорками о необходимости ограничивать потоки данных в определенных случаях.

Однако в целом, с точки зрения перспективы сотрудничества по вопросам регулирования данных в БРИКС, позиция Бразилии позволяет рассчитывать на успешное взаимодействие. Видимых противоречий нет, страна признает право каждой юрисдикции устанавливать свои требования и правила и отмечает, что ситуации ограничения потоков данных неизбежно могут возникать. В списке требований к юрисдикциям для признания их режима защиты данных адекватным нет политических или ценностных компонентов. Эта сфера в Бразилии не секьюритизирована до такой степени, как в Китае или даже России, политика развивается скорее по инерции, но отдельные политические силы выступают за более жесткие требования, в том числе локализации. В случае победы на выборах Лулы да Силвы перспективы углубления сотрудничества укрепятся, так как он всегда был сторонником развития БРИКС.

ЮАР

Правовая основа политики регулирования оборота данных в ЮАР в данный момент проходит стадию интенсивного формирования. Потребность в адаптации национального законодательства обусловлена ростом количества пользователей Интернета в стране начиная с 2000 г., который значительно ускорился вследствие введенных во время пандемии коронавируса ограничений, и повышением востребованности средств электронной коммуникации и инструментов цифровой торговли.

Ключевым в правовой системе ЮАР является Закон о защите персональной информации (POPIA). Подписание POPIA состоялось в 2013 г. Учитывая фундаментальный характер предлагаемых изменений в деятельности государственных органов и частных компаний, вступление закона в силу заняло восемь лет. Положения закона вступали в силу стадийно, а часть из них была пересмотрена после принятия в 2020 г. Закона о кибербезопасности. Кроме того, положения, касающиеся предоставления отчетности частными компаниями, предусматривали переходный период длительностью один год, вследствие чего на практике POPIA начал применяться только с июля 2021 г.

Исходя из базовых принципов политики данных ЮАР, в перечень основных обязанностей операторов данных входят выполнение требований, касающихся обеспечения законности и открытости процесса работы с данными, а также их сохранности. POPIA требует от всех организаций, занимающихся обработкой персональных данных, назначить лицо, которое будет отвечать за соблюдение регламента работы с персональными данными и передать данную информацию национальному регулятору; по умолчанию эта задача возлагается на исполнительного директора компании. Согласно POPIA, операторы данных также обязуются предоставлять на рассмотрение национальному регулятору внутренний распорядок и регламент обеспечения безопасности обрабатываемых данных. В случае нарушения целостности и сохранности данных оператор обязан передать информацию об инциденте компетентным органам в течение 72 часов.

POPIA распространяется на операторов данных, которые являются официально зарегистрированными юридическими лицами на территории ЮАР. Экстерриториальность POPIA проявляется в случае, если оператор данных не зарегистрирован на территории ЮАР, но использует средства автоматической и/или неавтоматической обработки данных для работы с данными, собранными на территории ЮАР; исключение сделано для операторов, которые только передают данные через территорию ЮАР и чья деятельность не связана со сбором и обработкой данных на территории страны.

В отличие от рассмотренных выше законов других стран БРИКС, РОPIA не распространяется на деятельность компаний, которые относятся к иностранной юрисдикции, но предлагают товары или услуги потребителям на территории ЮАР.

Согласно тексту документа, передача личной информации субъекта данных третьей стороне за пределы ЮАР запрещается, кроме определенных, перечисленных ниже случаев.

- Принимающая данные сторона за пределами ЮАР обязуется соблюдать корпоративные правила или соглашения, предусматривающие достаточно высокий уровень защиты данных, отвечающие следующим требованиям: эффективно поддерживают принципы рациональной обработки информации, которые в значительной степени аналогичны условиям законной обработки личной информации, относящейся к субъекту данных, который является физическим лицом и, где применимо, юридическим лицом²; в значительной степени соответствуют содержанию закона в отношении дальнейшей передачи личной информации от получателя третьей стороне, находящейся за рубежом³.
- Субъект данных выразил согласие на передачу информации.
- Передача информации необходима для выполнения контрактных обязательств между субъектом данных и ответственной стороной или для реализации преддоговорных мер, принятых в ответ на запрос субъекта данных.
- Передача необходима для заключения или исполнения договора, заключенного в интересах субъекта данных между ответственной стороной и третьей стороной.
- Передача данных выполняется в интересах субъекта данных.
- Получение согласия субъекта данных на передачу информации не представляется практически целесообразным.
- Не существует очевидных оснований для предположения о том, что субъект данных мог бы отказаться от передачи данных.

Таким образом, закон ЮАР не устанавливает требований относительно локализации цифровых данных, однако трансфер имеет обусловленный характер. Вероятно, требование локализации может быть усилено в процессе реализации предложенного в 2021 г. проекта Национальной стратегии в области данных и облачных вычислений [Republic of South Africa, 2021].

В течение нескольких последних лет ЮАР существенно продвинулась в развитии национального регулирования данных. Стимулом к развитию национального законодательства послужили соображения реализации преимуществ, создаваемых развитием цифровых технологий, в частности технологий обработки данных. Вторым не менее важным аспектом является обеспечение кибербезопасности. Принятие Закона о кибербезопасности и вступление в силу всех положений РОPIA позволили решить ряд важных в контексте регулирования данных вопросов: были конкретизированы условия передачи пользовательских данных операторам, расположенным за пределами границ ЮАР; определены полномочия национального регулятора в отношении мониторинга действий местных операторов данных; определен состав преступлений, связанных с нарушением конфиденциальности пользовательских данных и т.д. Тем не менее по ряду вопросов сохраняется потребность в принятии решений на государственном уровне.

² Следует отметить, что иных комментариев относительно смыслового наполнения «принципов рациональной обработки данных» в тексте РОPIA не содержится. В отдельных экспертных комментариях встречается указание на то, что речь идет о восьми основных принципах обработки данных. См., например: <https://www.popiact-compliance.co.za/popia-information/17-conditions-for-lawful-processing-of-personal-information>

³ Сам текст закона не конкретизирует, что понимается под данными положениями.

Во-первых, не доработан вопрос о формализации требований к локализации данных, хотя подобное требование органично сочетается с требованиями Закона о защите персональных данных. Вероятно, отсутствие подобного требования обусловлено недостатком ресурсов, необходимых для обеспечения исполнения данного решения на местном уровне, которое может одновременно снизить привлекательность рынка ЮАР для иностранных компаний, работающих с данными, и создать дополнительные сложности для национальных компаний-операторов. Положение о необходимости локализации пользовательской информации включено в число приоритетных направлений работы в рамках проекта Национальной стратегии в области данных и облачных вычислений; вероятно, в ближайшее время соответствующие предложения будут представлены в виде законопроектов.

Во-вторых, по аналогии с описанным выше фактором, в случае с ЮАР настороженное отношение к международным соглашениям в области данных может быть обусловлено недостатком располагаемых компетенций и подготовленной рабочей силы, а также ресурсов для ее формирования, для выполнения обязательств, связанных с обеспечением сохранности пользовательских данных на международном уровне, как того требует, например, Конвенция Африканского союза по вопросам кибербезопасности и защиты персональных данных; рассмотренный выше кейс переговоров по вопросам электронной торговли в рамках ВТО говорит в пользу данного утверждения — позиция Индии и ЮАР апеллирует к ожидаемым негативным последствиям отмены протекционистских ограничений в электронной торговле для цифровых отраслей развивающихся стран, которые будут вынуждены конкурировать с более конкурентоспособными иностранными ИТ-гигантами, обладающими как технологической базой, так и соответствующими компетенциями; сохранение ограничений, соответственно, должно позволить развивающимся странам ликвидировать отставание, не подвергая риску формирующиеся отрасли.

В-третьих, наряду с проблемой нехватки ресурсов имеются отдельные недостатки институциональной среды. Полномочия по контролю за исполнением связанных законов распределены между различными органами — так, соблюдение отдельных положений РОPIA контролируется национальным Регулятором, иные — полицией, которая также выполняет функции оператора специального координационного центра, занимающегося мониторингом киберинцидентов и, в отдельных случаях, выполняет функции платформы для взаимодействия с органами власти иностранных государств по вопросам противодействия киберпреступности. В то же время сохраняется правовая лакуна, позволяющая иностранным акторам в исключительных случаях, которые не конкретизируются в тексте закона, а также в отношении которых еще недостаточно накопленного практического опыта, обходить координационный центр полицейского управления ЮАР и напрямую взаимодействовать с ответственными представителями судебной власти страны, что, по мнению специалистов, может рассматриваться как нарушение суверенитета государства.

Наконец, в-четвертых, к настоящему моменту накоплено недостаточно данных относительно эффективности принятых мер регулирования на практике. Закон о кибербезопасности вступил в силу в декабре 2021 г. — уже упомянутый полицейский координационный центр по киберинцидентам еще только готовится к запуску в течение 2022 г. РОPIA полноценно вступил в силу в 2021 г., следовательно, к настоящему моменту реальный опыт исполнения национальными операторами данных требований об обеспечении выполнения планов по защите пользовательских данных, согласуемых государственным регулятором, составляет менее одного года. Реальное воздействие представленных мер еще предстоит оценить в ближайшие годы.

Заключение. Возможности сотрудничества в рамках БРИКС

Анализ показывает, что рассмотренные страны БРИКС отличаются с точки зрения регуляторных подходов к данным, прежде всего в отношении ограничений на их трансграничные потоки. Если Китай и Индия используют или планируют применять ограничительный или сдерживающий подход, подразумевающий требования локализации данных, то Бразилия и ЮАР придерживаются предписывающего подхода, основной чертой которого является обусловленность трансграничного трансфера данных определенными требованиями.

Китай реализует экспансионистскую стратегию, отражающую логику внутренних моделей регулирования страны. Модель контроля данных государством (также характеризующаяся как модель обеспечения киберсуверенитета) направлена на поддержку выхода национальных цифровых и телекоммуникационных компаний на рынки развивающихся стран, в том числе в рамках проекта «Пояс и путь» [Erie, Streinz, 2021]. Подходы других рассмотренных стран в большей степени ориентированы на развитие за счет внутренних ресурсов. Индия развивает протекционистский подход к обороту данных в целях поддержки национальных компаний, в Бразилии продолжается политическая борьба между сторонниками свободных потоков данных и локализации, при этом и те и другие мотивируют свои взгляды защитой интересов страны, ЮАР заявляет о схожих с Индией задачах поддержки «национальных чемпионов» за счет регулирования данных в проекте Национальной стратегии в области данных и облачных вычислений [Industrial Development Think Tank, 2019].

Таким образом, несмотря на некоторые различия, существуют возможности для сближения подходов партнеров по БРИКС на основе общей идеи поддержки национального цифрового сектора. Дополнительную значимость сотрудничество в рамках БРИКС приобретает в связи с тем, что цифровые платформы США и других стран Запада стремятся к выстраиванию цифровых рынков в своих интересах, а правительства этих стран — к поддержке своих компаний и формированию соответствующего регулирования трансграничных потоков данных.

Основа жизнеспособного и инклюзивного многостороннего регулирования — договоренность по сближению регулирования данных при сохранении суверенитета над управлением данными, который в той или иной степени заявляется как цель всеми рассмотренными странами. Консенсус по защите данных в таком случае может касаться в первую очередь не регуляторной практики, а уровня защиты, не ограничивать режим защиты требованиями обусловленности или локализации, определяя лишь основные принципы сотрудничества и взаимодействия уполномоченных органов стран-участниц [Heseleva, Ramos, Ichilevici de Oliveira, 2020].

Следовательно, в рамках БРИКС сотрудничество могло бы в первую очередь затрагивать вопросы взаимного признания норм регулирования как соответствующих определенному универсальному для «пятерки» уровню защиты для обеспечения надлежащего трансграничного трансфера данных, с возможным дальнейшим расширением взаимодействия на другие аспекты управления данными.

Список источников

Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) (n.d.) What Is the Cross-Border Privacy Rules System. Режим доступа: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/fact-sheets/what-is-the-cross-border-privacy-rules-system> (дата обращения: 07.09.2022).

Budnitsky S., Jia L. (2018) Branding Internet Sovereignty: Digital Media and the Chinese-Russian Cyber-alliance // *European Journal of Cultural Studies*, vol. 21, iss. 5, pp. 594–613. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177%2F1367549417751151>.

Cadwalader (2011) New Laws in China Regarding “State Secrets” and Related Issues: Uncertainties, Obstacles, and the Need to Strengthen Internal Compliance Procedures. Clients & Friends Мемо. Режим доступа: http://www.cadwalader.com/uploads/cfmemos/unpublished_9fad844172d0f2825abf771d457de53f.pdf (accessed 7 September 2022).

Committee of Experts on a Data Protection Framework for India Under the Chairmanship of Justice B.N. Srikrishna (Committee of Experts on Data Protection) (2018) A Free and Fair Digital Economy: Protecting Privacy, Empowering Indians. Report of the Committee and Draft Bill. Режим доступа: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2019/Committee%20Report%20on%20Draft%20Personal%20Data%20Protection%20Bill,%202018_0.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

Committee of Experts on Non-Personal Data Governance Framework (Committee of Experts on Non-Personal Data) (2020) Report. 111972/2020/CL&ES. Режим доступа: <https://ourgovdotin.files.wordpress.com/2020/07/kris-gopalakrishnan-committee-report-on-non-personal-data-governance-framework.pdf> (дата обращения: 07.09.2022).

Creemers R. (2020) China’s Approach to Cyber Sovereignty. KAS Innovation No. 4, Konrad-Adenauer-Stiftung. Режим доступа: <https://www.kas.de/documents/252038/7995358/China%E2%80%99s+Approach+to+Cyber+Sovereignty.pdf/2c6916a6-164c-fb0c-4e29-f933f472ac3f?version=1.0&t=1606143361537> (дата обращения: 07.09.2022).

Creemers R., Triolo P., Webster G. (2018) Translation: Cybersecurity Law of the People’s Republic of China (Effective June 1, 2017) // *New America Blog Post*, 29 June. Режим доступа: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/> (дата обращения: 07.09.2022).

Data Security Law of the People’s Republic of China (Data Security Law) (2021) Order of the President of the People’s Republic of China No 84, Adopted at the 29th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People’s Congress, 10 June. Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202112/1a1bd8829788946ecab270e469b13c39c.shtml> (дата обращения: 07.09.2022).

Erie M.S., Streinz T. (2021) The Beijing Effect: China’s “Digital Silk Road” as Transnational Data Governance // *New York University Journal of International Law and Politics*. Vol. 54. No. 1. P. 1–92. Режим доступа: https://www.nyujilp.org/wp-content/uploads/2022/02/NYUJILP_Vol54.1_Erie_Streinz_1-91.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

General Personal Data Protection Act (LGPD) (2018) Lei No 13.709, 14 agosto [Law No 13.709, 14 August]. Presidência da República, Secretaria-Geral, Subchefia para Assuntos Jurídicos. Режим доступа: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/lei/113709.htm (accessed 7 September 2022) (дата обращения: 07.09.2022). (in Portuguese).

Government of India (2019) Draft National E-Commerce Policy: India’s Data for India’s Development. Ministry of Commerce & Industry. Режим доступа: https://dipp.gov.in/sites/default/files/DraftNational_e-commerce_Policy_23February2019.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

Heseleva K., Ramos V.J., Ichilevici de Oliveira A. (2020) Towards a Multilateral Consensus on Data Governance // *G20 Insights*, 29 May. Режим доступа: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/towards-a-multilateral-consensus-on-data-governance/ (дата обращения: 07.09.2022).

Hicks J. (2019) “Digital Colonialism:” Why Countries Like India Want to Take Control of Data From Big Tech // *The Print*, 29 September. Режим доступа: <https://theprint.in/tech/digital-colonialism-why-countries-like-india-want-to-take-control-of-data-from-big-tech/298217/> (дата обращения: 07.09.2022).

Hu C., Gong J., Yang J. (2022) China. Digital Health Laws and Regulations. International Comparative Legal Guides, Global Legal Group. Режим доступа: <https://iclg.com/practice-areas/digital-health-laws-and-regulations/china> (дата обращения: 07.09.2022).

Industrial Development Think Tank (2019) Towards a Digital Industrial Policy for South Africa: A Review of the Issues. University of Johannesburg. Режим доступа: <http://www.thedtic.gov.za/wp-content/uploads/DPIP.pdf> (дата обращения: 07.09.2022).

Interim Administrative Measures for the Business of Online Taxi Booking Services (Interim Administrative Measures) (2016) Order No 60 of the Ministry of Transport, the Ministry of Industry and Information Technology, the Ministry of Public Security, the Ministry of Commerce, the State Administration for Industry and Commerce, the General Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine, and the Cyberspace Administration of China. Режим доступа: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-003-2260?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-003-2260?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 07.09.2022).

International Association of Privacy Professionals (IAPP) (2020) Top-5 Operational Impacts of Brazil's LGPD: Part 3: International Transfers. 5 November. Режим доступа: <https://iapp.org/news/a/top-5-operational-impacts-of-brazils-lgpd-part-3-international-transfers/> (дата обращения: 07.09.2022).

Lee J. A. (2018) Hacking Into China's Cybersecurity Law // Wake Forest Law Review. Vol. 53. No. 1. The Chinese University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No 2018-08. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3174626> (дата обращения: 07.09.2022).

Liu J. (2019) China's Data Localization // Chinese Journal of Communication. Vol. 13. Iss. 1. P. 84–103. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1649289> (дата обращения: 07.09.2022).

Lu X. (2020) Is China Changing Its Thinking on Data Localization? // The Diplomat, 4 June. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/06/is-china-changing-its-thinking-on-data-localization/> (дата обращения: 07.09.2022).

Ministry of Citizenship (n.d.) Classificação dos Dados [Data Classification]. Режим доступа: <https://www.gov.br/cidadania/pt-br/aceso-a-informacao/lgpd/classificacao-dos-dados> (дата обращения: 07.09.2022). (in Portuguese)

Ministry of Communications and Information Technology (2011) Notification. New Delhi, 11 April // The Gazette of India: Extraordinary. Part II-sec 3(i). Режим доступа: https://meity.gov.in/writereaddata/files/GSR313E_10511%281%29_0.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

Mint (2019) India's Data Must Be Controlled by Indians: Mukesh Abani. 20 January. Режим доступа: <https://www.livemint.com/Companies/QMZDxbCufK3O2dJE4xcy1/Indias-data-must-be-controlled-by-Indians-not-by-global-co.html#:~:text=Gandhinagar%3A%20Richest%20Indian%20Mukesh%20Ambani,and%20control%20their%20own%20data> (дата обращения: 07.09.2022).

National Data Protection Authority (NDPA) (2022) Planejamento Estratégico ANPD 2021–2023 [ANPD Strategic Planning 2021–2023]. Режим доступа: <https://www.gov.br/anpd/pt-br/documentos-e-publicacoes/planejamento-estrategico-anpd-2021-2023> (дата обращения: 07.09.2022).

Neeser R. (2021) Is the Brazilian Data Protection Law (LGPD) Really Taking Off? JD Supra, 8 June. Режим доступа: <https://www.jdsupra.com/legalnews/is-the-brazilian-data-protection-law-1094165/> (дата обращения: 07.09.2022).

Norton Rose Fulbright (NRF) (2020) PBOC Issues New Specification on Personal Financial Information. Режим доступа: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/fcdc5f10/pboc-issues-new-specification-on-personal-financial-information> (дата обращения: 07.09.2022).

Order of the State Council No 631 (Order No 631) (2013) The Regulation on the Credit Reporting Industry, as Adopted at the 228th Session of the Executive Meeting of the State Council on December 26, 2012, Is Hereby Issued and Shall Come into Force on March 15, 2013 (translated from Chinese). Режим доступа: <http://www.pbccrc.org.cn/crc/jgyhfw/201309/1ca0f775b50744cabaf83538288d77a9/files/e8a8bf080ed64f48914a-652da1d8fdc3.pdf> (дата обращения: 07.09.2022).

Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Personal Information Protection Law) (2021) Adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress, 20 August. Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a172bb-753fe.shtml> (дата обращения: 07.09.2022). (in Chinese)

POPI Act Compliance (2020) Commencement dates for POPIA. Режим доступа: <https://www.popiact-compliance.co.za/popia-information/17-conditions-for-lawful-processing-of-personal-information> (дата обращения: 07.09.2022).

PRS Legislative Research (n.d.) Report Summary on A Free and Fair Digital Economy. Режим доступа: [https://prsindia.org/policy/report-summaries/free-and-fair-digital-economy#:~:text=Srikrishna\)%20submitted%20its%20report%20and,draft%20a%20data%20protection%20Bill](https://prsindia.org/policy/report-summaries/free-and-fair-digital-economy#:~:text=Srikrishna)%20submitted%20its%20report%20and,draft%20a%20data%20protection%20Bill) (дата обращения: 07.09.2022).

Republic of South Africa (2021) Draft National Policy on Data and Cloud. Department of Communications and Digital Technologies. Staatskoerant, 1 April. Режим доступа: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202104/44389gon206.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

Reserve Bank of India (2018). RBI Guidelines on Storage of Payment System Data. Режим доступа: <https://www.nbti.in/rbi-guidelines-on-storage-of-payment-system-data> (дата обращения: 07.09.2022).

Si J., Cai R. (2021) Regulation on Digital Maps in China. Zhong Lun, 29 September. Режим доступа: <http://www.zhonglun.com/Content/2021/09-29/0938259959.html#:~:text=According%20to%20the%20Map%20Administration,number%E5%AE%A1%E5%9B%BE%E5%8F%B7%E5%89> (дата обращения: 07.09.2022).

The Personal Data Protection Bill (PDR Bill) (2019) Bill No 373 of 2019. Режим доступа: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2019/Personal%20Data%20Protection%20Bill,%202019.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2021) Cross-Border Data Flows and Development: For Whom the Data Flow. Digital Economy Report 2021. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

Yang J. (2020) Bike Sharing in China: From Bicycle Graveyards to a Regulated Industry // Georgetown Environmental Law Review, 29 April. Режим доступа: <https://www.law.georgetown.edu/environmental-law-review/blog/bike-sharing-in-china-from-bicycle-graveyards-to-a-regulated-industry/> (дата обращения: 07.09.2022).

Approaches of BRICS Countries to Data Regulation¹

A. Shelepov

Andrey Shelepov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russia; shelepov-av@ranepa.ru

Abstract

Data are not a new economic resource, but their level is now growing at an unprecedented rate as a result of digital devices and services proliferation. Analysis of emerging national data regulatory systems shows significant differences in country approaches, especially in relation to cross-border data flows, depending on economic specifics and national interests. Differences in approaches between major actors pose challenges for other countries, increase the fragmentation of the global regulatory environment, create uncertainty, and multiply compliance costs for businesses. These factors determine the importance of international cooperation on data governance.

The author reviews the approaches of four BRICS countries – China, India, Brazil and South Africa – to data governance, primarily regulations of cross-border flows, as well as data localization requirements.

Based on the results of the review, general trends of the reviewed countries' approaches to data governance have been identified, leading to the conclusion that BRICS cooperation can be strengthened, primarily in the area of mutual recognition of the existing and discussed data protection measures adequacy to ensure mutually beneficial cross-border data movement.

Keywords: digital economy, data governance, cross-border data flows, BRICS

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

For citation: Shelepov A. (2022) Approaches of BRICS Countries to Data Regulation. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 3, pp. 212–234 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-03-09

References

Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) (n.d.) What Is the Cross-Border Privacy Rules System. Available at: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/fact-sheets/what-is-the-cross-border-privacy-rules-system> (accessed 7 September 2022).

Budnitsky S., Jia L. (2018) Branding Internet Sovereignty: Digital Media and the Chinese-Russian Cyberalliance. *European Journal of Cultural Studies*, vol. 21, iss. 5, pp. 594–613. Available at: <https://doi.org/10.1177%2F1367549417751151>.

Cadwalader (2011) New Laws in China Regarding “State Secrets” and Related Issues: Uncertainties, Obstacles, and the Need to Strengthen Internal Compliance Procedures. Clients & Friends Memo. Available at: http://www.cadwalader.com/uploads/cfmemos/unpublished_9fad844172d0f2825abf771d457de53f.pdf (accessed 7 September 2022).

Committee of Experts on a Data Protection Framework for India Under the Chairmanship of Justice B.N. Srikrishna (Committee of Experts on Data Protection) (2018) A Free and Fair Digital Economy: Protecting Privacy, Empowering Indians. Report of the Committee and Draft Bill. Available at: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2019/Committee%20Report%20on%20Draft%20Personal%20Data%20Protection%20Bill,%202018_0.pdf (accessed 7 September 2022).

¹ This article was submitted 09.08.2022.

Committee of Experts on Non-Personal Data Governance Framework (Committee of Experts on Non-Personal Data) (2020) Report. 111972/2020/CL&ES. Available at: <https://ourgovdotin.files.wordpress.com/2020/07/kris-gopalakrishnan-committee-report-on-non-personal-data-governance-framework.pdf> (accessed 7 September 2022).

Creemers R. (2020) China's Approach to Cyber Sovereignty. KAS Innovation No 4, Konrad-Adenauer-Stiftung. Available at: <https://www.kas.de/documents/252038/7995358/China%E2%80%99s+Approach+to+Cyber+Sovereignty.pdf/2c6916a6-164c-fb0c-4e29-f933f472ac3f?version=1.0&t=1606143361537> (accessed 7 September 2022).

Creemers R., Triolo P., Webster G. (2018) Translation: Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017). *New America Blog Post*, 29 June. Available at: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/> (accessed 7 September 2022).

Data Security Law of the People's Republic of China (Data Security Law) (2021) Order of the President of the People's Republic of China No 84, Adopted at the 29th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress, 10 June. Available at: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202112/1abd8829788946ecab270e469b13c39c.shtml> (accessed 7 September 2022).

Erie M.S., Streinz T. (2021) The Beijing Effect: China's "Digital Silk Road" as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics*, vol. 54, no 1, pp. 1–92. Available at: https://www.nyujilp.org/wp-content/uploads/2022/02/NYUJILP_Vol54.1_Erie_Streinz_1-91.pdf (accessed 7 September 2022).

General Personal Data Protection Act (LGPD) (2018) Lei No 13.709, 14 agosto [Law No 13.709, 14 August]. Presidência da República, Secretaria-Geral, Subchefia para Assuntos Jurídicos. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/lei/113709.htm (accessed 7 September 2022). (in Portuguese)

Government of India (2019) Draft National E-Commerce Policy: India's Data for India's Development. Ministry of Commerce & Industry. Available at: https://dipp.gov.in/sites/default/files/DraftNational_e-commerce_Policy_23February2019.pdf (accessed 7 September 2022).

Heseleva K., Ramos V. J., Ichilevici de Oliveira A. (2020) Towards a Multilateral Consensus on Data Governance. *G20 Insights*, 29 May. Available at: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/towards-a-multilateral-consensus-on-data-governance/ (accessed 7 September 2022).

Hicks J. (2019) "Digital Colonialism:" Why Countries Like India Want to Take Control of Data From Big Tech. *The Print*, 29 September. Available at: <https://theprint.in/tech/digital-colonialism-why-countries-like-india-want-to-take-control-of-data-from-big-tech/298217/> (accessed 7 September 2022).

Hu C., Gong J., Yang J. (2022) China. Digital Health Laws and Regulations. International Comparative Legal Guides, Global Legal Group. Available at: <https://iclg.com/practice-areas/digital-health-laws-and-regulations/china> (accessed 7 September 2022).

Industrial Development Think Tank (2019) Towards a Digital Industrial Policy for South Africa: A Review of the Issues. University of Johannesburg. Available at: <http://www.thedtic.gov.za/wp-content/uploads/DPIP.pdf> (accessed 7 September 2022).

Interim Administrative Measures for the Business of Online Taxi Booking Services (Interim Administrative Measures) (2016) Order No 60 of the Ministry of Transport, the Ministry of Industry and Information Technology, the Ministry of Public Security, the Ministry of Commerce, the State Administration for Industry and Commerce, the General Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine, and the Cyberspace Administration of China. Available at: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-003-2260?transitioType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-003-2260?transitioType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (accessed 7 September 2022).

International Association of Privacy Professionals (IAPP) (2020) Top-5 Operational Impacts of Brazil's LGPD: Part 3: International Transfers. 5 November. Available at: <https://iapp.org/news/a/top-5-operational-impacts-of-brazils-lgpd-part-3-international-transfers/> (accessed 7 September 2022).

Lee J.A. (2018) Hacking Into China's Cybersecurity Law. *Wake Forest Law Review*, vol. 53, no 1. The Chinese University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No 2018-08. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3174626> (accessed 7 September 2022).

Liu J. (2019) China's Data Localization. *Chinese Journal of Communication*, vol 13, iss. 1, pp. 84–103. Available at: <https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1649289>.

Lu X. (2020) Is China Changing Its Thinking on Data Localization? *The Diplomat*, 4 June. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/is-china-changing-its-thinking-on-data-localization/> (accessed 7 September 2022).

Ministry of Citizenship (n.d.) Classificação dos Dados [Data Classification]. Available at: <https://www.gov.br/cidadania/pt-br/aceso-a-informacao/lgpdc/classificacao-dos-dados> (accessed 7 September 2022). (in Portuguese)

Ministry of Communications and Information Technology (2011) Notification. New Delhi, 11 April. *The Gazette of India: Extraordinary*, part II-sec 3(i). Available at: https://meity.gov.in/writereaddata/files/GSR313E_10511%281%29_0.pdf (accessed 7 September 2022).

Mint (2019) India's Data Must Be Controlled by Indians: Mukesh Abani. 20 January. Available at: <https://www.livemint.com/Companies/QMZDxbCufK3O2dJE4xccyI/Indias-data-must-be-controlled-by-Indians-not-by-global-co.html#:~:text=Gandhinagar%3A%20Richest%20Indian%20Mukesh%20Ambani,and%20control%20their%20own%20data> (accessed 7 September 2022).

National Data Protection Authority (NDPA) (2022) Planejamento Estratégico ANPD 2021–2023 [ANPD Strategic Planning 2021–2023]. Available at: <https://www.gov.br/anpd/pt-br/documentos-e-publicacoes/planejamento-estrategico-anpd-2021-2023> (accessed 7 September 2022).

Neeser R. (2021) Is the Brazilian Data Protection Law (LGPD) Really Taking Off? *JD Supra*, 8 June. Available at: <https://www.jdsupra.com/legalnews/is-the-brazilian-data-protection-law-1094165/> (accessed 7 September 2022).

Norton Rose Fulbright (NRF) (2020) PBOC Issues New Specification on Personal Financial Information. Available at: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/fcdc5f10/pboc-issues-new-specification-on-personal-financial-information> (accessed 7 September 2022).

Order of the State Council No 631 (Order No 631) (2013) The Regulation on the Credit Reporting Industry, as Adopted at the 228th Session of the Executive Meeting of the State Council on December 26, 2012, Is Hereby Issued and Shall Come into Force on March 15, 2013 (translated from Chinese). Available at: <http://www.pbccrc.org.cn/crc/jgyhfw/201309/1ca0f775b50744cabaf83538288d77a9/files/e8a8bf080ed64f48914a652da1d-8fdc3.pdf> (accessed 7 September 2022).

Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Personal Information Protection Law) (2021) Adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress, 20 August Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a172bb-753fe.shtml> (accessed 7 September 2022). (in Chinese)

POPI Act Compliance (2020) Commencement dates for POPIA. Available at: <https://www.popiact-compliance.co.za/popia-information/17-conditions-for-lawful-processing-of-personal-information> (accessed 7 September 2022).

PRS Legislative Research (n.d.) Report Summary on A Free and Fair Digital Economy. Available at: [https://prsindia.org/policy/report-summaries/free-and-fair-digital-economy#:~:text=Srikrishna\)%20submitted%20its%20report%20and,draft%20a%20data%20protection%20Bill](https://prsindia.org/policy/report-summaries/free-and-fair-digital-economy#:~:text=Srikrishna)%20submitted%20its%20report%20and,draft%20a%20data%20protection%20Bill) (accessed 7 September 2022).

Republic of South Africa (2021) Draft National Policy on Data and Cloud. Department of Communications and Digital Technologies. Staatskoerant, 1 April. Available at: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202104/44389gon206.pdf (accessed 7 September 2022).

Reserve Bank of India (2018). RBI Guidelines on Storage of Payment System Data. Available at: <https://www.nbt.in/rbi-guidelines-on-storage-of-payment-system-data/> (accessed 7 September 2022).

Si J., Cai R. (2021) Regulation on Digital Maps in China. *Zhong Lun*, 29 September. Available at: <http://www.zhonglun.com/Content/2021/09-29/0938259959.html#:~:text=According%20to%20the%20Map%20Administration,number%EF%BC%88%E5%AE%A1%E5%9B%BE%E5%8F%B7%E5%BC%89> (accessed 7 September 2022).

The Personal Data Protection Bill (PDR Bill) (2019) Bill No 373 of 2019. Available at: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2019/Personal%20Data%20Protection%20Bill,%202019.pdf (accessed 7 September 2022).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2021) Cross-Border Data Flows and Development: For Whom the Data Flow. Digital Economy Report 2021. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (accessed 7 September 2022).

Yang J. (2020) Bike Sharing in China: From Bicycle Graveyards to a Regulated Industry. *Georgetown Environmental Law Review*, 29 April. Available at: <https://www.law.georgetown.edu/environmental-law-review/blog/bike-sharing-in-china-from-bicycle-graveyards-to-a-regulated-industry/> (accessed 7 September 2022).

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Формат 60×88 1/8.
Уч.-изд. 20,3. Тираж 170 экз. Заказ .

Адрес редакции
Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 495 772-95-90 *23147 и *23150
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»,
Россия, 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42